

#1 WALL STREET JOURNAL AND
#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHORS

PRESTON & CHILD

GIDEON'S

CORPSE

"Fast-paced and action-packed, *Gideon's Sword*
is a clever, high-velocity read." —KATHY REICHS

Выдающийся ученый-ядерщик сходит с ума и берет в заложники невинную семью, в результате чего гибнет сам и провоцирует массовую эвакуацию населения.

След радиации, обнаруженный в Нью-Йорке, приводит к складу, где все выглядит так, как будто всего несколько часов назад здесь была собрана мощная ядерная бомба.

Проанализировав доказательства, власти приходят к выводу, что вот-вот произойдет немыслимое: через десять дней крупный американский город подвергнется террористической атаке.

Десять дней. Гидеон Кру, проследивший за таинственной террористической группировкой от пригорода Нью-Йорка до гор Нью-Мексико, узнает, что исход может быть хуже — гораздо хуже — чем ядерный удар.

ГРУП ГИДЕОНА

Посвящается Барбаре Пэтерс.

Благодарности.

Авторы благодарят Патрика Алокко, Дугласа Чайлда, Дугласа Уэбба и Джона Коша за их неоценимую помощь в прорисовке некоторых деталей этой книги.

Гидеон Кру стоял у окна конференц-зала и смотрел на исторический район Митпэкинг на Манхэттене. Его взгляд скользнул по смоленным крышам старых зданий, которые теперь стали модными бутиками и стильными ресторанами, прошелся по новому парку Хай-Лайн с прогуливающими по нему людьми, по гниющим причалам и, наконец, остановился на широкой глади реки Гудзон. В свете подернутого дымкой солнца начала лета река выглядела совсем не так, как обычно, и больше напоминала бескрайний синий водный поток, который из-за приливной волны двигался против течения.

Гудзон напомнил ему о других реках, которые он посещал, а также о ручьях и притоках, и его мысли задерживались на одном особенном водоеме, который затерялся высоко в горах Хемеса. Он подумал о его омутах, заводях и о большой форели-головорезе, которую он, несомненно, скрывал в своих коварных глубинах.

Гидеон не мог дождаться, когда сможет убраться отсюда, из Нью-Йорка, подальше от этого худосочного гнома по имени Глинн и его таинственной компании «Эффективные Инженерные Решения».

— Если мы закончили, то я собираюсь на рыбалку, — заметил он.

Глинн немного поворочался в своем инвалидном кресле и вздохнул. Гидеон обернулся. Из-под одеяла, укрывающего колени мужчины, высунулась скрюченная рука, сжимающая коричневый бумажный конверт.

— Это ваш гонорар.

Гидеон колебался.

— Вы заплатите мне? После того, что я натворил?

— Исходя из рассказанного вами, наша структура оплаты меняется, — Глинн открыл конверт, отсчитал несколько перехваченных лентой пачек сотенных купюр и положил их на стол конференц-зала. — Вот половина от ста тысяч долларов.

Гидеон схватил их, чтобы Глинн не успел передумать.

Затем, к его удивлению, Глинн протянул ему и вторую половину.

— А вот и все остальное. Правда, не в качестве платы за оказанные услуги, а, скорее, в качестве аванса.

Гидеон рассовал деньги по карманам пиджака.

— Не понимаю. Аванса *за что*?

— Я подумал, что перед тем, как вы покинете город, — кивнул Глинн, — возможно, вам захочется навестить одного вашего старого приятеля.

— Спасибо, но у меня уже назначено свидание с форелью-головорезом на реке Чихуахуэнос.

— Хм, а я так надеялся, что вы найдете время увидеться с вашим другом.

— У меня нет друзей, — сухо заметил Гидеон. — А если бы и были, то мне вряд ли бы захотелось к ним заглядывать прямо сейчас. Как вы верно заметили, я доживаю свои последние дни.

— Его имя Рид Чолкер. Кажется, вы с ним вместе работали?

— Мы работали в одной технической зоне — но это не то же самое, что работать вместе. Я не видел этого парня в Лос-Аламосе уже несколько месяцев.

— Ну, вот теперь и увидите. Власти надеются, что вы с ним немного побеседуете.

— Власти? Побеседую? Что, черт возьми, это значит?

— На данный момент известно, что Рид Чолкер захватил заложников. Если быть точным, то четверых. Целую семью в Квинсе. И держит их под прицелом.

Гидеон нервно рассмеялся.

— Чолкер? Да не может быть! Парень, которого я знал по Лос-Аламосу, был типичным тамошним трудоголиком — простой и прямой, как стрела — такой и мухи не обидит.

— А сейчас этот ваш парень буквально слетел с катушек. Настоящий параноик! Он сошел с ума. Вы здесь единственный человек, с которым он знаком. Полиция надеется, что вы сможете его успокоить и уговорите отпустить заложников.

Гидеон угрюмо молчал.

— Так что мне жаль говорить это, доктор Кру, но, похоже, что ваша форель-головорез будет наслаждаться жизнью чуть дольше, чем вы для нее запланировали. И сейчас вам действительно нужно спешить. Захваченная семья не может ждать.

Гидеон почувствовал, как внутри него закипает возмущение.

— Найдите кого-нибудь другого.

— На это нет времени. Он удерживает родителей с двумя детьми. Кажется, отец сдавал Чолкеру жилье — комнату в подвале своего частного дома. Честно говоря, нам очень повезло, что вы оказались поблизости.

— Мы с Чолкером не были хорошими друзьями. Он пытался навязаться мне в друзья после того, как его бросила жена, но быстро понял, что это бесполезно. Затем, к моему большому облегчению, он обрел новую религию и уехал.

— Гарза доставит вас на место происшествия. Там вы будете контактировать со специальным агентом Стоуном Фордисом, ФБР.

— Контакттировать? Почему ФБР в этом участвует?

— Это стандартная процедура, когда кто-то с таким высоким уровнем доступа к секретной информации, как Чолкер, попадает в беду, на случай, если он... гм... захочет выпасть из обоймы, — Глинн неотрывно смотрел на Гидеона своим единственным здоровым глазом. — Доктор Кру, эта работа не похожа на предыдущую. Это не секретная операция — всего лишь простое прямое назначение. Если все пройдет хорошо, вы окажетесь в Нью-Мексико через день или два.

На это Гидеон ничего не ответил. У него осталось одиннадцать месяцев жизни — по крайней мере, так ему сказали. Но, опять же, чем больше он думал об этом, тем больше приходил к выводу, что при первой же возможности ему необходимо найти и выслушать еще одно независимое мнение на этот счет. Глинн слыл мастером манипуляций, и Гидеон не доверял ни ему, ни его людям.

— Если он действительно настолько слетел с катушек, как вы это утверждаете, он может направить свое оружие и на меня.

— Двое детей. Восьми и десяти лет. Мальчик и девочка. И их родители.

Гидеон отвернулся от Глинна и обреченно выдохнул.

— Господи Боже! Я выделю вам еще один день своей жизни — один единственный день. И после этого я все равно буду еще долго на вас злиться.

Глинн одарил его холодной улыбкой.

Развернувшаяся вокруг сцена походила на контролируемый хаос. Действо развернулось на ничем не примечательной улице рабочего района Квинс с ироническим названием Саннисайд^[1]. Дом стоял посреди длинного ряда других кирпичных домов, обращенных фасадами к такому же ряду идентичных строений, разделенных проезжей частью, покрытой надтреснутым асфальтом. Поблизости не было ни одного дерева, а газоны давно заросли сорняками и потемнели от продолжительной засухи. Воздух гудел от ревушего потока машин на прилегающем Бульваре Квинс, и запах выхлопных газов висел в воздухе плотной пеленой.

Патрульный показал, где припарковаться, и вскоре Гидеон и Гарза вышли из машины. Полиция установила дорожные заграждения и баррикады по обеим сторонам улицы, место происшествия было заполнено патрульными автомобилями, проблесковые огни которых неустанно вспыхивали то тут, то там. Гарза показал удостоверение и поднырнул под ограждение, сдерживающее бурлящую толпу зевак: многие из них пили пиво, на нескольких были надеты забавные шляпы и вели они себя так, как будто попали на какую-то костюмированную вечеринку.

«В этом весь Нью-Йорк», — подумал Гидеон, качая головой.

Перед домом, в котором находился Чолкер с заложниками, полиция расчистила большую площадку. Наготове стояли две команды спецназа: одна размещалась на переднем фланге за бронетранспортером, другая — за бетонными заграждениями. На нескольких крышах Гидеон заметил выглядывающих снайперов. Где-то недалеко он слышал искаженный мегафоном голос — видимо, полицейский переговорщик пытался вразумить Чолкера.

Когда Гарза направился к передовой, Гидеона внезапно охватило ощущение deja-vю, желудок сжался в болезненном спазме. В подобной ситуации был убит его отец... если говорить прямо, то *в точно такой же*: с мегафонами, командами спецназа, снайперами и ограждениями. Его хладнокровно застрелили, когда он сдался и поднял руки над головой...

Усилием воли Гидеон выбросил из головы эти воспоминания.

Они прошли через следующий ряд заграждений и оказались у командного пункта ФБР. Один из агентов отделился от группы и подошел к ним.

— Специальный агент Стоун Фордис, — представил его Гарза. — Помощник командира спецгруппы ФБР на месте происшествия. Вы будете работать непосредственно с ним.

Гидеон взглянул на мужчину с инстинктивной враждебностью. Парень как будто сошел прямо с экрана телевизионного сериала: высокий, красивый, высокомерный, уверенный в себе и до смешного похожий на типичного агента. К тому же на его шее висело удостоверение, и он был одет в синий костюм, накрахмаленную белую рубашку и строго завязанный галстук. Его прищуренные голубые глаза смотрели на Гидеона так, словно видели перед собой представителя какой-то слаборазвитой формы жизни.

— Значит, вы и есть тот самый «друг»? — спросил Фордис, и его изучающий взгляд скользнул по Гидеону, явно отметив про себя его черные джинсы, черные кеды без шнурков, рубашку от смокинга и тонкий шарф.

— Я не его «подружка», если вы *это* имеете в виду, — едко ответил Гидеон.

— Вот в чем суть дела, — продолжил агент, после небольшой паузы. — Этот ваш друг, Чолкер — параноик и полный псих. С ним случился классический психотический срыв. Он несет какую-то чушь о теориях заговоров: якобы правительство похитило его, проводило над ним радиационные эксперименты и подвергло облучению его мозг — обычный бред. Чолкер думает, что его домовладельцы тоже состоят в заговоре против него, поэтому он и захватил их в заложники вместе с двумя их детьми.

— Каковы его требования? — спросил Гидеон.

— Бессвязный бред. Он вооружен чем-то похожим на Кольт .45 калибра. Он уже выстрелил пару раз для демонстрации. Хотя мы не уверены, что он знает, как им пользоваться. У вас есть какие-нибудь сведения о его предыдущем опыте владения оружием?

— Так сразу не могу вспомнить, — сказал Гидеон.

— Расскажите мне о нем.

— Социально неполноценный. У него было совсем немного друзей, и он первоклассно выносил им мозг рассказами о своей неблагополучной жене, которая попила у него достаточно крови. Он был недоволен своей работой, говорил о желании стать писателем. В конце концов, он обрел новую веру.

— Он хорошо справлялся со своей работой? Умный?

— Компетентный, но не блестящий. Что касается мозгов, то он более сообразительный, чем, скажем, среднестатистический агент ФБР.

Повисло молчание. Фордис переварил услышанное, но никакой реакции от него не последовало.

— В обзоре говорилось, что этот парень разрабатывал ядерное оружие в Лос-Аламосе. Это правда?

— Более-менее.

— Как вы думаете, есть вероятность того, что у него при себе есть взрывчатка?

— Хотя он и работал с ядерным оружием, но мог испугаться даже фейерверка. Что касается взрывчатки — я искренне сомневаюсь в этом.

Фордис неотрывно наблюдал за Гидеоном, продолжая расспрос:

— Он думает, что все здесь присутствующие — правительственные агенты.

— Вероятно, он прав.

— Мы надеемся, что он сможет довериться кому-то из своего прошлого. Например, *вам*.

Из-за своей спины Гидеон услышал длинный поток слов, сказанных в мегафон, затем прозвучал искаженный крик — слишком далекий, чтобы можно было что-то разобрать. Он повернулся на звук.

— Это *он*? — спросил он с недоверием.

— К сожалению, да.

— Зачем мегафон?

— Он отказывается разговаривать по сотовому или по стационарному телефону, сказал, что через них мы еще больше подвергнем радиации его голову. Так что остался только мегафон. Он выкрикивает свои ответы через дверь.

Гидеон снова повернулся в направлении звука.

— Я готов помочь, как только скажете.

— Позвольте мне преподать вам краткий курс проведения переговоров в ситуациях с

заложниками, — сказал Фордис. — Главная идея заключается в том, чтобы создать ощущение нормальности, снизить напряжение, отвлечь, затянуть переговоры. Привлеките его внимание к заложникам, стимулируйте его человечность. Это понятно? Для нас цель номер один — заставить его освободить детей. Попробуйте выведать, что он хочет получить, и мы попытаемся обменять на это детей. Следите за мыслью?

Со стороны казалось, что агент сомневается в Гидеоне и его способностях так быстро усваивать эти основные положения.

Гидеон кивнул, сохраняя нейтральное выражение лица.

— Вы не имеете права соглашаться на его требования. Вы не можете давать ему какие-либо обещания. Понятно? Все должно согласовываться с командиром. Если он что-то попросит, будьте благожелательны, но скажите, что вы должны переговорить с начальством. Это важная часть процесса, так как замедлит ситуацию в целом. И если он что-то хочет, а в ответ получит «нет», то в его глазах за этот отказ будете виноваты не вы. Суть в том, чтобы вымотать его, сбить запал, заставить сомневаться.

Гидеон с удивлением обнаружил, что в общей сложности согласен с наставлениями.

Подошел полицейский с пуленепробиваемым жилетом.

— Вам необходимо надеть его, — заметил Фордис. — При любом исходе, мы попытаемся свести риски к минимуму. К тому же мы поместим вас за экран из пуленепробиваемого оргстекла.

Ему помогли снять рубашку и надеть жилет, затем подогнали его по размеру, подтянув ремни, и закрепили на нем невидимый наушник и беспроводной микрофон. Одеваясь, он слышал за спиной, как мегафонная речь переговорщика полиции чередуется с истерическими, бессвязными ответами Чолкера.

Фордис сверился со своими часами.

— Последние сводки? — спросил он у полицейского.

— Парню все хуже. Командир думает, что в ближайшее время нам придется перейти к завершающей фазе.

— Черт, — Фордис покачал головой и повернулся к Гидеону. — Еще одно: вы будете работать по сценарию.

— Сценарию?

— Наши психологи уже разработали его. Мы будем передавать каждый вопрос вам в наушник. После чего вы озвучите его, а затем подождете, пока он ответит, чтобы в свою очередь получить ответ от нас.

— Значит, в целом я вам не нужен. Только в качестве фасада.

— Вы все правильно поняли. Вы всего лишь фасад прикрытия.

— Тогда к чему была лекция о ситуации с заложниками?

— Для того чтобы, вы понимали, что происходит и почему. И если разговор станет слишком личным, вам, вероятно, придется немного поработать с ним напрямую. Не говорите слишком много и не давайте обещаний. Войдите к нему в доверие, напомните ему о вашей дружбе, заверьте его, что все будет хорошо, что все его требования будут рассмотрены с максимальной тщательностью. Успокойте. И ради Бога, не оспаривайте его заблуждения.

— Звучит разумно.

Фордис окинул его долгим оценивающим взглядом, после чего исходящая от него враждебность несколько смягчилась.

— Мы проделывали подобное бесчисленное число раз, — последовала небольшая заминка. — Вы готовы?

Гидеон кивнул.

— Да, давайте начнем.

Фордис провел Гидеона через последний ряд ограждений к передней линии бетонных барьеров, бронированных машин и щитов из плексигласа. Броня под рубашкой ощущалась громоздкой и чуждой.

Со своей нынешней позиции Гидеон теперь мог ясно разобрать мегафонную речь.

— *Рид, — говорил спокойный и доброжелательный электронный голос, — твой старый друг здесь и хочет побеседовать с тобой. Его зовут Гидеон. Ты же не откажешься с ним поговорить?*

— *Бред сивой кобылы!* — прозвучал ответ, произнесенный почти бессвязным криком. — *Я не хочу ни с кем разговаривать!*

Бестелесный голос исходил от слегка приоткрытой входной двери. Все шторы были задернуты, за ними не представлялось возможным никого разглядеть: ни заложников, ни Чолкера. В наушнике Гидеона раздался хриплый голос.

— Доктор Кру, вы меня слышите?

— Слышу.

— Я — Джед Хаммерсмит, и я нахожусь в одном из фургонов. Извините, что мы не можем встретиться с вами лично. Я буду давать вам указания. Слушайте меня внимательно. Правило первое: вы не должны отвечать мне, когда я говорю с вами через наушник. Когда вы окажетесь в его поле зрения, то ни в коем случае не должны показывать, что общаетесь с кем-то еще. Вы будете говорить *только* с ним. Понимаете?

— Да.

— *Вы лжете! Все вы! Заканчивайте этот цирк!*

Гидеон ощутил озноб. Казалось, что это был не тот Чолкер, которого он знал. И все же это был его голос, только искаженный страхом и безумием.

— Мы хотим вам помочь, — увещевал мегафон. — Скажи нам, чего вы хотите...

— *Вы знаете, чего я хочу! Прекратите похищения! Остановите эксперименты!*

— Я собираюсь через вас задавать вопросы, — произнес спокойный голос Хаммерсмита в ухе Гидеона. — Мы должны действовать быстро — дела плохи.

— Я это вижу.

— *Клянусь Богом, я вышибу ему мозги, если вы не перестанете досаждать мне!*

Из дома донесся придушенный крик и плач женщины. И поверх этого Гидеон услышал высокий вопль ребенка. Этот звук пробрал его до мозга костей. Его собственные детские воспоминания — его отец, стоящий в каменном дверном проеме, маленький Гидеон, бегущий по зеленой лужайке к нему — всплыли в его сознании сильнее, чем когда-либо. Он отчаянно попытался прогнать их, но каждый взрыв мегафона снова воскрешал злосчастные образы.

— *Ты тоже в этом замешана, сука!* — кричал Чолкер на кого-то, находящегося рядом с ним. — *Ты даже не его жена, ты просто еще один агент. Это все дерьмо, все это. Но я не поддамся снова! И не желаю больше это все терпеть!*

Опять послышался мегафонный голос переговорщика, необычайно спокойный, как будто разговаривающий с ребенком.

— Ваш друг Гидеон Кру хочет поговорить с вами. Вы его сейчас увидите.

Фордис сунул микрофон в руку ученого.

— Он беспроводной и настроен на громкоговорители фургона. Говорите.

Он указал на узкий пуленепробиваемый короб из оргстекла, закрытый панелями с трех сторон и сверху — открытой оставалась только его задняя стенка. После минутного колебания Гидеон шагнул из-за бронетранспортера в стеклянную коробку. Она напомнила ему клетку для плавания с акулами.

Он заговорил в микрофон.

— Рид?

Гнетущая тишина.

— Рид? Это я, Гидеон.

Снова тишина. И наконец, из-за двери раздался голос:

— *Боже мой, Гидеон, неужели они и до тебя добрались?*

Голос Хаммерсмита возник в его наушнике, и Гидеон повторил его слова.

— Никто до меня не добрался. Я был в городе, услышал новости и пришел сюда, чтобы помочь тебе. Я сам по себе.

— *Лжец!* — громко крикнул Чолкер с дрожью в голосе. — *Они и тебя обработали! У тебя еще ничего не болит? Голова? Или живот? Это все впереди! О да, все именно так и будет!*

Голос внезапно оборвался, сменившись жестокой рвотой.

— Используйте паузу, — подсказал Хаммерсмит. — Вам надо захватить контроль над разговором. Спросите его, чем вы можете ему помочь?

— Рид, — позвал Гидеон. — Что я могу для тебя сделать?

Снова до Гидеона донеслись звуки рвоты, а затем наступила тишина.

— Пожалуйста, разреши мне тебе помочь. Только скажи и я все сделаю.

— *Ты ничего не можешь сделать! Спасай свою собственную задницу, уходи от них. Эти ублюдки пойдут на все: посмотри, что они сделали со мной! Я весь горю! О, Господи, мой живот, как мне плохо!*

— Попросите его выйти туда, где бы вы могли его видеть, — наставлял Хаммерсмит в ухо Гидеона.

Гидеон замешкался, вспомнив про снайперов. Его пробрал озноб, и он понял, что, как только у кого-то из снайперов появится возможность, они тут же снимут Рида. «Как и моего отца...» — подумал Гидеон. Он также напомнил себе, что у Чолкера там, под прицелом, находится целая семья. Затем он увидел, что несколько человек на крыше захваченного дома собираются опустить в дымоход некое устройство, внешне напоминающее видеокамеру. Он надеялся, что они знают, что делают.

— *Скажи им, чтобы они перестали меня облучать!*

— Скажите ему, что вы очень сильно хотите ему помочь, но он должен сказать вам, чем именно.

— Рид, я действительно хочу тебе помочь. Просто скажи мне, как.

— *Прекрати эксперименты!* — внезапно в дверном проеме Гидеон увидел движение. — *Они убивают меня! Отключите радиацию или я снесу ему голову!*

— Скажите ему, что мы выполним все, о чем он попросит, — раздался бесплотный голос Хаммерсмита. — Но он должен выйти туда, где вы сможете поговорить с ним лицом к лицу.

Гидеон ничего не сказал. Он старался, но не мог выбросить из головы образ своего

отца: его фигура, руки подняты, выстрел в лицо...

Нет, решил Гидеон, я не скажу этого. По крайней мере, не сейчас.

— Гидеон, — стал настаивать Хаммерсмит, после долгой паузы, — я знаю, что вы меня слышите...

— Рид, — сказал Гидеон, перебивая Хаммерсмита, — я не с этими людьми. Я вообще ни с кем. Я здесь, чтобы помочь тебе.

— Я тебе не верю!

— Хорошо, не верь мне. Но выслушай меня.

Никакого ответа.

— Ты утверждаешь, что твой домовладелец и его жена замешаны во всем этом?

— Не отступайте от сценария, — предупредил голос Хаммерсмита.

— Они не мои домовладельцы, — последовал срывающийся и истерический выкрик Чолкера. — Я никогда не видел их раньше! Это все подстава. И я ни разу в жизни не бывал здесь. Они — правительственные агенты! Меня похитили и провели надо мной эксперименты...

Гидеон поднял руку.

— Рид, подожди. Ты говоришь, что они замешаны, и это все подстава. А как же дети?

Они, по-твоему, тоже часть всего этого?

— Это все подстроено! Ааааа, как жарко! Горит!

— Восемь и десять лет?

Долгое молчание.

— Рид, ответь на мой вопрос. Замешаны ли дети? Неужели они тоже заговорщики?

— Не путай меня!

Еще одна затяжная пауза. Он услышал голос Хаммерсмита.

— О'кей, пока все идет хорошо. Продолжайте в том же духе.

— Здесь нет никакой путаницы, Рид. Они просто дети. Невинные дети.

Очередное молчание.

— Отпусти их. отошли их сюда, ко мне. У тебя еще останется два заложника. Молчание затянулось, а затем неожиданно возникло движение, раздался высокий крик, и один из детей появился в дверном проеме — мальчик. Он был совсем еще маленьким, с копной русых волос, одетый в футболку с надписью «Я люблю свою бабушку», и в тот момент, когда он вышел на свет, Гидеон увидел, насколько он напуган.

Пару секунд он думал, что Чолкер отпускает детей. Но когда он увидел, что никелевый ствол .45 калибра воткнул в шею мальчика, он понял, что ошибся.

— Ты видишь это? Я не шучу! Отключи радиацию или я убью ребенка! Считаю до десяти! Один, два...

На заднем плане мать кричала в истерике.

— Не надо, пожалуйста, не надо!

— Заткнись, ты, лживая сука, они не твои дети!

Чолкер повернулся и выстрелил в темноту дома позади себя. Крик женщины резко оборвался.

Одним резким движением Гидеон покинул плексигласовую коробку и вышел на открытую площадку перед домом. За этим незамедлительно последовали возгласы, полицейские стали кричать на него: «Вернись! Ложись! Этот парень вооружен!», — но он продолжал идти, пока не остановился в пятидесяти ярдах от входной двери.

— Что, черт побери, вы творите? Вернитесь за ограждение, он убьет вас! — кричал Хаммерсмит в его ухо. Гидеон вырвал наушник и поднял его.

— Рид? Ты видишь это? Ты прав. Они диктовали мне, что говорить, — он бросил наушник на асфальт. — Но больше нет. С этого момента мы будем говорить с тобой напрямую.

— *Три, четыре, пять...*

— Ради бога, подожди, *пожалуйста*, — громко сказал Гидеон. — Он всего лишь ребенок. Слышишь, как он кричит? Ты думаешь, он притворяется?

— *Заткнись!* — закричал Чолкер на мальчика, и тот, к удивлению Гидеона, мгновенно замолчал, замерев с дрожащими губами, трясущийся от страха и бледный, как полотно. — *Моя голова!* — продолжал кричать Чолкер. — *Моя...*

— Помнишь, как к нам в лабораторию приходили на экскурсию те школьные группы? — сказал Гидеон, изо всех сил стараясь сохранить спокойный тон. — Тебе же нравились те дети, ты любил им все показывать. И они отвечали тебе тем же. Не мне. Ни кому-то еще. А только тебе. Помнишь, Рид?

— *Я горю!* — крикнул Чолкер. — *Они снова включили радиацию! Я убью его, и его смерть будет на твоих руках, а не моих! Ты меня слышишь? СЕМЬ, ВОСЕМЬ...*

— Отпусти невинного мальчика, — попросил Гидеон, делая еще один шаг вперед. Его сильно испугало, что Чолкер даже сбился со счета. — Отпусти его. Вместо мальчика ты можешь взять меня.

Одним резким движением, Чолкер повернулся и навел пистолет на Гидеона.

— *Убирайся! Ты один из них!*

Гидеон почти умоляюще протянул руки к Чолкеру.

— Ты думаешь, я тоже замешан в заговоре? Давай, стреляй. Но, пожалуйста, *пожалуйста*, отпусти малыша.

— *Ты сам об этом попросил!*

И Чолкер выстрелил.

И промахнулся.

Гидеон упал на асфальт, внезапно его сердце застучало так сильно, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Он крепко закрыл глаза, ожидая следующего выстрела, жгучей боли и небытия.

Но второго выстрела не последовало. До него доносилась безумная какофония из шума, перекрикивающихся голосов и скрежета мегафонных слов. Медленно, очень медленно, он открыл глаза и взглянул в направлении дома. За дверным проемом, в тени, стоял едва различимый Чолкер и удерживал перед собой мальчика. Он мог сказать, по тому, как мужчина держал оружие, по его трясущимся рукам, его осанке и хватке, что, вероятнее всего, он держал пистолет впервые в жизни. И еще он промахнулся с пятидесяти ярдов.

— *Это обман!* — вскричал Чолкер. — *Ты не настоящий Гидеон! Ты подделка!*

Гидеон медленно поднялся, держа руки в поле зрения. Его сердце отказывалось замедляться.

— Рид, давай просто произведем обмен. Возьми меня, но позволь мальчику уйти.

— *Скажи им, чтобы они выключили радиацию!*

«Не оспаривай его заблуждения», — говорили они ему. Это был хороший совет. Но что, черт возьми, он должен ответить на эти слова?

— Рид, все будет в порядке, если ты простопустишь мальчика. И маленькую девочку.

— *Отключи радиацию!* — Чолкер прятался за мальчиком, используя его в качестве живого щита. — *Оно убивает меня! Отключи это или я снесу ему голову!*

— Мы можем это исправить, — убеждал его Гидеон. — Все будет хорошо. Но ты должен отпустить мальчика.

Он сделал еще один шаг, затем другой. Для решающего броска ему нужно было подобраться как можно ближе — если подобный шаг станет действительно необходимым. Если он не бросится на Чолкера и не обезвредит его, маленький мальчик умрет, и снайперы снимут Чолкера, а Гидеон не был уверен, что сможет это все вынести. Чолкер снова закричал, словно в агонии.

— *Отключите радиацию!*

Все его тело дрожало, в то время как он размахивал пистолетом.

Что можно ответить сумасшедшему? В отчаянии Гидеон попытался вспомнить тот совет, который дал ему Фордис: «Привлеките внимание к заложникам, стимулируйте его человечность».

— Рид, взгляни на лицо мальчика. Ты увидишь, что он ни в чем не невиноват...

— *Моя кожа в огне!* — вопил Чолкер. — *Я все еще считаю! На чем я остановился? Шесть, восемь... — он вдруг поморщился, его лицо исказилось от боли. — Они снова делают это со мной! Горю, я горю!*

Он снова ткнул пистолетом в шею ребенка. Мальчик начал кричать — высоким, тонким, потусторонним голосом.

— Подожди! — крикнул Гидеон. — *Не делай этого!*

Он стал приближаться к Чолкеру быстрее, держа руки на виду. Сорок ярдов, тридцать... расстояние, которое он мог бы преодолеть за несколько секунд...

— *Девять, десять! Десять! Ааааа!*

Гидеон увидел, как палец Чолкера надавил на курок, и бросился прямо на него. В тот же момент, с нерешительным ревом, отец семейства внезапно появился в коридоре позади Чолкера и прыгнул на его спину.

Чолкер развернулся и спустил курок, но его выстрелы не причинили никому вреда.

— Беги! — крикнул мальчику Гидеон, сам рванув к дому. Но мальчик застыл на месте. Чолкер боролся с заложником, который вцепился в его спину и повис на нем. Они кружились, сцепленные мертвой хваткой, но, наконец, Чолкер ударил мужчину о косяк двери и освободился. Заложник снова издал громкий яростный крик и ринулся на Чолкера, но он был слишком слабым — ему было около пятидесяти и крепким телосложением он не отличался — и после того как Чолкер нанес ему сильный точный удар, он без сознания рухнул на пол.

— Беги! — снова заорал Гидеон на мальчика, сам влетая на дорожку, ведущую к дому. Когда Чолкер развернул пистолет к отцу, мальчик прыгнул на спину ученого, ударяя по нему маленькими кулачками.

— Папа! Уходи!

Гидеон преодолел дорожку и достиг ступенек крыльца.

— Не стреляй в моего папу! — визжал мальчик, продолжая наносить удары.

— *Отключите это!* — вопил Чолкер, изворачиваясь и пытаясь сбросить ребенка, размахивая туда-сюда пистолетом, словно ища цель.

Гидеон буквально налетел на Чолкера, но пистолет выстрелил прежде, чем он успел его выхватить. Он повалил ученого на пол, схватил его за предплечье и сломал его о перила, как деревянную палку — оружие выпало из его хватки. В агонии Чолкер вскрикнул. Позади него раздавались душераздирающие крики мальчика, склонившегося над отцом, который лежал на полу с отсутствующей половиной головы.

Придавленный Чолкер корчился под Гидеоном, как змея, безумно рыча и брызгая слюной.

... И затем на Гидеона налетела команда спецназа и с силой отбросила его. Он почувствовал, как горячая кровь и брызги органических тканей покрыли половину его лица, когда череда выстрелов оборвала бредни Чолкера. Внезапная, давящая тишина продолжалась только несколько мгновений. А потом где-то внутри дома, начала плакать маленькая девочка.

— Маточное кровотечение! Маточное кровотечение!

Гидеон резко перекатился на колени и его стошнило.

Оперативники спецназа, координаторы криминалистов и персонал неотложной медицинской помощи — все они накатили единой волной, и окружающее пространство мгновенно заполнилось людьми. Гидеон сидел на полу и рассеянными движениями пытался стереть с лица кровь. Он чувствовал себя разбитым и потерянным, но никто не обращал на него внимания. Все вокруг резко изменилось и из напряженного противостояния превратилось в контролируемое, упорядоченное действие: у каждого была своя идеально отрепетированная роль, для каждого нашлась работа. Двоих вопящих детей почти сразу унесли, медики опустили на колени рядом с тремя погибшими людьми, оперативники спецназа молниеносно обыскали дом, а полицейские тем временем начали закреплять ленту, ограждающую место преступления.

Гидеон поднялся, тут же пошатнувшись и едва не потеряв равновесие. Тяжело дыша, он прислонился к стене, стараясь прийти в себя. К нему почти сразу подошел один из медиков.

— Куда вас ранило? — спросил он.

— Это... не моя кровь.

И все же медик решил убедиться в его словах и осмотрел его, уделив особое внимание лицу Гидеона, забрызганному кровью Чолкера.

— Хорошо, — произнес он, соглашаясь с собственными мыслями, — но позвольте мне стереть кровь с вашего лица.

Гидеон попытался сфокусировать внимание на словах медика, однако все его существо переполняли чувства вины и отвращения касательно случившегося. Его сознание заполнила одна единственная мысль: «Снова. О, Господи, это произошло снова!»

События настоящего настолько ярко и кинематографично возродили события прошлого, что воспоминание о смерти отца буквально поглотило Гидеона. Он почувствовал себя парализованным, практически полностью утратив способность здраво мыслить. В его голове, как заезженная пластинка, повторялось одно и то же слово: *снова*.

— Нам необходимо очистить место преступления, — сказал полицейский, настойчиво подталкивая Гидеона с медиком к выходу. Пока они говорили, команда криминалистов расстелила брезент и начала раскладывать на нем свои спортивные сумки и извлекать необходимое оборудование.

Медик взял Гидеона под руку и мягко сказал:

— Идемте.

Гидеон позволил увести себя. Команда криминалистов уже развернула бурную деятельность: извлекла из сумок свои флажки, ленты, пробирки и палочки для сбора улики. Кругом раздавалось шуршание полиэтиленовых мешков, щелканье латексных перчаток, звук надеваемых на головы сеток для волос и бахил. Вокруг царил атмосфера кипящей деятельности: истерия и напряженность сменились выверенным четким профессионализмом. Драма жизни и смерти, развернувшаяся здесь несколько минут назад, теперь переродилась в четко выстроенную последовательность действий опытных криминалистов, которые стремились собрать картину воедино и учесть все доступные детали и улики.

Буквально из ниоткуда возник Фордис.

— Не уходите далеко, — сказал он строгим, тихим голосом, взяв Гидеона за локоть. — Мне необходимо опросить вас.

Услышав это, Гидеон рассеянно взглянул на агента, ощущая, что его разум постепенно проясняется.

— Вы же все видели. Что тут рассказывать?

Гидеон просто хотел убраться отсюда подальше, вернуться в Нью-Мексико и оставить весь этот театр ужасов позади.

Похоже, в планы Фордиса это не входило. Он лишь пожал плечами.

— Расскажите все, как есть.

Гидеон невольно задумался, не захотят ли полицейские повесить *на него* смерть заложника. Вполне возможно. И не скажешь, что несправедливо, ведь это *он* облажался по полной. Он снова почувствовал дурноту. Если б только он сказал что-то другое... сказал что-то *правильное*... или не вынул бы наушник из уха, возможно, ФБР со стороны было виднее, к чему все идет, и они подсказали бы ему, как все исправить! Черт, эта ситуация слишком сильно смешалась для него с той, в которой погиб его отец. Ему не стоило позволять Глинну уговорить себя на это.

С тревогой Гидеон осознал, что его зрение снова подернулось туманной дымкой.

— Эй, — окликнул Фордис. — Не вините себя. Вы спасли двоих детей. И жена выкарабкается — у нее сквозное ранение, — Гидеон почувствовал, как рука Фордиса сжалась на его локте. — А сейчас нам нужно освободить место преступления.

Гидеон тяжело вздохнул.

— Ладно, — отозвался он.

Когда они начали пробираться к выходу, в воздухе возникла странная пульсация — как будто по дому пронесся порыв холодного ветра. Периферийным зрением Гидеон заметил, что одна из женщин команды криминалистов застыла на месте. В тот же момент он услышал низкий тикающий треск — странно знакомый — но в тумане вины и дурноты он не сумел его идентифицировать. Он остановился, когда один из следователей с места преступления подошел к сумке, стал в ней что-то искать и, наконец, извлек оттуда желтую коробочку с датчиком и трубкой на длинной спиральной проволоке. Теперь Гидеон понял, что это.

Счетчик Гейгера.

Аппарат издавал мерное и частое щелканье... слишком частое, пожалуй. Женщина посмотрела на своего партнера, в то время как комната внезапно погрузилась в тишину. Гидеон тоже взглянул на него, ощутив, как во рту вдруг пересохло. Во внезапно затихшем доме слабые щелчки звучали необычайно громко. Женщина встала и взяла счетчик Гейгера, принявшись медленно обследовать комнату. Аппарат зашипел, и щелчки заметно замедлились. Женщина изумленно замерла, заметив это. Затем, успокоившись, она сделала шаг вперед и почти неохотно начала водить счетчиком над телом Чолкера.

Когда датчик приблизился к телу, щелчки и треск снова участились, стали громче и назойливее, сделав адское глоссандо: сигнал перешел от шипения к реву, а затем — когда конец трубки коснулся тела — стал напоминать настоящий вопль.

— Боже мой, — пробормотала женщина, отшатнувшись от тела и в шоке взглянув на шкалу счетчика. Глаза ее расширились от потрясения. Внезапно она уронила аппарат и кинулась к выходу из дома. Счетчик грохнул об пол, и его назойливый треск наполнил воздух, то затихая, то усиливаясь вновь, по мере того, как трубка каталась из стороны в сторону.

Секунду спустя всю комнату накрыла волна паники. Люди повскакивали со своих мест и бросились к выходу, толкая друг друга и стремясь добраться до двери первыми. Команда криминалистов бросилась бежать, и в течение нескольких секунд все остальные волей-неволей оказались утянуты этой волной: фотографы, полицейские и даже оперативники спецназа — за несколько мгновений все смешались в одну большую толпу, устремившуюся к выходу. Ощущение профессиональной деятельности, царившее здесь совсем недавно, исчезло и обратилось в хаос.

Гидеон и Фордис также не избежали этого человеческого цунами. Не успев осознать происходящее, Гидеон оказался на улице перед домом. Лишь там он начал понемногу приходить в себя и собираться с мыслями. Он повернулся к Фордису: лицо агента было смертельно бледным.

— От Чолкера фонило, — пробормотал Гидеон, — больше, чем от адского пекла.

— Похоже на то, — отозвался агент.

Почти не задумываясь, Гидеон дотронулся до крови, которую медик не успел до конца смыть с его лица.

— И мы все подверглись воздействию...

В толпе людей, собравшихся за баррикадами, произошли резкие изменения. От театра слаженной профессиональной деятельности не осталось и следа. Первым признаком тревоги стала волна пульсирующей тишины — и эта пульсация по мере возрастания, в конце концов, стала ощущаться почти физически. Даже Фордис замолчал. В этой сгустившейся тишине Гидеон вдруг понял, что кто-то разговаривает с ним: голос доносился из его наушника.

Фордис надавил пальцем на наушник и по мере того, как он слушал говорившего, делался все бледнее.

— Нет, — яростно отозвался он. — Ни за что! Я даже не приближался к этому парню! Вы не можете так поступить!

Толпа как будто оцепенела. Даже те, кто выбежал из дома, остановились и замерли, как вкопанные, прислушиваясь. А затем — совершенно внезапно — толпа снова зашевелилась, бросившись прочь от дома. Это отступление напоминало не волну, а, скорее прицельный удар тарана.

В тот же миг воздух разорвали новые звуки сирен. Над головами появились вертолеты. Несколько белых грузовиков без опознавательных знаков возникли за баррикадами в сопровождении дополнительной колонны автомобилей. Их задние двери открылись, и из них посыпались неизвестные люди, облаченные в защитные костюмы и противогазы с нашивками, обозначающими радиационную опасность. Некоторые из них несли боевое снаряжение: дубинки, контейнеры со слезоточивым газом и оглушающие пушки. Едва выйдя из грузовиков, они, к ужасу Гидеона, начали выстраивать барьеры перед движущейся толпой, блокируя ее отступление. Командными голосами они принялись выкрикивать приказы, требуя, чтобы люди перестали бежать и остались стоять на своих местах. Драматичный эффект не заставил себя ждать: люди обнаружили, что им не удастся убраться подальше отсюда, и паника лишь усилилась.

— Что, черт возьми, происходит? — спросил Гидеон.

— Сейчас начнется обязательное сканирование, — хмуро отозвался Фордис.

Барьеры все крепили. Гидеон наблюдал, как полицейский начал спорить с людьми в белых защитных костюмах. Он попытался протолкнуться через заграждения, но несколько человек с радиационными нашивками довольно грубо вернули его обратно. Между тем вновь прибывшие направляли всех в зону, экстренно выстроенную с помощью заграждений, где множество фигур в белом сканировали людей с помощью карманных счетчиков Гейгера. Вскоре основной массе народа все же удалось покинуть место преступления, однако некоторых люди в белом сопровождали в свои фургоны.

Неожиданно ожил громкоговоритель:

— *Всему персоналу оставаться на своих местах до дальнейших указаний. Действуйте согласно инструкциям. Пересекать заграждения запрещено.*

— Кто эти ребята? — спросил Гидеон.

Фордис выглядел напуганным, и на его лице застыла гримаса возмущения.

— NEST^[2], — ответил он.

— NEST?

— Команда быстрого реагирования на ситуации, связанные с ядерным терроризмом или

радиационными утечками. Она подчиняется непосредственно Министерству энергетики, и отслеживают все, что имеет отношение к ядерной или радиологической опасности.

— Вы думаете, мы имеем дело с радиационным терроризмом?

— Этот парень, Чолкер, разрабатывал ядерное оружие.

— Даже если так, версия все равно кажется притянутой за уши.

— В самом деле? — переспросил Фордис, уставившись на Гидеона своими холодными голубыми глазами. — Не так давно вы упомянули, что Чолкер обрел новую веру, — он помедлил. — Могу я поинтересоваться... о какой именно вере шла речь?

— Ммм... об исламе.

Всех, кто не прошел проверку счетчиком Гейгера, сгоняли в фургоны, как скот. Собравшиеся вокруг зеваки поспешили оставить место происшествия, теряя свои головные уборы и бросая на землю недопитые пивные банки. Команда одетых в защитные костюмы людей перемещалась от двери к двери, заставляя людей покидать свои жилища — иногда даже с применением силы. Вокруг царил смешанный обстановка пафоса и хаоса: пожилые люди плакали или молча ковыляли на ходунках, матери, стараясь не потерять из вида своих детей, кричали и почти бились в истерике. Повсюду из громкоговорителей разносились сухие команды, призывающие к сотрудничеству и спокойствию и заверяющие всех в том, что все эти действия необходимы для их же защиты. О радиации не упоминалось ни слова.

Гидеон и остальные сиротливо сгрудились на параллельных скамьях. Дверь захлопнулась и фургон начал движение. Фордис, сидевший напротив, хранил мрачное молчание и выглядел почти невозмутимым, остальные же с трудом скрывали свой испуг. Среди прочих здесь был и человек, которого Фордис назвал Хаммерсмитом. Именно этот психолог поддерживал связь с Гидеоном, сейчас же он сидел в окровавленной рубашке, понутив голову. И еще здесь был один из членов команды спецназа, который стрелял в Чолкера в упор, разделив тем самым их общую участь — он тоже оказался забрызган радиоактивной кровью.

— Мы в дерьме, — буркнул оперативник. При его широких плечах и руках, напоминавших гору мышц, голос у него оказался смехотворно высоким. — Мы все умрем, и никто ничего не сможет сделать. Только не с радиацией...

Гидеон не стал вступать в разговор. Невежество большинства людей касательно радиации было ужасающим.

Мужчина застонал:

— О, Боже, моя голова! Уже начинается...

— Эй, заткнись! — буркнул Фордис.

— Пошел ты, чувак! — вспыхнул мужчина. — Я не подписывался на такое дерьмо!

Фордис ничего не сказал, он лишь плотнее сжал челюсти.

— Ты слышал меня? — голос мужчины истерически сорвался. — *Я не подписывался на такое дерьмо!*

Гидеон взглянул на члена команды спецназа и заговорил тихим размеренным тоном.

— Кровь, которая попала на вас, радиоактивна. Вам лучше как можно скорее ее стереть. И вам тоже, — последняя реплика была обращена к Хаммерсмиту. — Всем, на ком есть кровь преступника, лучше поступить соответственно. Смойте ее с себя или снимите свою испачканную ею одежду.

Эти слова спровоцировали в фургоне безумную активность. Вновь активизировалось чувство паники. Люди начали лихорадочно пытаться счистить кровь с волос и кожи, попутно сбрасывая измазанную ею одежду. Все, кроме парня из спецназа.

— Какой с этого толк? — простонал он. — Нам хана. Лучевая болезнь, рак... назовите, как хотите. Мы все теперь живые мертвецы.

— Никто не умрет, — спокойно заверил Гидеон. — Все зависит от того, насколько сильно был облучен Чолкер и с каким именно видом излучения мы имеем дело.

Оперативник поднял массивную голову и уставился на него своими покрасневшими глазами.

— И откуда такой знаток ядерного оружия только взялся на наши головы?

— Потому что — так уж сложилось — что я ученый, разрабатывающий это самое ядерное оружие.

— Повезло тебе, педрила! Значит, ты знаешь, что мы все умрем, но продолжаешь заталкивать нам в уши это гребаное вранье!

Гидеон предпочел проигнорировать это замечание.

— Ведь так, лживое трепло?

Трепло? Порядочно раздраженный, Гидеон снова взглянул на него. Мог ли этот человек тронуться рассудком из-за радиационного отравления? Нет, дело явно не в этом — дело в простой, бессмысленной панике.

— Я с тобой говорю, дерьма кусок! Не смей врать!

Гидеон провел рукой по волосам и уставился в пол. Он устал. Устал от этого осла, осыпавшего его проклятьями, устал от суматохи, даже от самой жизни, казалось, устал. У него не было ни сил, ни желания доказывать что-либо этому типу, поддавшемуся иррациональному страху.

Оперативник спецназа внезапно поднялся со своего места и схватил Гидеона за ворот рубашки, вздернув его с места.

— Я задал тебе вопрос. Нечего глаза отводить.

Гидеон спокойно посмотрел на него: на багровое от злости лицо, на покрытый испариной лоб, на выпуклые вены, на бычью шею, на дрожащие губы. Этот человек при всей своей силе выглядел совершенно нелепо, и Гидеон ничего не сумел поделать со своей реакцией на это зрелище: он засмеялся.

— По-твоему, это смешно? — спецназовец сжал кулак, приготовившись нанести удар.

Реакция Фордиса была молниеносной: его кулак врезался в живот здоровяка с такой силой, что выбил из него весь воздух. Издав сдавленное *уфф*, парень рухнул на колени. Через секунду Фордис уже зажал его шею в удушающем захвате. Далее он наклонился и тихо заговорил прямо ему в ухо — так тихо, что Гидеон не сумел разобрать ни слова. Затем агент освободил мужчину от своей мертвой хватки, и тот рухнул на пол грузовика лицом вниз. Издав обессиленный стон, он попытался подняться на колени.

— Сядь на место и веди себя тихо, — скомандовал Фордис.

Гидеон оправил рубашку.

— Спасибо, что выручили.

Фордис ничего не ответил.

— Ну, по крайней мере, теперь мы знаем, — снова заговорил Гидеон через минуту.

— Знаем *что*?

— Что этот Чолкер не был сумасшедшим. Он страдал от радиационного отравления — почти наверняка гамма-лучами. Мощное гамма-облучение искажает восприятие и вызывает помутнение рассудка.

Хаммерсмит поднял голову.

— Откуда вы знаете?

— Любой, кто работал в Лос-Аламосе с радионуклидами, слышал о несчастных случаях с критичностью, которые произошли там в первые годы работ. Сесил Келли, Гарри Даглян, Льюис Слотин, «Демоническое ядро»...

— «Демоническое ядро»? — переспросил Фордис.

— Ядро плутониевой бомбы, с которой дважды случился несчастный случай. Ученые, которые его собирали, умудрились получить критическую дозу радиации, а потом подобная ситуация повторилась еще раз. В конце концов, бомбу использовали в '46-м, в операции «Перекрестки»^[3]. На объекте «Эйбл»^[4]. Именно из манипуляций с «Демоническим ядром» стало ясно, что большая доза облучения может спровоцировать у человека безумие. Все симптомы, которые наблюдались у Чолкера: бред, ментальная путаница, головная боль, тошнота, рвота и невыносимая боль в животе.

— Это придает ситуации совершенно другой оборот... и должен признать, что он меня пугает еще больше, — заметил Хаммерсмит.

— Главный вопрос заключается в том, — кивнул Гидеон, — какую форму приняло его безумие. Зачем ему утверждать, что на его голову воздействовали радиацией? И проводили над ним эксперименты.

— Я боюсь, мы имеем дело с классическим симптомом шизофрении, — качнул головой Хаммерсмит.

— Да, но этот человек не был болен шизофренией. И почему он говорил, что домовладелец и его жена были правительственными агентами?

Фордис недоуменно взглянул на Гидеона.

— Но вы же не думаете, что этот чертов домовладелец и его жена действительно *были* правительственными агентами?

— Нет. Но мне интересно, почему Чолкер говорил об экспериментах, и почему он отрицал, что жил в этой квартире. Все это не имеет никакого смысла.

Фордис покачал головой.

— А вот для меня, боюсь, это *обретает* смысл. Причем четкий определенный смысл.

— Поясните? — Гидеон вопрошающе поднял брови.

— Попробуйте сами соединить все детали мозаики. Парень работает в Лос-Аламосе. Имеет высший допуск к секретной информации. Проектирует ядерное оружие. Обращается в ислам. Исчезает на пару месяцев. А затем — объявляется в Нью-Йорке.

— И?

— И, судя по всему, выходит, что наш сукин сын присоединился к джихаду! С его помощью они заполучили ядерное оружие! Но они неправильно собрали ядро, как в случаях, которые вы описали, и Чолкер схлопотал на свою задницу чертову дозу облучения.

— Чолкер не был радикалом, — возразил Гидеон. — Он был спокойным человеком. Он обратился в ислам по велению сердца.

Фордис горько рассмеялся.

— Все всегда начинается с тихушников, — пробормотал он.

В фургоне воцарилось молчание. Теперь все внимательно слушали их диалог. Гидеон почувствовал нарастающий ужас: в том, что говорил Фордис, было зерно истины. Чем больше он думал об этом, тем больше убеждался в правильности версии агента. У Чолкера для подобного был подходящий склад личности: он был тем самым боязливым, смущенным человеком, который мог найти свое призвание в джихаде. И вряд ли мог найтись другой способ схлопотать такую дозу гамма-излучения, которая бы заставила его так сильно фонить.

— Нам лучше взглянуть правде в глаза, — мрачно сказал Фордис, когда фургон начал замедлять ход. — Наш худший кошмар сбылся. Исламские террористы заполучили ядерное

оружие.

Двери фургона открылись в подземном гараже, который больше напоминал космическую станцию. Людей заставили пройти через пластмассовый туннель. Гидеону, который знал, что радиационное облучение, которое они получили, было вторичным и, скорее всего, незначительным, казалось, что все эти декорации — излишество, больше необходимое для исполнения какого-то бюрократического протокола, чем для реальной ситуации.

Людей привели в оснащенную по последнему слову техники зону ожидания: все здесь отдавало хромированными и фарфорово-белыми бликами, повсюду маячили различные приспособления из нержавеющей стали и были расставлены мониторы и дисплеи, подмигивавшие друг другу. Все было новым и, очевидно, никогда раньше не использовалось. Сначала, задержанных разделили по половому признаку, затем все они прошли через дезинфицирующий душ, и, в конце концов, их подвергли тщательному обследованию: заставили сдать кровь на анализ, дали что-то выпить, снабдили чистой одеждой, снова протестировали и, только после всех этих процедур, позволили пройти в следующую зону ожидания.

Это было удивительное подземное сооружение — совершенно новый виток искусства — построенное после 11 сентября для борьбы с последствиями ядерных террористических угроз в городе. Гидеон узнал различные виды оборудования, предназначенного для радиационного контроля и обеззараживания, и сделал вывод, что здесь все оснащено по более передовым технологиям, чем в Лос-Аламосе. Как ни странно, он не был этим удивлен: Нью-Йорк, несомненно, нуждался в подобном дезактивационном центре.

В зону ожидания вошел улыбчивый ученый, одетый в обыкновенный лабораторный халат. Он был первым человеком, с которым у задержанных была возможность поговорить после того, как их погрузили в фургон люди в защитных костюмах. Его сопровождал человек небольшого роста, одетый в темный костюм и от которого буквально веяло командным духом. Гидеон сразу же узнал его: это был Майрон Дарт — бывший заместитель директора Лос-Аламоса, Он занимал этот пост, когда Гидеон впервые пришел в лабораторию. Затем Дарт был переведен из Лос-Аламоса на государственную службу и прослыл человеком компетентным и справедливым. По крайней мере, таковым он казался, хотя Гидеон знал его не слишком хорошо. Тем не менее, его появление явило собой добрый знак: кто, если не Дарт, мог бы справиться с этой чрезвычайной ситуацией?

Первым заговорил улыбчивый ученый.

— Меня зовут доктор Берк, и я рад сообщить вам, что вы все теперь чисты, — он произнес это так, будто все присутствовавшие здесь люди только что прошли важнейший последний экзамен. — С каждым из вас будет проведена индивидуальная консультация, и после этого ваша жизнь пойдет своим чередом.

— Насколько сильным было облучение? — обеспокоенно спросил Хаммерсмит.

— Очень незначительным. Консультант обсудит с каждым из вас индивидуальные рекомендации. Радиационное облучение преступника произошло в другом месте, а не в том доме. Радиация не передается, как грипп, ее нельзя подхватить от кого-то другого.

Теперь вперед вышел Дарт. Сейчас он выглядел старше, чем помнил его Гидеон. Лицо

его осунулось и теперь казалось более узким, чем прежде, а плечи устало сутулились. Одет он был, как всегда, безупречно: прекрасно скроенный темно-серый костюм в полоску и лавандовый галстук, придававший этому человеку удивительно модный вид. Он являл собой спокойствие и уверенность.

— Меня зовут доктор Майрон Дарт, и я директор NEST — службы, отвечающей за ликвидацию ядерных угроз. У меня есть одна новость, которую я обязан донести до всех вас, — Дарт заложил руки за спину, а его серые глаза медленно и вдумчиво оглядели группу людей, словно он собирался поговорить с каждым из присутствующих здесь индивидуально. — До сих пор известие о том, что имел место радиологический инцидент, не просочилось наружу. И вы можете представить себе, какая поднимется паника, если это случится. Каждый из вас должен хранить абсолютное молчание о том, что произошло сегодня. Есть только два слова, которые вам нужно выучить наизусть, и выдавать их как ответ по умолчанию: «*Без комментариев*». И так вы должны отвечать *любому и каждому*, кто вознамерится вас расспросить — от семьи и друзей до представителей прессы. А они *будут* спрашивать, — он сделал паузу и вновь оглядел всех. — Каждый из вас перед тем, как вернуться домой, обязан будет подписать договор о неразглашении. Боюсь, пока вы этого не сделаете, вас попросту не выпустят отсюда. За нарушение его условий предусмотрена уголовная и административная ответственность. Мне жаль, но это необходимые меры, которых никак нельзя избежать. Я уверен, вы и так это понимаете.

Никто не произнес в ответ ни слова. Сам Дарт говорил мягко и тихо, но что-то в тоне его голоса давало понять, что никаким шуткам и послаблениям в данной ситуации попросту нет места.

— Прошу прощения, — сказал Дарт, — за неудобства и страх, которые вам пришлось испытать. К счастью для каждого из вас, вы отделались малой кровью. Теперь я передаю вас в руки доктора Берка, он позаботится о вас, как подобает. Доброго дня.

И он откланялся.

Ученый сверился со своим планшетом.

— Так, давайте посмотрим. Будем работать в алфавитном порядке, — сейчас он больше стал напоминать руководителя военного лагеря. — Итак, сержант Адейр и офицер Корли, пожалуйста, пройдемте со мной?

Гидеон оглянулся и осмотрел группу. Член команды спецназа, который поддался панике в фургоне, ушел с ученым, и Гидеону показалось, что в отдалении он слышит его ругань и крики.

Вдруг дверь открылось, и вернулся Майрон Дарт в сопровождении Мануэля Гарзы. Дарт выглядел встревоженным.

— Гидеон Кру? — его взгляд остановился на Гидеоне. Похоже, он его узнал.

Гидеон встал, в то время как Гарза к нему приблизился.

— Пойдемте, — сказал он.

— Но...

— Это не обсуждается.

Гарза быстро направился к двери, и Гидеон поспешил за ним. Когда они проходили мимо Дарта, тот посмотрел на него с прохладной улыбкой.

— У вас весьма интересные друзья, доктор Кру.

За все время затяжной поездки через весь город до 12-й улицы Литтл-Вест, которая еще до ее начала обещала быть долгой, учитывая плотный трафик, Гарза не сказал ни слова, его взгляд был направлен только вперед и полностью сосредоточен на вождении. Ночные улицы Нью-Йорка были заполнены обычным для них светом неоновых огней, движением, шумом и суетой. По выражению лица и языку тела Гарзы Гидеон буквально видел исходящее от него раздражение, но ему было все равно. Затишье позволило ему подготовиться к тому, что, по его мнению, обещало быть неприятной конфронтацией. Он имел довольно хорошее представление о том, что Глинн хотел, чтобы он сейчас сделал.

Когда Гидеону было двенадцать, он стал свидетелем того, как его отец был застрелен снайперами ФБР. Его отец был штатским криптологом, работавшим в INSCOM^[5], Командовании разведки и безопасности армии (КРБ) США, и входил в подразделение, разрабатывающее коды. Советы взломали один из таких кодов через четыре месяца после его внедрения, и за одну ночь двадцать шесть оперативников и двойных агентов были раскрыты — всех жестоко пытали и после убили. Это было одним из худших бедствий разведки за все время холодной войны. Федералы сказали, что это была вина его отца. Его отец всегда страдал депрессией, и — под давлением обвинений и расследований — он сломался и захватил заложников, после чего был застрелен в дверях Арлингтонского зала, невзирая на то, что он сдался.

Гидеон стал свидетелем всего этого.

В последующие годы жизнь Гидеона сошла с рельсов. Его мать начала пить. Через их дом прошла целая вереница мужчин. Они переезжали из города в город, после каждого окончания ее отношений или после его исключения из очередной школы. Поскольку деньги его отца быстро иссякли, им приходилось жить в домах, квартирах, трейлерах, комнатах мотелей и пансионатах. Его основные воспоминания о матери в те годы заключались в том, что с отрешенным взглядом она сидела за кухонным столом со стаканом Шардоне в руке, вокруг ее изможденного лица скручивался сигаретный дымок, а на заднем плане играли ноктюрны Шопена.

Гидеон изначально рос аутсайдером, а после этих мрачных событий его полностью поглотили интересы, свойственные одиночке: математика, музыка, искусство и чтение. Один из их переездов — в то время ему было семнадцать — привел их в Ларами, штат Вайоминг. Однажды Гидеон вошел в местное историческое общество и провел там день, убивая время, вместо того, чтобы пойти в школу. Никто не нашел его — кто бы мог додуматься искать его в подобном месте? Занимающее старый викторианский особняк историческое общество представляло собой пыльное скопление комнат, темные углы которых были заставлены памятными вещами. Среди них были шестизарядные револьверы с Запада, из которых в свое время были убиты знаменитые преступники и о которых в современном мире никто никогда не слышал, индейские артефакты, антиквариат, ржавые шпоры, длинные охотничьи ножи и коллекции картин и рисунков.

Гидеон нашел убежище в дальней комнате, где мог спокойно читать. Через некоторое время его внимание привлекла небольшая деревянная гравюра — одна из многих плохо представленных картин, кое-как втиснутая на стену. Это был художник, о котором он

никогда не слышал, Гюстав Бауманн, а его работа называлась «Три сосны». Простая композиция из трех маленьких, чахлах деревьев, растущих на бесплодном утесе. Но почему-то, чем больше он смотрел на этот оттиск, тем больше тот привлекал его и тем более замечательным и даже чудесным ему казался. Художнику удалось наполнить эти три сосны чувством благородства, собственного достоинства, истинной сущности дерева, как такового.

Дальняя комната Исторического общества стала его прибежищем. Учителя так и не смогли выяснить, где он пропадает. Здесь он мог даже играть на гитаре, и глухая старушка, дремавшая в приемной, никогда не замечала этого. Гидеон не знал, как и почему, но со временем он влюбился в эти торчащие кривые деревья.

А потом его мать потеряла работу, и им снова пришлось переехать. Гидеон не хотел прощаться с гравюрой. Ему становилось плохо от мысли, что никогда не увидит ее снова.

И он украл ее.

Это оказалось одной из самых захватывающих вещей, которые он когда-либо делал. Вдобавок... это оказалось очень легко. Несколько случайно заданных им вопросов показали, что у исторического общества практически отсутствует система охраны, и его картотека пыльных каталогов никогда не проверялась. В один ненастный холодный зимний день он явился с маленькой отверткой, спрятанной в заднем кармане джинсов, снял гравюру со стены и спрятал ее под пальто. Затем, прежде чем уйти, он вытер стену, на которой висел оттиск, чтобы избавиться от пыли и сдвинул две другие гравюры, чтобы прикрыть образовавшееся пустое пространство и дырку от шурупа. Весь процесс занял пять минут, и, когда он закончил, никто не смог бы даже заподозрить, что отсюда пропала гравюра. Это было поистине идеальное преступление! И Гидеон уверил себя, что поступает правильно: гравюра никому не нравилась, никто не приходил на нее посмотреть, складывалось впечатление, что ее вообще никто никогда не замечал, кроме него, и историческое общество позволяло ей гнить в темном углу. Он чувствовал, что творит добродетель, подобно отцу, принимающему в свой дом нелюбимого, осиротевшего ребенка.

Но какое же это было восхитительное волнение! Непередаваемое физическое ощущение! Впервые за несколько лет он чувствовал себя живым: его сердце сильно билось в груди, все его чувства обострились. Цвета казались ярче, мир в целом стал выглядеть для него иначе — по крайней мере, на некоторое время.

Он повесил гравюру над кроватью в своей новой комнате в Стокпорте, штат Огайо, и его мать никогда не обращала на нее внимания, никогда не заговаривала о ней и ни разу не показывала, что вообще ее заметила.

Он был уверен, что гравюра была простой дешевкой. Но несколько месяцев спустя, просматривая каталоги с аукционов, он обнаружил, что она стоит от шести до семи тысяч долларов. В то время его мать находилась в отчаянном положении из-за того, что нечем было оплачивать аренду, и у него возникла мысль продать ее, но он так и не смог представить, как расстанется с ней.

К тому времени у него возникла еще одна одержимость. Другая навязчивая идея. Из-за нее он стал часто посещать близлежащее историческое общество Маскингум, где хранилась небольшая коллекция гравюр, оттисков и акварелей. Он выбрал одну из наиболее понравившихся ему работ — литографию Джона Стюарта Карри^[6], названную «Житель равнин», и украл ее.

Для него это было парой пустяков.

Она была изготовлена тиражом в двести пятьдесят экземпляров, из-за чего ее было

трудно отследить, и поэтому он легко продал ее на законном рынке. Всемирная паутина тогда только развивалась, что позволяло проворачивать все это намного проще и к тому же еще анонимно. Он получил восемьсот долларов за картину. Так началась его кратковременная карьера вора, он промышлял в исторических обществах и художественных музеях. Его матери никогда больше не приходилось беспокоиться о ренте. Гидеон сочинял расплывчатые истории о своих случайных заработках и подработках после школы, а она была слишком одурманена и погружена в отчаяние, чтобы задавать вопрос, откуда действительно появились эти деньги.

Он воровал ради денег. Он воровал, потому что его привлекал определенный ряд картин. Но в первую очередь, он воровал ради острых ощущений. Это, как ничто другое, порождало в нем нечто высокое — чувство собственного достоинства, которое позволяло ему подняться над недалекими, безмозглыми и ограниченными людскими массами.

Он знал, что это недостойные чувства, но мир погряз в неразберихе и был испорчен, так почему бы не выйти за рамки правил? Он никого не обижал. Он был похож на Робина Гуда, извлекающего на свет Божий недооцененные произведения искусства и отдающего их в руки людей, которые действительно могли полюбить и оценить их. Он поступил в колледж, но вскоре бросил учебу, переехав в Калифорнию. В конечном итоге он полностью посвятил себя посещению небольших музеев, библиотек и исторических обществ, воруя и продавая все возможное.

В какой-то момент ему позвонили. Его мать умирала в одной из больниц Вашингтона. Он отправился к ней, и на смертном одре она поведала ему историю о том, что, в конце концов, его отец не был виновен в случившемся тогда взломе шифра. Как раз наоборот: он указал на его уязвимость, но его проигнорировали. И когда дела вышли из-под контроля, его окрестили предателем, опальным генералом, якобы, ответственным за проект — тем самым генералом, который приказал, чтобы его расстреляли в случае провала операции.

Его отца сделали козлом отпущения. А потом убили.

Новость об этом круто изменила жизнь Гидеона. Впервые у него появилась реальная цель, настоящая стоящая цель. Он прервал свою воровскую деятельность, вернулся в колледж, получил докторскую степень по физике и поступил на работу в Лос-Аламос. Но все это время, позади ширмы из всей этой деятельности, напоминающей бесконечную монотонную песню волынки, он проводил расследование: искал доказательства, которые смогли бы очистить имя его отца и дали бы возможность отомстить генералу, который его убил.

На это ушли годы, но, в конце концов, он нашел то, что ему было необходимо, и осуществил свою месть. Генерал теперь был мертв, а его отец — оправдан.

Но это не принесло ничего хорошего: месть не могла вернуть людей к жизни, также как не могла восстановить потерянные и растроченные годы. Тем не менее, у него впереди была вся жизнь, и он был настроен использовать ее по максимуму.

Затем, вскоре после этого — чуть больше месяца назад — случилась последняя катастрофа. Гидеону сказали, что у него выявили врожденный порок, известный под живописным названием «артериовенозная мальформация Галена». Это некое необычное переплетение артерий и вен глубоко внутри мозга. Данный дефект являлся неоперабельным, лечения не существовало, и он должен был убить своего носителя в течение года.

Или, по крайней мере, это то, что сказал ему Эли Глинн — человек, который нанял его для первого задания в качестве оперативного агента.

У него якобы остался год жизни. И теперь, когда он в компании Гарзы продирается сквозь пробки Нью-Йорка к штаб-квартире «Эффективных Инженерных Решений», Гидеон не сомневался, что Глинн снова хочет отнять у него кусок этого последнего года: убедить его повернуть еще одну операцию для ЭИР. Он точно не знал, как Глинн заставит его сделать это, но был уверен, что это будет связано недавним происшествием и Чолкером.

Когда автомобиль свернул на 12-ю улицу Литтл-Уэст, Гидеон настроил себя на конфронтацию. Он постарается отвечать хладнокровно, но твердо. Ему необходимо сохранить свое достоинство. Он ни за что не согласится взяться за это задание! А если это не даст желаемого результата, он просто пошлет Глинна куда подальше и уберется отсюда к чертовой матери.

Уже наступила полночь, когда они вошли в штаб-квартиру ЭИР. Казалось, тишина, распространившаяся в пределах прохладных белых помещений, целиком поглотила Гидеона. Даже в столь поздний час техники продолжали суетиться среди странных инсталляций, макетов и столов, заставленных зачехленным и таинственным оборудованием. Гидеон последовал за Гарзой к лифту, который с очень медленной скоростью доставил их на верхний этаж. Минуту спустя он стоял в том же самом конференц-зале, оформленном в стиле Дзен, и Глинн снова сидел в инвалидном кресле во главе огромного деревянного стола из бубинга^[7]. Окно, у которого Гидеон стоял в этот же день, только утром, сейчас было закрыто жалюзи.

Гидеон чувствовал себя опустошенным, выпотрошенным и очищенным, как рыба. Он был удивлен и немного раздражен, обнаружив Глинна нехарактерно оживленным.

— Кофе? — спросил Глинн с азартным блеском в единственном здоровом глазу.

— Да, — Гидеон упал в кресло.

Нахмурившись, Гарза ушел, но вернулся с кружкой кофе. Гидеон налил в него сливки, кинул пару ложек сахара и выпил залпом, как стакан воды.

— У меня для вас две новости: хорошая и плохая, — сказал Глинн.

Гидеон молча ждал продолжения.

— Хорошей новостью является то, что доза облучения, которую вы получили, оказалась весьма незначительной. Согласно таблицам, это увеличит ваши шансы умереть от рака менее чем на один процент в течение следующих двадцати лет.

Гидеон просто обязан был посмеяться над иронией этих слов, и его голос эхом разнесся по скудно обставленной комнате. Но никто не присоединился к его мрачному веселью.

— Плохая же новость заключается в том, что мы внезапно столкнулись с чрезвычайной национальной проблемой высшего порядка. Рид Чолкер оказался подвергнут облучению вследствие утечки некой массы радиоактивного вещества. На него воздействовала комбинация альфа-частиц и гамма-лучей из источника, который, видимо, был обогащен больше, чем уран-235^[8], обычно входящий в состав бомб. Полученная им доза лежала в диапазоне до восьмидесяти грей^[9], или около восьми тысяч рад^[10]. Грандиозная, огромная доза.

Гидеон сел. То, что он услышал, его потрясло.

— Да. Расщепляющееся вещество, способное вызвать такое облучение, должно составлять не менее десяти килограммов. Такого количества более чем достаточно для создания мощной ядерной бомбы.

Гидеон осознал сказанное. Все было гораздо хуже, чем он себе представлял.

Глинн замолчал, но затем продолжил:

— Похоже, Чолкер был вовлечен в подготовку террористического акта с использованием ядерного устройства. Во время этих приготовлений что-то пошло не так, и произошла утечка урана. Чолкер получил дозу радиации. Наши эксперты также пришли к выводу, что остальные террористы забрали бомбу и оставили Чолкера умирать. Но он умер не сразу, потому что радиационное отравление действует несколько иначе. Он сошел с ума и, охваченный безумием, захватил заложников. И вот, к чему нас это привело.

— Вы нашли место, где он создавал бомбу?

— Сейчас для нас это первостепенная задача. Оно не может находиться слишком далеко от его квартиры в Саннисайде, потому что, кажется, он вернулся туда пешком. Мы обследуем город с помощью летающих мониторов радиационного контроля и в любой момент можем получить совпадение, так как подобная утечка наверняка оставила незначительный след радиации — с характерной сигнатурой.

Глинн чуть не потирал руки от предвкушения.

— Мы находимся в начале пути, Гидеон. Вы были там. Вы знали Чолкера...

— Нет, — сказал Гидеон. Теперь пришло время встать, и он поднялся.

— Выслушайте меня. Вы буквально созданы для этой работы, даже не сомневайтесь! Все будет проходить без прикрытия. Вы будете действовать от своего имени...

— Я сказал «нет».

— Вы будете сотрудничать с Фордисом. Это безоговорочное требование, сопровождающее ваше назначение и выдвинутое Администрацией по Национальной ядерной безопасности^[11]. Но вам будет предоставлена достаточно широкая свобода действий.

— Окончательное и бесповоротное «НЕТ».

— Вам нужно только сделать вид, что вы работаете с Фордисом. На самом деле вы будете одиноким оперативником, никому не подчиняющимся, и будете работать вне обычных правил правоохранительной системы.

— Я уже сделал то, что вы хотели, — сказал Гидеон. — Если вы не заметили, я облажался по полной программе, и три человека были расстреляны. Так что теперь я отправляюсь домой.

— Вы все поступили правильно, и теперь не можете просто так встать и отправиться домой. У нас остались дни — может быть, часы. Гидеон, на карту поставлены миллионы жизней. Вот адрес, который вам нужно посетить первым.

Он сунул лист бумаги в руки Гидеона.

— Теперь идите, не теряйте времени, Фордис уже ждет вас.

— Да пошли вы! — возмутился Гидеон. Глинн оценивающе посмотрел на него. — И я действительно это имею в виду. *Идите к черту.*

— Вам нужно торопиться, и на уговоры нет времени, — Глинн замешкался. — Разве вы не думаете, что вам следует сделать что-то более стоящее в те несколько месяцев, которые вам остались, чем просто ловить рыбу?

— Думаю, еще как думаю! *Всё* напоминает мне о моей скорой смерти, о моей неизлечимой болезни. Но ведь вы — самый великий мастер рассказывать сказки, которого я когда-либо встречал! Все, что я знаю о своем диагнозе, может быть просто еще одной отлично продуманной ложью Эли Глинна. Откуда я могу знать, что те рентгеновские снимки были моими? На них не было имени.

Глинн покачал головой.

— Глубоко внутри себя вы знаете, что я говорю правду.

Гидеон вспыхнул от гнева.

— Хорошо, будь по-вашему. Тогда скажите, что я могу сделать, чтобы ликвидировать ядерную угрозу? У них есть Департамент полиции Нью-Йорка, ФБР, команды NEST Спецслужба по контролю за оборотом оружия, ЦРУ, и я уверен, что они могут привлечь к этому делу неограниченное число тайных агентов. Я принял окончательное решение и

уезжаю домой.

— Именно *в этом* то и заключается проблема, — начал сердиться Глинн, и его искалеченная рука стукнула по столу. — Ответ лежит на поверхности. Это настолько очевидно, что наши психофизические расчеты показывают, что они не смогут предотвратить нанесение удара. По всем показателям следствие зайдет в тупик.

— Психофизические расчеты, — саркастически повторил Гидеон. — Это ваше объяснение — чушь собачья!

Наконец он направился к двери. Гарза преградил ему путь с немного неуверенной презрительной улыбкой на губах.

— Убирайтесь с моего пути.

Последовало короткое противостояние, после чего Глинн спокойно произнес:

— Мануэль, отпустите его.

Гарза отступил с напыщенной медлительностью.

— Когда вы выйдете на улицу, — напутствовал ему вслед Глинн, — окажите мне одну услугу: взгляните на лица окружающих вас людей и подумайте о том, что вскоре их жизнь изменится. Навсегда.

Гидеон даже не задержался, чтобы услышать остальное. Он выбежал за дверь, вогнал палец в кнопку лифта и направил его на первый этаж, проклиная его медлительность. Когда двери открылись, он буквально бегом миновал огромную мастерскую, прошел еще несколько дверей и прихожую, входная дверь открылась автоматически по мере его приближения.

Оказавшись снаружи, он зашагал по улице к бутик-отелю, где стоял целый ряд такси. К черту багаж и вещи! Он поедет в аэропорт, вернется в Нью-Мексико и зависнет в своей хижине, пока все это не закончится. Он уже понес достаточный урон. Гидеон схватил ручку дверцы такси и открыл ее, но тут его взгляд задержался на толпе модно одетых людей, сновавших туда-сюда у дверей отеля. Он вспомнил совет Глинна. Гидеон невольно выделил среди всех этих незнакомцев людей, которые выглядели для него отталкивающе. Ему было все равно, как изменится их жизнь. Пусть все умрут. Он ведь сам живет на пороге смерти, почему же и они не могут?

Это был его ответ Глинну.

Внезапно он почувствовал, что его оттолкнули в сторону, и пьяный мужчина в смокинге проскользнул мимо него и захватил такси. Он захлопнул дверь, высунулся из окна, демонстрируя торжествующую улыбку и источая запах мартини.

— Извини, приятель, но промедление смерти подобно... Приятной мне поездки обратно до Де-Мойна!

Сопровождаясь хриплым смехом пассажира, такси тронулось с места, а потрясенный Гидеон так и остался стоять.

«*Вскоре их жизнь изменится*». Слова Глинна продолжали звучать в его голове. Был ли этот мир, эти люди, этот мужчина, достойны спасения? Почему-то хамство этого типа задело его за живое так, как не смогла бы тронуть доброта от какого-нибудь незнакомца. На следующее утро мужчина проснется и, несомненно, в торговом центре будет потчевать своих друзей рассказами о деревенском придурке, который не знал, как пользоваться в Нью-Йорке такси. Ну и отлично! Пусть они катятся ко всем чертям! Это лишь еще одно доказательство того, что они не заслуживают спасения. Гидеон удалится в свою хижину в горах Хемеса, и пусть эти засранцы сами о себе позаботятся...

Но как только эта мысль сформировалась в его сознании, он запнулся. Кто он такой,

чтобы судить? В мире проживало огромное количество разных людей. Если он укроется в своей хижине, а тем временем в Нью-Йорке взорвется ядерная бомба, как это отразится на нем? Понесет ли он за это ответственность? Нет. Но, сбежав, он станет на порядок ниже того самодовольного мешка с дерьмом, который украл его такси.

Неважно, было ли в его распоряжении одиннадцать месяцев или пятьдесят лет — это стало бы долгим и одиноким промежутком времени, за который он никогда бы не простил себя.

Он колебался в течение долгого момента неистового гнева. И затем, кипя от ярости и разочарования, повернулся и прошагал обратно по 12-й улице Литтл-Вест до двери без опознавательных надписей, ведущей в компанию «Эффективные Инженерные Решения». Она открылась, как только он приблизился, как будто Глинн знал, что он вернется.

Тело Чолкера лежало на фарфоровой каталке, накрытое большим стеклянным колпаком, словно подношение некоему высокотехнологичному богу. Труп находился в процессе вскрытия — грудная клетка и брюшная полость уже были разверсты, выставляя на всеобщее обозрение буйство красного среди серой стали, стекла и хрома. Вокруг тела были выложены внутренние органы — сердце, печень, желудок...

Но даже видя Чолкера в таком состоянии, Гидеон с трудом мог поверить собственным глазам. Он *не хотел* им верить. Вид внутренних органов человека, которого он знал лично, нагонял на Гидеона какое-то неведомое, необычайно тревожное чувство. Это не было похоже на рядовой репортаж в вечерних новостях или сцену из фильма ужасов... нет, это было что-то другое.

Личные вещи Чолкера также были разложены на столе рядом с телом: его одежда, кошелек, ключи, пояс, кредитные карточки, документы, мелочь, корешки билетов, платочки «Клинекс» и другие предметы. Каждая вещь была промаркирована и, очевидно, также излучала радиацию.

Стоя у панели управления, медперсонал и техники управляли комплектом из восьми роботизированных рук, функционирующих внутри стеклянного куба, каждая из которых оканчивалась каким-то набором испачканных кровью режущих инструментов — ножницами, молотками, щипцами, ножами, сверлами для черепа, расширителями и другими приборами, необходимыми для работы с трупом. Процедура вскрытия все еще продолжалась.

— Вам повезло, — сказал Фордис, извлекая свой блокнот. — Мы еще не закончили вскрытие.

— Даже смешно, но я подумал прямо противоположное, — отозвался Гидеон.

Фордис взглянул на него и закатил глаза.

Гидеон услышал жужжащий звук. Одна из роботизированных рук, которая оканчивалась циркулярной пилой, пришла в движение, и ее лезвие начало вращаться с высокой скоростью. Как только техник пробормотал в гарнитуру команду, полотно пилы опустилось к черепу Чолкера.

— Торквемаде^[12] бы это понравилось, — заметил Гидеон.

— Похоже, вы как раз успели к изъятию мозга, — сказал Фордис, послунявив палец и перелистнув страницы своего блокнота, чтобы найти пустую.

Жужжание пилы стало глуше, как только она коснулась лба Чолкера. Темная жидкость начала стекать в канавку, расположенную вдоль края каталки специально для подобных целей. Гидеон отвернулся, притворившись, что просматривает несколько бумаг, взятых из своего портфеля. «По крайней мере», — подумал он, — «нет запаха».

— Агент Фордис? Доктор Кру?

Гидеон взглянул на девушку-лаборанта в больших очках с конским хвостом и планшетом, выжидающе стоящую рядом с ними.

— Доктор Дарт примет вас в своем кабинете.

С чувством облегчения Гидеон последовал за ней к кабинету, расположенному в дальнем конце помещения, оформленного в стиле Хай-Тек. Фордис шел следом, ворча о том, что его отвлекли от вскрытия. Они вошли в по-спартански обставленное помещение,

размерами не превышающее коморку девять на двенадцать футов. Сам Дарт сидел за небольшим столом, заставленным тяжелыми, прямоугольными стопками папок. Он встал и протянул руку для рукопожатия — сначала Фордису, затем Гидеону.

— Пожалуйста, присаживайтесь.

Они расположились на складных стульях, стоящих напротив стола. Дарт потратил немного времени на сортировку нескольких уже сложенных бумаг. Вид у него при этом был заметно усталый: кожа словно туго обтягивала кости черепа, глаза — обычно полные жизненной силы — сейчас несколько углубились и сверкали из темноты, как два черных омота.

В Лос-Аламосе он слыл человеком-легендой, чокнутым физиком без чувства юмора с докторской степенью, полученной в Калтехе^[13]. При этом он был награжденным офицером — заслужил две серебряные звезды и пурпурное сердце за участие в боевых действиях при проведении операции «Буря в пустыне» — что добавляло ему необычайности среди сотрудников Лос-Аламоса.

Наконец, Дарт закончил сортировать документы и поднял глаза.

— Это довольно необычно, что вам обоим дали такой уровень допуска.

Фордис кивнул.

— Как руководитель подразделения NEST, — продолжал Дарт, — я уже проинформировал обо всем ФБР. Но я так понял, они хотят, чтобы я поделился сведениями лично с вами.

Гидеон предпочел сохранить молчание. Он не собирался брать на себя инициативу. Для подобных дел там и находился Фордис, а именно: проконтролировать все, отвлечь внимание, в случае необходимости принять весь удар на себя. Гидеон намеревался держаться тише воды, ниже травы.

— Мы независимая команда, — сказал Фордис. — и весьма ценим, что вы проведете с нами этот персональный брифинг, сэр.

Его голос звучал мягко, дружелюбно. Он знал, как вести игру.

Взгляд Дарта перескочил на Гидеона.

— Мне сказали, что вас нанял частный подрядчик, чья личность засекречена.

Гидеон кивнул.

— Мне кажется, что я видел вас раньше. Мы работали вместе в Лос-Аламосе, ведь так? Как случилось, что вы добрались оттуда — сюда?

— Это долгая история. Сейчас я нахожусь в длительном отпуске.

— Вы, как я припоминаю, участвовали в Программе управления ядерным арсеналом^[14]. Так же, как и Чолкер.

Этот небольшой факт повис в воздухе. Гидеону было трудно оценить, что именно Дарт знал или что он об этом думал.

— Вы присутствовали при случившемся, — продолжил Дарт.

— Меня вызвали туда, чтобы я попытался его уговорить... но это не сработало.

Гидеон ощутил, как по его лицу расплывается румянец. Казалось, Дарт ощутил его неловкость и поспешил заполнить паузу.

— Я сожалею о случившемся. Должно быть, это было тяжело. Говорят, вы спасли двоих детей.

Гидеон не ответил. Он почувствовал, что его румянец лишь стал еще ярче.

— Хорошо, давайте приступим, — Дарт открыл папку и извлек из нее несколько

документов. Тем временем Фордис вытащил свой ноутбук и приготовился записывать. Гидеон решил не делать никаких заметок, он обнаружил еще в аспирантуре, что письменные записи мешают его способности ментально видеть и анализировать картину в целом.

Дарт быстро заговорил, просматривая разложенные перед ним бумаги.

— Вскрытие и анализ личных вещей Чолкера еще не завершены, но у нас уже есть предварительные результаты.

Фордис начал писать.

— Ядерная спектроскопия образцов взятых с рук Чолкера и нейтронно-активационный анализ^[15], убедительно показывают, что на его ладонях и пальцах были обнаружены следы высокообогащенного урана-235. Видимо, он имел с ним контакт в последние двадцать четыре часа перед смертью. Одежда Чолкера оказалась так же загрязнена и была буквально пропитана радиоактивными изотопами, такими как церий-144, барий-140, йод-131 и цезий-137. Это классические продукты распада критического состояния урана-235. Йод-131 имеет период полураспада восемь дней, и благодаря тому, что мы обнаружили его высокую концентрацию, можно сделать вывод, что контакт с радиоактивным веществом произошел не более двадцати четырех часов назад.

Дарт взглянул на Фордиса.

— Если что-то из сказанного мной вам не понятно, агент Фордис, уверен, что доктор Кру разъяснит вам это позже.

Он просмотрел другие документы.

— Были так же изучены его личные вещи. В одном из его карманов был найден корешок входного билета в Смитсоновский Музей авиации и космонавтики, датированный прошлой пятницей.

Фордис начал конспектировать быстрее.

— Помедленней, а то сожжешь сухожилие, — поддразнил Гидеон, по-дружески толкнув агента в плечо.

— Был также найден билет на поезд в один конец от Вашингтонского до Большого Нью-Йоркского Центрального вокзала, датированный вчерашним днем. Еще лист бумаги с записанным на нем адресом веб-сайта и несколькими номерами телефонов. В данный момент телефонные номера анализируются.

Фордис поднял глаза.

— Адрес веб-сайта?

— Боюсь, я не уполномочен разглашать эту информацию.

Повисло молчание.

— Простите, — сказал Фордис, — но я думал, что мы получили допуск *ко всей* сопутствующей информации.

Дарт взглянул на него своими ярко сверкающими глазами.

— В расследовании, подобном этому, — сказал он, — должна присутствовать определенная степень распределения труда. Каждому следователю доступен только тот объем информации, который ему нужно знать, не более того. Мы все должны работать в пределах своих полномочий.

Его взгляд переместился на Гидеона.

— Например, мне отказали в информации о частном подрядчике, на которого вы работаете, — он улыбнулся и продолжил сухим голосом. — Анализ рвоты Чолкера показал, что его последний прием пищи состоялся около полуночи. Это был крабовый суп, хлеб,

ветчина, салат-латук, помидоры, заправка из майонеза и картофель фри.

Гидеон присвистнул:

— Неудивительно, что от него фонило.

В ответ послышался очередной шелест документов.

— Мы обнаружили в его кошельке две кредитные карты, водительские права, идентификационный допуск Лос-Аламоса и еще пару мелочей. Сейчас они анализируются.

— А что насчет вскрытия? — спросил Фордис.

— Предварительные результаты указывают на повреждение щитовидной железы, соответствующие воздействию изотопов йода-131. Он, — Дарт взглянул на Фордиса, — является основным продуктом распада урана-235 и указывает, на то, что Чолкер некоторое время подвергался воздействию допустимого уровня радиации, пока тот не достиг критического состояния.

— У вас есть предположения, как долго это продолжалось? — спросил Гидеон.

— Некроз клеток указывает на срок более одиннадцати дней, — снова шелест бумаг. — Были также классические симптомы, указывающие на массированное воздействие ионизирующего излучения при инциденте с критичностью, интенсивность которого достигала уровня порядка восьми тысяч рад. Кожа и внутренние органы проявили признаки острого лучевого синдрома, к тому же обнаружены ожоги, характерные как для бета-, так и для гамма-излучения. Основное облучение досталось передней части тела, максимальная же его доза пришлась на руки. Следы высокообогащенного урана на его ладонях предполагают, что фактически он обрабатывал вещество в тот самый момент, когда оно перешло в критическое состояние.

— Без перчаток? — спросил Гидеон.

Дарт взглянул на него.

— Да. И это то, что мы никак не можем понять, почему он не носил защитное снаряжение. Хотя, возможно, он... знал, что долго не проживет, — после этого заявления последовало короткое молчание, а затем Дарт закрыл папку. — Это все, что у нас есть на этот момент.

Гидеон спросил:

— Если это правда, то у нас не так много времени.

— Почему?

— Мне кажется, он собрал бомбу.

— Откуда вы знаете? — спросил Фордис, поворачиваясь к нему.

— Простейшая ядерная бомба, которую могут построить террористы — это бомба «пушечного» типа: в полую трубку для достижения критической массы помещаются два блока урана-235. Для подобного типа бомб необходимо держать эти два блока экранированными друг от друга, и держать их подальше друг от друга вам придется до тех пор, пока не приступите к сборке бомбы. Потому что эти две части, если они слишком близки и не обеспечены надлежащим экранированием, обмениваются нейтронами, переступают критический уровень и детонируют с выбросом гамма-излучения точно таким же, которое убило Чолкера.

— Значит, вы хотите сказать, что при сборке бомбы Чолкер и совершил какую-то ошибку? — спросил Фордис.

— Именно это я и пытаюсь сказать.

— Значит, оружие потеряло герметичность?

— Вовсе нет, — сказал Гидеон. — Оно может быть немного радиоактивно, но ничего, о чем надо было бы беспокоиться террористу-смертнику. Тот факт, что уран достиг критичности, означает, что в ядре произошли физические изменения, что, к сожалению, приведет к *повышению* поражающей способности. То есть, это делает бомбу еще более мощной.

— Сукин сын, — пробормотал Фордис.

— Очень хорошо, доктор Кру, — сказал Дарт. — Наша собственная команда аналитиков успела прийти к таким же выводам.

Фордис спросил:

— Как насчет его ноутбука? Я слышал, что его изъяли из квартиры Чолкера.

— Содержимое зашифровано. Нам еще не удалось извлечь из него хоть какую-то информацию.

— Тогда вы должны позволить мне взглянуть на него. Недавно я окончил шестимесячные курсы в отделе криптологии ФБР.

— Спасибо, агент Фордис, но у нас есть команда шифровальщиков, да и я лично считаю, что ваши способности больше пригодятся в других областях расследования.

Повисло краткое молчание перед тем, как Фордис снова заговорил.

— Любые соображения по поводу цели?

Дарт посмотрел на него с неуверенностью:

— Пока никаких.

Фордис глубоко вздохнул.

— Нам нужен доступ к квартире Чолкера.

— Естественно, у вас будет этот доступ. Но подразделение NEST будет первым в очереди, — Дарт сверился с календарем. — Боюсь, это будет только через пару недель. К нам уже поступил длинный ряд запросов от правительственных организаций.

Гидеон ждал какой-то реакции со стороны Фордиса, но, к его разочарованию, агент ничего на это не ответил. Они встали, намереваясь уйти.

— Могу я поговорить с вами, специальный агент Фордис? — спросил Дарт. Гидеон удивленно посмотрел на него.

— Извините, доктор Кру, но это личный разговор.

Фордис наблюдал, как Кру уходил. Он сомневался, что Дарт вел какую-то игру — он производил впечатление прямолинейного человека, но иногда все, даже самые лучшие, ведут *свою собственную* игру. Стратегия Фордиса всегда заключалась в том, чтобы скрывать свои планы, выяснив при этом планы всех окружающих. В течение многих лет эта тактика помогала ему пробираться через минные поля ФБР.

Закрыв дверь, Дарт сложил руки на груди и пристально взглянул на Фордиса.

— Мне бы хотелось, чтобы все сказанное осталось между нами. Я немного обеспокоен, потому что, честно говоря, я считаю, что ваше назначение на это задание само по себе довольно странно.

Фордис кивнул.

— Я немного знал доктора Кру в Лос-Аламосе. Он весьма приметная личность. И я высоко ценю его способности. Но на Холмах у него была репутация фрилансера, считающего, что правила созданы для других, но не для него. Качества, которые делают из него блестящего и творческого ученого, но которые могут завалить это уголовное расследование. Я прошу вас следить за ним и следить за тем, чтобы он не... действовал

сгоряча. Вот и все.

Фордис постарался сохранить строгое выражение лица. Это правда, что у Гидеона был бесшабашный, свободолюбивый дух, который Фордис не особо любил. Он понимал, почему Дарт считал, что с этим у него может возникнуть проблема — потому что, на самом деле, это было так. Но Кру был его напарником, и хотя агент не был уверен, что ему можно верить или что он вообще ему нравится, партнерская лояльность компенсирована все это.

— Хорошо, доктор Дарт.

Дарт поднялся и протянул ему руку.

— Спасибо, и удачи вам.

Фордис тоже встал и молча пожал ему руку.

Гидеон Кру с неверием изучал творящийся вокруг него хаос. Даже в два часа ночи здесь было слишком много аварийных и правительственных машин: куда не глянь, всюду маячили ограждения и пункты управления и контроля. Вокруг квартиры Чолкера в радиусе нескольких кварталов была создана зона оцепления, из которой пришлось эвакуировать всех жителей. Приближались к дому, где случился захват заложников, Фордис и Гидеон заметили, что местность постепенно меняется, начиная напоминать обширный и хаотичный зоопарк, состоящий из правоохранительных органов, снующих тут и там представителей многочисленных правительственных организаций, многоуровневых контрольно-пропускных пунктов, бюрократии и императивных препонов. «Слава Богу», — думал Гидеон, — «что со мной Фордис, его значок и его свирепый хмурый взгляд, который позволял нам прорезать свободный проход через это море людей».

Ограждения сдерживали бурлящую толпу представителей телевизионных каналов, репортеров и фотографов, смешанных с простыми зеваками и людьми, эвакуированными из близлежащих домов. При этом несколько жителей организовали акцию протеста: размахивали самодельными плакатами и громко выкрикивали требования. Удивительно, но до сих пор правительству удавалось скрывать от журналистов, что в этом деле была замешана радиация и что в руках террористов находится дееспособное ядерное оружие.

Гидеон не ожидал, что подобный секрет продержится так долго. Уже слишком много людей о нем знало. И когда, в конце концов, это все вскроется, только Бог знает, что произойдет.

Пробившись сквозь плотный фасад многочисленных репортеров, они сразу же направились к центральному пункту управления и контроля: трем мобильным фургонам, выстроенных в U-образной форме и украшенных спутниковыми антеннами. Был установлен комплект пропускных рамок, как в системе безопасности аэропортов, регулирующий толпу проходящих и уходящих сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, вся улица была зачищена, и в ярком сиянии искусственных огней Фордис увидел несколько людей в радиационных костюмах, перемещавшихся по передней лужайке и внутри дома.

— Добро пожаловать в город Нью-Кластерфак^[16], — пробормотал Гидеон.

Фордис направился к какому-то мужчине в форме ФБР.

— Специальный агент Фордис, — представился он и протянул руку.

— Специальный агент Паккард, отдел поведенческого анализа.

— Нам нужно попасть в квартиру.

Паккард цинично фыркнул.

— Занимайте очередь. Сейчас в квартире находятся шесть человек, они там уже три часа, и их выхода ждет еще примерно сотня. Ответ на события 9 сентября был намного более организованным, чем то, что происходит здесь, — мужчина покачал головой. — На кого именно вы работаете?

— Мы взаимодействуем с частным подрядчиком по безопасности.

— Господи, частный подрядчик? С таким же успехом вы могли бы взять отпуск на две недели и провести его на Гавайях.

— А кто те парни, которые стоят первыми в очереди? — спросил Фордис.

— Подразделение NEST, естественно.

Гидеон коснулся плеча Фордиса и кивнул на одну из фигур в радиационных костюмах.

— Интересно, кто его портной? — пробормотал он.

Казалось, Фордис понял намек. Он замолчал на мгновение, собираясь с мыслями, а затем повернулся к агенту Паккарду.

— Где у вас можно достать костюмы?

Паккард кивнул в сторону другого фургона:

— Там.

Фордис благодарственно пожал ему руку.

— Спасибо, брат.

Когда они отошли, Гидеон спросил:

— Значит, ты отважишься на небольшую партизанскую вылазку? Я имею в виду... у этих сторонников джихада ведь есть ядерное оружие. Через две недели будет уже слишком поздно.

Фордис ничего не сказал, просто продолжил уверенно пробираться сквозь толпу к фургону. Гидеон следовал за ним. Трудно было понять, что на уме у агента ФБР, глядя на его каменное лицо.

Позади фургона была установлена палатка для переодевания, внутри которой размещалась пара стоек: одна с костюмами, а другая с респираторами. Дозиметры радиации были вмонтированы в рукава каждого костюма. Фордис поднырнул под ограждение, Гидеон держался у него на хвосте. Они подошли к стойкам и начали пробираться сквозь них. Сразу же появился мужчина в форме NEST.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Фордис окинул его суровым взглядом своих голубых глаз, извлек значок, висящий на цепочке, и почти впечатал его в лицо мужчины.

— Нам нужен доступ. *Немедленно.*

— Послушайте, — пронзительно возразил мужчина, — сколько раз я должен говорить вашим людям, ФБР войдет туда только в свою очередь!

Фордис уставился на него.

— Вы хотите сказать, что ФБР там еще не побывало?

— Вот именно. У NEST много работы, которую необходимо сделать в первую очередь.

— Группа Дарта?

— Верно. В случае возникновения чрезвычайной радиационной угрозы протокол национальной безопасности гласит, что NEST имеет право первенства в расследовании.

Повисло затяжное молчание. Казалось, Фордис снова потерпел поражение. Гидеон понял, что ему придется самому что-то придумать, чтобы они смогли попасть внутрь. Фордис был ограничен регламентом и правилами, и он мог многого лишиться. Гидеону же, со своей стороны, терять было ничего.

— Ну и слава Богу, — сказал ученый, снимая костюм со стойки, и начиная его надевать. — Неудивительно, что Дарт так настаивал, чтобы нас прикомандировали к NEST.

Сапфировые глаза Фордиса удивленно уставились на него, и Гидеон слегка ободрительно улыбнулся ему в ответ.

— Поторопись. Ты знаешь Дарта, он будет злиться, если мы не предоставим ему отчета до рассвета.

Мужчина расслабился.

— Сожалею. Не хотел вам мешать, я не знал, что вас прикрепили к NEST.

— Ничего страшного, — сказал Гидеон, глядя на Фордиса и пытаясь взглядом сказать ему, чтобы он и дальше придерживался этой версии и не смел возражать. — Пойдем, Стоун, у нас осталось мало времени до конца дня.

Однако агент все еще колебался. Лишь через несколько минут он, к облегчению Гидеона, начал надевать свой костюм.

— Подождите. Я все же должен взглянуть на ваши сопроводительные документы и проверить герметичность вашего снаряжения.

Фордис застегнул свой костюм спереди и выдал мужчине вполне дружескую улыбку.

— Документы уже в пути. И спасибо, но мы уже знаем, как пользоваться снаряжением.

— Тогда я должен хотя бы увидеть ваш временный допуск.

— Вы собираетесь заставить меня снять *все это*, только для того, чтобы я показал вам удостоверение?

— Сожалею, но я все равно должен его увидеть.

Фордис понимающе улыбнулся и положил руку на плечо парня.

— Как тебя зовут, сынок?

— Рамирес.

— Передай-ка мне эти респираторы, Рамирес.

Рамирес протянул ему респираторы, и Фордис вручил один из них Гидеону. Тот молча его взял.

— Дарт лично направил нас сюда. Если у вас возникли вопросы, позвоните ему сами.

Рамирес так и не отвел взгляда от Фордиса.

— Но имейте в виду, Дарт не любит, когда его беспокоят...

Фордис приложил респиратор к лицу, что послужило самой лучшей причиной прервать разговор с Рамиресом. Гидеон последовал его примеру. Он отметил, что респиратор оснащен небольшим радиопередатчиком. Он включил его, установил на личный канал связи, и показал жестом, чтобы Фордис сделал то же самое.

— Ты меня слышишь, Фордис?

— Громко и четко, — донесся до него голос агента.

— Пойдем, пока не стало слишком поздно.

Они принялись обходить Рамиреса.

— Подождите, — извиняющимся тоном сказал тот. — Я действительно должен увидеть ваш допуск.

Гидеон поднял респиратор.

— Мы покажем его вам, когда вернемся. Или для уточнения этого вопроса вы можете связаться с Дартом, но попытайтесь поймать его в нужный момент. Он сейчас немного на взводе.

— Вы меня, что, разыгрываете? — недоумевал Рамирес, качая головой.

— Раз вы так говорите, стало быть, вы можете себе представить, как он разозлится, если пару его парней со спецзаданием задержат.

Гидеон снова вернул респиратор на место, прежде чем Рамирес успел ответить. Они миновали последний барьер и направились к ничем не примечательному дому.

— Отлично сработано, если нам удастся провернуть это дело до конца, — сказал с усмешкой Гидеон в комм. — И, кстати, этот костюм тебе очень идет.

— Тебе это кажется забавным? — внезапно рассердился Фордис. — Я занимаюсь этим

дерьмом постоянно, и в этом нет ничего смешного. И, кстати, если нас поймают, я скажу, что это была твоя идея.

Домовладельцы сдавали Чолкеру подвальное помещение, где тот и провел быстро пролетевшие последние два месяца своей жизни. Оно было небольшим и аскетичным, состоящим из крошечной комнаты, кухни и ванной, а также задней комнаты с одним единственным окном. Помещение было тщательно обработано и слабо пахло хвойным моющим средством и отбеливателем. Шесть сотрудников NEST медленно перемещались по нему, просматривая все вещи, собирая волокна и пыль, а также фотографируя. Но в целом, все оставалось на своих местах.

Первая комната была пустой, за исключением коврика у двери, пары слегка потрепанных домашних тапочек и маленького, но роскошного персидского коврика посередине.

Гидеон остановился, глядя на коврик. Тот лежал криво, выбиваясь из общей обстановки комнаты.

— Молитвенный коврик, — раздался в гарнитуре уверенный голос Фордиса. — Указывает в сторону Мекки.

— Верно. Так и есть.

Еще одним предметом в комнате оказался открытый Коран, лежащий на специальной резной книжной подставке. Фордис изучил его и заметил, что это было двуязычное издание — на английском и арабском языках — и довольно сильно потрепанное. На многих страницах были выделены некоторые строки.

Было интересно узнать, какие именно цитаты привлекли особое внимание Чолкера. Гидеон взглянул на открытую страницу, и его взгляд сразу же захватил один отмеченный стих:

«Дошел ли до тебя рассказ о Покрывающем (Дне воскресения)?

Одни лица в тот день будут унижены, изнурены и утомлены.

Они будут гореть в Огне жарком.

Их будут поить из источника кипящего». [\[17\]](#)

Он взглянул на Фордиса, который тоже смотрел на книгу и, в конце концов, медленно кивнул, давая понять, что тоже увидел аналогию.

Фордис указал на кухню и направился к ней для более детального изучения. Она была так же зачищена, как и вся остальная квартира, но в ней все предметы по-прежнему находились на своих местах.

— А холодильник открыть мы можем? — спросил Гидеон Фордиса по комму.

— Не спрашивай. Просто посмотри, что там.

Гидеон открыл дверцу. Внутри стоял пакет молока, пакет фиников, остатки пиццы в картонной коробке, сыр, несколько китайских картонных коробочек с едой и еще пара других продуктов. В морозильнике лежали замороженные куски ягненка, мороженое «Ben&Jerry» и пакет с сырым миндалем. Как только Гидеон закрыл дверцу, он заметил календарь, прикрепленный к ней магнитами. Верхнюю половину его украшала фотография Тадж-Махала. На календаре подчеркиком Чолкера было сделано несколько записей. Гидеон изучал их с интересом, в то время как Фордис подошел к нему сзади.

Гидеон перевернул календарь сначала на месяц назад, затем еще на один. Все листы оказались исписаны загадочными символами.

— Господи, — пробормотал он в комм, пролистав календарь до текущего месяца.

— Видишь?

— Что именно? — спросил агент, глядя на пустой календарь. — Он же чистый.

— Вот именно. Здесь нет ни одной записи. После двадцать первого числа этого месяца пометок нет.

— Что это значит?

— Мы смотрим на ежедневник террориста-смертника. *И все его записи обрываются через десять дней.*

Они вышли на улицу, и после тускло освещенных апартаментов огни фонарей показались им слишком яркими. Гидеон моргнул, пытаясь привыкнуть к свету.

— Десять дней, — пробормотал Фордис, качая головой. — Как думаешь, они так и будут придерживаться этого графика после случившегося?

Гидеон пожал плечами.

— Я думаю, более вероятно, что они постараются ускориться.

— Господи Боже.

Над ними низко пролетел вертолет, производя замеры датчиками радиации, и Гидеон видел огни других, парящих в небе над разными частями города.

— Они ищут лабораторию террористов, — сказал Фордис. — Как далеко, ты думаешь, мог уйти Чолкер, схватив такую дозу облучения?

— Не думаю, что далеко. Четверть мили, не больше.

Они практически достигли барьеров. Гидеон снял респиратор и сказал:

— Давай оставим себе костюмчики?

Фордис испытующе взглянул на него.

— Я начинаю думать, что тебе нравится подливать масло в огонь.

— У нас десять дней, так что, да, давай-ка подольем масла. И чем больше, тем лучше.

— И для чего, по-твоему, нам понадобятся костюмы?

— Чтобы проникнуть в лабораторию террористов. Которую мы отправимся искать прямо сейчас. Склады Лонг-Айленда находятся как раз в конце бульвара Квинс — очевидно, стоит начать именно оттуда. Я хочу сказать, что, получив облучение, Чолкер не мог уйти далеко от места происшествия. У него едва ли были силы, чтобы двигаться.

Фордис, по крайней мере, не сказал «нет».

Они добрались до машины, сняли защитные костюмы и бросили их на заднее сидение. Гидеон оставил себе коммуникационное устройство, убрал его в карман и вставил ушной вкладыш, чтобы иметь возможность слушать переговоры. Фордис завел двигатель. Пока они выезжали за ограждения и пробирались сквозь толпу зевак — невероятно, но они все еще торчали здесь, невзирая на то, что время перевалило за 3 часа ночи! — в ней вдруг начали происходить изменения. Началось движение, людей как будто окатило волной страха... даже паники. Они начали бежать — сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее. Послышались крики и даже несколько протяжных воплей. Кто-то припустился со всех ног.

— Что, черт возьми, происходит? — нахмурился Фордис.

Гидеон открыл окно.

— Эй, что там происходит? Эй!

Скромного вида подросток на скейтборде пронесся мимо них, остальные не отставали он него ни на шаг. Вдруг к машине подлетел мужчина с раскрасневшимся лицом и одышкой. Он яростно схватился за ручку задней двери автомобиля и распахнул ее.

— Эй, что происходит? — воскликнул Гидеон.

— Впустите меня! — взмолился человек. — У них бомба!

Гидеон перегнулся назад и оттолкнул незнакомца.

— Найди другую машину.

— Они собираются взорвать ядерную бомбу в городе! — воскликнул он и снова стал рваться в машину. — Впустите меня!

— Кто?

— Террористы! Это во всех новостях! — он снова попытался проникнуть в машину. Гидеон помешал ему, после чего Фордис заблокировал двери.

В отчаянии незнакомец ударил кулаком по стеклу.

— Нужно выбираться из города! У меня есть деньги! Помогите мне! Пожалуйста!

— Все будет хорошо! — крикнул Гидеон через стекло. — Иди домой и посмотри «Декстера».

Фордис надавил на акселератор, и машина рванула с места, быстро пересекла бульвар и проложила себе путь в тихую индустриальную зону подальше от паникующей толпы. Это было какое-то безумие: в соседних многоквартирных домах стали загораться огни.

— Похоже, новость таки просочилась в прессу, — буркнул Фордис. — Теперь наша ситуация сильно напоминает бросок дерьма в вентилятор.

— Сам знаешь, это был только вопрос времени, — сказал Гидеон.

В его динамике на открытых частотах послышались голоса. Очевидно, группы быстрого реагирования пытались взять ситуацию под контроль, успокоить паникующих людей и ответить на все экстренные вызовы.

Машина медленно двигалась по Джексон-Авеню среди запустения старых складов и промышленных площадок, что простирались с обеих ее сторон.

— Все равно, что искать иголку в стоге сена, — проворчал Фордис. — Нам в жизни не отыскать его лабораторию самостоятельно.

— Да, а как только ее найдут *они*, нам туда уже не попасть — особенно после того трюка, благодаря которому мы пробрались в дом Чолкера, — Гидеон на мгновение задумался. — Мы должны найти нить, которую еще не нашел никто другой!

— Нить, которую больше никто не нашел? Ну, удачи, — и Фордис развернул машину, направив ее обратно, к бульвару Квинс.

— О'кей, я понял! — внезапно взволнованно воскликнул Гидеон. — Вот, как мы поступим.

— Как?

— Мы отправимся в Нью-Мексико. Заглянем в прошлое Чолкера. Ответ на то, что здесь произошло, лежит на западе. В конце концов, признай, с тем дерьмом, что творится здесь, мы ничего не можем поделать.

Фордис пристально взглянул на него.

— Но основное действие разворачивается *здесь*, а не там.

— Именно поэтому нам нечего здесь делать. Разве что бодаться со всеми этими чиновниками. *А там* у нас, по крайней мере, будет шанс сражаться и, возможно, шанс переломить ситуацию, — Гидеон помедлил. — Есть идеи получше?

Фордис неожиданно ухмыльнулся.

— Аэропорт Ла-Гардиа всего в десяти минутах езды отсюда.

— Что? Понравилась тебе идея?

— Еще как. И лучше нам отправиться прямо сейчас, потому что — могу тебе гарантировать — через несколько часов все места во всех самолетах из Нью-Йорка будут раскуплены, как горячие пирожки, и свободных в ближайшем обозримом будущем не предвидится.

Низколетящий вертолет прострекотал у них над головой, идя по следу террористов. Секундой позже чей-то голос прорвался в наушник Гидеона.

«Я что-то нашел! Есть след!»

Слова его заглушили другие голоса и статические помехи.

«... Пирсон-Стрит, рядом с хранилищем...».

— Они напали на след, — сообщил Гидеон Фордису. — Радиоактивный шлейф на Пирсон-Стрит.

— Пирсон-Стрит? Господи, мы же только что ее проехали.

— Мы будем там первыми. У нас даже есть небольшая фора...

Фордис пустил седан в управляемый занос. Через мгновение, взвизгнув резиной, они понеслись по Пирсон-Стрит. Несколько вертолетов уже парили над ней, пытаясь выявить точное место излучения. Издали доносился вой сирен.

Пирсон-Стрит была тупиком и оканчивалась железнодорожной сортировочной станцией. Последние здания на улице были массивными пустыми складами, стоявшими напротив заваленного мусором пустыря. В самом конце дороги маячил дряхлый железнодорожный склад.

— Вот, — указал Гидеон. — Вот этот склад у железнодорожной станции.

Фордис осмотрел его с сомнением.

— Откуда ты знаешь?

— Видишь сломанный замок? Поехали.

Фордис подъехал к обочине и затормозил, взвизгнув резиной. Они схватили свои костюмы, Фордис взял с собой из бардачка два фонарика, и они стремительно зашагали к складу. В окружавшем его проволочном заборе зияло такое множество дыр и лазеек, что миновать его не составило никакого труда. Раздвижные двери были скованы цепью, но замок, создавая видимость, висел всего на одном звене — его кто-то разрезал.

Гидеон толкнул дверь. Фордис включил фонарик, передав ученому второй. Два луча осветили во тьме пространство заброшенного склада, заставленного разлагающимися горами железа, рельсов, шпал, ржавого оборудования, а также глыб соли и дробленых камней.

Гидеон отчаянно озирался по сторонам, но так и не смог заметить ничего, на чем следовало бы заострить внимание. Похоже, это был просто заброшенный, совершенно бесполезный, никому не нужный склад.

— Черт, — в сердцах сплюнул Фордис. — Должно быть, лаборатория в одном из тех складов, что мы уже проехали.

Гидеон вытянул вперед руку с фонарем и направил его луч на пол. Здесь недавно проходили люди, и они были довольно небрежны, имея неосторожность оставить после себя множество следов в пыли и грязи. Гидеон увлек Фордису за собой к дальней стене, где заметил огромные двойные двери грузового лифта. Убедившись, что действительно видит перед собой именно лифт, Гидеон воодушевленно ускорился и перешел почти на бег.

— Ниже этого этажа есть еще один! — воскликнул он, глядя на панель. Ученый отчаянно ударил по кнопке вызова, но та, похоже, не работала.

Гидеон бегло обвел фонарем пространство и вскоре нашел аварийную лестницу. Не говоря ни слова, он бросился к ней и толкнул дверь, за которой лежала лишь темнота.

Тем временем звук сирен усилился и стал больше напоминать какую-то сплошную какофонию. До Гидеона доносились радиопомехи, чьи-то голоса и хлопки дверей.

Прокладывая себе путь фонариками, Фордис и Гидеон быстро спустились по лестнице. Комната, находящаяся внизу, по большей части, пустовала, если не считать разграничивающих сеток, подъемников и подвижных стеллажей высотой от пола до потолка. Однако в воздухе чувствовалось едкое зловоние сгоревшей бумаги и жженого пластика. Осматриваясь, Гидеон осторожно направился к середине комнаты. Вдруг в дальнем ее конце он разглядел плотно сгруппированную конструкцию, забитую каким-то заброшенным оборудованием. Фордис тоже обратил на нее внимание и приблизился.

— Что это за установка? — спросил он, озираясь по сторонам.

Гидеон же сразу понял, что видит перед собой, и невольно почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

— Я видел такие установки на исторических фотографиях в музее бомб в Лос-Аламосе, — выдавил он. — Старые фотографии Манхэттенского проекта. Подобный грубый набор рельсов, столбов, шкивов и канатов используется для перемещения радиоактивного материала, при этом давая возможность держаться от него подальше. Насколько это возможно. Высокотехнологичными эти конструкции не назовешь, но они относительно эффективны — особенно если работать в каторжном режиме и совершенно не заботиться о риске схлопотать повышенную дозу радиации.

Проходя мимо отсеков и заглядывая в каждый из них, он замечал все больше деталей установки для дистанционного перемещения: погрузочно-разгрузочные тельферы, грубые каретки, куски металла, свинцовые коробки, а также разбросанные провода и детонаторы. Неожиданно, его взгляд выхватил скоростной транзисторный переключатель, и один его вид снова заставил холодок пробежать по его спине.

— Боже, — выдохнул Гидеон, сердце его пустилось вскачь. — Здесь же есть все необходимое для создания бомбы, включая скоростные транзисторные переключатели... пожалуй, их было сложнее всего достать, если не брать в расчет само ядро.

— А это что, черт возьми, такое? — Фордис указал на очередную нишу, где Гидеон увидел клетку с решеткой, в которой валялся какой-то мусор, больше напоминающий... обьедки.

— Будка для собаки? Довольно большая, надо сказать. Возможно, для ротвейлера или добермана — чтобы держать любопытных обывателей подальше отсюда.

Фордис двигался медленно и методично, изучая окружающее пространство дюйм за дюймом.

— Здесь очень много остаточной радиации, — сказал Гидеон, глядя на датчик, встроенный в свой костюм. Это замечание привлекло внимание Фордиса, и он обернулся к ученому, который махнул рукой. — Особенно там, на той установке. Скорее всего, Чолкер там и облажался, устроив критический выброс. Оттуда адски фонит.

— Гидеон? Взгляни-ка на это, — Фордис опустился на колени перед кучей пепла и внимательно во что-то всмотрелся. Когда Гидеон приблизился, он услышал наверху шум и голоса: команда NEST вошла в здание.

Он опустился на колени рядом с Фордисом, стараясь как можно меньше колебать воздух вокруг себя, чтобы случайно не нарушить целостность эфирных кусков пепла. В этом прахе угадывались какие-то документы, компакт-диски, DVD и бумаги — сгоревшие все вместе, они образовали слипшийся хаотичный клубок, который очень сильно пах бензином. Рука Фордиса, облаченная в защитную перчатку, указала на один большой обрывок на самой вершине кучи пепла. Когда Гидеон наклонился ближе, его фонарик застыл на смятой

поверхности, и ученый сумел лишь разобрать, что перед ним лежала карта Вашингтона, округ Колумбия с множеством пометок, сделанных арабской вязью. Несколько ориентиров — включая Белый дом и Пентагон — были обведены.

— Похоже, мы только что нашли цель, — угрюмо пробормотал Фордис.

На лестнице послышались шаги. В дальнем конце комнаты вскоре появилась шеренга фигур, облаченных в белые костюмы.

— Кто вы, черт возьми? — прозвучал вопрос через интерком.

— NEST, — резко ответил Фордис, поднимаясь. — Мы передовая команда. Передаем дело вам.

Это заявление повлекло за собой вспыхнувшие лучи фонарей, осветившие все пространство вокруг. Гидеон поднялся и поймал на себе взгляд Фордиса.

— Да, — кивнул он. — А нам пора идти.

Пришлось провести целые часы в полевом отделении ФБР в Альбукерке за заполнением бесконечных бумаг на прокат автомобиля и представительские расходы. Теперь они, наконец, могли отправиться в путь, в Санта-Фе, держа курс на огромную дугу гор Сандия, что возвышались справа от них, слева от которой текла река Рио-Гранде.

Даже здесь они наткнулись на плотный поток перегруженных автомобилей, что двигались в противоположном направлении.

— От чего они бегут? — спросил Фордис.

— Все здесь прекрасно понимают, что если разразится ядерная война, Лос-Аламос станет основной целью.

— Да, но разве кто-то говорил о *ядерной войне*?

— Если бомба террористов ударит по Вашингтону, одному Богу известно, что может случиться дальше. Похоже, местные жители уже сделали свои выводы. А что, если нам станет известно, что террористы получили материал для боеголовки, к примеру, из Пакистана или Северной Кореи? Думаешь, мы не нанесем ответный удар? Я могу представить себе множество сценариев, в которых нас ожидает куча сладких грибовидных облачков, поднимающихся над холмами. К примеру, над этими, всего в двадцати милях от Санта-Фе.

Фордис покачал головой.

— Ты слишком забегаешь вперед, Гидеон.

— А эти люди так не думают.

— Боже, — пробормотал Фордис. — И ведь нам пришлось провести четыре гребаных часа за бумажной волокитой! А до Дня-Икс осталось всего девять дней, — в сердцах добавил он, используя внутренний термин, обозначающий день взрыва ядерной боеголовки.

На время воцарилось молчание.

— Ненавижу это бюрократическое дерьмо, — буркнул, наконец, Фордис. — Нужно очистить голову, привести мысли в порядок, — он пошарил в портфеле, извлек оттуда iPod, подключил его к док-станции и выбрал трек.

— Лоренс Велк^[18], прошу любить и жаловать, — пробормотал Гидеон.

Однако вместо этого из колонок донеслась «Эпистрофия» Телониуса Монка^[19].

— Ого! — воскликнул Гидеон. — Агент ФБР, который слушает Монка? Ты, должен быть, шутишь.

— А ты что думал, я слушаю? Мотивирующие лекции? Да ладно, ты — поклонник Монка?

— Это величайший джазовый пианист всех времен!

— А как насчет Арта Тэйтума?^[20]

— Нот много, а музыки мало... если понимаешь, что я имею в виду.

Тем временем Фордис все разгонялся. Похоже, он был любителем скоростной езды. Когда стрелка спидометра перебралась за сто миль в час, агент извлек из бардачка портативную мигалку, одним ударом водрузил ее на крышу, и она тут же загорелась. Свист пронесшегося мимо ветра и шуршание шин звучали остигато, сопровождаемые рваными аккордами Монка и его дрожащим арпеджио. Некоторое время спутники молча слушали

музыку, а затем Фордис все же нарушил молчание:

— Ты знал Чолкера. Расскажи о нем. Что могло заставить этого парня съехать с катушек?

Гидеон невольно ощутил раздражение в ответ на намек, будто они с Чолкером были приятелями.

— Я не знаю, что могло заставить его съехать с катушек.

— Да, но... над чем вы работали в Лос-Аламосе?

Гидеон откинулся на спинку сидения и постарался расслабиться. Автомобиль почти встроился в поток более медленно идущих машин и грузовиков, но Фордис в последний момент свернул на скоростное шоссе и снова ускорился под аккомпанемент резкого порыва ветра.

— Ладно, — вздохнул Гидеон. — Как я уже говорил, мы оба были задействованы в Программе Управления Ядерным Арсеналом.

— И что она собой представляет?

— Это засекреченная программа. Ядерное оружие имеет свойство устаревать, как и все остальное. Проблема состоит в том, что утилизировать его из-за моратория невозможно. Поэтому наша задача состояла в том, чтобы поддерживать ядерные боеголовки в рабочем состоянии.

— Прелесть. И Чолкер делал то же самое?

— Он использовал суперкомпьютер, чтобы смоделировать ядерные взрывы, определить, как радиоактивный распад различных компонентов ядерного оружия повлияет на урожай.

— Эта работа тоже засекречена?

— Еще как.

Фордис потер подбородок.

— А где он вырос?

— В Калифорнии, насколько я знаю. Вообще, он мало распространялся о своем прошлом.

— А что ты можешь сказать о нем самом — в смысле, как о человеке? Работа, брак?

— В Лос-Аламосе он начал работать около шести лет назад. У него была докторская степень, которую он получил в Чикаго. Недавно женился, молодая жена приехала с ним. Она, в общем-то, и стала его главной проблемой. Она была своего рода экс-хиппи, нью-эйдж с Юга и ненавидела Лос-Аламос.

— А конкретнее?

— Она не скрывала, что всячески выступает против ядерного оружия, то есть, не одобряет работу своего мужа. А еще она пила. Помню, однажды на вечеринке в офисе она напилась и начала сыпать проклятьями на весь наш комплекс, а нас с коллегами называть убийцами и швыряться в нас всем, что попадет под руку. Пока ее не лишили прав окончательно, она успела несколько раз получить штрафы за езду в нетрезвом виде. Я слышал, что Чолкер делал все возможное, чтобы сохранить брак, но она, в конце концов, ушла и уехала в Таос с каким-то другим парнем. Присоединилась к коммуне нью-эйдж.

— Какого рода коммуне?

— Радикальной, антиправительственной, насколько я слышал. Они жили обособленно, вне общей сети. Выращивали горох и томаты. Скажем так, они были как бы левыми, но довольно странноватыми ребятами. Ну, знаешь, как те, что носят при себе оружие и читают Айн Рэнд.

— А такие бывают?

— Здесь, на западе — да. Ходили слухи, что жена Чолкера даже воровала его кредитные карты и опустошала счета, чтобы поддерживать коммуны. Около двух или трех лет назад Чолкер потерял свой дом и был объявлен банкротом. Вот после этого — при его уровне допуска к секретности и при его работе — это стало *реальной* проблемой. При таком раскладе следует держать свои финансы в порядке. После руководство вынесло несколько предупреждений, но, в конце концов, ему понизили уровень допуска. А потом перевели на другую должность с меньшей ответственностью.

— И как он это воспринял?

— Плохо. Можно сказать, это сломило его. Он и без того не отличался излишней уверенностью в себе и у него почти напрочь отсутствовало чувство собственного достоинства — казалось, всю жизнь он шел по линии наименьшего сопротивления и толком не понимал, чего хочет. В какой-то момент он начал цепляться за меня, как за спасательный круг. Хотел быть моим другом. Я пытался держать его на расстоянии вытянутой руки, но это было сложно. Мы пару раз обедали вместе, а иногда он присоединялся ко мне после работы, и мы с остальными коллегами шли пропустить по стаканчику.

Фордис тем временем разогнался до ста двадцати миль в час. Автомобиль рвался вперед, как ракета, звук двигателя и ревущего ветра практически заглушали музыку.

— Увлечения? Интересы?

— Он много говорил о желании стать писателем. Но... больше ничего не припомню.

— Он что-нибудь написал?

— Ничего такого, о чем я бы знал.

— А что насчет его религиозных взглядов? Я имею в виду, до его обращения в ислам.

— Никогда не спрашивал его об этом.

— Как он сменил конфессию?

— Он упоминал об этом однажды. Как-то он арендовал моторную лодку и вышел на озеро Абикиу, к северу от Лос-Аламоса. В то время у меня сложилось впечатление, что он выглядит совершенно подавленным и даже помышляет о самоубийстве. Во всяком случае — намеренно или нет — он выпал за борт и быстро обнаружил, что тяжелая одежда тянет его вниз. Он уходил под воду несколько раз. А потом, когда он уже собирался сдаться, он сказал, что почувствовал, как чьи-то сильные руки вытягивают его на поверхность. И тогда он услышал голос в голове: *Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного...* что-то в этом роде.

— Насколько я знаю, это первая сура Корана.

— Он смог забраться обратно в лодку, которая, по его словам, внезапно подплыла к нему, словно ведомая невидимым ветром. Он считал, это было чудо. Когда он приехал домой, то сразу пошел в мечеть Аль-Дахаб, что в нескольких милях от озера Абикиу. Была пятница, и там велись службы. Он остановился у входа, замер, а затем вошел в мечеть, где мусульмане очень тепло к нему отнеслись. Тогда-то, насколько я знаю, он и испытал какое-то очень мощное внутреннее преобразование.

— Та еще история...

Гидеон кивнул.

— Он раздал все свои вещи и начал жить очень аскетичной жизнью. Молился по пять раз на дню, но делал это тихо, никогда не выставлял это напоказ.

— А что именно он, ты говоришь, раздал?

— Модную одежду, книги, спиртное, стерео-оборудование, компакт-диски, DVD...

— А какие-нибудь еще изменения с ним произошли?

— Создавалось впечатление, что то преобразование в мечети наполнило его миром и добром. Он стал гораздо более уравновешенным человеком. Лучше работал, стал более сосредоточен, больше не выглядел подавленным. Для меня это было облегчение, потому что он перестал ко мне цепляться. Казалось, он действительно нашел в своей жизни какой-то смысл.

— Он когда-нибудь пытался обратить тебя в свою веру?

— Никогда.

— А после того, как он стал мусульманином, у него были какие-нибудь проблемы с безопасностью?

— Нет. Смена религии не имеет никакого отношения к службе безопасности. Он продолжал работать, как и раньше. К тому же, в любом случае, он уже потерял свой высокий уровень допуска.

— Проявлял какие-нибудь признаки радикализма?

— Насколько я могу припомнить, он был довольно аполитичен. Никаких разговоров о притеснениях, никаких заявлений против войн в Афганистане или Ираке... он вообще избегал подобных разговоров.

— В этом нет ничего удивительного. Он старался не привлекать внимания к своим взглядам.

Гидеон пожал плечами.

— Тебе виднее.

— А что насчет исчезновения?

— Это случилось очень внезапно. Он просто пропал. Никто понятия не имел, куда он делся.

— С ним перед этим произошли какие-нибудь перемены?

— Ничего такого не заметил.

— Что ж, по психологическому портрету он вполне подходит, — пробормотал Фордис.

— Можно сказать, почти хрестоматийный образ.

Они приблизились к подъему Ла-Байяда, и перед ними у подножия гор Сангре-де-Кристо раскинулся Санта-Фе.

— И это все? — усмехнулся Фордис, прищурившись. — Я думал, он будет больше.

— Он достаточно большой, — возразил Гидеон. — Итак? Каков наш следующий шаг?

— Тройной эспрессо. С пылу с жару.

Гидеон вздрогнул. Он был заядлым любителем кофе, но Фордис явно мог дать ему несколько очков вперед.

— Если продолжишь пить эту крепкую жижу, тебе скоро понадобится катетер и мешочек для сбора мочи.

— Не беспокойся, помочиться я всегда смогу и самостоятельно, — усмехнулся Фордис в ответ.

Тем же вечером спутники остановились в книжном магазине «Собрание Сочинений», расположенном на Галистео-Стрит, где после третьей посещенной кофейни Фордис не переставал сыпать жалобами на качество кофе в этом городе. День был долгим, и Гидеон уже успел потерять счет чашкам кофе, которые успели попасть в организм Фордиса. Очередную порцию агент осушил одним глотком.

— Ну, хорошо, это хотя бы *похоже* на кофе. Но должен сказать тебе, я сыт по горло всем этим дерьмом, — заявил он, раздраженно взмахнув рукой с пустой чашкой. — Нью-Мексико не лучше Нью-Йорка. Мы здесь ничего не добились, кроме того, что заняли очередь за еще полусотней следователей, которые разнохивают это дело. Мы ведем расследование уже двадцать четыре часа, и пока не добились ровным счетом ничего. Скажи, ты хорошенько осмотрел эту мечеть?

— Я разузнал бы больше, только если бы появился восставший из мертвых бен Ладен вместе со своими семьюдесятью двумя девственницами.

Их первой остановкой стала та самая мечеть, в которую впервые вошел Чолкер и в которую они до сих пор ждали официального допуска. От большого золотистого купола на четверть мили тянулась вереница служебных машин с их бесконечными проблесковыми огнями. Казалось, запрос Фордиса и Гидеона на осмотр мечети попросту потонул в бюрократической черной дыре.

После того хаоса, что воцарился в Нью-Йорке, Гидеон был крайне обеспокоен тем, что в Санта-Фе царило такое же волнение. Пока что здесь еще не началась неприкрытая паника, которая уже охватила Нью-Йорк, но с каждым часом чувство надвигающейся обреченности становилось все сильнее.

И все же в Нью-Йорке — Гидеон вынужден был это признать — паника приобрела пугающие масштабы. Этим утром им с Фордисом с трудом удалось покинуть Ла-Гуардиа: аэропорт был под завязку забит подавшимися панике убегающими людьми, и у большинства из них даже еще не было билетов на вылет куда бы то ни было. В целом все это действо представляло собой сцену жуткого хаоса. Фордису удалось выбить два места в самолете только благодаря его удостоверению ФБР и вдобавок во время полета до Альбукерке ему пришлось исполнять обязанности воздушного маршала.

Гидеон отхлебнул кофе, наблюдая за тем, как суетится Фордис. К сожалению, в Альбукерке их легенда о «прикреплении к NEST» не принесла никаких результатов. Вдобавок к тому, что их попросту выставили из мечети, попасть в дом Чолкера им тоже не удалось — равно, как не удалось получить доступ и к его бывшему рабочему кабинету или к кому-либо из бывших коллег. Следственный тупик продолжался даже здесь — NEST первыми получали доступ ко всем материалам дела, а остальным правительственным агентствам вне зависимости от сферы деятельности приходилось дожидаться своей очереди. Даже само ФБР мало что могло противопоставить подобной бюрократической монополии — преуспевали только те его агенты, которые были прикомандированы к NEST. Кроме того, их небольшая эскапада в Квинс — по проникновению в апартаменты Чолкера — по-видимому, привлекла внимание Дарта: Фордис получил из его офиса довольно прохладное предупреждение.

Когда агент поднялся, направившись в уборную, рыжеволосая официантка вернулась и предложила Гидеону пополнить его чашку.

— А вашему другу обновить? — поинтересовалась она.

— Нет, лучше не стоит, он уже достаточно накачался. Но мне можете обновить, спасибо, — он одарил ее самой душевной из своих улыбок и пододвинул к ней чашку.

Она вернула ему улыбку, наливая кофе.

— Сливки добавить?

— Только если вы порекомендуете.

— Ну, мне нравится кофе со сливками.

— Значит, и мне понравится. И сахар, будьте добры. Много сахара.

Ее улыбка стала шире.

— Сколько вам положить?

— Кладите, пока не попрошу остановиться.

Фордис вернулся к столу, переводя взгляд с Гидеона на официантку и обратно. Затем он сел на свое место и обратился к Гидеону:

— Те уколы антибиотиков все еще не вылечили тебя от сифилиса?

Официантка поспешила ретироваться. Гидеон же ожег агента взглядом.

— Какого черта?

— Мы на задании. Склеить официантку сможешь в свое свободное время.

Гидеон вздохнул.

— Ты портишь мне весь имидж.

— Имидж? — фыркнул Фордис. — Если задумываешься об имидже, лучше подумай о том, чтобы сменить эти чертовы джинсы и кроссовки на что-то более презентабельное. Ты выглядишь, как гребаный панк-рокер. Это непрофессионально и зачастую создает нам проблемы.

— Если ты не забыл, мы приехали налегке.

— Так или иначе, я надеюсь, что завтра ты будешь выглядеть подобающе. Полагаю, ты не против подобной просьбы?

— На самом деле, я *против*, — воспротивился Гидеон. — Лучше уж так, чем выглядеть, как мистер Куантико.

— А что не так с мистером Куантико?

— Ты считаешь, что образ строгого агента ФБР сможет открыть нам все двери, заставить людей рядом с тобой чувствовать себя в своей тарелке, а свидетелей — откровенничать. Я вот так не думаю.

Фордис покачал головой и начал постукивать карандашом по пустой чашке из-под кофе. Через несколько минут он снова заговорил:

— Должна быть в этом расследовании какая-то зацепка, за которую еще никто не потянул, — его «БлэкБерри» вдруг долго и заунывно загудел. Агент прочитал сообщение, выругался и положил телефон обратно. — Чертовы ублюдки все еще «просматривают документы».

Гидеон задумчиво потер подбородок.

— А что насчет записей телефонных разговоров Чолкера?

Фордис покачал головой.

— Мы в тысячах миль от этих записей, а даже если б они были в этом городе, никто бы нам их не предоставил: их, наверняка, засекретили и уже приобщили к делу.

— Да, но у меня есть кое-какая идея. Чолкер был немного рассеянным, поэтому частенько или терял свой телефон, или забывал зарядить. Так что я нередко становился свидетелем того, что он заимствовал чужие телефоны.

Теперь во взгляде Фордис появилась заинтересованность.

— У кого, например?

— У разных людей. Но в основном у женщины, которая работала с ним в одном кабинете.

— И как ее зовут?

— Мелани Ким.

Фордис нахмурился.

— Ким? Припоминаю это имя, — он щелкнул пальцами, полез в портфель, извлек оттуда файл и просмотрел его. — Она уже в списке свидетелей, а это значит, что, чтобы поговорить с ней, мы должны получить официальное разрешение.

— Нам и не нужно с ней разговаривать. Нам нужны лишь записи ее телефонных разговоров.

Фордис непонимающе покачал головой.

— Ты ничего лучше не мог придумать? И как ты планируешь добраться до записей ее телефонных разговоров? Точнее, *его* телефонных разговоров с *ее* телефона.

Гидеон нахмурился, размышляя и вспоминая. Это был хороший вопрос, ответа на который у него пока не было. Фордис снова вернулся к своей чашке.

— Около полугода назад, — медленно начал Гидеон, — Чолкер сбросил настройки своего iPhone. И выкинул его. Примерно неделю он использовал телефон Мелани, если ему требовалось позвонить.

Фордис просиял.

— Можешь обозначить временные рамки точнее?

Гидеон пораскинул мозгами.

— Зима.

— Та еще помощь, ничего не скажешь, — саркастически заметил агент.

Гидеон проклял свою плохую память.

— Погоди! Я помню, что Мелани тогда очень разозлилась, потому что она пыталась спланировать свою новогоднюю вечернику, а он продолжал заимствовать ее телефон и мог не возвращать его часами. Так что это было перед Новым годом.

— Должно быть, это было перед Рождеством. Потому что между Рождеством и Новым годом никто не работает.

Гидеон кивнул.

— Верно. И... Рождественские каникулы в том году начались двадцать второго декабря.

— Итак, мы говорим о двадцатом декабря, плюс-минус неделя?

— Именно.

— Что ж, тогда, полагаю, нам стоит начать бумажную волокиту, — устало вымолвил Фордис. Гидеон уставился на него горящим взглядом.

— К черту бумажную волокиту!

Вместо объяснения, он достал свой iPhone и набрал номер.

— Пустая трата времени, — обреченно покачал головой Фордис. — По закону телефонный оператор не имеет права выдавать записи телефонных разговоров даже самому клиенту — разве что выслать на его почту после официального запроса. Нам же для этого

потребуется заполнить постановление суда.

Гидеон как раз закончил дозваниваться. Он пробился через голосовое меню и, наконец, связался с оператором.

— Привет, дорогуша, — запричитал он старческим голосом. — Это Мелани Ким. Мой телефон украли...

— О, нет, — тихо простонал Фордис, затыкая уши. — Я не хочу это слышать. Ни за что. Оператор попросил назвать последние четыре цифры номера ее социального страхования и девичью фамилию матери.

— Сейчас посмотрю, дорогуша, сейчас посмотрю. Ой, что-то не могу найти, куда она запропастилась... как только узнаю номер, я сразу же вам перезвоню, дорогая.

Гидеон повесил трубку.

— Это было... отстойно, — нервно усмехнулся Фордис, сцепив пальцы на столе.

Гидеон проигнорировал его и набрал номер Мелани Ким. Она вскоре ответила.

— Привет, это Гидеон.

— Боже мой, Гидеон! — воскликнула Ким. — Ты не поверишь, но меня уже целый день допрашивает ФБР, тут такая история...

— Можешь и не рассказывать, знаю, — осторожно перебил ее Гидеон, стараясь говорить почти шепотом. — Они мне тоже устроили допрос с пристрастием, можешь себе представить? И знаешь, что? Все вопросы, которые они мне задавали, были связаны с тобой.

— Со мной? — в ее голосе зазвучала паника.

— Похоже, они думают, что между вами с Чолкером было... хм, ну то самое. Понимаешь?

— С Чолкером? С этим мудаком?! Ты, должно быть, шутишь!

— Послушай, Мелани, у меня сложилось впечатление, что они собираются серьезно за тебя взяться. Я подумал, что стоит предупредить тебя об этом. Похоже, им нужен козел отпущения...

— Не может быть. Но... у меня с ним ничего не было! Я терпеть его не могла!

— Они зачем-то спрашивали меня о твоей матери...

— О маме? Она же умерла пять лет назад!

— Они намекнули, что она была коммунисткой, когда училась в Гарварде.

— Гарвард? Моя мама из Кореи-то сюда не переехала, пока ей не исполнилось тридцать!

— Твоя мама была корейкой?

— Конечно, черт возьми, она была корейкой!

— Ясно. Ну, они продолжали давить на меня, и мне пришлось сказать им, что она была ирландкой. Ну... знаешь, смешанные браки, все такое... и я даже не представляю, откуда это пришло мне в голову. Прости меня.

— Ирландкой? *Ирландкой?! Гидеон, ты идиот!*

— Какой была ее девичья фамилия? Чтобы я мог это исправить.

— Квон. Дже-Ка Квон. И тебе лучше с этим разобраться!

— Я все сделаю, обещаю. О, и еще кое-что...

— О, Господи, да что же еще?

— Они задавали много вопросов о твоём номере социального страхования. Сказали, что он может быть не настоящим, что ты совершила какие-то махинации, чтобы получить Грин-карту... или что-то в этом духе.

— Грин-карту? Я, черт побери, гражданка США! Поверить не могу в этот идиотизм. Какой ужас...

Похоже, что он действительно разозлил ее, надавив сразу на всевозможные болевые точки. Гидеон невольно ощутил укол вины. Как можно мягче он заговорил снова, перебивая ее:

— Они были особенно внимательны к последним четырем цифрам твоего номера социального страхования. Вроде как, они вызывали у них наибольшие подозрения.

— Подозрения? Что ты имеешь в виду?

— Им казалось, что комбинация «1-2-3-4» — не простое совпадение. Сама понимаешь, это звучит, как подделка.

— «1-2-3-4»? Номер оканчивается на «7-6-0-6»!

Гидеон приложил руку к трубке и зашептал:

— О, нет, мне пора! Они снова зовут меня. Я сделаю все возможное, чтобы помочь тебе, клянусь. И, послушай, что бы ни случилось, не говори, что я тебя предупредил!

— Погоди...

Он сбросил вызов, откинулся на спинку стула и выдохнул. Гидеон едва мог поверить в то, что только что сделал. А ведь следующий шаг будет еще хуже.

Фордис уставился на него, и по его выражению лица невозможно было ничего прочесть.

Гидеон перезвонил в телефонную компанию. Голосом миленькой старушки, расстроенной пропажей телефона, он передал оператору персональную информацию Мелани Ким и попросил, чтобы все данные с ее телефона — номера банковских ячеек, персональные данные, адресная книга — все это было перенесено на «БлэкБерри» ее сына, и дал необходимый аккаунт. Затем Гидеон назвал оператору свой номер телефона, а также номер социального страхования и девичью фамилию матери Ким. Когда оператор сказала, что передача данных займет примерно двадцать четыре часа, Гидеон заплакал и слабым голосом поведал девушке слезливую историю о ребенке, брошенном щенке, раке и домашнем пожаре.

Несколько минут спустя он повесил трубку.

— Они ускорятся. Вся информация будет у нас максимум через полчаса.

— А ты пронырливый сукин сын, ты в курсе? — усмехнулся Фордис, но в его улыбке сквозило одобрение.

За неделю до двадцать второго декабря с телефона Ким в рабочее время был зарегистрирован семьдесят один звонок. Гидеон и Фордис быстро отфильтровали те, которые относились к адресной книге Мелани, и сосредоточились на остальных. Вызовы шли группами, из чего следовал вывод, что Чолкер заимствовал телефон своей коллеги, чтобы за раз звонить нескольким людям.

Отсортировав все звонки Чолкера, Гидеон и Фордис смогли подсчитать их окончательное количество: тридцать четыре.

Они разделили обязанности: Гидеон обзванивал их, в то время как Фордис использовал свой компьютер с доступом к базе данных ФБР, чтобы получить дополнительную информацию о владельцах номеров. Примерно через полчаса они сумели идентифицировать каждого, с кем связывался Чолкер.

Они молча уставились на список, который на первый взгляд казался абсолютно безвредным. В него входили коллеги по работе, приемные врачей, химчистки, радиостанции, имам его мечети и россыпь прочих, абсолютно ничего не говорящих звонков. Фордис встал и заказал еще один тройной эспрессо. Вернулся он уже с пустой чашкой: успел осушить свою порцию кофе на полпути к столу.

— Он трижды звонил в Институт Письма Бьорнсена, — сказал Гидеон. Фордис нахмурился. — Может, он все же что-то написал? Я ведь говорил, он рвался стать писателем.

— Позвони туда.

Гидеон позвонил. Поговорил всего мгновение, затем улыбнулся, повесил трубку и победно уставился на Фордиса.

— Он записался на курс семинаров по писательскому искусству.

— Да? — заинтересованно переспросил Фордис.

— Он назывался «Напиши Свою Жизнь».

Снова повисло долгое молчание. Фордис присвистнул.

— Так, выходит, он, что, написал мемуары?

— Похоже на то. И это было четыре месяца назад. Шесть недель спустя он все бросил, исчез и присоединился к джихаду.

Услышав это, Фордис буквально просиял.

— Мемуары... они ведь нам сейчас на вес золота! Где находится этот институт?

— Санта-Круз, Калифорния.

— Позволь-ка я им позвоню и...

— погоди, — перебил его Гидеон. — Будет лучше, если мы просто явимся туда. Лично. Если ты потревожишь их раньше времени, то можешь разворошить осиное гнездо. И если об этом пронюхает официальная линия следствия, плакат наш доступ туда.

— Мне все равно приходится фиксировать все наши передвижения по официальным каналам полевого отделения, — недовольно буркнул Фордис, говоря, скорее, с самим собой.

— Если полетим коммерческим рейсом, понадобится получить разрешение... — он помедлил, о чем-то сосредоточено размышляя. — Но нам ведь не обязательно лететь коммерческим рейсом. Мы можем арендовать самолет прямо на аэродроме.

— Да, но... кто же будет нашим пилотом?

— Я. У меня есть лицензия VFR, — сказав это, агент начал набирать номер.

— Кому ты звонишь?

— На местный аэродром.

Гидеон внимательно наблюдал за Фордисом, пока тот говорил по телефону. Он не слишком любил летать — особенно на частных самолетах — но, разумеется, он совсем не хотел, чтобы Фордис об этом узнал, и у него появился лишний повод для издевательств.

Фордис положил трубку.

— FBO на аэродроме может выделить нам самолет, но только через несколько дней.

— Слишком долго, давай лучше поедem туда на машине.

— И потеряем кучу времени расследования на простое сидение в машине? Так или иначе, завтра мне надо явиться в полевой офис ФБР в Альбукерке в два часа дня.

— Так что же нам делать?

Некоторое время агент не отвечал. А затем Гидеон сам ответил на свой вопрос:

— Помнишь, я сказал тебе, что Чолкер раздал все свои вещи...

— Да. И?

— Он предложил мне часть своей книжной коллекции. Романы, триллеры. Меня это не заинтересовало, поэтому он сказал, что отдаст их в библиотеку одной из индейских школ. Сан-Ильдефонсо, кажется.

— Где это?

— В пуэбло по дороге в Лос-Аламос. Это небольшое индейское поселение, известное своими танцами и черной керамикой. Чолкер был фанатом этих танцев — по крайней мере, пока не ушел в ислам.

— И он пожертвовал им свой компьютер? И бумаги?

— Нет. Он отдал им только некоторые декадентские книги, DVD и музыкальные диски.

Снова наступила тишина.

— Так что, может, нам следует наведаться в Сан-Идельфонсо? — пожал плечами Гидеон. — Проверить те книги.

Фордис покачал головой.

— Эти книги относятся к его биографии до обращения. Они ничего нам не дадут.

— Как знать. Там могут быть какие-нибудь бумаги, затерявшиеся между страницами. Или заметки на полях. Ты сказал, что нам не стоит просиживать штаны в машине — так вот тебе и дело! Кроме того, — Гидеон наклонился вперед, — это единственное место, куда мы точно приедem первыми.

Фордис задумчиво посмотрел в окно.

— Черт с тобой, ты умеешь убеждать.

Доктор Майрон Дарт сидел на восьмом этаже над улицами Манхэттена в конференц-зале Центра чрезвычайного реагирования Министерства энергетики. На полированной древесине стола для совещаний лежала одна единственная черная папка. Часы, висящие на стене позади него, показывали без двух минут полночь. Он понимал, что сильно устал и работает на износ, но о перерыве не могло быть и речи. В такие моменты он был благодарен своей морской подготовке, где его доводили до предела, заставляли переступить этот предел, и затем оставить его далеко позади себя.

Дверь в комнату открылась, и вошла высокая, напоминающая призрака, фигура его личного помощника Майлза Каннингема. Он кивнул Дарту в знак приветствия, но его аскетические черты лица не выдали никаких эмоций. Каждый день Дарт был благодарен Богу за своего сверхъестественно компетентного помощника, напоминающего монаха, который, казалось, находился выше каких-либо всплесков человеческих эмоций. За Каннингемом вошло все остальное высшее руководство подразделения NEST и в полной тишине разместилось за столом.

Дарт кинул взгляд через плечо и увидел, что именно в этот момент сместилась минутная стрелка. Полночь. Он попытался скрыть свое удовольствие от подобной пунктуальности. Он явно хорошо вышколил свой персонал.

Только сейчас Дарт открыл черную папку, которая лежала перед ним.

— Спасибо, что посетили это экстренное собрание, назначенное в последний момент, — начал он. — Сейчас я расскажу вам о последних событиях.

Он просмотрел первый лист, лежащий в папке.

— Во-первых, хотелось бы начать с нескольких очень хороших новостей: криптоаналитики ФБР взломали пароль на компьютере Чолкера. У нас также есть судебно-медицинский анализ того, что было в карманах у Чолкера, и мы проанализировали вещи, найденные в его квартире.

Он окинул взглядом всех своих заместителей и продолжил.

— Основные моменты заключаются в следующем. Данные с его компьютера все еще анализируются, но к этому времени мы нашли несколько файлов с джихадистской болтовней, видео с проповедями различных радикальных клириков и религиозные трактаты, касающиеся общих целей последователей джихада: обычная чушь на тему «уничтожения неверных». История его браузера показала многочисленные посещения радикальных сайтов. К сожалению, в целом, все то, что мы обнаружили — материал довольно общий и не содержит ничего конкретного. Мы так и не нашли какой-либо электронной переписки с определенными лицами, прямых ссылок на отдельных террористов, «Аль-Каиду» или другие радикальные группировки. Если говорить кратко, то из полученной информации, мы так и не смогли установить личности заговорщиков, конкретные детали заговора или то, как было приобретено ядерное оружие.

Его серые глаза снова обвели сидящих вокруг стола.

— Есть ли у кого-нибудь соображения о том, какие выводы мы можем из этого сделать?

Настал момент молчания, но затем кто-то сказал:

— Этот компьютер мог быть всего лишь резервной машиной.

— Я тоже об этом думал. Что-нибудь еще?

— Могли ли это подбросить специально? Вдруг это всего лишь приманка?

— Тоже вариант.

Последовала короткая дискуссия, и когда она достигла своего плодотворного окончания, Дарт умело направил разговор к следующему вопросу.

— Я поручил командам продолжить поиск другого компьютера или компьютеров. Тем не менее... — тут в его голосе зазвучала уверенность, — компьютер Чолкера содержал огромное количество фотографий и видео пяти архитектурных достопримечательностей Вашингтона: мемориала Линкольна, Капитолия, Пентагона, здания Смитсоновского института и Белого дома. Но не было найдено ни одного нью-йоркского ориентира.

Среди собравшихся пронесся тихий ропот.

— Вашингтон? — сказал кто-то.

— Верно.

— Может ли это оказаться дезинформацией? Ложным следом?

— Сначала мы пришли к выводу, что это именно так, но затем эксперты проанализировали содержимое квартиры Чолкера и содержимое его карманов. Как вы помните, в одном из карманов мы нашли клочок бумаги с написанным на нем адресом веб-сайта. Этот адрес оказался весьма интересным. Веб-сайт, на который он ссылался, был зашифрован и закрыт, а вся информация касательно него была удалена с сервера, расположенного в Йемене. Но мы смогли восстановить его зеркальную копию через секретный отдел архивации ЦРУ. Они выделили на это задание своих лучших людей и, наконец, взломали шифр. Там мы обнаружили некоторые детали конструкции бомбы, плюс тот же список из пяти целей, расположенных в Вашингтоне, а также три других, которые, видимо, в какой-то момент подготовки были отброшены: Музей Аиации и Космонавтики, Здание Сената США имени Дирксена и административное здание Каннон-Хаус. Помимс этого, на сайте оказалось прискорбно мало деталей. Но не забывайте, что среди содержимого его карманов находился входной билет в Национальный музей Авиации и Космонавтики.

Повисла пауза, в то время как Дарт тихо перевернул лист бумаги.

— Кроме этого в его квартире было найдено еще несколько религиозных трактатов, DVD-дисков, а также копия Корана на английском языке, в которой были выделены некоторые фрагменты, связанные с огнем, войной и Армагеддоном.

Очередной шорох документов.

— На холодильнике Чолкера был обнаружен календарь. На нем было отмечено довольно много встреч и дел, которые он, видимо, совершил. Все они были зашифрованы и обозначены своеобразными сокращениями. Ключевым моментом является то, что вся череда запланированных встреч внезапно обрывается двадцать первого числа этого месяца. После этого календарь пуст.

Он замолчал. Взгляд его медленно перемещался по собравшимся за столом, чтобы убедиться, что они понимают значение сказанного.

— Датчики показали, что Чолкер подвергся облучению в районе Лонг-Айленда, где, похоже, и была собрана бомба. Однако улики указывают на то, что бомба была успешно завершена. Хотя лаборатория оказалась разгромлена и сожжена, были найдены обрывки карты Вашингтона, все с теми же отмеченными пятью объектами.

Он закрыл папку и подался вперед, его лицо помрачнело.

— Мы пришли к заключению: цель — Вашингтон, округ Колумбия, а не Нью-Йорк. И вероятная дата атаки — двадцать первое число этого месяца. Как видите, у нас очень мало времени.

Один из участников собрания поднял руку и Дарт кивнул ему, тем самым давая слово.

— Зачем собирать в Нью-Йорке бомбу, предназначенную для Вашингтона?

— Отличный вопрос. Наше объяснение сводится к тому, что Нью-Йорк гораздо лучше подходит для подобного рода подпольной деятельности — огромный, обширный, многонациональный город, где люди не лезут в чужие дела. К тому же в нем проживает изрядная доля населения, сочувствующего радикальным исламистам. С другой стороны округ Колумбия является более жестко контролируемой зоной, с более высоким уровнем безопасности в целом и очень незначительным процентом исламского населения. Мы считаем, что именно поэтому они решили изготовить бомбу в Нью-Йорке и перевезти ее в округ Колумбия.

Очередная пауза.

— Вследствие этого, мы *немедленно* переносим наш оперативный центр в округ Колумбия. Я хочу, чтобы вы все были готовы выдвигаться сейчас же. Официальные запросы уже в процессе разработки.

Дарт встал и начал вышагивать из стороны в сторону.

— В компьютере не было найдено «пушечного» типа оружия, да и другие доказательства, которые у нас есть, недостаточно конкретны. Несмотря на все свои промахи, эти террористы были осторожны. И все же мы получили две наиболее важные части информации: где и, возможно, когда. К завтрашнему утру я ожидаю, что каждый из вас будет в Вашингтоне, в новом операционном центре. В ваших папках содержатся подробные сведения и протоколы безопасности. Разумеется, мы задействуем все имеющиеся активы ФБР, местных правоохранительных органов и вооруженных сил.

Он замер.

— В момент нашего совещания, президент и вице-президент направляются в Президентский оперативный центр управления чрезвычайными ситуациями. В ближайшие двадцать четыре часа Конгресс и кабинет министров, а также другие важные правительственные агентства будут укрыты в Ядерном бункере Конгресса США и других подобных секретных убежищах. В данный момент происходит мобилизация Национальной гвардии с целью организации упорядоченной эвакуации гражданского населения.

Вновь его взгляд скользнул по группе собравшихся.

— Мы твердо надеемся, что, обладая имеющейся на данный момент информацией, мы сможем предотвратить эту атаку. Однако мы должны быть крайне осторожны при общении с широкой публикой. Вы все видели хаос, охвативший Нью-Йорк, беспорядочную эвакуацию, колебания на финансовых рынках. Мы должны быть готовы к тому, что еще *большая* паника охватит Вашингтон, особенно когда мы начнем эвакуацию. Ключ к управлению паникой — это управление прессой. Люди *нуждаются* в информации. Случится катастрофа, если они заподозрят нас в утаивании новостей. Очевидно, что мы не сможем скрыть вероятное местоположение атаки. Но крайне важно, чтобы не стала известна возможная дата взрыва. Эта информация является неподтвержденной и наверняка вызовет острую реакцию. Любое упоминание этой даты отслеживается, и ее упоминание где бы то ни было, будет рассматриваться не иначе, как измена. Это всем понятно?

Из-за стола донеслись утвердительные возгласы.

— Есть еще какие-нибудь вопросы?

— У нас есть информация о том, откуда террористы получили радиоактивный материал? — спросил кто-то.

— До сих пор мы не обнаружили в нашем собственном арсенале какого-либо недостающего ядерного вещества. Хотя должен признать, что наши записи в ряде случаев оказались неполными или вовсе отсутствовали. Мы изучаем все возможные источники, включая Пакистан, Россию и Северную Корею.

Когда вопросов больше не последовало, Дарт закончил встречу.

— Я ожидаю, что завтрашнее утро вы все встретите уже в Вашингтоне. Это будет долгая ночь для нас всех. Завтра в полдень у нас состоится еще один брифинг в командном центре, расположенном на Двенадцатой улице. А сейчас всем доброго вечера.

Конференц-зал опустел так же быстро, как и заполнился. Как только Дарт сложил документы в черную папку и слегка ударил ее торцом по столу, к нему подошел его помощник Каннингем.

— Есть ли для меня какие-то особые распоряжения, сэр?

— Я хочу, чтобы ты связался с агентом Фордисом из ФБР. Посмотрите, достигли ли они с Кру каких-либо успехов в Санта-Фе. Само по себе все это расследование — громоздкий, необъятный монстр, но эти двое достаточно проворны, чтобы придумать что-то новое. Я хочу быть в курсе их достижений.

Пуэбло Сан-Ильдефонсо размещалось на берегу Рио-Гранде в длинной роще хвойных деревьев, растущих у подножия гор Хемес, в том месте, где дорога, ведущая в Лос-Аламос, начинала подниматься к предгорьям. Гидеон участвовал во многих индейских танцах в Сан-Ильдефонсо, особенно в знаменитом танце «Бизона и оленя» — это было популярное времяпрепровождение персонала, работавшего в лаборатории. Но сегодня, когда они проезжали через него, мимо земляной площади и старых зданий, пуэбло казалось почти безлюдным.

Пока они продвигались дальше, мимо них прогрохотал перегруженный пикап, обдав их машину клубами пыли.

«Даже индейцы уходят», — подумал он.

На площади они увидели группу индейских мужчин, завернутых в мексиканские одеяла и сидящих на деревянных стульях в тени глинобитной стены. По крайней мере, они не выглядели взволнованными и пили свой обычный утренний кофе перед выстроенными в линию деревянными барабанами.

— Подожди, — сказал Фордис. — Я хочу поговорить с ними.

Гидеон притормозил и остановился в тени старого тополя.

— Зачем?

— Спросим дорогу.

— Но я знаю, где находится школа...

Но Фордис уже выбрался из припаркованной машины. Раздраженный Гидеон последовал за ним.

— Привет всем, — окликнул жителей Фордис.

Мужчины молча наблюдали за тем, как гости приближались к ним. Гидеону стало ясно, что они представляли собой какой-то барабанный ансамбль. Возможно, сейчас они репетировали танец и не были рады, что их прервали.

— Сегодня будут какие-нибудь танцы? — спросил агент.

Повисла тишина, но затем один из мужчин ответил:

— Все танцы отменены.

— Не забудь записать это в свой блокнот, — пробормотал Гидеон.

Фордис пропустил мимо ушей его замечание и извлек свой жетон.

— Стоун Фордис. ФБР. Извините, что прервал вас.

Его заявление было встречено мертвой тишиной. Гидеон недоумевал, какого черта задумал Фордис. Он убрал значок и выдал мужчинам обезоруживающую дружескую улыбку.

— Может быть, вы читали о том, что происходит в Нью-Йорке?

— А кто нет? — раздался лаконичный ответ.

— Мы расследуем это дело.

Эти слова возымели ответную реакцию.

— Охренеть! — воскликнул один из парней. — А что там реально происходит? Вы уже напали на след террористов?

Фордис поднял руки.

— Извините, ребята, я ничего не могу вам рассказать. Но я надеялся, что вы поможете

мне прояснить несколько интересующих меня вопросов.

— Даже не сомневайтесь, — отозвался один из мужчин — очевидно, лидер. Он был невысоким и коренастым, с квадратным серьезным лицом, вокруг его головы была крепко повязана бандана. Остальные члены ансамбля поднялись.

— Этот человек, который умер в Нью-Йорке от радиационного облучения, Рид Чолкер передал свою коллекцию книг Сан-Ильдефонсо. Вы знали об этом?

Удивление, проступившее на их лицах, показало, что они слышат это впервые.

— Я так понимаю, что он был поклонником танцев.

— К нам сюда из Лос-Аламоса спускается много людей, желающих увидеть танцы, — сказал лидер. — Также верно и то, что многие наши люди работают там.

— Это правда? Ваши люди там работают?

— Лос-Аламос — самый большой работодатель пуэбло.

— Интересно. Кто-нибудь знал Чолкера?

Все единодушно пожали плечами.

— Возможно. Мы могли бы поспрашивать.

Фордис извлек свои визитки и раздал их всем мужчинам.

— Это блестящая идея. Поспрашивайте. Выясните, кто здесь знал Чолкера, даже слегка или вступал с ним в контакт. Хорошо? Должна была быть причина, по которой он отдал свою книжную коллекцию школе, и я бы хотел знать эту самую причину. Вы все могли бы помочь расследованию. Я серьезно. Теперь мы отправимся в школу. Она ведь в той стороне, правильно?

— Просто пройдите прямо, поверните налево и вы ее увидите. Рядом с ней никого не будет. Школа закрыта. Многие наши люди уехали.

— Я понимаю.

Фордис тепло обменялся с каждым из парней рукопожатиями и, наконец, отошел от них, оставив их оживленно беседовать.

— Это было проделано мастерски, — заметил Гидеон, не глядя на агента.

Фордис усмехнулся.

— Это как рыбалка.

— Только не говори, что ты тоже рыбак.

— Еще какой. Люблю отдохнуть, когда выпадает шанс.

— Мушка?

— Приманка.

Гидеон усмехнулся.

— Это не рыбалка. А я буквально на минуту подумал, что у нас есть что-то общее.

Сквозь деревья он заметил блеск реки Рио-Гранде, бегущей по каменистому руслу и сверкающей от солнечного света, и у него мгновенно вспыхнули воспоминания о форелевом ручье и о том, как он в старые добрые времена ловил рыбу со своим отцом — правда это было слишком далеко и слишком давно. Тогда его отец объяснил, что успех в рыбалке, как и в жизни, зависит главным образом от того, как долго ты сможешь удержать свою мушку на воде. «Удача» — говорил он, — *«это всего лишь встреча подготовки и возможности. Мушка — это возможность, бросок — подготовка. А рыба? Рыба и есть удача».*

Он быстро оттолкнул эти глубокие сокровенные воспоминания, он всегда так делал, когда всплывали мысли о его отце. Даже здесь, на этом далеком индейском пуэбло, было тревожно видеть, что люди уезжают. Опять же, они жили под самым боком Лос-Аламоса.

Школа стояла рядом с древними хвойными рощами, произрастающими вдоль реки, в окружении пыльных площадок для игры в бейсбол и теннисных кортов. Это было утро буднего дня, но школа, как и предупредили мужчины, была в основном пуста. На территории кампуса висела жуткая тишина.

Они зарегистрировались в офисе, заполнили книгу посетителей, и их сопроводили в маленькую школьную библиотеку, окна которой выходили на футбольное поле.

К счастью, школьный библиотекарь все еще был там и складывал книги. Это была довольно полная дама с длинными черными косами и в толстых очках. В ее взгляде появился интерес, когда Фордис показал ей свое удостоверение, и упомянул коллекцию книг Чолкера. Гидеон искренне удивился тому, насколько сильно она захотела им помочь.

— О да, — она вздрогнула, — я знала его. И я не могу *поверить*, что он стал террористом. У меня не укладывается это в голове. У них действительно есть бомба?

Ее глаза расширились.

— Мне не разрешено разглашать детали, — любезно сообщил Фордис. — Простите.

— И только представьте, он отдал нам свою коллекцию книг. Я должна вам сказать, что все здесь очень волнуются. Знаете ли вы, что они распустили школу на летние каникулы раньше положенного срока? Вот почему здесь так безлюдно. Завтра и я уеду отсюда.

— Вы помните Чолкера? Помните, *как* он решил отдать школе свои вещи? — терпеливо прервал ее Фордис.

— О да. Это случилось около двух лет назад, — у нее даже дыхание сбилось, как только она начала вспоминать. — Он позвонил и спросил, нужны ли нам книги, и я сказала, что мы будем рады их принять. Он привез их в тот же день. Их было две, может три сотни. Он был действительно хорошим парнем, очень милым! Я просто не могу поверить в происходящее...

— Он сказал, почему отдал вам книги? — спросил Фордис.

— Я не припомню. Простите.

— Но почему в пуэбло? Почему не в публичную библиотеку Лос-Аламоса или в какое-то другое место? Может быть, у него здесь был друг?

— Он действительно ничего не сказал.

— Где сейчас книги?

Она неопределенно махнула рукой.

— Они все распределены. Мы соединили их с остальными.

Гидеон огляделся. В библиотеке было несколько тысяч книг. Это могло оказаться более сложной задачей, чем он ожидал.

— Помните ли вы какие-нибудь названия из его коллекции? — спросил Фордис, делая очередную запись. Она пожала плечами.

— Все они были в твердом переплете, в основном мистические романы и триллеры. Довольно много с автографами авторов. По-видимому, он был фанатичным коллекционером. Но для нас это не имело значения — в первую очередь, книга предназначена для чтения. Мы просто перераспределили их в те секции, к которым они принадлежали.

Пока Фордис продолжал опрос, Гидеон отошел и начал изучать секцию фантастики, произвольно беря книги и перелистывая их. Он не хотел признаваться в этом Фордису, но боялся, что его идея могла оказаться пустой тратой времени. Разве что благодаря чистой случайности им повезет наткнуться на одну из книг Чолкера с заложенным в нее листом бумаги или на какую-нибудь рукописную заметку на полях. Но это было маловероятно —

коллекционеры книг обычно не делали пометки на своих книгах, особенно на изданиях с автографами.

Он начал прохаживаться вдоль секции фантастики, начав с буквы «Z», шагая вдоль полок в обратном алфавитном порядке, беря книгу то здесь, то там: Винсент Зандри, Стюарт Вудс, Джеймс Роллинс... Он бегло просматривал эти случайные книги в надежде обнаружить заметки или бумаги, или... — он улыбнулся своим мыслям — возможно, грубые зарисовки атомного оружия, но так ничего так и не нашел. За своей спиной он слышал, как Фордис продолжает спрашивать библиотекаря с тактичной, но настойчивой тщательностью. Гидеон не мог ему помочь, но был искренне удивлен компетентностью агента. В Фордесе странным образом сочеталось следование методическим правилам — вплоть до последней буквы — и нетерпимость, направленная на эти же самые правила и волокиту.

Энн Райс, Том Пиккирилли... Он продолжал перебирать книги с нарастающим раздражением.

И, в конце концов, он остановился. Кру нашел подписанную книгу, копию романа Дэвида Моррелла «*Мерцающий свет*», с автографом автора под оставленной надписью «*С наилучшими пожеланиями*».

Но это ни о чем не говорило. Он перелистал страницы, но больше ничего не нашел и поставил ее обратно. Некоторое время спустя он наткнулся на еще одну подписанную книгу, которую Тесс Герритсен озаглавила как «Сад костей». Содержащаяся в ней типовая надпись гласила: «*Риду, с наилучшими пожеланиями*». Следующим стал «Этаж смерти» с автографом Ли Чайлда: «*Риду, всего наилучшего*». По крайней мере, у Чолкера был хороший вкус.

На заднем плане Фордис продолжал вести беседу, извлекая из библиотекаря всю возможную информацию до последней капли.

Гидеон добрался до буквы «В». «Аббатство в дубовом лесу» Саймона Блейна оказалось также персонализировано: «*Риду, с теплыми пожеланиями*». А ниже значилось имя «*Саймон*».

Он замер на пару секунд, прежде чем вернуть ее на полку. Неужели Саймон Блейн подписывал все свои книги как «*Саймон*»? Рядом он нашел еще один роман Блейна «Море льда»... «*Для Риды, с моими наилучшими... Саймон Б.*».

Неожиданно за его спиной возник Фордис.

— Тупик, — пробормотал он.

— Возможно, нет.

Гидеон показал обе книги агенту и тот, взяв их, быстро пролистал.

— Я не понимаю.

— «*С теплыми пожеланиями*»? И подпись состоит только из имени? Похоже, Блейн знал Чолкера.

— Я сомневаюсь в этом.

Гидеон задумался, но затем обратился к библиотекарю.

— Я хотел бы задать вам вопрос.

— Слушаю? — быстро отозвалась она. Видимо, радуясь, что у нее есть возможность еще поговорить.

— У вас, похоже, много книг Саймона Блейна.

— У нас есть *все* его книги. И подумать только, большинство из них достались нам от мистера Чолкера.

— Хм, — сказал Фордис. — Вы не сказали мне об этом.

Она смущенно улыбнулась.

— Я как-то об этом не подумала.

— Чолкер знал Блейна?

— Не знаю, — сказала она. — Возможно. В конце концов, Блейн же живет в Санта-Фе. «Бинго», — подумал Гидеон и бросил триумфальный взгляд на Фордису.

— Вот тебе и ответ. Они *знали* друг друга.

Фордис нахмурился.

— Такой человек, как Блейн, автор бестселлеров — лауреат Национальной книжной премии, — сказал он, — вряд ли водил большую дружбу с чокнутым ученым из Лос-Аламоса.

— Эй, меня твой намек возмущает, — сказал Гидеон, прекрасно имитируя Граучо Маркса^[21].

Фордис закатил глаза.

— Вы видели дату на этой книге? Она была опубликована за два года до того, как Чолкер съехал с катушек. И тот факт, что он отдал книги Блейна вместе с остальными, точно не указывает на их глубокую дружбу. Честно говоря, я не вижу здесь связи, — он на пару секунд замолчал. — На самом деле, я начинаю задаваться вопросом, не принесет ли нам все это путешествие на запад ничего, кроме бестолковой траты времени.

Гидеон сделал вид, что не расслышал последнее замечание агента.

— Блейна все же стоит посетить. На всякий случай.

Фордис покачал головой.

— Пустая трата времени.

— Как знать.

Фордис положил руку ему на плечо.

— Это правда — в подобном деле даже самая сумасшедшая идея может оказаться на вес золота. Я ни в коем случае не собираюсь сбрасывать со счетов этот вариант. Но тебе придется проверить его в одиночку — ты не забыл, что у меня сегодня встреча в Альбукерке?

— Да, я помню. Мне тоже нужно быть там?

— Лучше не надо. Я планирую надрать кое-кому задницу. К тому же я хочу получить допуск в дом Чолкера, в мечеть, в лабораторию и к его коллегам и убедиться, что мы с тобой все еще являемся полноценной частью этого расследования. Вот таким образом мы собираемся изменить положение дел в нашу пользу.

Гидеон усмехнулся.

— Дерзай, детка!

Саймон Блейн жил в большом доме примерно в полумиле от центральной площади недалеко от апартаментов Олд-Санта-Фе-Трейл. Как только машина Фордуса уехала в Альбукерке, Гидеон сразу же отправился через площадь к указанному дому. Стояла славная и теплая погода не слишком жаркого погожего летнего дня, ни одна тучка не омрачала небо цвета королевской синевы, только несколько грозowych облаков висело над далекими горами Сандия. Гидеон сомневался, найдет ли Блейна здесь. Не уехал ли он? Проклятый город уже наполовину опустел.

До Дня-Икс оставалось восемь дней. Часы тикали. Тем не менее, Гидеон был рад оказаться в Санта-Фе вместо Нью-Йорка, в котором царил полный беспорядок. Большая часть Финансового района, Уолл-стрит, Среднего Манхеттена вокруг Эмпайр-Стейт-Билдинг и зон около Всемирного торгового центра была покинута, что неизбежно вызвало грабежи, поджоги и развертывание сил Национальной гвардии. Вчера вспыхнуло недовольство государственной властью, сопровождаемое истерическими политическими нападками на президента. Некоторые скандальные журналисты и радиоведущие бросились в бой, используя сложившуюся ситуацию для повышения рейтингов, взвинчивая и без того взрывоопасное общественное настроение. Кризис в Америке всюду набирал обороты.

Гидеон отмахнулся от этих мыслей, как только добрался до места назначения. Дом Саймона Блейна был скрыт за блочной стеной высотой в восемь футов, которая тянулась вдоль дороги. Единственное, что виднелось из-за стены, это верхушки растущих в изобилии осин, шелестящих на ветру. Сама дверь представляла собой сплошной кованый лист железа с обветренными вставками из дерева, и Гидеон не смог найти в них ни единой щели, чтобы заглянуть внутрь. Наконец, он заметил домофон, вмонтированный в блок рядом с воротами, нажал на звонок и стал ждать.

Нет ответа.

Он снова нажал. Неужели никого нет дома? Есть только один способ это выяснить.

Он прогулялся вдоль стены, пока не добрался до угла огороженного участка. Он привык лазать по стенам, поэтому у него не возникло особых проблем с тем, чтобы добраться до верха, перемахнуть через него и повиснуть на руках с другой стороны. Через минуту он уже приземлился в роще осин, которые полностью скрыли его из поля зрения. Недалеко от Гидеона искусственный водопад ниспадал в небольшой пруд с нагромождения камней. За ним, через зеленую лужайку цвета сукна бильярдного стола, лежал обширный вытянутый дом с множеством анфилад и веранд и, по крайней мере, с дюжиной дымоходов.

За одним из окон он увидел движущуюся фигуру. Кто-то определенно *был* дома. Гидеона взбесило, что они не ответили на его звонок. Козырять удостоверением, которое ему наконец-то выдали, было бы последним делом — к тому же на счет него Фордис дал несколько четких указаний. Поэтому Гидеон прошел вдоль стены назад к воротам, нажал кнопку, открывающую их, чтобы со стороны выглядело, что он вошел этим путем. Когда они распахнулись, он прошагал по подъездной дорожке, подошел к парадной двери дома и позвонил.

Он долго ждал. Пришлось позвонить снова, но, наконец, внутри дома послышались тихие шаги. Дверь распахнулась, и за ней показалась худенькая молодая женщина лет

двадцати пяти с длинным раскачивающимся каскадом волос, одетая в джинсы, облегающую белую рубашку и ковбойские сапоги. Но такой милый образ никак не сочетался с ее свирепым хмурым взглядом. У нее было то самое необычайно редкое сочетание темно-карих глаз и золотистых волос.

— Кто вы, черт возьми? — спросила она, поставив руки на бедра и отбросив волосы с лица. — И как вы вошли?

Чуть раньше Гидеон уже прикидывал, какой именно подход в подобной ситуации подойдет больше всего, и ее вызывающее поведение ответило на этот вопрос. С легкой улыбкой и с наглой медлительностью он потянулся к карману, достал удостоверение и — как это обычно делал Фордис — открыл его и буквально сунул ей в лицо, вытянув руку настолько далеко, насколько смог, тем самым нарушив ее личное пространство.

— Гидеон Кру, консультант ФБР.

— Уберите это от моего лица.

Продолжая улыбаться, Гидеон сказал:

— Вероятно, вам все же стоит взглянуть. Второго шанса не будет.

С холодной, ответной улыбкой, она отстранилась, но вместо того, чтобы взять удостоверение личности, оттолкнула его руку.

На мгновение Гидеона удивило подобное поведение. Ее лицо источало гнев, глаза метали искры, на ее тонкой шее пульсировала жилка — она напоминала тигра. Когда он извлек свой мобильный телефон, то почти пожалел, что должен был проверить нечто подобное с этой женщиной. Он набрал полицию и поговорил с диспетчером, с которым он и Фордис ранее связывались, или, лучше сказать, поддерживали связь, и использовал жаргон Фордуса.

— Это Гидеон. Мне требуется подкрепление 990 Олд-Санта-Фе-Трейл. Я вел следствие по делу и подвергся нападению со стороны одного из жителей.

— Я не нападала на тебя, придурок!

«Какой острый язычок», — подумал Гидеон.

— То как вы оттолкнули мою руку, подпадает под определение нападения, — и он улыбнулся женщине. — Дело уже принимает плохой оборот. А я все еще не знаю вашего имени.

Она посмотрела на него своими мечущими искры карими глазами и — после этого долгого взгляда и последних колебаний — ее лицо расслабилось. В конце концов, видимо, грубость не была обычна для ее характера.

— Вы действительно из ФБР? — она скользнула взглядом по его черным джинсам, лавандовой рубашке и кедам. — Потому что, черт побери, вы совсем не похожи на агента.

— Я консультант ФБР. Расследование террористического инцидента в Нью-Йорке. Я прибыл сюда с небольшим дружеским визитом, чтобы задать мистеру Саймону Блейну несколько вопросов.

— Его здесь нет.

— Тогда я его подожду.

Гидеон услышал слабый звук сирены. Проклятье, полиция отреагировала слишком быстро. Он увидел, как ее глаза повернулись в сторону источника звука.

— Вы должны были позвонить, — заметила она. — И не имели права нарушать границы частной собственности!

— Мои полномочия, позволяющие заходить на частную территорию, распространяются

вплоть до входной двери. У вас есть около пяти секунд, чтобы решить, хотите ли вы довести сложившийся конфликт до чего-то действительно неприятного или согласитесь сотрудничать на все сто процентов. Как я уже сказал, это всего лишь дружеский визит, и ему ни к чему перерасти в обвинение в уголовном преступлении.

— Обвинение в уголовном преступлении? — сирены стали громче, когда машины подъехали к воротам. По ее испуганному выражению лица он понял, что она быстро пошла на попятную. — Что ж, ладно. Хорошо, я буду сотрудничать. Но это чистой воды шантаж. Я этого не забуду.

Первая патрульная машина заехала в открытые ворота, а следом за ней и вторая. Гидеон встретил первый экипаж, когда тот подъехал к дому, и показал удостоверение, наклонившись к окну машины.

— Офицеры? Все под контролем — жильцы этого дома согласились на полное и безоговорочное сотрудничество. Ваш быстрый приезд возымел желаемый эффект. Огромное спасибо.

Полиция не хотела уходить — они были рады поучаствовать в расследовании, пусть даже поверхностно, ведь их нечасто вызывали в дом известного писателя. Однако Гидеон продолжал настойчиво убеждать их, что это все недоразумение. После того, как полицейские уехали, он повернулся к женщине, улыбнулся и указал на дверь.

— Пройдем?

Она вошла в дом и невзначай обронила:

— У нас не принято ходить в обуви. Разувайтесь.

Гидеон снял кеды и заметил, что девушка довольно демонстративно не сняла свои ковбойские сапоги, на которых прилипло нечто напоминающее засохший конский навоз. Она зашагала по раскинутому в прихожей персидскому ковру, и гость последовал за ней, очутившись в гостиной. Это было грандиозное пространство, с белыми кожаными диванами, огромным камином и с многочисленными витринами, в которых Гидеон распознал доисторическую керамику Мимбрес^[22].

Девушка села, но так и не произнесла ни слова.

Гидеон извлек блокнот, разместившись в кресле напротив нее. Он не мог не заметить, насколько она красива — на самом деле *очень* красива. Он почувствовал дискомфорт из-за того, что так плохо с ней поступил. Тем не менее, он решил придерживаться сурового, беспощадного поведения.

— Ваше имя, пожалуйста?

— Алида Блейн, — ответила она ровным монотонным голосом. — Может мне лучше позвонить семейному адвокату?

— Вы обещали сотрудничать, — строго заметил Гидеон. Повисло долгое молчание, а затем он смягчился. — Послушайте, Алида, я просто хочу задать вам несколько вопросов.

Она ухмыльнулась.

— А что кеды теперь являются новой униформой ФБР?

— Это мое временное назначение.

— Временное? Так чем же вы занимаетесь в обычной жизни? Играете в рок-группе?

Возможно, Фордис был прав, строго следуя деловому дресс-коду.

— Я физик.

Ее брови приподнялись. Гидеону не понравилось, что она сосредоточила разговор на нем самом, и он быстро преступил к своим вопросам.

— Не могли бы вы рассказать, как вы связаны с Саймоном Блейном?

— Я его дочь.

— Возраст?

— Двадцать семь.

— Где сейчас находится ваш отец?

— На съемочной площадке.

— Съемочной площадке?

— По мотивам одной из его книг сейчас на кино-ранчо Серкл-И к югу от города снимают фильм.

— Когда он будет дома?

Алида взглянула на часы.

— В любой момент. Так в чем дело?

Гидеон попытался немного разрядить обстановку и улыбнулся. Чувство вины начало довлеть над ним. Работа следователя точно не была его призванием.

— Мы пытаемся узнать больше о Риде Чолкере, человеке, замешанном в террористической деятельности.

— О, так *вот*, в чем дело. Ничего себе! А какое отношение это имеет к нам?

Он почувствовал, как ее гнев начинает превращаться в любопытство. Она скрестила руки на груди, открыла ящик стола и взяла пачку сигарет. Девушка закурила, и, прикрыв глаза от удовольствия, выдохнула дым.

Гидеон подумал о том, чтобы тоже закурить, но потом решил, что это будет неправильным шагом. Она действительно была прекрасна, и у него уже возникли проблемы с поддержанием спокойствия. Он заставил себя снова вернуться к делу.

— Мы думаем, что ваш отец знал Рида Чолкера.

— Я сомневаюсь в этом. Я слежу за расписанием своего отца, и никогда прежде не слышала этого имени, пока не прочитала его в газетах.

— У Чолкера была полная коллекция книг вашего отца. И все они были им подписаны.

— И что?

— Дело в том, *как именно* они были подписаны. Например, «*Риду, с теплыми пожеланиями. Саймон*». Формулировка показывает, что они могли близко знать друг друга.

После этих слов Алида откинулась на спинку дивана и резко рассмеялась, выдыхая дым.

— О, Господи, вы, парни идете по ложному следу! Он большинство книг подписывает подобным образом. Десятки тысяч.

— И подписывается только именем?

— Это экономит время. По этой же причине в таких надписях он пишет только имя человека, для которого подписывает книгу, опуская его фамилию. Только представьте, что перед вами очередь в пятьсот человек, каждый из которых держит в руках по несколько книг, вам будет просто некогда подписываться своим полным именем. Этот парень Чолкер, он работал в Лос-Аламосе, не так ли? Так было написано в газетах.

— Да, верно.

— Наверняка, заполучить автограф моего отца было для него огромной радостью.

Гидеон почувствовал нарастающее ощущение неудачи. Фордис был прав: это тупик, и он выставил себя полным дураком.

— Вы можете это доказать? — спросил он, настолько уверенно, насколько мог.

— Идите и спросите в книжном магазине. Он устраивает там местную встречу для

раздачи автографов ежегодно, они подтвердят это. Он подписывает все свои книги «Саймон» или «Саймон Б.» и пишет либо «С любовью», либо «С наилучшими пожеланиями». Каждому Тому, Дику и Гарри, стоящему в очереди. Это не имеет ничего общего с дружбой.

— Понимаю.

— Неужели вы действительно проводите расследование подобным бестолковым образом? — спросила она. Из ее голоса исчезла вся враждебность, оставив вместо себя веселье и презрение. — И так вы противостоите террористам с ядерным оружием? Это чертовски меня пугает.

— Мы должны проверить все версии, — сказал Гидеон и достал фото Чолкера. — Не могли бы вы просто взглянуть на него, вдруг вы узнаете этого человека.

Прищурившись, она посмотрела на фото, затем присмотрелась более внимательно. Внезапно выражение ее лица изменилось.

— Кто бы мог подумать, но я его узнала. В том городе он приходил на все встречи моего отца с читателями. Он относился к тому виду фанатов, который ко всем цепляется и который пытается вовлечь в разговор сотню человек, стоящих в очереди позади него. Мой отец осадил его, потому что фактически это *его* работа, и, к слову сказать, он никогда не был груб ни с одним читателем, — она протянула ему фотографию обратно. — Но я могу с полной уверенностью утверждать, что мой отец *не был* другом этого человека.

— Можете мне что-нибудь еще о нем рассказать?

Она покачала головой.

— Нет.

— О чем они говорили?

— Я действительно не помню. Наверно, об обычной ерунде. Почему бы вам не спросить об этом моего отца?

Как будто по сигналу хлопнула дверь, и в комнату вошел мужчина. Для популярного автора Саймон Блейн оказался обезоруживающе маленьким. Да и весь его облик в целом никак не вязался с известностью: на голове писателя громоздилась большая копна седых кудрей, улыбающееся лицо делало его похожим на пикси, и к тому же было гладким и без ярко выраженного подбородка, как у мальчишки, его нос напоминал пуговку. Завершали странный вид румяные щеки и дружелюбный, бегающий взгляд. Когда он увидел свою дочь, на его лице вспыхнула искренняя улыбка. Он подошел и обнял ее, как только она поднялась. Она оказалась на несколько дюймов выше его, а затем писатель повернулся к Гидеону, когда в свою очередь он тоже встал и протянул ему руку.

— Саймон Блейн, — представился хозяин дома, словно Гидеон и так не догадался, кем он является. На нем был надет плохо сидящий костюм, размер которого был слишком велик для его худого тела, и полы пиджака буквально хлопали, когда автор с энтузиазмом тряс руку Гидеона. — Кто твой новый друг, ЭмДи?

Его странноватый голос был неотразимым в своей глубине. При этом за счет следов ливерпульского акцента Саймон Блейн говорил, как известный баритон Ринго Старр, и звучало это немного... глуповато.

— Меня зовут Гидеон, — представившись, он перевел взгляд с отца на дочь и обратно. — ЭмДи? Она доктор медицины?

— Нет, нет, это мое прозвище для нее — Чудо-Дочь ^[23].

И Блейн с нескрываемой любовью взглянул на Алиду.

— Кстати, этот человек мне не друг, — поспешно отозвалась девушка, задушив сигарету. — Он консультант ФБР и расследует то нью-йоркское дело, связанное с ядерным терроризмом.

Глаза Блейна расширились от удивления. Они были глубокого коричнево-каштанового цвета, испещренные вкраплениями золота — весьма необычный оттенок.

— Вот это да. Как интересно! — он взял удостоверение Гидеона, изучил его и вернул. — Чем я могу помочь?

— У меня к вам есть несколько вопросов, если вы не возражаете.

— Конечно же, нет. Пожалуйста, присаживайтесь.

Они сели. Сначала заговорила Алида.

— Папа, тот ядерный террорист, который умер в Нью-Йорке, Рид Чолкер коллекционировал твои книги. Он приходил на все твои встречи с читателями и собирал твои автографы. Ты помнишь его?

Она взяла еще одну сигарету, постучала ею по столу и прикурила. Блейн нахмурился.

— Не припомню, чтобы знал его.

Гидеон протянул ему фотографию, и Блейн взглянул на нее. Сейчас он был чем-то похож на лепрекона: его нижняя губа немного оттопырилась, как только он сосредоточился. Вкупе с его торчащими в разные стороны кудрями образ становился почти нелепым.

— Вспомни, он был тем самым парнем, который приносил с собой целую сумку книг, приходил на все встречи и всегда сидел в первых рядах.

Нижняя губа мужчины внезапно поджалась, его густые брови приподнялись.

— Да, да, помню! Господи, и это был тот самый Рид Чолкер, террорист из Лос-Аламоса? — он вернул Гидеону фотографию. — Подумать только, он был моим читателем! Он выглядел таким безобидным...

— О чем вы говорили с Чолкером? — спросил Гидеон.

— Сложно сказать. Я устраиваю встречи с подписанием книг в «Собрании сочинений» Санта-Фе ежегодно, и каждый раз там собирается где-то четыреста-пятьсот человек. В конце концов, все их лица для меня как бы размываются. В основном они говорят о том, насколько они обожают мои книги, кто их любимые персонажи, а иногда они хотят, чтобы я прочитал их рукописи или задают вопросы о том, как стать писателем.

— И они часто сожалеют о том, что папа не выиграл Нобелевскую премию, — решительно вставила Алида. — И в данном вопросе я всегда была с ними согласна.

— О, это полный вздор, — сказал Блейн, делая пренебрежительный жест. — Национальная книжная премия, Букеровская премия — я уже получил больше наград, чем заслужил.

— Чолкер когда-нибудь просил вас прочитать что-нибудь из его сочинений? Он стремился стать писателем.

— У меня к вам вопрос, — сказала Алида, глядя на Гидеона. — Вы физик, работающий на ФБР?

— Да, но это не имеет отношения к делу...

— Вы также работаете в Лос-Аламосе?

Гидеон был покорен ее пронизательностью. Не то чтобы сказанное ею имело значение — это же не было секретом.

— Это — одна из причин, по которым меня попросили присоединиться к расследованию, — сказал он пояснительным тоном. — Я работал с Чолкером в одном

отделе в Лос-Аламосе.

— Понимаю.

Она откинулась назад, скрестила руки на груди, и торжествующе улыбнулась. Гидеон повернулся к Блейну, снова пытаясь вернуться к разговору.

— Так вы помните, показывал ли он вам когда-нибудь свои рукописи?

Блейн призадумался, но потом покачал головой.

— Нет, не показывал. И вообще, у меня есть твердое правило — я не читаю работы других людей. Фактически, все, что я о нем помню, это то, что он был нетерпеливым, ленивым молодым человеком. Но я не видел его уже довольно давно. И не помню, чтобы он приходил на мои последние встречи — не так ли, ЭмДи?

— Я его тоже не видела.

— Он когда-либо упоминал о своем обращении в ислам? — спросил Гидеон, и на лице Блейна проступило удивление.

— Никогда. И я бы точно запомнил нечто подобное. Нет, он, должно быть, говорил об обычных вещах. Единственное, что я о нем помню, это то, что он был настойчив и всегда задерживал очередь.

— Папа слишком добр, — сказала Алида. — Он позволяет людям разговаривать с ним часами.

С приходом отца дурное настроение девушки, похоже, растаяло. Блейн рассмеялся.

— Вот почему я всегда беру с собой Алиду. Она строгая и следит за тем, чтобы очередь продвигалась, и к тому же она проговаривает для меня написание всех имен. В орфографии я так же плох, как и Шекспир. Честно говоря, я не знаю, что бы я делал без нее.

— Вы когда-нибудь видели Чолкера вне этих встреч?

— Никогда. Он не относился к тому типу людей, которых я хотел бы видеть у себя дома.

Гидеон почувствовал, как большая волна британского снобизма окатила его после этого заявления писателя, открывая еще одну сторону мистера Саймона Блейна. И все же он не мог обвинить мужчину в подобном отношении — он и сам упорно избегал приглашать Чолкера в свою квартиру. Чолкер был одним из тех занудных и прилипчивых людей, которых не хотелось впускать в свою жизнь.

— Он никогда не просил вас о том, чтобы вы помогли ему писать? Я знаю, что он мог написать мемуары. Если бы они попали к нам в руки, то очень бы помогли расследованию.

— Мемуары? — удивился Блейн. — Откуда вы о них знаете?

— В Санта-Круз он посещал курсы писателей, называемые «Напиши Свою Жизнь».

— «Напиши Свою Жизнь», — повторил Блейн, качая головой. — Нет, он никогда не упоминал ни о каких мемуарах.

Гидеон откинулся назад, думая, о чем еще спросить, но так и не смог ничего придумать. Он достал визитки и одну из них вручил Блейну, а другую после слабого колебания — Алиде.

— Если вы еще о чем-нибудь вспомните, пожалуйста, позвоните мне. Мой напарник специальный агент Фордис и я послезавтра улетаем в Санта-Круз, но вы всегда можете связаться со мной по телефону.

Блейн взял визитку и положил ее в карман рубашки, даже не взглянув на нее.

— Я провожу вас.

У двери Гидеон придумал еще один, последний вопрос.

— Какие ваши книги Чолкер больше всего любил? Возможно, он упоминал о каких-то

конкретных персонажах или сюжетах?

Блейн прищурился.

— Хотел бы я вспомнить... Хотя мне кажется, он как-то упоминал, что считает самым ярким героем, которого я когда-либо создавал, аббата в «Страннике над морем тумана». Это меня озадачило, потому что я нахожу аббата самым злым персонажем, которого я выдумал, — он на пару секунд замолчал, раздумывая. — Впрочем, может, тем этот персонаж и мог привлечь террориста...

Фордис вошел в бар отеля, прошагал по ковровому покрытию и сел рядом с Гидеоном.

— Чем травишься? — спросил он.

— «Маргарита»: серебряная текила «Патрон», ликер Куантро и соль, — ответил Гидеон.

— Мне то же самое, — кивнул Фордис бармену, и резко повернулся к напарнику. — Я обещал наподдать кое-кому по заднице, и я это сделал.

— Расскажи-ка об этом поподробнее.

Фордис извлек из портфеля файл и бросил его на стол.

— Все в порядке. У нас теперь есть не только разрешение опросить имама мечети — куратора Чолкера — но и ордер, позволяющий нам войти на ранчо Пайют-Крик с повесткой в суд для Конни Раст, бывшей жены Чолкера, которая, наверняка, заставит ее сотрудничать.

— Как ты это сделал?

— Я позвонил напрямую в кабинет Дарта, поговорил с его помощником, парнем по имени Каннингем. Он пообещал расчистить для нас путь, и вот все уже сделано. К тому же — только представь — жену Чолкера еще даже не опрашивали. Она нетронутая и вся наша.

— Почему до сих пор до нее не добрались?

— Типичная бюрократическая волокита. Первоначальный запрос оказался неверно заполнен, им пришлось переделывать его и снова подписывать у взбешенного судьи.

— Как ты добился их согласия?

— Я просто попросил. Настойчиво. И, честно говоря, никто не считает, что разговор с его женой стоит всех этих усилий. Они развелись задолго до его обращения в ислам, к тому же не общались, и поэтому всем кажется, что она — это бесполезная трата времени, — он убрал бумаги. — На рассвете мы заявимся на ранчо. Затем в два часа у нас назначен чай с имамом.

— Чай с имамом. Звучит как название комедийного сериала ВВС.

Тут перед Фордисом появился напиток, и агент осушил его с чуть меньшим удовольствием, чем тройной эспрессо, после чего как ни в чем не бывало спросил:

— Так... что ты выяснил об этом ранчо Пайют-Крик?

— Не так много, — сказал Гидеон. — У него опасная репутация. Поговаривают, что там размещается какая-то секта, своего рода «Ветвь Давидова»^[24]: вооруженные патрули и запертые ворота. Там всем заправляет гуру по имени Уиллис Локхарт.

— За ними же ничего не числится, — сказал Фордис. — Я проверил. Никаких заявлений о жестоком обращении с детьми, никакого двоеженства, никаких нарушений, связанных с использованием оружия... у них даже уплачены все налоги.

— Это обнадеживает, — сказал Гидеон. — Так какой у нас план?

— Спокойно туда войти, не спугнуть их, мило и вежливо показать ордер, забрать жену и уйти. Мы должны доставить ее на допрос в командный центр Санта-Фе, но у нас будет возможность услышать, что она скажет по дороге туда.

— А если работники ранчо откажутся сотрудничать?

— Вызову подкрепление.

Гидеон нахмурился.

— Это ранчо глубоко в горах. Пока подкрепление туда доберется, пройдет, по меньшей мере, час, а то и больше.

— В этом случае мы просто тихо уйдем, а некоторое время спустя вернемся с командой спецназа на буксире.

— Привет, Уэйко^[25].

Фордис откинулся назад, и на его лице явно проступило раздражение.

— Я проворачивал подобное годами, поверь мне, я знаю, как это делается.

— Да, но у меня есть другая идея...

Фордис вскинул руки, изображая драматический жест.

— Прощу тебя! С меня уже достаточно твоих идей.

— Проблема заключается в том, чтобы туда попасть. С ордером или без ордера, они, скорее всего, нас туда не пустят. И даже если они это сделают, как мы найдем там жену? Думаешь, они просто приведут ее к нам? Это ранчо занимает тысячи акров, и нам будет нужно их содействие...

Фордис провел рукой по аккуратно подстриженной шевелюре.

— Хорошо, хорошо. Итак, что у тебя за прекрасная идея?

— Мы войдем туда под прикрытием. Как... ну... — Гидеон задумался. — Каких людей они могли бы без проблем впустить на ранчо?

Фордис фыркнул.

— Свидетели Иеговы?

Гидеон сделал глоток своей «маргариты».

— Нет. Мы пойдем туда с деловым предложением.

— И с каким же?

— Нью-Мексико недавно принял закон о медицинской марихуане.

Он начал объяснять Фордису свою только что зародившуюся идею. Агент ФБР долгие молчал, глядя на кубики льда в своем стакане, а затем поднял голову.

— Знаешь, а это неплохой план.

Гидеон ухмыльнулся.

— Я получу истинное удовольствие, наблюдая за тем, как ты разлохматишь эти свои идеально уложенные волосы и, наконец, снимешь костюм рядового агента ФБР.

— Я даже позволю тебе вести допрос. Ты уже выглядишь, как наркоман.

Следующим утром они направились в магазин Армии Спасения, как только тот открылся. В поисках нужной одежды Гидеон перевернул вверх дном все стойки и, найдя все необходимое, передал целый ворох вещей Фордису, который понес их с плохо скрываемой неохотой. В конце концов, их театрализованная команда вернулась в номер отеля агента, где они разложили одежду на диване. Гидеон расправил ее, а Фордис изучил хмурым взглядом.

— Это действительно необходимо? — спросил он.

— Встань там, — Гидеон взял рубашку, набросил ее сверху на брюки, но поморщившись, поменял ее на другую. Снова не удовлетворившись результатом, он повторил этот процесс. Затем подобрал носки, все так же тщательно изучая полученную комбинацию.

— Боже, — закатил глаза Фордис, — мы же не на Бродвее!

— Не совсем. Разница лишь в том, что если мы сыграем плохо, мы схлопочем в лицо пулю, а не гнилой помидор. Твоя проблема в том, что ты выглядишь так, будто *родился* федералом.

Он снова попытался подобрать правильный костюм, добавляя то другие носки, то другую обувь, то бейсболку и парик, и, наконец, сумел скомпоновать что-то подходящее.

— Вот. Попробуй это.

— Сукин сын, — проворчал Фордис, но все же послушно снял свой костюм и примерил странный комплект, который подобрал для него Гидеон. Замешкался он только с париком: это был женский парик с настоящими волосами, который Гидеон вдобавок «наградил» крайне скверной стрижкой.

— Продолжай, — фыркнул Гидеон, — не стесняйся.

Фордис нехотя нахлобучил парик и поправил его.

— Теперь кепку. Надень козырьком назад.

Кепка была надета. И все же в этом образе было что-то неправильное... Фордис был слишком стар.

— Так, не пойдет, поверни ее козырьком вперед.

Наконец, Фордис представал перед своим напарником в полном облачении. Гидеон обошел его кругом, оценивая свою работу.

— Жалко, что ты побрился этим утром.

— Нам нужно идти.

— Еще нет. Мне нужно посмотреть, как ты двигаешься.

Как только Фордис прошелся по номеру отеля, Гидеон застонал, и стал отчитывать агента как постановщик представления никчемного провинциального актеришку:

— Ты должен вложить в это *душу*, ради всего святого!

— Я не знаю, что я могу *еще* сделать. Я уже выгляжу как придурок.

— Дело не только в том, чтобы просто выглядеть. Дело в ментальной составляющей. Ты должен *сыграть роль*. Нет, даже не так, не *сыграть*, ты должен целиком и полностью *вжиться* в свой образ.

— И кем я, по-твоему, должен стать?

— Упрямым ослом, знающим себе цену, высокомерным, хитрым, самодовольным,

безнравственным придурком, которому нет ни до кого дела. Думай об этом, пока ходишь по комнате.

— И как же ходит безнравственный придурок?

— Я не могу тебе это объяснить, ты должен сам это почувствовать. Прибавь к этому что-то личное. Чуть подожди губу, вздерни подбородок, смотри на всех, как на куски дерьма.

Фордис раздраженно нахмурился и снова прошелся по комнате.

— Вот ведь дерьмо, — покачал головой Гидеон. — Скажем так, в покер ты точно продуешь всухую!

Агент повернулся к нему.

— Мы теряем время. Если сейчас же не отправимся в путь, у нас не останется времени на имама.

Пробубнив очередное ругательство, Гидеон последовал за Фордисом к ожидавшему их «Шевроле Субурбан». Он задался вопросом, насколько хороши эти люди в распознавании плохой актерской игры, потому что для него Фордис все еще выглядел как федерал.

Но, возможно, каким-то чудом они ничего не заметят. Однако если это все же произойдет, лучше бы им с Фордисом иметь план Б.

Ранчо Пайют-Крик лежало к северу от Санта-Фе в изолированной части горного хребта Хемес. Гидеон и Фордис несколько раз поднимались ввысь и опускались вниз по размытой дороге, перемежающейся низинами и холмами. В конце концов, проезжую часть преградил новый проволочный забор с запертыми воротами.

Выйдя из машины, Гидеон внимательно взглянул на Фордиса.

— Иди первым, — сказал он. — Я хочу снова посмотреть, как ты будешь двигаться. Не забывай о том, что я тебе советовал.

— Тебе лишь бы найти повод попятиться на мою задницу, — фыркнул Фордис и зашагал к воротам. Гидеон чуть с ума не сошел от того, как сильно его напарник цеплялся за ампулу спецагента. Но стоило признать, что одежда была подобрана отлично. Проблемой оставалось лишь то, как Фордис преподносил себя. Если он будет держать рот на замке, тогда, возможно, никто ничего и не заметит.

— Помни, — пробормотал Гидеон, — говорить буду я.

— Другими словами, ты будешь *нести чушь*? Конечно, валяй, в этом ты эксперт.

Гидеон заглянул за забор. В сотне ярдах от них, возвышаясь рядом с грунтовой дорогой, стояла небольшая бревенчатая хижина, а сквозь заросли сосен он разглядел еще несколько домиков и сараев, а также фронтоны большого фермерского дома. Вдалеке за Пайют-Крик виднелись зеленые поля.

Гидеон потряс забор.

— Эй! — окликнул он.

Ничего. Интересно, они, что, тоже уехали?

— Эй! Дома есть кто?

Из ближайшей хижины вышел мужчина и подошел к забору. На голове у него чернела спутанная копна волос, а подбородок обрамляла длинная квадратная борода, делавшая его похожим на горца. Приблизившись, он — словно бы случайно — продемонстрировал мачете, висящий у него на поясе.

Гидеон ощутил, как стоявший рядом с ним Фордис напрягся всем телом.

— Расслабься, — прошептал он, — лучше так, чем пушка .45 калибра.

Мужчина остановился на расстоянии примерно десяти футов от забора, выхватил мачете и драматическим росчерком рассек воздуха на уровне своей груди.

— Это частная собственность, — возвестил он.

— Да, я в курсе, — ответил Гидеон. — Слушайте, мы друзья. Мы пришли с миром. Впустите нас.

— К кому вы приехали?

— К Уиллису Локхарту, — сказал Гидеон, решив назвать имя лидера коммуны.

— Он вас ожидает?

— Нет, но у нас есть для него деловое предложение, и я гарантирую, что он *захочет* его услышать. Я уверен, что он разозлится, если нам придется уехать и он лишится возможности выслушать наше предложение. Очень разозлится.

Некоторое время мужчина обдумывал его слова.

— Что за предложение? — спросил он, наконец.

— Прости, друг, но эта информация предназначена только для ушей Локхарта. Речь идет о деньгах. Понимаешь? ДЕНЬ-ГАХ.

— Командир Уилл — занятой человек.

Командир Уилл.

— Ну, так тыпустишь нас, или нет, друг? Потому что мы тоже *занятые* люди.

И снова выжидательное молчание. Затем:

— Вы вооружены?

Гидеон продемонстрировал свои руки.

— Нет. Можете проверить, — и ведь он не врал: они оставили свое оружие в машине. У Фордуса было с собой удостоверение, ордер и повестка в суд — все это было привязано к его голени под штанами.

— А он?

— Нет.

Мужчина убрал свой мачете.

— Отлично. Но помните, командиру не понравится, если вы, ребята, окажетесь не теми, за кого себя выдаете.

Он отворил ворота, и посетители вошли на территорию ранчо. Мужчина бросил на них беглый оценивающий взгляд. Гидеон отметил, что, впустив их, он сразу же запер ворота, и решил, что это плохой знак. Тем не менее, хорошим знаком было то, что попасть сюда оказалось намного легче, чем он ожидал.

Они миновали загон, где несколько членов общины занимались рогатым скотом: клеймили его и кастрировали. С виду они казались обычными ковбоями. За поворотом показался большой фермерский дом — трехэтажный, с новой террасой и огромным крыльцом. Кроме того на большом прилегающем поле оказалось целое скопление солнечных батареек, окруженных сетчатым забором с колючей проволокой. Внутри этого ограждения также находилось несколько чудовищно больших спутниковых тарелок и одна микроволновая антенная мачта.

— Как думаешь, для чего все это дерьмо? — тихо спросил Фордис.

— На случай, если обыкновенный кабель перестанет вещать канал «Плейбой», — шуточно ответил Гидеон, хотя мысленно он тоже гадал, для чего здесь все это оборудование.

По мере приближения к главному дому, они оказались в прекрасно отреставрированном историческом шахтерском городке с бревенчатыми домиками и привязными столбами, около которых паслась пара оседланных лошадей. Аутентичность нарушалась только наличием парковки за главным домом ранчо, на которой стояла целая флотилия, состоящая из одинаковых «Джипов», сельскохозяйственной техники и нескольких больших грузовиков.

Посетители поднялись на деревянное крыльцо главного дома, их провожатый постучал в дверь и вошел. Гидеон и Фордис, переглянувшись, последовали за ним. Внутри они с удивлением обнаружили, что нижняя гостиная, отделанная палисандром, была оборудована, как современный конференц-зал с удобными кожаными креслами, лекционными досками и плазменным экраном. На доске — видимо, с последнего занятия — остались какие-то дифференциальные уравнения с частными производными, которые Гидеон не узнал, однако одно было ясно: они были слишком сложными. За открытой межкомнатной дверью он разглядел классную комнату, в которой шел урок и в которой группа детей внимательно слушала учительницу в клетчатом платье. Все это место было до невозможности странным и отдавало духом стимпанка^[26].

— Наверх, — хмуро скомандовал их конвоир.

Пока они поднимались по лестнице, Гидеон попытался прислушаться к тому, о чем рассказывала учительница. Речь шла о том, что вирус ВИЧ был разработан правительственными биологами с целью устроить геноцид.

Гидеон поймал взгляд Фордиса. Видимо, агент тоже это услышал.

Добравшись до второго этажа, Парень-с-Мачете повел их по длинному коридору. Несколько дверей по пути оказались открытыми: за одной из них находилась пышная женщина — едва одетая — соблазнительно раскинувшаяся на кровати с фиолетовым атласным бельем. Заметив незваных гостей, она одарила их равнодушным взглядом.

— Думаешь, она здесь *вице*-командир? — спросил Гидеон, когда они остановились перед закрытой дверью. — Ох уж эти привилегии власти...

— Умолкни, — прорычал в ответ Фордис. В это время Парень-с-Мачете постучал в дверь.

По ту сторону раздался голос, сказавший, что они могут войти.

Комната была отделана в викторианском стиле: с красными бархатными обоями, роскошными викторианскими диванами, персидскими коврами и латунными лампами с зелеными плафонами. За массивным письменным столом сидел человек лет пятидесяти с длинными волосами и с такой же квадратной бородой, что и у встретившего Гидеона и Фордиса конвоира — видимо, здесь подобный имидж был крайне популярен. Он был одет в синий пиджак с лацканами и парчовый жилет, на шее у него красовались старомодный аскотский галстук и золотая цепочка — он являл собой образ настоящего денди из игорного дома.

Облик человека, целиком сотканный из фальши.

Гидеон почувствовал, как на него снизошло спокойствие. Несмотря на то, что на доске внизу он видел сложные уравнения, похоже, что по натуре эти люди были легкомысленными и довольно недалёковидными. Это не «Семья» Мэнсона^[27] и не религиозное объединение в Уэйко. Гидеон пришел к выводу, что его сложный процесс подготовки к этой встрече, по сути, оказался ненужным.

— Чего они хотят? — резко спросил мужчина, глядя на Парень-с-Мачете.

— Говорят, что у них к вам деловое предложение, командир.

Острые глаза Локхарта обратились к визитерам, быстро просканировали Гидеона, а затем остановились на Фордисе. Взгляд замер на нем надолго. *Слишком* надолго. Гидеон ощутил, как изнутри сердце с силой ударило его в грудь.

— Кто вы такие? — вопрос был адресован преимущественно Фордису, тон же оказался пронизан подозрительностью.

— Он федерал, — внезапно сказал Гидеон.

Фордис вскинул голову, а Локхарт резко вскочил со своего места. Гидеон рассмеялся.

— Точнее сказать, *бывший* федерал, — пояснил он. — Теперь он в отставке. Вы в курсе, что эти ребята могут уйти на пенсию в сорок пять? Теперь мой друг занимается другим бизнесом — никак не связанным с предыдущей его деятельностью.

Повисло долгое, тягучее молчание.

— И что это за другой бизнес?

— Медицинская марихуана.

Густые брови командира приподнялись. Через мгновение он вновь опустил в кресло. Гидеон тем временем продолжил.

— Меня зовут Гидеон Кру. Я и мой партнер ищем некое безопасное место, некий участок, на котором мы сможем без опаски выращивать свой товар: где-то в горах, хорошо защищенный, на хорошо орошаемой земле, вдали от посторонних глаз и загребущих рук, которые могут позариться на нашу марихуану. А также с хорошими человеческими ресурсами, которые обеспечат нашему товару достойный уход, — он позволил себе заговорщицки улыбнуться. — Это намного выгоднее, чем люцерна, которую вы тут выращиваете. Это законно, хотя, разумеется, есть некоторые — хм — оговорки.

И снова повисло тяжелое молчание, во время которого Локхарт внимательно изучал Гидеона взглядом.

— Что ж, хорошо. А что если бы у нас здесь уже была своя небольшая плантация «медицинской» марихуаны? Зачем бы тогда нам понадобились вы?

— Потому что то, что делаете *вы* — незаконно, и у вас возникнут явные проблемы со сбытом готовой продукции. А у меня есть разрешение, и также есть аптека в Санта-Фе, которая будет нашим основным и первоклассным покупателем. Объем будет просто огромным. И, повторюсь, все законно.

Теперь вмешался Фордис, одарив Локхарта кривоватой улыбкой:

— Видите ли, мое прошлое в ФБР подарило мне отличные деловые контакты.

— Ясно. И что же заставило вас обратиться именно к нам?

— Моя старая подруга Конни Раст, — сказал Гидеон.

— И откуда вы знаете Конни?

— Ну, понимаете ли, я был ее бывшим поставщиком конопли, пока она не присоединилась к вам, ребята.

— И откуда же вы получали свой товар?

— Откуда же еще? — спросил Гидеон, многозначительно указав на Фордиса.

Локхарт еще раз окинул агента оценивающим взглядом.

— Это было еще во время вашей работы в ФБР?

— Я никогда не называл себя Мистером-Законопослушность.

Обдумав это высказывание, Локхарт, похоже, счел его правдоподобным. Он поднял лежавшую на столе рацию.

— Приведи сюда Конни. Немедленно.

Он отложил рацию. Комната вновь погрузилась в тишину. Сердце Гидеона стучало с бешеной скоростью, но пока все шло хорошо.

Прошло несколько минут, затем в дверь постучали, и вошла женщина.

— Глянь, Конни, здесь твой старый друг, — сказал Локхарт.

Она повернулась к гостям, и они увидели перед собой весьма жалкое зрелище: кожа ее была покрыта синяками от алкоголя и наркотиков, губы словно обвисли и были мокрыми от слюней, а выбеленные светлые волосы — с сильно отросшими темными корнями — грязными сваленными прядями свисали вниз. Длинное платье в клетку не могло скрыть ее истощенного тела.

— Кто именно? — спросила она. Ее водянистые голубые глаза изучили обоих мужчин с выражением искреннего непонимания.

— Он, — Локхарт указал на Гидеона.

— Я никогда не видела...

Но Фордису не требовалось больше ничего слышать. Он резко нагнулся и извлек из тайника свое удостоверение и повестку в суд, а Гидеон подошел к Конни Раст и крепко

схватил ее за руку.

— Стоун Фордис, — выпалил агент, резко снимая парик, — ФБР. У нас есть ордер и повестка для Конни Раст с требованием явиться для дачи свидетельских показаний. Настоящим мы берем ее под стражу, — он швырнул бумаги на стол Локхарта. — И уходим. Любые попытки помешать нам повлекут за собой уголовную ответственность.

Локхарт недоуменно уставился на них, свалившихся на него, словно гром среди ясного неба, а гости тем временем ретировались к двери. Гидеон тащил за собой ничего не соображающую женщину.

— Какого хрена?! — услышал Гидеон позади. — Задержите их!

В то время как Локхарт истерическим, срывающимся голосом отдавал приказы по рации, они уже бежали вниз по лестнице.

В какой-то момент они, наконец, выбежали из дома и помчались по грязной улице. Именно тогда Раст начала вопить: это был буквально животный высокий крик, полный недоумения и ужаса. Однако она не боролась: видимо, на это у нее попросту не было сил.

— Идем, идем, — бормотал Фордис, — мы почти выбрались.

Но обогнув большой амбар, они поняли, что еще совсем не «выбрались». Члены коммуны, до этого занятые работой с домашним скотом, выбежали на грунтовую дорогу, преградив им путь — многие из них держали в руках электрошокеры для скота. Гидеон насчитал семерых.

— Мы федеральные агенты, и у нас есть ордер! — закричал Фордис. — Не вмешивайтесь! Освободите дорогу.

Они не отступили. Вместо этого они угрожающе двинулись на них, выставив электрошокеры перед собой.

— О, нет, — протянул Гидеон, сбавив скорость.

— Продолжай идти. Они могут блефовать.

Гидеон прибавил шаг, таща за собой Конни Раст. Фордис шел впереди.

— ФБР, это официальное расследование! — взревел он, продолжая напористо идти на членов коммуны, выставив перед собой значок. Явная сила его решимости смутила ковбоев, вынудив их замешкаться. Однако хриплый и визгливый крик Раст заставил их вновь обрести уверенность.

Противоборствующие группы теперь упорно двигались друг на друга и почти столкнулись.

— Стойте на месте! — прокричал Фордис. — Или вас арестуют и обвинят в создании препятствий правосудию!

Но вместо того, чтобы замереть, ковбои продолжили наступать. Их лидер попытался ткнуть в грудь Фордиса своим шокером. Тот отпрянул, но второй электрошокер уткнулся ему в бок. Раздался электрический треск, и Фордис упал на землю.

Гидеон выпустил Раст, и она рухнула в грязь, как рыдающий мешок с картошкой. Гидеон бросился к стоящей у амбара лопате. Схватив ее, он выбил электрошокер из рук второго мужчины. Тот отпрянул в грязь, и Гидеон снова на него замахнулся. Мужчина рухнул на землю, придерживая ушибленное место и жалобно стоная. Гидеон бросил лопату и подхватил шокер, повернувшись лицом к оставшимся противникам, которые все как один бросились в атаку, выставив перед собой электрошокеры, как мечи...

Мечи. Спасибо одной особе со специфическими вкусами — она сагитировала Гидеона на то, чтобы некоторое время заниматься фехтованием в старшей школе. Он бросил это занятие, когда она ушла от него, прежде чем успел достичь хоть какого-то стоящего уровня. Оглядываясь назад, он понял, что это, пожалуй, была ошибка.

Воинственно настроенные ковбои окружили его, и Гидеону пришлось отступать к амбару. Он видел, что Фордис изо всех сил пытается подняться, но один из агрессоров с такой силой пнул его в бок, что агент буквально подлетел и перевернулся.

Это разозлило Гидеона. Он бросился на ближайшего из своих противников, нажимая на кнопку электрошокера. Взревев от боли, мужчина упал, а Гидеон замахнулся, отбивая следующий удар, одновременно слыша проклятье в свой адрес. Не теряя времени, он напал на третьего противника. За спиной он услышал крик: немного ошеломленный Фордис поднялся на ноги и теперь ревел и рычал, словно пьяный маньяк.

Третий ковбой вцепился в Гидеона и попытался ударить его искрящей вилкой электрошокера для скота. Гидеон резко отскочил назад, споткнулся, потерял равновесие, но все же помешал оппоненту ткнуть его искрящимся наконечником. Тот попытался нанести новый удар — Гидеон парировал его под аккомпанемент электрического треска. Рядом оказался еще один нападавший, но Гидеон уклонился от удара, и атака противника пришлась аккурат по его оппоненту. Тот потерял равновесие и рухнул навзничь, извиваясь в грязи. Гидеон успел развернуться и отразить атаку второго. Краем глаза он заметил, как Фордис одному из ковбоев нанес удар наотмашь, со слышимым треском сломав тому челюсть, а затем, словно дикое животное, бросился на другого. Тот изо всех сил постарался поднять свое оружие, чтобы поразить Фордиса еще одним ударом тока.

Большая часть людей сосредоточилась на Гидеоне, продолжая теснить его к амбару, а тот, прыгая и уворачиваясь, пытался избежать направленных на него ударов тока. Но противников было слишком много для него одного. Один из них слишком быстро подлетел к нему и нанес рубящий удар, отвлекший его внимание, в то время как другой ткнул его электрошокером в бок. Гидеон ощутил раскаленный добела взрыв жгучей боли и закричал, тело его скрутили судороги, ноги подогнулись, и он сполз по стене амбара, а круг противников сомкнулся над его головой.

Внезапно позади них возник Фордис, размахивая лопатой, словно бейсбольной битой. Он ударил одного из атакующих наотмашь, а других заставил отступить в попытке избежать ударов. Он парировал их атаки замахами лопаты, при столкновении с которой электрошокеры выдавали каскады искр.

Но противников все еще было слишком много. Теперь они оттеснили к стене и Фордиса. Гидеон поднялся на колени, агент схватил его за руку и помог встать.

— В амбар! — скомандовал он.

С отчаянным криком вновь размахивая лопатой, он пробил им путь к амбару, и они вбежали внутрь. После яркого уличного света внезапная темнота временно ослепила Гидеона.

— Нам нужно оружие, — прохрипел Фордис, пока они, спотыкаясь, отступали к дальней стене помещения. Но вокруг них были только горы инструментов и вязанки

люцерны.

Полдюжины ковбоев ворвалось в амбар, их крики эхом разлетелись по замкнутому пространству.

— Вот, гляди! — Гидеон схватил цепную пилу, прислоненную к столбу, рванул стартер и завел ее.

Угрожающий рев заполнил помещение, но резко оборвался. Гидеон рванул снова, и рев повторно заполнил амбар.

Ковбои застыли.

— Следуй за мной, — Гидеон бросился прямо на скопление противников, размахивая пилой и одновременно нажимая на рычаг управления дроссельной заслонкой. Двигатель пилы отчаянно рычал. Ковбои попятились и начали в страхе отступать. Гидеон вновь оказался на солнечном свете.

— Давай убираться отсюда! — прокричал он Фордису.

А затем послышался новый рев. Из-за амбара появился их бывший конвоир, только теперь вместо мачете у него в руках была цепная пила. Выбора не было: Гидеон повернулся и встретился лицом к лицу со своим равно вооруженным противником. В следующее мгновение их пилы скрестились, высекая снопы искр и издавая жуткий металлический лязг. Инерционная сила, вызванная таким ударом, почти сбила Гидеона с ног. Враг, пользуясь преимуществом импульса, шагнул вперед со своим визжащим клинком наперевес, и пилы снова столкнулись. Гидеон снова был отеснен назад, а его противник продолжил наступление. Похоже, оппонент был экспертом в обращении с цепной пилой. Гидеон не мог похвастаться тем же. Для того чтобы иметь хоть какой-то шанс на выживание — даже самый минимальный — ему потребуется задействовать все свои скудные навыки, полученные на уроках фехтования в школе.

«Попробую прием «coupé lancé», — подумал Гидеон, почти отчаявшись. Он вскинул конец своего «клинка» к груди противника, и тот легко парировал его боковым ударом. В следующий раз пилы снова вступили в контакт с визгом и снопами искр. Гидеон был отброшен назад, к стене амбара, и теперь его оппонент, ухмыляясь, рванул на него. Цепная пила выбила фонтан опилок из стены, в то время как Гидеон уклонился, потерял равновесие и упал. Фордис попытался помочь ему, но замах пилы агрессора заставил его опасливо отступить. И вот враг возвысился над Гидеоном во весь рост, его борода тряслась, в то время как он начал опускать пилу на поверженного противника. Гидеон выставил свою пилу, чтобы хоть как-то защититься. Как ни странно, ему удалось подавить атаку и отбросить лезвие пилы в сторону, заставив противника тем самым отступить. Воспользовавшись шансом, Гидеон вскочил на ноги, выставил свою цепную пилу вперед, а затем махнул ею в сторону. Он разорвал рукав рабочей рубашки противника и прочертил на его плече кровавую полосу.

— Это было касание! Весьма осязаемое касание! — возгордившись своим фехтовальным успехом, воскликнул Гидеон.

Однако это ранение только сильнее разозлило бородача. Он бросился вперед, размахивая рычащей пилой у себя над головой, как будто это была булава. Она обрушилась на пилу Гидеона, снова выбив сопровождаемый визгом каскад искр, и уже через мгновение пила вырвалась из рук Гидеона. Следом раздался резкий треск — цепь пилы противника соскочила. Это была старая пила, без цепного ограничителя, и цепное полотно завертелось словно плеть, рассекая лицо мужчины ото рта до уха. Брызнул фонтан крови, окатив всего

Гидеона. Мужчина завалился назад, зайдясь булькающим кровавым криком. Его руки взметнулись к лицу в попытке зажать страшную рану.

— Сзади! — предупредил Фордис.

Гидеон поднялся, схватил упавшую цепную пилу и развернулся как раз вовремя, чтобы встретить группу ковбоев, бросившихся к нему с шокерами наперевес. Его пила описала в воздухе опасную дугу, легко срезав опасные вилки с электрошокеров и заставив нападавших в панике отступить.

И тут Гидеон услышал звуки выстрелов.

— Нужно уходить! — заорал Фордис, снова хватая пролежавшую все это время на земле Конни Раст и перебрасывая ее через плечо. Они помчались к забору. Гидеон прорубил им путь к выходу прямо в ограждении, предусмотрительно решив не избавляться от пилы, пока все не кончится. В тот же момент пули начали выбивать фонтаны земли, угождая в опасной близости от беглецов.

Мгновение спустя они уже достигли «Шевроле». Гидеон отбросил прочь цепную пилу и запрыгнул на водительское место. Фордис бросил Конни Раст на заднее сидение, придавил ее своим телом и заставил пригнуться.

Бах! Бах! Пара пуль оставила на лобовом стекле сетку трещин.

Гидеон ударил кулаком по стеклу, чтобы освободить себе обзор, и надавил на педаль акселератора, взметнув позади машины облако пыли.

Когда звуки выстрелов чуть смолкли, Гидеон вдруг услышал с заднего сидения стон Фордиса.

— Ранен? — всполошился он.

— Нет, просто представил, сколько бумаг придется заполнить после такого...

Гидеон сумел расслабиться, лишь когда они покинули лабиринт грунтовых дорог и выехали на четвертое шоссе недалеко от Хамес-Спрингс. К счастью, от ранчо их никто не преследовал. Он сбросил скорость, как только они въехали в город, полный туристов из Санта-Фе.

Во время этой бешеной гонки Конни Раст затихла на заднем сидении. Теперь же она начала хныкать, всхлипывая снова и снова.

— Что со мной будет? — спрашивала она.

— Ничего плохого, — пообещал Фордис, сидящий рядом с ней. — Мы здесь, чтобы помочь вам. Уверен, вы слышали, во что ввязался ваш бывший муж.

Эти слова заставили ее всхлипнуть снова.

— Мы просто хотим задать вам несколько вопросов, вот и все, — услышал Гидеон объяснение Фордиса. Федерал говорил с бесконечной терпимостью, словно доносил до ребенка прописные истины. Он рассказал, что у них есть повестка в суд, на основании которой они обязались доставить Конни Раст для дачи свидетельских показаний и по которой она обязана правдиво ответить на все их вопросы. Но он сразу же постарался уверить ее, что она может ни о чем не беспокоиться, что она не подозреваемая, что ее не арестовали, а на деле она является очень важным человеком, от чьей помощи в этом деле могло зависеть много жизней. Он говорил, не обращая внимания на ее беспокойное бормотание и периодические всплески рыданий. В конце концов, Конни Раст успокоилась.

Высморкавшись, она кивнула.

— Что вы хотите узнать?

— Мой напарник, — начал Фордис, — Гидеон Кру работал с вашим бывшим мужем в Лос-Аламосе. Он задаст вам вопросы.

Гидеона удивили эти слова.

— Для этого, — продолжил Фордис, — мы с ним поменяемся местами, чтобы он мог расспрашивать вас, не отвлекаясь на дорогу, — он обратился к Гидеону. — Верно я говорю, *напарник?*

Гидеон остановил машину. Выйдя из нее, Фордис отвел его в сторону.

— Ты знал Чолкера, — тихо пробормотал он, — ты *знаешь*, что нужно спросить.

— Да, но ведь среди нас двоих *ты* — эксперт по допросам, — полусшепотом запротестовал Гидеон.

— Сейчас она готова говорить.

Гидеон сел на заднее сидение рядом с женщиной. Она все еще шмыгала носом и вытирала его рукавом, но в остальном казалась вполне спокойной. Она даже выглядела немного польщенной столь пристальным вниманием к своей персоне. Гидеон почувствовал себя растерянным. Допросы? Это явно был не его конек.

Фордис завел двигатель и снова вывел машину на дорогу, двигаясь не спеша.

— Гм... — замялся Гидеон, гадая, с чего, черт возьми, начать. — Как сказал агент Фордис, я был коллегой вашего мужа в Лос-Аламосе.

Она тупо кивнула.

— Мы были друзьями. Думаю, мы с вами даже однажды встречались, — он решил, что

лучше не напоминать ей, что это было на рождественской вечеринке, где она напилась в стельку.

Она снова посмотрела на него, и он был потрясен тем, насколько рассеянной и дезориентированной она казалась.

— Извините, но я вас не помню.

«Что спросить?» Он отчаянно ломал над этим голову.

— Пока вы были в браке, Рид проявлял какой-либо интерес к исламу?

Она покачала головой.

— А что насчет его работы? Он когда-либо высказывал какие-либо негативные соображения насчет того, чем занимался в лаборатории? Насчет бомб и прочего...

— Да он кипятком ссал от своей работы. Гордился ею. Мерзость.

Она вновь шмыгнула носом и с удивительной решимостью вздернула подбородок. Разговор о Чолкере сумел каким-то образом прочистить ей мозги.

— Почему же мерзость?

— Он был орудием военно-промышленного комплекса и совершенно этого не осознавал.

— Он когда-нибудь высказывал какое-либо негативное мнение о Соединенных Штатах? Выражал симпатию к террористическим организациям?

— Нет. Он был патриотом. Видели бы вы его после 11 сентября! Ох уж эти ядерные ублюдки! Знал ли он, что это Буш и Чейни организовали все это дерьмо?

Гидеон не решился это комментировать.

— Разве вам не показалось странным, что он принял ислам?

— Вовсе нет. Когда мы поженились, он иногда таскал меня в Дзен-центр на медитации и на все псевдоиндийские собрания в американских индийских церквях: к сайентологам, к Мунни... так что можете считать, что он так искал себя.

— Хотите сказать, что он постоянно был в духовном поиске?

— Пожалуй, так лучше всего это описать. Он был занозой в заднице.

— Почему вы развелись?

Она фыркнула.

— Я только что сказала: потому что он был занозой в заднице.

— Вы поддерживали с ним контакт после развода?

— *Он* — пытался. А меня он достал. Я уехала на ранчо, и только тогда он, наконец, оставил меня в покое. Уиллис прочитал ему нотацию.

— Нотацию?

— Да. Уиллис сказал ему, что он выбьет из него всю дурь, если он снова свяжется со мной, поэтому он и прекратил. Он был трусом.

Внезапно в их разговор с водительского сидения вмешался Фордис.

— Между вами и Уиллисом есть какие-либо отношения? — спросил он.

— Были. А потом он посвятил себя целибату.

«Ну да, конечно», — подумал Гидеон, вспоминая ту женщину, что нежилась в кровати прямо рядом с офисом Уиллиса.

— Так какая идея стоит за тем ранчо? Какова его цель? — спросил Фордис.

— Мы отделились от этой пропитанной фальшью страны. Мы вне ее сети — насколько это возможно. Мы сами выращиваем свою еду, заботимся друг о друге. Мы предвестники новой эпохи.

— А из-за чего возникла собственно такая необходимость?

— Вы — узники вашего государства. И даже не подозреваете об этом. Ваши политики страдают от своей власти. Как он своеобразной болезни. Все насквозь прогнило, но вы не видите этого.

— Что вы имеете в виду, говоря, что власть — это болезнь? — спросил Фордис.

— Все властные структуры — как они есть — управляются психопатами. В мире почти все правительства захвачены психопатами. Одаренными психопатами, которые владеют психологией и используют нормальных людей в своих целях. Это раса патологических девиантов, которая не способна чувствовать сострадания, и у которых нет совести, потому что их полностью поглотила ненасытная потребность во власти — они то и правят миром.

Это была проникновенная речь, которая по сути своей лишь сотрясла воздух. У Гидеона она не вызвала никакого интереса. Иногда он чувствовал, что отождествляет себя с одним из тех, кого она описала.

— И каков ваш план? Что вы собираетесь с этим делать? — спросил Фордис.

— Мы сметем все это и начнем заново.

— Как *сметете*? — переспросил Гидеон.

Она внезапно замолчала, губы ее сжались. Через мгновение Фордис спросил:

— Так чем вы занимаетесь на ранчо?

— Изначально я была членом технической команды, но последнее время работала в саду.

— Технической команды?

— Верно, — она смиренно склонила голову. — Мы не луддиты^[28]. Мы используем технологии. Революция придет с технической помощью.

— С помощью чего?

— Интернет, сеть, массовые коммуникации. Вы ведь видели спутниковые тарелки. У нас мощное оборудование.

— Эта революция будет жестокой? — осторожно спросил Гидеон.

— Психопаты не сдадут свои посты добровольно, — мрачно и уклончиво ответила она.

Они подъехали к окраине Санта-Фе, миновали тюрьму, за которой раскинулись луга и пригородные застройки.

— На ранчо проявляли интерес к работе вашего мужа? — спросил Фордис. — Я хочу сказать, он ведь разрабатывал ядерное оружие. Возможно, это могло бы стать хорошим способом *смести* психопатов.

Повисла тишина, но, в конце концов, она все же ответила:

— Меня туда пригласили не по этой причине.

— А почему вас пригласили? — спросил Фордис.

— Потому что... Уиллис любил меня.

Это жалкое заявление было последним, что она сказала. Напарники поняли: о чем ее не спроси, она будет молчать. Они представили себе, как дознаватели из NEST будут пытаться выбить из нее хоть слово.

— Что ж, пусть они попытаются ее поймать, — буркнул Фордис, когда они покинули здание NEST и, сев в машину, направились на север. — А нам пора навестить имама.

Мечеть Аль-Дахаб располагалась в конце извилистой дороги, и представляла собой вытянутое блочное здание с золотым куполом, обрамленное красным кантом. Оно изобиловало поразительными переливами красного, золотого и синего. Идиллия этой цветной картины нарушалась лишь морем правительственных автомобилей. Машины и микроавтобусы заполнили всю обширную стоянку, и даже более того — нагло припарковались прямо на земле по обеим сторонам от мечети.

Приближаясь ко входу, Гидеон услышал крики и обернулся, чтобы увидеть с одной стороны небольшую, но громкую группу протестующих, стоящую за полицейскими ограждениями, кричащую и размахивающую плакатами, покрытыми надписями, вроде «МУСУЛЬМАНЕ УБИРАЙТЕСЬ ВОН».

— Только посмотри на этих дебилов, — хмыкнул Гидеон, качая головой.

— Это называется свободой слова, — отозвался Фордис, решительно продвигаясь вперед.

На стоянке был развернут мобильный командный штаб — вместительный трейлер с комплектом коммуникационного оборудования, установленного на крыше. Пока Фордис искал место для парковки «Шевроле Субурбан», Гидеон спросил:

— Почему здесь? Почему бы не доставить всех в центр для допроса?

Фордис фыркнул.

— Это своеобразная тактика запугивания. Так сказать, вторжение в их личное пространство.

Они прошли через несколько контрольно-пропускных пунктов и металлоискателей, их сопроводительные документы были тщательно проверены, прежде чем их допустили в мечеть. Святыня произвела на них неизгладимое впечатление: длинный широкий коридор вел в куполообразный внутренний интерьер, красиво облицованный синим покрытием со сложными абстрактными узорами. Они миновали куполообразную центральную часть, и подошли к закрытому дверному проему в его дальней секции. Масса агентов NEST входила и выходила через эту дверь, к тому же рядом с ней размещался дополнительный пост охраны. Напарники заметили лишь несколько мусульман — казалось, что все встречающиеся на их пути были правительственными агентами.

Снова их документы подверглись проверке, и только после этого им открыли дверь. Небольшая полупустая комната была превращена в вызывающую неприятие комнату для допросов: в ее центре стоял стол и несколько стульев, с потолка свисал микрофон, а в каждом ее углу на штативах были закреплены видеокамеры.

— Имам придет через минуту, — предупредил парень в бейсболке с надписью «NEST».

Напарники предпочли не занимать стулья и остались стоять. Через несколько минут дверь снова открылась, и вошел мужчина. К удивлению Гидеона, он оказался уроженцем западных штатов США. На нем был синий костюм, галстук и белая рубашка. У него не было ни бороды, ни тюрбана, ни халата. Единственное, что в нем было необычного, это обнаженные ноги в одних чулках. Иمامу было около шестидесяти, но он был сильным, крепким мужчиной с темными волосами. Он устало вошел и сел.

— Пожалуйста, — сказал он. — Присаживайтесь. Располагайтесь поудобнее.

Когда он заговорил, Гидеон был удивлен второй раз: в голосе мужчины слышался сильный акцент жителя Нью-Джерси. Гидеон оглянулся на Фордиса. Заметив, что агент не намерен садиться, он решил последовать его примеру.

Дверь закрылась.

— Стоун Фордис, ФБР, — представился агент, сверкнув своим значком.

— Гидеон Кру, консультант ФБР.

Имам выглядел совершенно безразличным — казалось, что изнеможение и усталость скрыли последние следы гнева, которые оставались на его лице.

— Мистер Юсуф Али? — спросил Гидеон.

— Да, это я, — сказал имам, скрестив руки на груди и безучастно посмотрев куда-то мимо них.

Они заранее обсудили план действий. Гидеон начнет первым и будет добрым дознавателем. В определенный момент Фордис намеревался прервать его и начать задавать вопросы уже более сурово. Хороший коп, плохой коп — стандартная и уже давно избитая инсценировка, и вряд ли когда-нибудь дознаватели смогут придумать что-то лучше.

— Я был другом Рида в Лос-Аламосе, — сказал Гидеон. — Когда он обратился в ислам, он отдал мне несколько своих книг. Недавно я услышал, что он устроил в Нью-Йорке, и едва смог поверить своим ушам.

На эти слова со стороны имама не последовало никакой реакции. Он продолжил смотреть мимо них.

— Вы удивились, когда слышали о случившемся?

Наконец имам взглянул на него.

— Удивился? Да я был раздавлен.

— Вы были его наставником. Вы присутствовали, когда он читал «Шахаду», так называемое «Свидетельство веры»^[29]. И вы утверждаете, что не замечали никаких признаков его растущего радикализма?

Повисло долгое молчание.

— Мне задают этот вопрос, наверное, уже в пятидесятый раз. Действительно ли я должен отвечать на него снова?

Фордис выбрал именно этот момент, чтобы вступить в разговор.

— У вас возникли трудности с ответом на этот конкретный вопрос?

Али повернулся и посмотрел на Фордиса.

— Да, в пятидесятый раз он уже вызывает затруднения. Но я все равно отвечу. Я не замечал никаких признаков радикализма. Напротив, казалось, что Чолкер не интересовался политическим исламом. Он был сосредоточен исключительно на своих отношениях с Богом.

— В это трудно поверить, — сказал Фордис. — У нас есть копии ваших проповедей. Там мы нашли критику в адрес правительства США, критику войны в Ираке и другие заявления политического характера. У нас есть и другие свидетельства касательно ваших антивоенных и антиправительственных высказываний.

Али взглянул на Гидеона.

— Вы выступаете за войну в Ираке? Вы одобряете политику правительства? — Ну...

— Здесь мы задаем вопросы, — прервал его Фордис.

— Мысль, которую я хочу донести, — сказал имам, — это то, что мои взгляды на войну ничем не отличаются от взглядов многих других верных американцев. И я такой же верный американец.

— А что насчет Чолкера?

— Видимо, он таковым не являлся. Это может шокировать вас, агент Фордис, но не все, кто против войны в Ираке, хотят взорвать Нью-Йорк.

Фордис покачал головой, а Али немного наклонился вперед.

— Агент Фордис, позвольте мне рассказать вам кое-что. Кое-что новое. Что я не рассказал другим. Хотите это услышать?

— Конечно, хочу.

— Когда мне было тридцать пять, я принял ислам. До этого я был Джозефом Карини, и я был водопроводчиком. Мой дедушка приехал сюда из Италии в 1930 году — пятнадцатилетний ребенок, одетый в лохмотья с долларом в кармане. Он совершил долгое путешествие сюда с Сицилии. В этой стране он всего добился сам, своими силами: устроился на работу, усердно работал, изучал язык, купил дом в Квинсе, женился и воспитал своих детей в хорошем, безопасном, рабочем классе. Для него это было раем по сравнению с коррупцией, нищетой и социальной несправедливостью Сицилии. Он *любил* эту страну. Мой отец и мать прошли по тому же пути. Нам удалось переехать в пригород — Северный Арлингтон, штат Нью-Джерси. Они были так благодарны за возможности, предоставленные им этой страной! Я тоже. Какая еще страна в мире приветствовала бы нищего пятнадцатилетнего мальчика, который не говорил по-английски, и предоставила бы ему возможности, которым неоткуда было взяться? И здесь я воспользовался теми же свободами, они позволили мне покинуть Католическую церковь, что я сделал по личным причинам, и обратиться в ислам, уехать с запада и, в конце концов, стать имамом этой прекрасной мечети. Это было возможно только в Америке. Даже после 11 сентября к нам, мусульманам, наши соседи продолжили относиться с уважением. Мы были так же напуганы теми террористическими нападениями, как и все остальные. Но на протяжении многих лет нам разрешалось беспрепятственно исповедовать нашу религию.

На этом он замолчал. В наступившей тишине крики и песнопения протестующих начали просачиваться сквозь стены.

— По крайней мере, до сих пор.

— Что могу сказать, это прекрасная патриотическая история, — отозвался Фордис, немного резким тоном, но Гидеон заметил, что небольшая проникновенная речь имама смогла выбить почву из-под ног агента.

Остальная часть интервью хромала и, в конце концов, завела в тупик. Имам настаивал на том, что в мечети не было никаких радикалов. Его паства в основном состояла из новообращенных, и практически все из них были американскими гражданами. Финансирование мечети и школы производилось на добровольных началах. Вся информация касательно этого уже была передана ФБР. Все благотворительные организации были зарегистрированы, и, опять же, все эти записи были предоставлены ФБР. Да, среди прихожан было несколько противников войн в Ираке и Афганистане, но, опять же, некоторые из его прихожан несли службу в Персидском заливе. Да, они преподавали арабский язык, но, в конце концов, это был язык Корана и он не подразумевал некой скрытой приверженности каким-то конкретным политическим взглядам или предрассудкам.

И на этом их время истекло.

Покидая мечеть и пробираясь сквозь толпы органов охраны правопорядка, Фордис молчал, заметно помрачнев после допроса имама. Наконец, когда они подошли к «Шевроле Субурбан», у него вырвалось:

— История этого парня выглядит хорошо. На мой взгляд, даже *слишком* хорошо.

Гидеон кивнул, соглашаясь с ним.

— Строит из себя настоящего Горацио Элджера^[30]. Но, если он лжет, то он чертовски в этом хорош. К тому же все его истории достаточно легко проверить.

Гидеон воздержался от комментариев и фраз типа: «Я сразу его раскусил», давая возможность агенту выговориться.

— О, даже не сомневайся, я все это проверю. Но такие парни, как он, обычно всегда осторожны и не оставляют явных следов.

— Возможно, стоит выяснить, почему он покинул католическую церковь.

— И я бы дал тебе десять шансов к одному: он надеется, что мы именно это и сделаем, учитывая то, как он подчеркнул эту часть своего прошлого.

Они приблизились к группе протестующих, загнанных полицией за ограждения, их громкие, сердитые крики, звучали громко и пронзительно в спокойном пустынном воздухе, и действовали на нервы, словно наждачная бумага. Во всеобщей какофонии отдельные голоса слышались то громче, то тише.

Внезапно Фордис остановился и склонил голову.

— Ты это слышишь?

Гидеон замер и затих. Кто-то кричал о каньоне и постройке бомбы.

Они подошли к протестующим. Увидев, что они наконец-то привлекли к себе внимание, участники пикета стали кричать громче и яростнее размахивать плакатами.

— Хорошо, хорошо, мы вас услышали, а теперь замолчите на минуту! — Фордис стал бегло вглядываться в лица толпы и, наконец-то, ткнул пальцем. — Вы! Что вы только что сказали?

Молодая женщина, одетая в западном стиле — сапоги, шляпу и ремень с массивной пряжкой на поясе — вышла вперед.

— Они собираются в Медном Каньоне незадолго до заката...

— Вы сами их видели?

— Да, видела.

— Как вам это удалось?

— Я заметила их с обрыва. Там есть тропа, идущая вдоль самого края, по которой я часто езжу. Оттуда-то я и увидела их, идущих по дну Медного Каньона и несущих материалы для изготовления бомбы. Они строят там бомбу.

— Материалы для изготовления бомбы? Что вы имеете в виду?

— Ну, рюкзаки битком набитые разными вещами. Послушайте, я не шучу, они создают бомбу.

— И часто они попадались вам на глаза? Люди, о которых вы говорите, появляются там систематически?

— Ну... я видела их только один раз, но один раз — это все, что требуется...

— Когда?

— Около полугода назад. И позвольте мне описать вам тех людей...

— Спасибо.

Фордис записал ее имя и адрес, и они направились обратно к машине. Он скользнул за руль, все еще пребывая в бешенстве.

— Очередная пустая трата времени.

— Возможно, и нет, — не согласился Гидеон. — Вдруг эта наводка на каньон выгорит?

Фордис задумался.

— Хм... ладно, может, ее и стоит ее проверить. Но эта женщина просто повторяла слух — она сама этого не видела. Что меня действительно заинтересовало, так это те двое парней, которые вышли за нами из мечети.

— За нами следили?

— А ты их не заметил?

Гидеон покраснел.

— Я даже не оглянулся.

Фордис покачал головой.

— Не знаю, кто они, но я записал длинное видео достаточно хорошего качества.

— Видео? Когда, черт возьми, ты успел снять чертово видео?

Фордис усмехнулся и достал из кармана ручку.

— Девяносто девять долларов, «Шарпер Имидж»^[31]. К чему биться, заполнять формы запросов в трех экземплярах и ждать недели, чтобы получить официальную видеозапись допроса у NEST, если есть эта чудо-ручка, — он завел двигатель, и его лицо посерьезнело. — Мы и так потеряли три дня. Осталась неделя до Дня-Икс, может быть, даже меньше. И взгляни, что творится вокруг. Только взгляни на этот бардак. Это дерьмо до смерти меня пугает.

Гидеон презрительно взглянул на толпу представителей правоохранительных органов, снующих вокруг. Тем временем Фордис вырулил с парковки, и поддал газа, оставив после себя облако пыли, надолго повисшее в разряженном пустынном воздухе.

Майрон Дарт стоял за дорической колонной Мемориала Линкольна, мрачно глядя на гладь мрамора под своими ногами. Хотя это был жаркий ранний летний день — тот тип удушливого, апатичного полудня, который был характерен для Вашингтона, — внутри мемориала было относительно прохладно. Дарт старался не смотреть на статую Линкольна. Что-то в удивительном величии президента, в его мудром и благожелательном взгляде неизменно давило на него, а сейчас он не мог позволить себе испытывать эмоции. Вместо того он обратил свое внимание на текст второго инаугурационного обращения, выгравированного на камне: *«С уверенностью в своем праве, в то время как Бог дает нам мудрость распознать это право, давайте стремиться завершить начатый нами труд»*.

Хорошие слова. Дарт сам себе дал обещание считать их своим девизом в течение следующих нескольких дней. Он устал, как собака, и нуждался во вдохновении. Это была не просто гравировка: эти слова являлись воплощением самой страны. Казалось, что все вокруг разваливается на части: громкие и противоречащие друг другу голоса демагогов, теледикторов и других деятелей средств массовой информации не давали расслабиться. На ум пришли бессмертные строки стихотворения великого Йейтса: *«Лишились веры лучшие из нас, у худших же прибавилось лишь силы...»*^[32]. Этот кризис извлек все самое худшее из его сограждан-американцев. Как грибы после дождя, его страну заполонили личности, желающие нагреть руки на сложившейся ситуации: от мародеров и финансовых спекулянтов до религиозных фанатиков и политических экстремистов. К тому же этот кризис обнажил трусость многих рядовых людей, которым волей-неволей пришлось покинуть свои дома. Что, черт побери, случилось с его любимой страной?

Сейчас ему было некогда думать об этом, он должен был сосредоточиться на работе. Дарт повернулся и вышел из мемориала, ненадолго остановившись на верхней ступеньке. Перед ним до далекого Монуумента Вашингтона — чья тень, напоминающая иглу, пересекала газон — простиралась Национальная Аллея. Прилегающий парк был пуст: в нем не было привычных загорающих и туристов. Вместо этого по Конституион-авеню прогрохотала колонна вездеходов, а две дюжины армейских «Хамвеев» были припаркованы за бетонными баррикадами, установленными по всему периметру Эллипса^[33]. Нигде поблизости, насколько хватало взгляда, не было видно движения гражданских машин. На деревьях трепетали листья, а вдали завывали сирены, и их пронзительные голоса то взлетали, то ниспадали в однообразной постапокалиптической колыбельной.

Дарт быстро сбежал по ступенькам и свернул на подъездную дорогу, где на холостом ходу стоял свободный автомобиль NEST, окруженный несколькими солдатами Национальной гвардии, вооруженными карабинами M-4. Он подошел к двойным дверям в задней части фургона и постучал по ним костяшками пальцев. Двери открылись, и он забрался внутрь.

Интерьер фургона был жутким и темным, освещенным только зеленым и янтарным светом работающих приборов. Внутри находилось полдюжины сотрудников NEST: некоторые из них контролировали терминалы, другие вели переговоры по гарнитурам.

Майлз Каннингем, его личный помощник, возник из мрака.

— Докладывай, — скомандовал Дарт.

— На Мемориале Линкольна установлены и действуют онлайн скрытые камеры и датчиками движения, — сказал Каннингем. — Лазерная сетка должна заработать в течение часа. У нас будет возможность вести наблюдение в режиме реального времени в радиусе четверти мили вокруг памятника. Сэр, даже мышь не сможет проскочить, чтобы мы ее не заметили.

— А Пентагон, Белый дом и другие возможные цели?

— Там также вводятся в действие подобные сети, крайний срок их полной готовности — полночь. Каждая сеть безопасности для отчета будет иметь обратную связь через выделенные стационарные линии с централизованным узлом мониторинга в командном центре. У нас есть команды обученных наблюдателей, готовых работать посменно и осуществлять наблюдение в режиме двадцать четыре на семь.

Дарт одобрительно кивнул.

— Сколько?

— Около пятисот, с поддержкой еще тысячи сотрудников NEST, не считая, конечно, военных, национальной гвардии, ФБР и других причастных агентств, обеспечивающих взаимодействие ресурсов и персонала.

— Какова общая численность задействованного персонала?

— Сэр, в столь быстро меняющейся обстановке назвать точное число просто невозможно. Вероятно, сто тысяч... или даже больше.

«Слишком много», — подумал Дарт. Расследование этого дела неизбежно, с самого начала обещало стать чудовищем. Но он никак это не прокомментировал. Практически все подразделения NEST были уже на месте, здесь, в Вашингтоне — стянутые со всей страны ресурсы были доведены до максимально возможной концентрации. То же самое было и с армией, морскими пехотинцами, Национальной гвардией: элита вооруженных сил всей нации съезжалась в город, а жители и правительственные работники покинули его.

— Что сообщает рабочая группа, занимающаяся прогнозом структуры самодельного взрывного устройства? — спросил Дарт.

Каннингем открыл папку.

— Вот их отчет, сэр.

— Изложи мне его краткую версию.

— Они все еще не пришли к согласию относительно размера устройства и его мощности в тротиловом эквиваленте. Его размер может сильно варьироваться в зависимости от технической сложности конструкции.

— Какова последняя оценка радиуса действия?

— Они говорят, что это может быть что угодно: от бомбы, которую можно спрятать в чемодан, весом пятьдесят килограммов, до бомбы, которая поместится только в задней части фургона. Мощностью от 20 до 50 килотонн. Есть небольшая вероятность, что бомба не работает, но даже в этом случае будет всеобъемлющее распространение радиации.

— Ясно. А что говорит отдел расследования в Нью-Мексико?

— Ничего нового, сэр. Допросы, проведенные в мечети, не принесли желаемых результатов. У них сотни, тысячи потенциальных подозреваемых, но до сих пор они так и не обнаружили реальных зацепок.

Дарт покачал головой.

— Полыхнет здесь, а не там. Даже если бы мы знали имя каждого террориста, задействованного в заговоре, это не сильно бы нам помогло. Они залегли на дно. Сейчас

наши насущные проблемы — это оцепление и сдерживание. Позвони Зонненбергу в Нью-Мексико. Скажи ему, что если он не добьется каких-нибудь результатов в течение двадцати четырех часов, я собираюсь начать передислокацию некоторых из его активов обратно в Вашингтон, где они действительно нужны.

— Да сэр, — Каннингем открыл рот, видимо, желая что-то добавить, но промолчал.

— Что еще? — немедленно среагировал Дарт.

— Ко мне поступил рапорт одного из сотрудников ФБР. Фордуса. Он подал запрос и получил ордер на допрос бывшей жены Чолкера. Она живет в какой-то общине за пределами Санта-Фе. Он также планирует переговорить и с другими вовлеченными лицами, вызывающими интерес.

— Он упомянул имена этих, других подозреваемых?

— Не подозреваемых, сэр, просто людей, с которыми ему по той или иной причине необходимо связаться. И, нет, других имен он не назвал.

— Он уже представил отчет по бывшей жене?

— Нет. Но последующие ее допросы сотрудниками NEST не принесли ничего полезного.

— Интересно. Община? Стоит установить контроль над исполнением, даже если эта версия кажется немного неправдоподобной, — Дарт огляделся. — Как только сети безопасности будут развернуты, я хочу начать бета-тестирование. Соберите наблюдательные команды, и начинайте их готовить. Пусть проверят наличие в сетях лазеек и слабых мест. Скажите им, чтобы они были творческими — я имею в виду, чтобы в ходе работы они применяли творческий подход.

— Да сэр.

Дарт кивнул и схватился за ручку задней двери.

— Доктор Дарт, сэр? — неуверенно обратился к нему Каннингем.

— Что?

Помощник прочистил горло.

— Надеюсь, я не лезу не в свое дело, сэр, но вам нужно отдохнуть. По моим подсчетам, вы проработали уже более пятидесяти часов.

— Но и все остальные так же.

— Нет, сэр. Мы все брали перерыв. Вы же работали без остановки. Могу я предложить вам вернуться в командный центр и отдохнуть там хотя бы несколько часов? Я дам вам знать, если появится что-нибудь срочное.

Дарт замешкался, стараясь сдержаться и не произнести какую-нибудь резкую реплику. Вместо этого он попытался смягчить свой тон.

— Я ценю вашу заботу, мистер Каннингем, но я отдохну, только когда это все закончится.

И на этих словах Дарт открыл дверь и вышел на солнечный свет.

Аэродром Уэст-Санта-Фе дремал под безоблачным небом. Пока Фордис вырулил на автостоянку, Гидеон рассмотрел один-единственный ангар, к которому с одной стороны прилегалo здание из шлакоблоков, как будто, так и было задумано.

— Где взлетно-посадочная полоса? — спросил он, озираясь.

Фордис неопределенно махнул мимо ангара на большое пространство голой земли.

— Ты хочешь сказать, она за той грунтовой площадкой?

— Нет, эта площадка *и есть* ВПП.

Гидеон не был создан для полетов в прямом смысле этого слова. Расположившись в удобном кресле первого класса в просторном салоне самолета при низком освещении и с включенным iPod'ом с шумоподавляющими наушниками, стюардессой, которая в любой момент была готова обновить его напиток, он еще мог вообразить, что не попал в хрупкую полую металлическую трубу, преодолевающую мили над землей на высоте нескольких километров. Но сейчас его ожидал полет совсем другого уровня.

Он беспокожно взглянул на россыпь небольших самолетов, припаркованных прямо на земле. Ни в одном из них притвориться, что все под контролем, явно не получится.

Фордис забрал портфель с заднего сиденья машины и вышел из нее.

— Я пойду, уточню у FBO об аренде, о которой я тебе рассказывал. Нам посчастливилось заполучить «Сесну 64-TE».

— Посчастливилось, как же, — отозвался несчастным голосом Кру.

Фордис ушел, а Гидеон тем временем вернулся в машину. Раньше он всегда избегал небольших самолетов, потому что плохо их переносил. Он надеялся, что не запаникует, и не выставит себя перед Фордисом полным идиотом. Жаль, что у агента была лицензия пилота. «Успокойся, псих», — приказал он сам себе. — «Фордис, знает свое дело и сделает все в лучшем виде. Волноваться не о чем».

Пять минут спустя Фордис вышел из небольшого здания и жестом подозвал к себе Гидеона. Тот с трудом выбрался из машины, натянул на лицо подобие беззаботности и проследовал за агентом мимо ангара, мимо ряда припаркованных аэробусов до бело-желтого самолета с двигателями на каждом крыле. Гидеон тяжело сглотнул: эта жестяная ошибка совершенно не вызывала у него доверия.

— Это он? — спросил Гидеон.

Фордис кивнул.

— И ты действительно сможешь им управлять?

— Если не смогу, то ты первый об этом узнаешь.

Гидеон выдал ему самую широкую улыбку, на которую он только был способен.

— Знаешь что, Фордис? Фактически я же тебе там не нужен. Почему бы мне не остаться здесь, в Санта-Фе, и не проработать те несколько зацепок, которые мы нашли? Эта жена, например...

— Нечего тут делать. Мы напарники. И ты полетишь на почетном месте рядом с пилотом.

Фордис открыл дверь кабины, забрался внутрь, пощелкал несколькими тумблерами, а затем снова спустился на землю. Он начал ходить вокруг самолета: посмотрел здесь,

потрогал там.

— Не говори, что ты к тому же еще и механик.

— Стандартная предполетная подготовка.

Фордис осмотрел элероны и шасси, затем открыл небольшую дверь и извлек нечто, похожее на шуп для замера уровня масла.

— Пожалуйста, помой заодно окна, раз уж на то пошло, — сострил Гидеон.

Проигнорировав его слова, Фордис нырнул под одно из крыльев, в то же время извлекая из кармана нечто, напоминающее крупный шприц с находящейся внутри него трубочкой для содовой. Он отвинтил небольшую крышку, расположенную на крыле и засунул приспособление в отверстие. Синеватая жидкость заполнила шприц, который Фордис затем поднял на свет. Маленький шарик располагался в нижней части внутренней трубки.

— А теперь что ты делаешь? — спросил Гидеон.

— Проверяю топливо на наличие воды.

Фордис продолжал всматриваться в голубоватую жидкость. Наконец, он хмыкнул и вылил топливо обратно.

— Ты закончил?

— Едва ли. Топливные баки располагаются в каждом из крыльев — по пять топливных отсеков в каждом.

В отчаянии Гидеон сел на траву.

Когда, наконец, Фордис скомандовал ему занять пассажирское сиденье и надеть гарнитуру, Гидеон почувствовал облегчение. Но затем последовали еще более тщательные проверки: контрольный запуск двигателя, проверка рулевой тяги, предполетная подготовка. Фордис трещал и комментировал свои действия с явным удовольствием, в то время как Гидеон делал вид, что ему интересно. Прошло еще полчаса до того момента, как двигатели были, наконец, запущены, и они перешли к состоянию взлета. Сидя там, в крошечном салоне, Гидеон чувствовал, что его начинает охватывать приступ клаустрофобии.

— Господи, — воскликнул он, — сейчас мы могли бы уже добраться до Санта-Круз.

— Не забывай, это была твоя идея.

Фордис взглянул на ветряк, определяя направление ветра. Затем, поддал газ двигателю, и самолет медленно тронулся с места.

— Что, если... — начал Гидеон.

— Заткнись хотя бы на минуту, — прервал его Фордис, через интерком самолета его голос прозвучал слабо и хрипло. — Нам надо произвести взлет с короткой полосы, и у меня много дел. Если, конечно, мы не собираемся врезаться в них, — и он указал на ряд тополей, растущих примерно в тысяче футов прямо по курсу.

Гидеон тут же замолчал, и Фордис заговорил в гарнитуру.

— Диспетчер Вест-Санта-Фе, говорит Сессна один-четыре-девять-шесть-девять произвожу взлет с полосы три-четыре.

Он поправил гарнитуру, сделал еще одну контрольную проверку ремня безопасности и дверного замка, затем отпустил стояночный тормоз и поддал газа.

— Диспетчер Вест-Санта-Фе, Сессна один-четыре-девять-шесть-девять, взлетающий с полосы три-четыре, направление северо-запад.

Они разгонялись прямо по грунтовой полосе, медленно набирая скорость, Гидеон держался изо всех сил.

— Мы уже достигли радиального вектора скорости один-двадцать пять KIAS^[34], —

сообщил ему Фордис. — Пока все идет нормально.

Гидеон стиснул зубы. «Этот ублюдок явно наслаждался процессом», — подумал он. Внезапно дрожь и дребезжание прекратились, и они оказались в воздухе. Прерия, маячившая перед ними, резко ушла вниз, и весь обзор заполнило бескрайнее голубое небо. Мгновенно самолет перестал казаться тесным. Он стал проворным и легким, и сейчас, скорее, напоминал прогулочный самолетик парка аттракционов, нежели легкий пассажирский самолет. Несмотря на страх, Гидеон почувствовал небольшой трепет восторга.

— Быстрый набор высоты по тангенциальному вектору, — сказал Фордис. — Один семь пять узлов.

— Что такое тангенциальный вектор? — спросил Гидеон.

— Я разговариваю с бортовым самописцем, а не с тобой. *Просто молчи.*

Они равномерно поднимались, и оба двигателя работали немного натужно. Когда они достигли четырех тысяч футов, Фордис убрал закрылки и сбросил скорость до крейсерской. Небольшой самолет перестал набирать высоту.

— О'кей, — сказал он. — Капитан выключил табло «не разговаривать».

Взлет был благополучно произведен, двигатели издавали равномерный гул, Гидеон почти поверил, что может немного расслабиться.

— Мы будем пролетать над чем-нибудь интересным?

Самолет внезапно ухнул вниз, и Гидеон с ужасом схватился за подлокотники кресла. Они падали. Еще рывок, и еще один, и он увидел пейзаж, раскинувшийся под ними.

— Небольшая турбулентность, на этой высоте это обычное дело, — беззаботно объяснил Фордис. — Думаю, будет лучше подняться еще на тысячу футов, — он взглянул на напарника. — Ты в порядке?

— Все прекрасно, — отозвался Гидеон, выдавив из себя вымученную улыбку, и попытавшись разжать пальцы, вцепившиеся стальной хваткой в обивку. — Просто прекрасно.

— Отвечая на твой вопрос: мы будем пролетать над Окаменевшим лесом, Гранд-Каньоном, Долиной Смерти. По соображениям безопасности мы дозаправимся в Бейкерсфилде.

— Надо было захватить коробку с пирожными.

Самолет выровнялся на большей высоте, на которой — как утверждал Фордис — не было турбулентности, и полет обещал быть гладким, как шелк. Гидеон почувствовал облегчение. Фордис вытащил из своего портфеля набор авиационных карт и разложил их на коленях. Он посмотрел на Гидеона.

— Есть соображения по поводу того, на что мы должны обратить внимание во время этого небольшого путешествия?

— Чолкер хотел стать писателем. Тот факт, что он пошел на встречу с этим автором *после* смены конфессии, показывает, что это была одна из немногих сфер интересов, которая сохранила для него актуальность. Возможно, он хотел написать о своем обращении в ислам: вспомни, что курсы были посвящены написанию автобиографий. На этих курсах он мог дать кому-то копию своей рукописи, чтобы получить критические замечания, или, возможно, кто-то вспомнит, как он декламировал на семинаре отрывок своей работы. В любом случае, там мы можем найти что-нибудь интересное.

— Интересное? Да это же будет бомба! Но если рукопись действительно существует, вероятно, на его ноутбуке есть копия, а это значит, что в Вашингтоне ее уже читает тысяча

человек.

— Вероятно. Может быть. Но не все писатели используют компьютеры для написания своих книг, а если там и были какие-то инкриминирующие вещи, он вполне мог их стереть. В любом случае, даже если на его компьютере и находится нечто, ты думаешь, что мы когда-нибудь сможем это увидеть?

Фордис хмыкнул и кивнул.

— Хорошее замечание.

Гидеон откинулся на спинку сидения, и стал рассеянно любоваться зелено-коричневым пейзажем, раскинувшимся под ними. После медленного старта их расследование наконец-то набирало обороты — бывшая жена Чолкера, мечеть, Блейн, а теперь и курсы. У Гидеона было какое-то странное предчувствие, что одна из этих зацепок приведет их к горшку с золотом.

Он чувствовал себя летящим на волшебном ковре-самолете, плавно скользящем на невесомых нитях сквозь белые хлопковые облака. Теплый бриз — слишком мягкий и приятный, чтобы производить хоть какой-то шум — ласкал его лицо и нежно поддразнивал волосы. Ковер казался настолько гладким, а движения его были настолько успокаивающими, что он словно бы и не двигался вовсе. И все же далеко внизу Гидеон видел ландшафт, медленно проносящийся под ним. Это был экзотический пейзаж, полнящийся сверкающими куполами и шпилями, необъятными пышными джунглями и пурпурными полями, от которых к небу поднимался пар. И на всю эту умиротворяющую картину далекое мягкое солнце проливало с небес свои доброжелательные лучи.

Вдруг ковер совершил резкий внезапный рывок.

Гидеон открыл глаза. На мгновение — все еще пребывая на грани между райским сном и явью — он протянул руки, будто пытаясь схватить за края ковер. Вместо этого его пальцы натолкнулись на холодные металлические ручки и гладкую поверхность циферблата.

— Не трогай! — рявкнул Фордис.

Гидеон резко дернулся, пытаясь вскочить, но его крепко держали ремни безопасности. Теперь он вспомнил, где находится: в небольшом самолете, направляющемся в Санта-Круз. Он улыбнулся, когда воспоминания воскресли в его памяти.

— Снова зона турбулентности?

Ответа не последовало. Они пролетали через область неблагоприятной погоды — или так только казалось? Внезапно он осознал, что нечто, поначалу показавшееся ему облаками, в действительности было сплошной стеной густого черного дыма, поднимавшегося из левого двигателя, темнеющего снаружи.

— Что произошло? — воскликнул он.

Фордис был слишком занят, поэтому не отвечал ему еще несколько секунд, но, в конце концов, агент обронил:

— Левый двигатель сдох.

— Он горит? — цепляющиеся за него последние щупальца сна испарились, сменившись нешуточной паникой.

— Не горит, — Фордис опустил рычаг, затем нажал на несколько кнопок и щелкнул парой тумблеров. — Отключаю подачу топлива к двигателю. Оставляю электрическую систему — хотя нет никаких признаков, что она действительно электрическая — но мы не можем позволить себе потерять всю авионику и гироскопы.

Гидеон попытался выдавить из себя хоть слово, но будто потерял дар речи.

— Не переживай, — сказал Фордис. — У нас есть еще один двигатель. Проблема заключается только в стабилизации самолета с асимметричной тягой, — он немного потянул руль на себя, затем бросил быстрый взгляд на систему управления полетом. — «Обезьянки ищут киску под дождем», — пробормотал он себе под нос и стал повторять эту фразу снова и снова, словно мантру.

Гидеон, едва дыша, уставился прямо перед собой.

Но Фордис уже не обращал на него внимания.

— Капсюль заблокирован, — обронил он. — Транспондер в режиме передачи

экстренного сигнала, — затем агент нажал кнопку на своей гарнитуре. — Мэйдэй, мэйдэй, это Сессна один-четыре-девять-шесть-девять на аварийном канале. Один двигатель вышел из строя в двадцати пяти милях к западу от аэропорта Иньокерн.

Мгновение спустя в интеркоме над головой Гидеона послышался треск.

— Сессна один-четыре-девять-шесть-девять, это Лос-Анджелес-Центр, пожалуйста, подтвердите свою чрезвычайную ситуацию и свое местоположение.

— Один-четыре-девять-шесть-девять, — повторил Фордис, — один двигатель вышел из строя, двадцать пять миль к западу от Иньокерна.

Последовало несколько секунд молчания.

— Сессна один-четыре-девять-шесть-девять, на связи диспетчерская Лос-Анджелеса. Ближайший к вам аэропорт — Бейкерсфилд, в тридцати пяти милях на десять часов, взлетно-посадочные полосы 16 и 34.

— Один-четыре-девять-шесть-девять, — ответил Фордис, — вас понял, разворачиваю самолет на десять часов на Бейкерсфилд.

— Снижайтесь до 7700 и стабилизируйтесь, — послышался голос диспетчера.

Фордис нажал кнопку на консоли.

— На связи Лос-Анджелес-Центр. Выйдите на связь в тридцати четырех милях от Бейкерсфилда.

Тем временем плотное облако дыма чуть поредело, и Гидеон сумел рассмотреть, что небо заполнили облака. Простирающаяся под ними земля казалась туманной, размытой и неприметной, и лишь несколько небольших участков зелеными пятнами промелькнули где-то внизу. Он взглянул на высотомер: игла медленно скользила вниз.

— Мы снижаемся? — прохрипел Гидеон.

— Таков уж закон гравитации, — хмыкнул Фордис. — Как только опустимся на высоту, подходящую для полета на одном двигателе, все будет в порядке. Мы всего в тридцати с хвостиком милях от Бейкерсфилда. Давай-ка я еще раз попробую запустить левый двигатель, — он щелкнул переключателем. Затем еще раз. — Черт. Он полностью сдох.

Гидеон почувствовал боль в кончиках пальцев и лишь тогда осознал, что изо всех сил вцепился в сиденье. Он медленно разжал хватку и приказал себе расслабиться. «Все хорошо. У Фордиса все под контролем». Агент ведь был опытным пилотом. Он знал, что делать. Так почему же Гидеон не мог перебороть накатывающую панику?

— Стабилизация на 1900 над уровнем земли, — произнес Фордис. — Мы будем на взлетно-посадочной полосе Бейкерсфилда через 10 минут. Что ж, теперь тебе будет, что рассказать дома...

Внезапно справа от них раздался сильный взрыв, повлекший за собой вибрацию, пронесшуюся по всему фюзеляжу. Гидеон сжался, инстинктивно защищая лицо руками.

— Что это было?

Фордис резко побледнел.

— Взрыв правого двигателя.

— *Взрыв?!* — теперь темные маслянистые клубы валили со стороны второго двигателя. Оттуда слышался мерзкий, наполовину кашляющий, наполовину скрипящий шум, а затем и он прекратился — двигатель сдох — пропеллер остановился.

Гидеон потерял дар речи. Это был конец — в этом у него не было сомнений.

— Мы все еще можем планировать, — пробормотал Фордис. — Я постараюсь совершить скользкую посадку на этой мертвой посудине.

Гидеон облизнул пересохшие губы.

— Посадка с неработающими двигателями? — спросил он. — Звучит не очень...

— Так и есть. Помоги мне выбрать место для приземления.

— *Помочь тебе...*

— Смотри в окно ради всего, на хрен, святого! И найди мне какую-нибудь плоскую открытую площадку!

Гидеона охватило страннейшее чувство нереальности происходящего. Так бывало только в кино, в обычной жизни такое просто не могло случиться! Потому что, если б это была настоящая жизнь, от страха он бы просто не нашел в себе сил двигаться. А вместо этого он обнаружил себя у окна, разыскивающим места для возможной посадки. Туман на уровне земли несколько рассеялся, и теперь Гидеон видел, что под ними лежал сплошной горный хребет. За ним местность уходила в узкую долину, все еще затянутую туманом и окруженную густыми лесистыми холмами.

— Не вижу землю из-за тумана. Сколько у нас времени?

— Счет на секунды, — Фордис снова что-то колдовал над панелью управления: подвинул вперед U-образный рычаг и выполнил какие-то махинации с кнопками и тумблерами. Несмотря на чрезвычайную экстремальность этой ситуации, голос агента звучал спокойно.

— Уравновесились на восьмидесяти, — наконец сказал он. — Это выиграет нам еще несколько миль. Так что там насчет чертовой площадки?

— Впереди все еще ни хрена не видно, — Гидеон моргнул и отер пот со лба. — Как, черт возьми, тебя угораздило потерять оба двигателя?

Вместо ответа Фордис сжал губы в тонкую линию.

Гидеон уставился в окно кабины, всматриваясь в местность до боли в глазах. Они подлетали к хребту. Видимость тем временем медленно улучшалась, и тут Гидеон увидел это: среди обрывков тумана замелькала крохотная лента асфальта, бегущая вдоль долины.

— Там есть дорога! — взволнованно воскликнул он.

Фордис быстро сверился с картой.

— Шоссе 178, — он снова взялся за гарнитуру. — Мэйдэй, мэйдэй, это Сессна один-четыре-девять-шесть-девять на канале 121.5. Второй двигатель вышел из строя, повторяю, второй двигатель вышел из строя. Я пытаюсь совершить вынужденную посадку на шоссе 178, к западу от Миракл-Хот-Спрингс.

Интерком молчал.

— Почему никто не отвечает? — запаниковал Гидеон.

— Мы слишком низко, — ответил Фордис.

Они были на высоте четырнадцати сотен футов над уровнем земли, и почти уже достигли хребта. Возникло мимолетное ощущение, что они не смогут его преодолеть.

— Держись, — сказал Фордис. — Мы просто обязаны со всем этим справиться.

В гнетущей тишине, они парили над бесплодным рельефом. Ветер свистел в двух умерших пропеллерах. Обрывки дыма срывались и улетали прочь. Гидеон понял, что уже несколько секунд задерживает дыхание, и шумно выпустил воздух из легких.

— Что там у нас? — спросил он.

— Думаю, мили две, — ответил Фордис. — Высота тысяча сто. Устойчивая глиссада.

— Шасси выпустил?

— Еще нет. Это бы увеличило наше сопротивление... *ох, твою мать!*

Они пронеслись в опасной близости над гребнем хребта и стали опускаться в долину за его пределами. И тут в поле их зрения сквозь завесу тумана проступил новый элемент пейзажа: там был еще один — более низкий — хребет, покрытый возвышающейся рощей секвой, статных и величественных, преграждающих им путь к шоссе.

— Да это гребаный ад! — снова прошипел Фордис.

Гидеон никогда не слышал, чтобы агент выходил из себя, и это зрелище по-настоящему напугало его. Он посмотрел на свои руки, сжал их, а затем повторил эти действия еще раз, словно пытался прочувствовать, что они до сих пор его слушаются. Внезапным озарением к нему пришла мысль, что он не боится умереть — возможно, это даже лучше, чем то, что... грядет через одиннадцать месяцев. *Возможно.*

Лицо Фордиса стало белым, как мел, по его лбу струился пот.

— Национальный Лес Секвой, — прохрипел он. — Я собираюсь пробиться сквозь него Держись.

Самолет направился к неровному гребню хребта, затененному массивными деревьями с крошечными остроконечными вершинами. Снова выровняв самолет, Фордис направил его к анфиладе между несколькими исполинскими деревьями. В последний момент он резко наклонил самолет вправо.

Гидеон почувствовал, как мир вокруг него перевернулся. Нос самолета резко нырнул вниз.

— Боже! — воскликнул он. Он даже не был уверен, что это было: просто восклицание или молитва. Его накрыл миг настоящего животного ужаса, когда огромные красноватые стволы пронеслись мимо него всего в нескольких футах, а самолет прошел сквозь них словно волна прибоя. И тут перед ними раскинулось совершенно ясное небо. Лента 178-го шоссе мягко изгибалась впереди, и по ней ползло несколько машин.

— Пять сотен футов над землей, — сообщил Фордис.

— У нас получится?

Сердце Гидеона бешено колотилось. Теперь, когда они миновали лес, и появился шанс на выживание, он почувствовал непреодолимое желание жить.

— Не знаю. Из-за этих маневров мы сильно потеряли высоту. И у меня в запасе остался всего один поворот. Придется приземляться прямо в поток машин, по направлению движения, а не против. Тогда у нас будет хоть один шанс...

Они начали медленно поворачивать к шоссе. Гидеон наблюдал, как Фордис выпускает шасси.

— Впереди деревья, — воскликнул Гидеон.

— Я вижу!

Еще одно рваное движение, и Гидеон услышал резкий треск ветвей под брюхом самолета. Затем Фордис чуть повернул штурвал, чтобы выровняться над дорогой — и все это в тридцати футах над поверхностью...

Перед их взором возник грузовик, и они неумолимо стали к нему приближаться — столкновение было неминуемым. Гидеон закрыл глаза. Послышался жуткий скрежет, когда одно из колес самолета спружинило, ударившись о крышу кабины грузовика. После этого самолет вильнул в бок. Фордис сумел выровнять его и направить строго вдоль дороги, высоко задрав нос, пока грузовик, который они обогнали, отчаянно пытался затормозить.

Они буквально рухнули на асфальт, отскочили от него, и затем с новым резким толчком снова приземлились, по инерции проехав еще несколько десятков метров и, наконец,

остановившись посреди шоссе. Гидеон обернулся и увидел, что грузовик, чудовищно визжа резиной, остановился позади них. Он замер всего в полутора метрах от самолета. Машина, приближавшаяся к ним по встречной полосе, также выжала максимум из своих тормозов.

А затем все затихло.

Несколько мгновений Фордис сидел, словно мраморная статуя, пока вокруг него трещал и стонал фюзеляж. Затем он убрал руки от штурвала, щелкнул главным выключателем, снял гарнитуру и расстегнул страховочный ремень.

— После тебя, — сказал он.

Гидеон выбрался из самолета на ватных, негнущихся ногах.

Они сели прямо на шоссе. Сердце Гидеона стучало так, что он едва мог дышать.

Водитель грузовика и водитель встречной машины уже бежали к ним.

— Черт! — воскликнул дальнобойщик. — Что случилось? Вы, парни, там в порядке?

Они были в порядке.

Подъезжающие машины начали останавливаться, люди выходили на дорогу, чтобы выяснить, что произошло, но Гидеон ничего этого не замечал.

— И как часто двигатели выходят из строя, как у нас? — спросил он Фордиса.

— Нечасто.

— А что насчет *сразу двух* двигателей? В один и тот же день? Одним и тем же способом?

— Никогда, Гидеон. Никогда.

Полтора дня спустя Гидеон Кру припарковал «Субурбан» — к этому моменту лобовое стекло уже заменили — на поляне возле своей бревенчато-каменной хижины, заглушил двигатель и вышел. Он огляделся, глубоко вздохнув, и позволил себе несколько мгновений насладиться окружающим пейзажем: бассейном Пьедра-Лумбра, окружающими его горами Хемес, окаймленными соснами пондероса. Воздух был свежим и прохладным и подействовал на него, словно освежающий тоник.

Со времен дела на острове Харт он впервые вернулся в свою хижину, и понял, что скучал по этому месту. Здесь мрачное ощущение, которое, казалось, ни на минуту не покидало его, немного отступило. Здесь Гидеон мог забыть почти обо всем: о безумном расследовании, о своем диагнозе... и о других проблемах, спрятанных глубоко внутри — о тяжелом детстве, о колоссальном чувстве одиночества, пронизывающем всю его жизнь.

После долгого созерцания видов, он забрал сумки с пассажирского сидения, толкнул дверь в хижину и вошел в кухонный альков. Запах прогоревших дров, кожи и индейских ковров окутал его. Пока страна пребывала в состоянии волнения, население городов пыталось эвакуироваться, а голоса сумасшедших пророков и параноиков заполнили телевидение и радио, *это место* — осталось прежним. Насвистывая незатейливый мотив песни «Straight, No Chaser», он начал неспешно извлекать вещи из сумок и раскладывать их на столешнице. Так же, не торопясь, он обошел хижину, открыл ставни, проверил солнечный инвертор и включил насос скважины. Затем он вернулся на кухню, осмотрел продукты, продолжая насвистывать мелодию, и принялся доставать из ящичков кастрюли, горшки, ножи и прочий необходимый кухонный инвентарь.

Боже, как же хорошо вернуться!

Час спустя, он открывал духовку, проверяя состояние своих тушеных артишоков *à la Provençale*. В это время снаружи послышался шум подъезжающей машины. Выглянув в окно кухни, Гидеон увидел Стоуна Фордиса за рулем потрепанного «Краун-Вика» ФБР. Гидеон вздохнул, поставил сковороду на огонь и бросил на нее кусок сливочного масла, которое тут же начало плавиться.

Фордис вошел в хижину и огляделся.

— Вот, оказывается, что такое деревенское очарование, — он заглянул в отдаленную нишу. — Это, что, компьютерные принадлежности?

— Да.

— У тебя чертовски много оборудования работает от солнечной энергии.

— У меня тут неплохой склад солнечных батарей, знаешь ли.

Фордис прошел в гостиную и повесил пиджак на спинку стула.

— Дорога сюда — это нечто. Пока добрался, чуть глушитель не оторвал.

— Знаешь, это отпугивает нежеланных посетителей, — Гидеон кивнул на кухонный стол. — Бутылка «Брунелло» открыта, угощайся.

Он был уверен, что агент не станет пить вино, но все же решил предложить.

— Боже, ты прямо знал, что мне нужно, — Фордис налил себе щедрую порцию и сделал глоток. — Хм, пахнет неплохо. Что ты готовишь?

— *Неплохо?* Да это будет лучшая еда, которую ты когда-либо ел!

— Уверен?

— Меня уже тошнит от стряпни в аэропортах и отелях. Обычно я ем только раз в день

— и то, только ту еду, которую сам приготовил.

Агент сделал еще один глоток вина и со вздохом наслаждения расположился на кожаном диване.

— Итак... узнал что-нибудь?

Прямо после крушения они вернулись в Санта-Фе вместо того, чтобы ехать в центр, где Чолкер брал писательские курсы. В тот момент они решили, что более важно выяснить, кто совершил диверсию на борту их самолета — и действительно ли имела место так называемая диверсия или это было всего лишь очень неудачное стечение обстоятельств. Чтобы сэкономить время, они решили разделить обязанности на минувшие полтора дня.

— Конечно, узнал, — масло перестало пениться, и Гидеон осторожно извлек *rognon de veau*^[35] — уже промытые и очищенные от жира — из мясницкой бумаги, после чего положил их на сковороду. — Я заглянул в Медный Каньон по той наводке и проверил его. Не поверишь, что я там нашел.

Фордис качнулся вперед.

— Что же? — с нетерпением спросил он.

— Кучу камней, несколько ракушек, молитвенный коврик, ритуальную чашу для омовения и небольшой природный источник.

— И что это значит?

— Это святыня. Прихожане мечети приходят туда, чтобы помолиться. Но никаких улик, свидетельствовавших о создании бомбы или чего-то подобного, я там не нашел. Это всего лишь место для молитв.

Фордис скривился, а Гидеон меж тем продолжал.

— Я также попробовал выяснить, почему наш друг имам покинул католическую церковь. Несколько лет назад он подвергся насилию со стороны священника. Всё замаяли — похоже, имела место взятка. Никакой публичности. Его семья подписала договор о неразглашении.

— Вот, что он хотел, чтобы мы узнали. Но сказать напрямую нам этого не мог.

— Точно. И мне удалось установить личности двух парней, которых ты заснял на видео в мечети. Вот, что мы имеем: у одного из них есть лицензия коммерческого пилота, по которой он работал в Pan Am^[36].

Фордис отставил бокал.

— Нет, вот ведь дерьмо! Что ж, это вяжется с тем, что я узнал сегодня насчет нашей аварии.

— Выкладывай.

— Я видел предварительный отчет следователей НСБТ^[37]. Его делали в экстренном режиме. Не возникает никаких сомнений, что самолет был намеренно выведен из строя. Кто-то — может, даже этот твой парень-пилот — повредил его, добавив в нашу «Сесну» топливо для реактивного самолета.

— И что с того?

— «Сесна» работает на пониженных нагрузках. Для работы необходимо топливо с октановым числом, равным сотне. Добавление реактивного топлива понизило октановое число. В результате смесь загорелась и подожгла сначала один двигатель, а потом и другой, — Фордис сделал еще один глоток вина. — Даже двигатель без топлива может нормально

запускаться и останавливаться — до того момента, пока не загорится. Дело в том, что авиационное топливо с высоким октановым числом светло-голубого цвета. А реактивное — прозрачное. Редко — соломенного цвета. Когда я проводил осмотр, топливо показалось мне *слишком* светлым, но все же оно было голубым, поэтому я подумал, что все в порядке. Это было сделано кем-то преднамеренно, кем-то, кто точно знал, что он делает.

Повисло недолгое молчание. Гидеону понадобилось несколько секунд, чтобы переварить полученную информацию.

— Итак... в какое время ты закончил свое расследование? — спросил Фордис.

— В двенадцать тридцать. Может, в час дня.

— Тогда где, черт возьми, тебя носило весь день? Я звонил тебе полдюжины раз: ты отключил сотовый.

Темное чувство внезапно снова накатило на Гидеона. Он не планировал ничего рассказывать Фордису, но, тем не менее, услышал, как отвечает ему:

— Мне нужно было пройти кое-какие... тесты.

— Тесты? Что еще за тесты?

— Это личное.

Почки шипели на сковороде и уже успели слегка подрумяниться. Гидеон осторожно переложил их на тарелку, которую предварительно нагревал на плите, и Фордис, нахмурившись, уставился на этот кулинарный изыск.

— Что это, черт возьми, за...

— Почки. Просто дай мне минуту, я закончу приготовления.

Гидеон бросил на все еще шипящую сковороду порезанный лук-шалот, специи, налил бульона и плеснул щедрую порцию вина, тем самым быстро приготовив изысканный соус.

— Я не ем субпродукты, — скривился Фордис.

— Это даже не телячьи почки, это ягненок. И Фрэнк — мой мясник в городе — предложил мне их по отличной цене, поэтому, вместо того, чтобы приготовить их *à la Bordelaise* я решил сделать *flambés*, — Гидеон осторожно нарезал почки и проверил, чтобы они приготовились идеально и имели приятный розовый оттенок. Смешав их с соусом, он добавил извлеченные из духовки тушеные артишоки, а затем разложил свой шедевр по тарелкам.

— Захвати вино, — сказал он, неся две тарелки в гостиную, что располагалась рядом с кухней. Фордис неохотно последовал за ним.

— Говорю же, я не ем субпродукты.

Гидеон поставил тарелки на низкий столик перед кожаным диваном. Фордис присел и сердито уставился на свою порцию.

— А ты попробуй.

Агент поднял нож и вилку и нерешительно занес их над блюдом.

— Ну же, давай. Будь мужиком. Если тебе не понравится, на кухне я найду для тебя пакет доритос.

Он осторожно отрезал крохотный кусочек, наколот его вилкой и с подозрением поднес его ко рту.

Гидеон тоже попробовал. *Идеально*. Он задался вопросом, как такая вкуснятина может кому-то не нравиться.

— Ну, надеюсь, это меня не убьет, — вздохнул Фордис, положив кусок в рот. Несколько минут они ели молча. Затем Фордис заговорил снова. — Это весьма забавно: сидим здесь,

едим, пьем вино. А ведь только вчера мы чудом избежали авиакатастрофы. Я чувствую себя... обновленным, что ли.

Слова агента напомнили Гидеону о его диагнозе. И о том, как он провел последнюю часть дня.

— А что насчет тебя? Чувствуешь, что как будто переродился?

— Нет, — коротко буркнул Гидеон.

Фордис замолчал и внимательно присмотрелся к нему. Гидеон выглядел очень мрачным.

— Эй, ты в порядке?

Гидеон сделал большой глоток вина. Он понял, что пьет слишком быстро, словно пытается забыться. Неужели он все же хочет, чтобы разговор пошел в этом направлении?

— Слушай, хочешь поговорить об этом? Я имею в виду... это ведь был чертов ад.

Гидеон покачал головой, поставив свой бокал. Теперь он чувствовал непреодолимое желание выговориться.

— Дело не в этом, — наконец, выдавил он. — Катастрофа меня не беспокоит.

— Что же тогда?

— Это... то, о чем я думаю, каждое утро. То, о чем я вспоминаю в первую очередь, как только открываю глаза.

— Вспоминаешь... о чем?

Несколько мгновений Гидеон не отвечал. Он не знал, почему сказал это. Хотя, нет. Он *знал*. Он сделал это по той же причине, по которой пригласил Фордиса в свою хижину. После того, как они начали вместе вести это расследование, вместе восхищались творчеством Телониуса Монка, вместе прошли через вчерашнее едва не случившееся крушение, он начал смотреть на Фордиса, как на друга. Возможно — кроме, разве что старого Тома о'Брайена в Нью-Йорке — даже как на своего *единственного* друга.

— Я болен. Терминальная стадия, — сказал он. — Каждое утро начинается с того, что у меня есть две-три минуты спокойствия, а потом... я вспоминаю. Вот, почему я не чувствую себя обновленным... или возрожденным... или как там еще.

Фордис перестал есть и внимательно посмотрел на напарника.

— Ты, что, шутишь? — спросил он. Гидеон покачал головой. — И что это? Рак?

— Нечто, известное как АВМ^[38]: некое переплетение вен и артерий в мозге. Врачи говорят, что по статистике мне остался год жизни. Плюс-минус.

— Это неизлечимо?

— И не операбельно. В какой-то момент случится просто... бум.

Фордис откинулся на спинку дивана.

— Боже...

— Вот, где я провел половину сегодняшнего дня. Выслушивал очередные медицинские заключения. Видишь ли, у меня были сомнения в первичном диагнозе, и не без причины. Поэтому я решил сделать МРТ.

— И когда ты получишь результаты?

— Через три дня, — он помолчал. — Ты первый, кому я об этом рассказываю. Я, вообще-то, не планировал вываливать это на тебя, просто... Боже, наверное, мне просто нужно было рассказать хоть кому-то. Можешь свалить это на вино.

Некоторое время Фордис просто смотрел на него. Гидеон узнал этот взгляд: агент пытался понять, вранье это или нет. И затем явно решил, что нет.

— Мне очень жаль, — пробормотал он. — Я... не знаю, что сказать. Боже, это просто ужасно.

— Не нужно ничего говорить. На самом деле, я бы предпочел, чтобы ты больше об этом не упоминал. Так или иначе, диагноз еще может оказаться ошибочным. Сегодняшние тесты покажут.

— Ты скажешь мне, когда узнаешь? — спросил Фордис. — Какими бы ни были результаты.

— Скажу, — он неловко хохотнул. — Черт, я нашел отличный способ испортить ужин.

Он схватил бутылку и обновил бокалы.

— Я передумал, — сказал Фордис в сердцах, доедая свою порцию. — Мне нравятся почки. По крайней мере, приготовленные *à la Gideon*.

Они продолжили есть и пить, и разговор, наконец, перешел на нейтральные темы. Вскоре Гидеон встал и поставил на стерео компакт-диск Бена Уэбстера.

— Каков наш следующий шаг в расследовании?

— Вытащить этого пилота из мечети.

Гидеон кивнул.

— А я бы хотел прогуляться до съемочного ранчо, и снова проверить Саймона Блейна.

— Писателя? О, да, без сомнения, он настоящий desperado^[39]. А потом нам придется вернуться на ранчо к этим сумасшедшим ублюдкам и надрать им задницы. Все эти спутниковые тарелки действуют мне на нервы. Не говоря уже о том, что мы услышали от бывшей Чолкера — о насильственном апокалипсисе.

— Мне не очень хочется снова испытывать на себе шокер для скота.

— Мы пойдем туда с командой спецназа и возьмем Уиллиса за яйца вместе с теми ублюдками, которые напали на нас.

— Разве вы, ребята, после Уэйко ничему не научились?

— Это лучше, чем тратить время на писателя.

— У него милая дочурка.

— О-о-о, *теперь* я понимаю, в чем дело, — протянул Фордис, допивая вино. — Как я погляжу, ты погрузился в расследование по самые гланды.

— Я налью нам еще, — усмехнулся Гидеон.

Спустя проигранный диск Майлза Дэвиса и еще одну бутылку вина Гидеон и Фордис расслабленно сидели в гостиной хижины. Солнце село, вечер принес прохладу, и Гидеон развел огонь, который гостеприимно потрескивал в очаге и даровал комнате приятный свет и блаженное тепло.

— Это лучшие субпродукты, которые я когда-либо ел, — сказал Фордис, поднимая бокал.

Гидеон осушил свой. Поставив его обратно на стол нетвердым движением, он понял, что уже изрядно захмелел.

— Я хотел спросить тебя кое о чем.

— Валяй.

— Там, в самолете, ты постоянно бормотал что-то про обезьян и киску...

Фордис рассмеялся.

— Это авиационная мнемоника. «Monkey find pussy in the rain», «Обезьянки ищут киску под дождем». Это проверка. Контрольная последовательность действий, которые необходимо сделать, когда двигатель выходит из строя: проверить запас топлива и его

подачу, перезапустить насос, включить двухстороннее зажигание и так далее.

Гидеон покачал головой.

— Вот, где, на самом деле, кроется мудрость веков.

Стоун Фордис проснулся под песню «The Man from U.N.C.L.E.». Выругавшись, он нашарил свой сотовый телефон и заставил себя сесть. Он знал, что голова болит из-за выпитого вина, а странное мутное ощущение в желудке он вменял в вину чертовым почкам, которые он съел накануне.

Он взглянул на часы: пять утра. На семь тридцать по нью-йоркскому времени у него был запланирован отчет. По Нью-Мексико это пять тридцать. Значит, у него было полчаса, чтобы привести голову в порядок.

За десять минут до запланированного времени раздался звонок, застав его за бритъем. Вновь выругавшись, он вытер руки и взял трубку.

— Я говорю со специальным агентом Фордисом? — послышался прохладный голос Майрона Дарта на том конце провода.

— Извините. Я думал, наше совещание запланировано на полвосьмого, — раздраженно ответил Фордис, стирая бритвенную пену с небритой стороны лица.

— Совещание отменено. Вы сейчас совершенно один?

— Да.

— У меня для вас есть некоторая информация, которая привлекла мое внимание. Информация очень... деликатного характера.

***

Кино-ранчо Серкл-И располагалось к северу от Санта-Фе, в бассейне Пьедра-Лумбре и представляло собой десять тысяч акров земли, окруженных мезами и горами, отступающими к горизонту. Стоял жаркий июньский день, воздух был сухим, как в пустыне. Ранчо Серкл-И было одним из самых известных в Санта-Фе — по крайней мере, в качестве полноценного работающего фермерского хозяйства с крупным домашним скотом. На этом кино-ранчо снималось множество голливудских картин и телешоу.

Пока Гидеон ехал к нему по извилистой дороге, на равнине перед ним во всей красе предстал образ города дикого запада — с одной стороны виднелось классическое кладбище Бутхилл, а с другой — церковь. Между ними пролегла запыленная главная улица. Гидеон подбирался к городу с другой стороны, поэтому поначалу он показался ему немного странным, пока он не приметил ложные фасады зданий, обрамленные двумя парадными ступенями. У самого эрзаца городка пролегало русло реки Джаспер-Крик — ныне пересохшей — теперь это был лишь узкий ручей, бегущий между скал, среди которых тут и там лежали хлопковые поля.

Это была прекрасная картина: все было окрашено золотом раннего утреннего солнца, блестящего в сапфировом небе. Воздух еще хранил ночную прохладу, но скоро должен был нагреться.

Гидеон припарковался на грязной стоянке и направился к съемочной площадке. Здесь

царила суэта: операторы бродили туда-сюда с камеры, установщики освещения активно работали, из мегафона то и дело звучали команды режиссера, и персонал сновал из стороны в сторону, послушно их выполняя.

Большая часть города была огорожена лентой, и когда Гидеон пересек эту искусственную границу, к нему тут же подошел человек с планшетом.

— Чем могу помочь, сэр? — осведомился он, преграждая Гидеону путь.

— Я приехал, чтобы увидеть Саймона Блейна.

— Он ждет вас?

Гидеон показал свое удостоверение.

— Я из ФБР, — он одарил человека интригующей улыбкой и, не сумев сдержаться, подмигнул. «Что ж, пожалуй, если так пойдет и дальше, то я скоро к этому привыкну», — подумал он.

Мужчина взял удостоверение и тщательно проверил его, прежде чем отдать обратно.

— А в чем дело?

— Не могу вам сказать.

— Мистер Блейн сейчас занят. Вы можете подождать?

— Мы же не хотим, чтобы у нас здесь возникли проблемы, не так ли?

— Нет, нет, вовсе нет. Но... позвольте, я посмотрю, свободен ли он.

Мужчина удалился. Гидеон воспользовался возможностью и, поднырнув под ленту, отправился гулять по городу. Длинная главная улица проходила между салуном, конюшней, бакалейным магазином (который больше напоминал публичный дом), кузницей и офисом шерифа. Мимо лениво прокатилось перекати-поле, и Гидеон отметил, что он настоящий, но сотрудники киностудии окрасили его в золотисто-желтый цвет, и гнал его не ветер, а ветровая машина, припаркованная за ложным фасадом. Другие перекати-поле — также раскрашенные — были сложены в проволочную корзину неподалеку от машины, и рабочие отпускали их один за другим под крики режиссера, который указывал, где именно они должны появиться.

Группа всадников в одеждах дикого запада появилась посреди улицы. Главной в этой группе была Алида, ее светлые волосы развевались позади нее подобно золотистому пламени. Она была одета в соответствии с модой дикого запада: белая рубашка, кожаная жилетка, револьверы в кобурах, шляпа, сапоги со шпорами. Она взглянула на Гидеона, мгновенно узнала его и направила к нему свою лошадь.

Нахмурившись, Алида спешила и подошла, взяв лошадь под уздцы.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она полусшепотом.

— Просто заехал. Ищу твоего отца.

— Пожалуйста, только не говори, что все еще следуешь по этой дурацкой зацепке.

— Боюсь, что так, — миролюбиво подтвердил он. — Хорошая лошадь. Как ее зовут?

Она сложила руки на груди.

— Сьерра. Мой отец очень занят.

— Разве мы не можем сделать все полюбовно? По-хорошему?

Она развела руки, скрестила их снова и раздраженно вздохнула.

— Сколько времени тебе понадобится на разговор с ним?

— Десять минут.

Мужчина с планшетом вернулся, лицо его было искажено тревогой.

— Мне очень жаль, но мистер Блейн как раз собирался...

Алида повернулась к нему с сияющей улыбкой.

— Я позабочусь об этом, — она снова повернулась к Гидеону, и улыбка ее мгновенно померкла. — Они собираются снимать финальные кадры «Восхода Луны» — большую сцену с огнем. Ты сможешь подождать, пока они ее закончат?

— Сцена с огнем?

— Они планируют взорвать и сжечь город. Или, по крайней мере, большую его часть. Пиротехника почти готова к работе, — через секунду она вновь расплылась в улыбке и добавила, — тебе должно понравиться.

Что ж, это могло позволить ему провести с ней чуть больше времени и задать дополнительные вопросы. Если он их, конечно, придумает.

— И как долго это продлится?

Она сверилась с часами.

— Около часа. Как только начнутся взрывы и пожары, все пойдет быстрее. Можешь поговорить с моим отцом после этого.

Он кивнул.

— Хорошо, — Гидеон оценивающе взглянул на нее. — Ты выглядишь как звезда.

— Я просто дублерша.

— Кого именно?

— Главной актрисы. Долорес Шармей. Она играет Кейт Кеттл^[40].

— Кейт Кеттл^[41]?

— Единственная женщина в истории запада, которую повесили за скотокрадство, — Алида чуть улыбнулась.

— О, что ж, тебе это подходит. И скольких плохих парней ты убиваешь?

— Мм, ну, может, полдюжины. А еще я скачу галопом, кричу, стреляю из револьверов, проезжаю через сцену огня, вызывая паническое бегство горожан, получаю ранение и падаю с лошади. В общем, обычное дело, ничего примечательного.

Мимо прошел мужчина, разматывая провод, а за ним двое других катили телегу с баком пропана. Позади церкви Гидеон увидел что-то, похожее на громадный топливный бак, который выставляли на позицию.

— Что это? — спросил он.

— Все это часть пиротехники. Этот газовый баллон создаст огненный шар. Он выглядит впечатляюще, но реального взрыва не будет. Понимаешь, в фильме плохие парни тайно хранили в городе оружие и боеприпасы, так что здесь хорошенько рванет, и многое взлетит на воздух.

— Звучит опасно.

— Нет, если сделать все правильно. Здесь у нас специальная команда пиротехников. Все спланировано и рассчитано до последней йоты. На деле все безопасно, как прогулка по парку. Ты просто должен держаться подальше от горящего города, только и всего.

Она постепенно оттаивала и — на счастье Гидеона — похоже, забывала, что питает к нему неприязнь.

— А те штуки? — воодушевившись спросил он, указав на какие-то цилиндры, вкопанные в землю.

— Это для вспышек. Баллоны начинены взрывоопасной смесью, и когда она сдетонирует, это будет выглядеть, как взрыв бомбы. Провода идут к соплам и стойкам, которые по команде выпустят струи и потоки горящего пропана, тем самым имитируя

пожары в зданиях. Тебе понравится, когда все начнется, если, конечно, тебе вообще нравятся взрывы.

— Обожаю взрывы, — сказал он. — Все их виды. Фактически, это то, чем я занимался в Лос-Аламосе — проектировал специальные линзы для ядерных взрывных устройств.

Алида уставилась на него, и дружелюбное выражение покинуло ее лицо.

— Какой ужас. Ты проектировал ядерные бомбы?

Он поспешил сменить тему.

— Я упомянул об этом, только потому, что то, что вы здесь делаете, не так уж сильно отличается от моей работы. Я полагаю, что вся эта пиротехника подключена к центральному контроллеру на компьютере, который зажжет все в нужной последовательности.

— Верно. Как только процесс будет запущен, пути назад не будет. Если что-то пойдет не так, пиротехника стоимостью в два миллиона долларов будет просто выброшена на ветер, не говоря уже о сопутствующем оборудовании и о декорациях, — она вытащила из нагрудного кармана пачку сигарет, извлекла одну и подожгла.

— Хм... а здесь разве можно курить?

— Строго запрещено, — она выдохнула в его сторону об струю дыма.

— Угостишь меня?

С кривоватой усмешкой, она вытащила из пачки еще одну сигарету, прикурила ее, вытащила, перевернула и вставила ему между губ.

Невысокий взвинченный бритоголовый мужчина топал по улице на своих коротких ножках и что-то кричал в мегафон. Алида быстро спрятала сигарету за спину, и Гидеон последовал ее примеру.

— Это не...

— Клаудио Липари. Режиссер. Настоящий фашист.

Гидеон краем глаза заметил движение и повернулся. К площадке подъезжало около дюжины седанов, поднимая за собой облако пыли. Однако вместо того, чтобы остановиться на стоянке, они, не сбавляя скорость, сорвали заградительные ленты и продолжили движение по городу.

Липари увидел их, и, нахмурившись, замер, изучая незваных гостей.

— Что происходит? — спросила Алида.

— «Краун-Вики», — ответил Гидеон. — Пожаловали правоохранные органы.

Машины остановились вдоль обочины, окружая съемочную площадку. Двери открылись, и из каждого автомобиля вышло по четыре человека — все в объемных синих костюмах, которые не оставляли сомнений: на них были бронежилеты.

Режиссер направился к ближайшей машине, лицо его пылало яростью, он кричал и размахивал руками. Мужчины в синих костюмах приблизились и рассредоточились, сверкая своими значками и двигаясь, как хорошо подогнанные части единого механизма.

— Классика, — вздохнул Гидеон. — Они собираются произвести арест. И крупный.

«Неужели они пришли за Блейном?»

— О, Боже, — вздохнула Алида, — только не сейчас!

К своему удивлению, Гидеон увидел Фордиса, который вышел из первой машины. Агент ФБР, похоже, сканировал взглядом местность. Гидеон махнул рукой. Фордис увидел его жест и направился к нему. Лицо его выглядело мрачным.

— Что-то не так, — тихо заметил Гидеон.

— Просто невысказанно! Они не могли явиться за моим отцом!

Фордис подошел, лицо его побагровело, брови нахмурились.

— Что происходит? — спросил Гидеон.

— Мне нужно поговорить с тобой. *Наедине*. И прямо сейчас, — Фордис кивнул Алиде.

— Отойдите, пожалуйста.

Гидеон последовал за Фордисом, удаляясь от Алиды. Они двигались по главной улице, пока не нашли тихий закуток у одного из ложных фасадов, где и остановились. Гидеон повсюду видел провода пиротехники.

Фордис внезапно достал оружие.

— Намечается арест? — спросил Гидеон.

Фордис кивнул.

— И кто арестован?

Пистолет поднялся.

— Ты.

Гидеон уставился сначала на пистолет, затем на Фордиса. Он огляделся вокруг и действительно понял, что люди в синих костюмах стоят на заготовленных позициях, достав оружие и заблокировав ему все пути к отступлению.

— Я? — недоверчиво переспросил Гидеон. — А что я сделал?

— Просто повернись и заложи руки за голову.

Гидеон выполнил, что ему велели, все еще держа дымящуюся сигарету в зубах. Фордис начал обыскивать его и вскоре извлек бумажник, перочинный нож и мобильный телефон.

— А ты настоящий артист, не так ли? — спросил Фордис. — Мастер манипуляций. Как и твой друг Чолкер.

— Что ты, черт побери, несешь?

— Ты отлично сыграл, притворяясь, что не любил этого парня. А оказывается, вы с самого начала были лучшими друзьями.

— Я же говорил тебе, я терпеть не мог этого придурка...

— Верно. И все это было у тебя на компьютере: чертова уйма писем, воспевающих джихад...

Мозг Гидеона работал на полную мощность. Эта дурацкая ситуация принимала масштабы настоящего разгула некомпетентности. Все происходящее было чем-то невероятным.

— Что ж, тебе действительно удалось меня провести, — вздохнул Фордис, и в голосе его прозвучали горькие нотки преданного человека. — И это путешествие в твою хижину. Дружеский ужин и всякое такое. И та трогательная история о неизлечимой болезни, которую ты рассказал. Прелестно! Вся эта поездка на запад ведь изначально была отвлекающим маневром — я должен был понять это в первый же день!

Гидеон ощутил всплеск ярости. Он не просил об этом расследовании — оно фактически свалилось на него. И на него он потратил драгоценную неделю своей жизни. А теперь и *это*: судя по всему, ему теперь предстояло провести остаток своей весьма недолгой жизни за решеткой, разбираясь с этой непонятной чушью!

«Да пошли они! Что мне терять?»

Фордис закончил обыск, обхватил одну из поднятых рук Гидеона за запястье, дернул ее вниз и защелкнул наручник. Затем потянулся, чтобы схватить второе запястье.

— Подожди. Сигарета, — Гидеон вытащил тлеющий окурок изо рта и бросил его в горшок рядом с Фордисом.

Казалось, прозвучал пушечный выстрел, который опрокинул их обоих на землю, после чего из ниоткуда повалили клубы театрального дыма.

Постаравшись подняться на ноги, игнорируя звон в ушах, Гидеон увидел, что край его рубашки начал гореть. Дым поглотил все вокруг, прибывая и накатывая сумасшедшими волнами. Внезапно раздались отчаянные крики и вопли.

Он бросился бежать. Вырвавшись из дымовой завесы, он увидел Алиду. Она сидела на лошади, в ужасе уставившись на Гидеона. Агенты ФБР бросились смыкать ряды с нацеленным на него оружием.

Площадку потряс еще один громкий взрыв, за которым последовала целая серия

небольших хлопков.

У Гидеона был только один шанс — один призрачный шанс. Он рванул вперед и запрыгнул на лошадь позади Алиды.

—Н-но! — закричал он, ударяя каблуками по бокам животного.

— Что за черт... — она попыталась сдержать лошадь.

Но на Гидеоне горела рубашка, а конь — напуганный шумом — не собирался останавливаться. Заржав от ужаса, животное галопом понеслось по улице в сторону церкви.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Всего на секунду Гидеон заметил Саймона Блейна, застывшего в дверном проеме офиса шерифа. Выражение его лица было просто невозможно описать. В следующий миг Гидеон начал срывать с себя горящую рубашку, обрывая все пуговицы и обжигая кожу в процессе раздевания. Алида в это время кричала:

— Слезь, на хрен, с моей Сьерры! — одновременно она все еще пыталась остановить лошадь, но та, охваченная паникой, понесла. Позади Гидеон услышал еще один громогласный рев, за которым последовали вспышки пламени, ругательства и крики. Люди в синих костюмах запрыгнули в автомобили, чтобы отправиться в погоню за своим несостоявшимся арестантом, остальные пытались преследовать его пешком. Город погрузился в панику. Люди разбежались во все стороны, спасаясь от вышедшей из-под контроля пиротехники.

Алида размахнулась и ударила Гидеона кулаком в грудь, выбив из его легких весь воздух. Он едва не свалился на землю.

— Алида, стой... — начал он.

— Пошел с моей лошади!

Пара «Краун-Виков» теперь неслась за ними по главной улице съемочной площадки, рассеивая дым, а переодетые в жителей дикого запада актеры и операторы бросались от них врассыпную. Все больше лошадей срывалось с привязей и убегало прочь от пламени. Гидеон смотрел на преследователей и понимал, что им никак не удастся уйти от погони.

И все же они продолжили нестись, обогнув церковь. Лишь по счастливой случайности им удалось избежать столкновения с огромным газовым баллоном. Гидеон увидел возможность и не преминул воспользоваться ею: он бросил свою горящую рубашку прямо вверх этой громадины.

— Держись! — крикнул он, хватаясь за край седла.

Почти в тот же миг прозвучал оглушительный *бам!* — и на них обрушилась волна тепла, пришедшая от громадного огненного шара, охватившего церковь. Языки пламени успели лизнуть беглецов, чуть опалив волосы Гидеона. Лошадь понесла еще быстрее, подавшись слепой панике. Взрыв активировал остальную взрывчатку и повлек за собой настоящую Третью Мировую Войну: кругом слышались рев, хлопки, взрывы, крики, вспышки, то тут, то там в небо влетали всполохи пламени. Обернувшись, Гидеон увидел потрясающее зрелище — охваченный огнем город и пламя, рвущееся в утреннее небо. Здания поглотил огонь, они вспыхнули, как зубочистки. Фейерверки и ракеты, потоки людей и лошадей — все это смешалось в одну сплошную какофонию, от которой дрожала земля.

Алида достала один из своих револьверов и начала размахивать им, как дубинкой, молотя Гидеона по боку. Она успела нанести ему пару ударов по голове, от силы которых у него перед глазами заплясали цветные звездочки. Алида снова замахнулась, но Гидеон перехватил ее запястье и резко его вывернул, заставив выпустить револьвер, который отлетел

прочь. И затем, прежде чем она успела помешать ему, он защелкнул на ее запястье второй свободный браслет наручников и связал их вместе.

— Ублюдок! — закричала она, попытавшись сбросить его.

— Упаду я — упадешь и ты. И тогда мы оба умрем, — он извлек второй револьвер из ее кобуры, тем самым разоружив ее, и убрал оружие за свой ремень.

— Сволочь! — взвизгнула она, но ее ругательство было простым сотрясанием воздуха, потому что попытки сбросить его она прекратила.

— Увези нас отсюда, — скомандовал он.

— Ни за что! Я разворачиваю лошадь и везу тебя к копам!

— Пожалуйста, — умоляюще протянул он, — я должен уйти. Я ничего не сделал.

— А, похоже, что мне есть до этого дело? Я везу тебя обратно и надеюсь, что они запрут твою задницу в клетке и выбросят ключ!

И тут ФБР пришло ему на помощь. Он услышал звуки выстрелов. Одна пуля просвистела совсем рядом, а другие выбили фонтанчики пыли из земли рядом с копытами лошади. Проклятые идиоты в них стреляли! Они собирались убить обоих, лишь бы не позволить ему уйти.

— Какого хрена?! — заорала Алида.

— Не останавливайся! — крикнул Гидеон. — Они застрелят нас! Неужели не понимаешь?

И снова грянули выстрелы.

— Черт возьми, а ведь правда... — в шоке сказала она.

С помощью какой-то непостижимой магии она взяла лошадь под контроль. Животное теперь двигалось целенаправленно и податливо. Девушка кивком головы указала на край небольшого скалистого выступа над ручьем. И снова — мимо просвистело несколько пуль. Лошадь бросилась к обрыву, чтобы перепрыгнуть через ручей.

Алида оглянулась.

— Держись, скотина.

Гидеон отчаянно вцепился в заднюю луку седла, когда лошадь спрыгнула со скалистого обрыва и заспешила вниз по крутой мягкой насыпи, преодолевая спуск на манер контролируемого падения. По пути вниз, животное пошатнулось и увязло в песке, из-за чего наездников с силой швырнуло вперед в тот момент, когда вся троица почти достигла дна. Но под руководством Алиды дрожащая и покрытая потом лошадь выбралась, и девушка заставила ее остановиться.

— Мы должны двигаться дальше, — сказал Гидеон.

Не обращая на него внимания, Алида стала гладить Сьерру по шее, наклонившись к ее уху и бормоча успокаивающие слова. Позади себя, пока еще вне поля зрения, Гидеон слышал приближающиеся машины, ревушие и подпрыгивающие по неровной прерии за краем каньона. Алида выпрямилась.

— Я сдаю тебя.

— Они застрелят нас обоих.

— Этого не случится, когда они увидят меня с белым флагом.

Она схватила свою рубашку и одним резким движением с треском разорвала ее и сорвала с себя.

— О, Боже, — воскликнул Гидеон.

— Пошел ты.

Она подняла над собой рубашку, размахивая ею как флагом мира. Гидеон попытался ухватить ее, но девушка приподнялась в стременах, держа рубашку за пределами его досягаемости. Гидеон обернулся через плечо. Он слышал громкий рев восьмицилиндровых двигателей, сообщивший, что машины приблизились к краю каньона. Послышались крики и хлопки дверей, и над обрывом примерно в трехстах ярдах от них появилась голова.

— Мы сдаемся! — крикнула Алида, размахивая рубашкой. — Не стреляйте!

Снова раздался выстрел, и пуля взметнула фонтан песка перед ними.

— Какого черта? — заорала девушка, отчаянно размахивая рубашкой. — Ты что, слепой? Мы сдаемся!

— Они этого не понимают, — сказал Гидеон. — Нам лучше убраться отсюда.

Лошадь едва успела сделать шаг, когда пули взбили песок на том месте, где она стояла еще секунду назад. «Слава Богу», — подумал Гидеон, — «что стреляли из пистолетов».

— Ну, скачи же, черт возьми!

— Дерьмо, — пробормотала Алида, впиваясь в бока лошади своими каблуками. Сьерра перешла в галоп. На южном краю обрыва начали появляться новые головы. Беглецы скакали вдоль сухого русла реки, подвергая себя серьезной опасности, в то время как в них сверху продолжали лететь пули.

— Держись!

Под непрекращающийся грохот выстрелов девушка заставила лошадь поворачивать и маневрировать, тем самым делая из них более трудную мишень. Очередная порция выстрелов, и Гидеон сгорбился в ожидании того, что в любой момент может почувствовать, как его тело прошивает пуля.

И, тем не менее — как по волшебству — через несколько минут они оставили стрелков

далеко позади, а сами остались в целостности и сохранности. Алида остановила лошадь посреди галопа, снова надела рубашку, и они продолжили скакать по руслу, в то время как оно сузилось до размеров небольшого оврага, склоны которого переходили в два крутых холма, что, по мнению Гидеона, блокировало агентам ФБР любое продвижение на машинах.

Алида заставила перейти животное на рысь.

— Нам нужно спешить, — настаивал Гидеон.

— Я не буду из-за тебя убивать свою лошадь.

— Ты же понимаешь, что они хотят нас убить?

— Конечно, я это понимаю! Что, черт возьми, ты натворил?

— Кажется, они думают, что я один из тех самых террористов, у которых есть ядерное оружие.

— А это так?

— Ты, что, свихнулась? С этим расследованием с самого начала была полная неразбериха.

— Знаешь, кажется, что они чертовски уверены в своей правоте.

— Ты же сама сказала, что они глупые.

— Я сказала, что *ты* глупый.

— Ты никогда не говорила, что я глупый.

— Да, но я думала об этом. И ты все время заставляешь меня в этом убеждаться.

Пересыхающее русло реки стало круче, начав подниматься вверх к предгорьям Хемес, к тому же его дно было усыпано черными валунами. Лошадь осторожно пробиралась по скалистой местности.

— Послушай, я не террорист, — сказал Гидеон.

— Этими словами ты меня *очень* успокоил.

Следующие полчаса они ехали в молчании, в то время как ручей все дальше забирался в горы, и почва становилась еще более каменистой; деревья пиньона^[42] и можжевельника уступили место величественным орегонским соснам. Когда русло реки стало разделяться на притоки, беглецы наугад выбирали то один из них, то другой, пока, наконец, не оказались в лабиринте небольших оврагов, склоны которых были покрыты плотными зарослями старых деревьев.

— О'кей, вот что мы будем делать дальше, — заявила Алида. — Ты освобождаешь меня. Я возвращаюсь обратно, а ты идешь своей дорогой.

— Я не могу. Мы же прикованы друг к другу наручниками, помнишь?

— Ты можешь сломать их цепь. Раздробь ее камнем.

Только через несколько секунд Гидеон снова заговорил:

— Сейчас я не могу отпустить тебя. Мне нужна твоя помощь.

— Ты имеешь в виду, что тебе нужен заложник.

— Я должен доказать свою невиновность.

— А я не могу дождаться момента, когда смогу избавиться от тебя.

В сердитой тишине они отправились дальше. Сейчас солнце висело почти прямо над их головами.

— Нам нужно найти воду, — сказала Алида угрюмым голосом. — Для моей лошади.

В полдень они взобрались на высокий лесистый хребет, с которого хорошо просматривалась раскинувшаяся позади них долина.

— Подожди, — сказал Гидеон. — Я хочу посмотреть, что происходит внизу.

Она остановила лошадь, и Гидеон обернулся. Сквозь плотное переплетение деревьев он все же смог рассмотреть внизу травянистые равнины. Огромный столп дыма все еще поднимался от развалин съемочного павильона, а вокруг него стояли пожарные машины, заливая его руины белыми струями воды. Его взгляд повернулся в направлении ручья Джаспер, и там, у подножия крутых холмов, он смог разглядеть ряды припаркованных автомобилей, скопление людей, и то, что было похоже на группы поисковиков, продвигавшихся вверх по старому руслу и прочесывающих местность. До него донесся слабый лай собак. Затем он заметил, что из большого трейлера выгрузили лошадей, и всадники, объединившись в отряд, стали продвигаться в горы.

— Готовится самая настоящая облава, — сказала Алида. — И прислушайся — это же вертолеты.

Разумеется, Гидеон слышал пульсирующий звук, в то время как, пока еще далеко, три черных пятнышка разрезали голубое небо.

— Вау, похоже, ты оказался в дерьме по самые уши, — сказала она.

— Алида, я не знаю, как заставить тебя мне поверить, но я целиком и полностью невиновен. Это все какая-то абсурдная ошибка.

Она пристально посмотрела на него, а затем покачала головой.

— Те люди так не думают.

Они направились вниз по хребту, пробрались через следующий овраг, а затем преодолели крутой подъем сквозь заросли пихт Дугласа, где огромные валуны и поваленные деревья мешали их продвижению. Они снова и снова пересекали склоны и подъемы холмов, попутно обходя скалы и лежащие стволы упавших деревьев.

— Мы должны оставить лошадь, — сказал Гидеон.

— Ни за что.

— Она оставляет слишком четкий след, и собаки будут идти по нему. Если мы отпустим ее, она отвлечет их от нас. И, кроме того, местность становится слишком труднопроходимой для лошади.

— Забудь об этом.

— Если мы отпустим Сьерру, она скоро доберется до воды. В этой части гор Хемес воды нет. Особенно в июне, — Алида промолчала, а Гидеон продолжал. — Она истощена. Ей приходится везти двух наездников. Долго она так не протянет. Взгляни на нее.

И снова девушка ничего не ответила. Лошадь действительно была измотана, покрыта потом и хлопьями пены, скопившимися вокруг седла и упряжи.

— Если они догонят нас, то сначала будут стрелять, а уже потом задавать вопросы. Ты видела, что там произошло: эти парни так сильно хотят меня убить, что не посчитаются с маленьким побочным ущербом.

Они ехали по небольшой приточной балке, которая закончилась огромным гребневидным склоном, уходящим вверх под крутым углом. Дальше дороги не было.

Алида остановила лошадь.

— Спускайся, — коротко бросила она.

Они неловко спешили, все еще скованные наручниками. Девушка отвязала седельные сумки и бросила их Гидеону.

— Их понесешь ты.

Она сняла со Сьерры уздечку, а поводья крепко привязала к луке седла и ударила лошадь по крупу.

— Иди, — крикнула она. — Убирайся отсюда. Иди, ищи воду.

Озадаченная лошадь, двигая ушами, уставилась на Алиду.

— Ты слышала меня. Бестолочь!

Она снова ударила лошадь, и та, наконец, тронулась, но спустя несколько метров остановилась и в недоумении оглянулась назад. Девушка подняла палку и замахнулась на нее.

— Уходи же отсюда, мерзавка!

Лошадь отвернулась и обиженно потрусилась по каньону.

Алида плюнула себе под ноги и повернулась к Гидеону.

— Теперь я действительно тебя ненавижу.

После долгих, трудных скитаний по склонам гор, в конце дня они преодолели последний хребет и обнаружили, что смотрят на дикую местность, состоящую из гор и долин, не оскверненную дорогами или какими-либо другими признаками человеческой деятельности. Они остановились, чтобы отдохнуть. Время от времени Гидеон слышал пульсацию вертолетов: некоторые из них пролетали довольно близко. Но лес был настолько плотным, что мог спрятать под своей густой растительностью обоих беглецов, прежде чем их бы могли случайно увидеть.

Это была обширная территория носившая название Медвежья голова: самая отдаленная часть гор Хемес. Гидеон ловил рыбу в нижней ее части, но никогда раньше не забирался настолько высоко. Солнце уже садилось, погружая горы в темно-фиолетовый цвет.

— Попавший туда человек может исчезнуть навсегда, — сказала Алида, всматриваясь в местность, которую уже стали укрывать сумерки.

— Так и есть, — отозвался Гидеон. Он уронил седельные сумки и прочистил горло. — Прости, но боюсь мне надо отлить.

Она взглянула на него, а ее брови изогнулись в презрительной иронии.

— Ну же, приступай.

— Может быть, тебе стоит отвернуться.

— Зачем? Я же не просила тебя сковывать нас вместе. Продолжай, давай посмотрим, что у тебя есть.

— Это нелепо.

Отвернувшись от нее, как только смог, Гидеон расстегнул ширинку и помочился.

— Боже, ты покраснел, как мальчишка, — усмехнулась Алида.

Они преодолели целый ряд крутых спусков, оставаясь под прикрытием оврага, и оказались в плотной дубовой поросли, образовавшей подлесок под высокими пихтами и елями. Так они и продвигались вперед — вверх и вниз по крутым склонам — но при этом едва могли видеть, куда именно направляются. Путешествие оказалось тяжелым, но, к счастью, они были хорошо скрыты.

— Так какой у тебя же план, *Абдул*? — наконец спросила Алида.

— Это не смешно.

— Как я понимаю, ты убегаешь от всех правоохранительных органов США вместе взятых, солнце садится, у тебя нет даже рубашки, мы находимся непонятно где без пищи и воды. И у тебя нет плана. Вау.

— Помнится, что в Медвежьей голове есть несколько старых шахт. Мы спустимся под землю.

— О'кей, мы переночуем в шахте. И что потом?

— Я думаю об этом, *думаю*.

«Что сделал бы в подобной ситуации мой старый приятель сержант Дажкович?» — размышлял он про себя, — «Вероятно, упал бы и отжался сотню раз».

Они поднялись на Медвежью голову, придерживаясь лосиной тропы, которая то появлялась, то исчезала, пока они, наконец, не подошли к краю крошечного луга рядом с сухим ручьем. За ним — прямо в склоне холма — темнели отверстия нескольких рудников

со старыми шахтными креплениями и отвалами пустой породы.

— Вот где мы проведем ночь, — сказал Гидеон.

— Черт побери, как же я этого жажду.

Гидеон пожал плечами.

На лугу он нарвал сухой травы и связал ее узкими пучками. Беглецы забрались в самый ближний туннель. У входа он позаимствовал у Алиды зажигалку, поджег один из пучков, а затем осторожно двинулся по длинному коридору. Блики огня от импровизированного факела плясали по массивным деревянным стенам и потолку. Это был старый добротный туннель, который шел прямо вдоль склона холма. Гидеон надеялся найти здесь следы воды, но внутри рудник оказался настолько же сухим, как и заброшенным снаружи. Дно шахты представляло собой слой мягкого песка. Алида села и вытащила из кармана сигарету, использовав горящий пучок травы, чтобы зажечь ее. Она глубоко затянулась и выдохнула длинный поток дыма.

— Сегодня просто чудесный день. И все благодаря тебе.

— Хм, а можно и мне?

— Невероятно. Ты похитил меня, держал в заложниках, из-за тебя я попала под обстрел, а теперь ты еще клянчишь у меня сигареты.

— А я никогда и не говорил, что идеален.

Она протянула ему сигарету.

— Отдай мне седельные сумки.

Гидеон протянул их ей, и девушка тут же расстегнула их, порылась и достала два энергетических батончика. Она бросила один ему, а второй открыла сама. Гидеон с жадностью укусил, но крошки оцарапали его пересохший рот.

— Первое, что мы сделаем завтра, это найдем воду, — сказал он, давясь сухомыткой и пряча оставшуюся часть батончика в карман.

Некоторое время они сидели молча в темноте и курили.

— Обстановка весьма удручающая, — сказала Алида. — Нам нужен огонь.

Они поднялись, вышли на улицу и, как смогли, руками, скованными наручниками, собрали сухие ветки дуба. Как только солнце скрылось за горизонтом, воздух стал прохладным, а звезды усыпали небо. Время от времени Гидеон слышал отдаленный стрекот вертолетов, но по мере того, как сгущалась ночь, исчезли и они, погрузив всю местность в тишину. Он развел небольшой огонь — к счастью, сухое дерево почти не дымило.

Алида дернула Гидеона за руку, к которой была к нему прикована.

— Ложись. Я хочу спать.

Они улеглись на спины рядом друг с другом. В течение десяти минут никто не проронил ни слова, но Алида неожиданно нарушила молчание:

— Дерьмо. Я слишком расстроена, чтобы спать. В один момент я снимаюсь в фильме, а в следующий я уже прикована к террористу, за которым гонится целая проклятая страна.

— Ты же действительно не веришь, что я террорист. По крайней мере, я на это надеюсь.

Последовало долгое молчание.

— Должна сказать, что ты на него явно не тянешь.

— И ты чертовски права, я не такой. Произошла нелепая ошибка.

— Откуда ты знаешь, что это ошибка? — спросила она.

Гидеон молчал. Слова Фордуса всплыли в его памяти: *«Ты отлично сыграл, притворяясь, что не любишь этого парня. А оказывается, вы с самого начала были лучшими»*

друзьями». А дальше последовало самое сумасшедшее обвинение в их всех возможных: «*Все было у тебя на компьютере — чертова уйма писем, воспевающих джихад*».

— Письма, воспевающие джихад, — пробормотал он вслух.

— Что?

— Вот что сказал агент ФБР, который пытался арестовать меня. То, что на моем компьютере нашли, цитирую: «*письма, воспевающие джихад*».

Повисло еще одно долгое молчание.

— Знаешь, — продолжил Гидеон, — ты задала очень правильный вопрос. Конечно, это была никакая не ошибка. Меня *подставили*.

— Да неужели? — раздался в ответ скептический возглас.

— Сначала они попытались убить нас, повредив наш самолет несколько дней назад. Когда это не сработало, они подставили меня.

— Зачем кому-то это делать?

— Потому что наше расследование затронуло человека или даже целую группировку, стоящую за всем этим, — он задумался. — Нет, не затронуло — мы, должно быть, попали прямо в цель. И из-за этого от испуга кто-то обделался. Диверсия с самолетом, дискредитация меня — это рискованные, отчаянные меры.

Он снова замолчал, погружившись в раздумья.

— Вопрос в том, какой именно из моих компьютеров они взломали? Я уверен, что это не мог быть мой персональный компьютер в хижине — его жесткий диск зашифрован 2048-битным паролем алгоритма RSA^[43]. Он абсолютно неуязвим. Поэтому они, должно быть, взломали мой компьютер на Холмах.

— Но разве там не секретная закрытая сеть?

— Это, конечно же, так. Но получается, что некто, подставивший меня, проник в эту самую очень секретную изолированную сеть. По соображениям безопасности содержимое каждого компьютера в полной мере доступно сотрудникам внутренней службы безопасности и некоторым должностным лицам. Но сеть автоматически регистрирует в системе всех и каждого и записывает каждое нажатие клавиши... и все, что в ней происходит. Поэтому, если кто-то в лаборатории игрался с моим компьютером, то он, должно быть, инсайдер — *и его уж точно зарегистрировали*.

В угасающем сиянии огня он увидел, что Алида смотрит на него.

— И что ты собираешься с этим делать?

— Поговорю с Биллом Новаком. Сотрудником службы информационной безопасности. У этого парня есть доступ ко всем имеющимся файлам.

— Значит, у тебя намечается приятная встреча. А он просто возьмет и расскажет разыскиваемому террористу все, что тот пожелает.

— Поверь мне, с этим твоим шестизарядным пистолетом, прижатым к его голове, он именно так и сделает.

Она резко рассмеялась.

— Ты debil, этот пистолет заряжен холостыми патронами. Будь иначе, я бы сразу же вышибла тебя из седла.

Гидеон вытащил оружие из чехла, осмотрел его и нахмурился. Он действительно оказался заряжен холостыми.

— Я что-нибудь придумаю, — он замолчал. — В любом случае, мы отправляемся в Лос-Аламос.

— Но это же больше двадцати миль по пересеченной местности Медвежьей головы!

— Ты же хотела услышать план — ты его получила. К тому же Лос-Аламос — это последнее место, где они будут меня искать.

Стоун Фордис сделал остановку, вытер со лба пот и сверился со своим GPS. Они приближались к высоте в девять тысяч футов, орегонские сосны уступали место пихтовым деревьям, да и лес в целом стал заметно гуще. Мощные галогенные лучи фонарей его людей проносились сквозь лес, отбрасывая четкие тени, а пара ищеек выразила явное недовольство по поводу остановки. Он поднял руку, призывая к тишине, и все движение позади него прекратилось, люди замолчали. Кинологи утихомирили собак.

Затем он присел на корточки, чтобы изучить следы. Они становился все более свежими: осыпавшиеся края грязи были все еще острыми и ярко очерченными. Весь день и весь вечер они неуклонно продвигались по следу, и сейчас были близки к цели как никогда: собаки обезумели и буквально рвались со своих поводков. Медленно Фордис выпрямился, все так же держа руку в призыве к тишине, и внимательно вслушался в окружающее пространство. Ему показалось, что сквозь вздохи ветра среди деревьев он что-то услышал — повторяющийся звук равномерных шагов. Прямо перед ними лошадь взбиралась по крутому склону.

Погоня почти закончилась.

— Они там, — пробормотал он. — Через пять метров рассредоточиться. Окружайте их справа. Пошли!

Все разом бросились вперед, собаки громко залаяли, мужчины вглядывались в местность и поднимались на холм с оружием наготове. Они были измотаны, но близость добычи придавала им свежих сил.

Фордис достал свой собственный пистолет .45 калибра и снял его с предохранителя. Внутри он снова почувствовал всплеск чувства вины. Он должен был заметить это еще несколько дней назад! Гидеон оказался первоклассным обманщиком, и так одурачил Фордиса, что этого впечатления хватит на всю оставшуюся жизнь. Но это все закончилось. Когда они поймают Гидеона, они заставят его говорить, и заговор будет раскрыт.

«Заставят его говорить». К черту Женевскую конвенцию — дело было связано с настоящим ядерным оружием. Они сделают все, что необходимо.

Задыхаясь, но продвигаясь все так же напористо, отряд во главе с Фордисом, наконец-то, добрался до вершины холма. Тропа повернула вправо, и агент побежал по ней, держась низко и используя в качестве прикрытия деревья. Остальные последовали за ним.

В свете своего фонаря он увидел впереди проблеск, затем услышал шум спешного передвижения и фигуру, движущуюся среди деревьев. Он бросился за ствол пихты и, выжидая, присел на корточки — тогда-то он и увидел лошадь, которая шла и нервно на них посматривала. Рыжая лошадь.

Без седоков.

Мужчины бросились врассыпную, окружая нервное животное, которое переступало с ноги на ногу, раздувало ноздри и пятилось назад.

Фордис понял, что произошло. На мгновение его охватила ярость, прежде чем он взял свои эмоции под контроль. Агент распрямился, и вернул пистолет в кобуру.

— Опустите фонари, — сказал он спокойно. — Вы ее пугаете.

Протягивая руку, он подошел к лошади, и она откликнулась, подходя ближе и фыркая.

Он схватил недоуздок. Лошадь где-то обронила седельные сумки, а уздечка была привязана к луке седла. По всем признакам эту лошадь отпустили намеренно.

И снова ему стало трудно дышать и пришлось приложить усилия, чтобы скрыть свою ярость. Не стоило показывать эмоции перед своими людьми. Когда подошла остальная группа и собаки, он обратился к ним.

— Мы шли по ложному следу.

Эти слова были встречены ошеломленным молчанием.

— Видимо, в какой-то момент, пытаясь сбить нас со следа, они отпустили лошадь и продолжили свой путь пешком. Мы же последовали за лошадью. Нам придется вернуться назад и найти, где они спешили.

Он огляделся. Его команда состояла из офицеров NEST, некоторые из которых уже явно чувствовали себя плохо: задыхались и сильно потели. Здесь же были и агенты ФБР, прикрепленные к подразделению NEST, кинолог и несколько представителей местных органов правопорядка, которым каким-то образом удалось присоединиться к ним. Их отряд был слишком большим.

— Ты... — Фордис указал на наименее подходящего для погони сотрудника местного отделения... — и ты, и ты — пойдете с лошадью вниз. Она является уликой, поэтому сохраните ее в целостности и сохранности и доставьте ее к команде судмедэкспертов.

Он огляделся.

— Нам придется двигаться *намного* быстрее, а нас слишком много.

Он беспощадно отобрал еще несколько человек, являющихся явной обузой, и отправил их обратно с лошадью, попутно отмахиваясь от нарастающего ропота протеста.

Стоя на коленях, он разложил топографические карты USGS^[44], затем достал спутниковый телефон и набрал Дарта. Боже, как он ненавидел подобные звонки! Пока шло соединение, он взглянул на парней, которых только что отпустил: они все еще стояли и переминались с ноги на ногу, как стадо коров.

— Какого черта вы ждете? Уходите!

— Докладывайте, — без предисловий донесся до него далекий голос Дарта.

— Мы его так и не взяли. Они направили нас по ложному следу, используя лошадь. Нам придется вернуться назад.

По линии прошел резкий выдох недовольствия.

— Значит, наши вертолеты обследуют неверный квадрат?

— Да, — Фордис взглянул на карту, которую заранее разложил перед собой. — Они, должно быть, забрались выше в горы. Я предполагаю, что нам стоит искать их в местности под названием Медвежья голова.

Он услышал шелест бумаг. Видимо, Дарт просматривал такие же карты.

— Мы отправим туда нашу воздушную поддержку, — последовала небольшая пауза, а затем Дарт спросил, — каков его план?

— Полагаю, он просто бежит. Вот и все.

— Он нам нужен. И есть кое-что еще. Я получил донесение о том, что ваши люди стреляют без разбора. Это совершенно недопустимо. Они нужны нам живыми, черт возьми. Нам нужно допросить их.

— Да сэр. Но, вероятно, они вооружены. Они же террористы. Положения устава ФБІ касательно боевых действий гласят, что огонь на поражение может быть использован для защиты и спасения жизни в соответствии с доктриной самообороны.

— Прежде всего, нет никаких доказательств того, что *она* — террористка. Она может... временно оказалась под его влиянием. А что касается положений устава: если вы доставите мне два мертвых тела, то я буду очень, очень недоволен. Это понятно?

— Да, сэр, — ответил Фордис, нервно сглатывая.

— Агент Фордис, единственная причина, по которой вы сейчас там находитесь, состоит в том, что у меня в тех краях нет никого поблизости. Только вы и двенадцать других специальных агентов, которые не смогли провести простой арест и которые не смогли найти Кру, несмотря на огромные преимущества в людских ресурсах и спецсредствах. Поэтому я спрашиваю вас снова: вы все-таки собираетесь арестовать его или нет?

Фордис с пылом взгляделся в темноту гор.

— Мы арестуем его, сэр.

У входа в рудник забрезжил слабый свет. Гидеон поднял голову. Ему сначала показалось, что его рот заполнен сырой известью, в дополнение к этому его губы пересохли и начали трескаться, а обнаженная спина болела от солнечных ожогов. Приподнявшись на локтях, он посмотрел на все еще спящую Алиду и на то, как ее светлые волосы разметались по песку. Пока он смотрел на нее, она открыла глаза.

— Нам лучше поторопиться, — сказал он.

— Нет.

Ее голос прозвучал хрипло из-за долгого молчания. Гидеон непонимающе уставился на нее.

— Пока ты не снимешь с меня эти наручники.

— Я же сказал, что у меня нет ключа.

— Тогда давай положим цепь на камень и разобьем ее. Если мы собираемся найти воду, то нам лучше разделиться.

— Я не могу рисковать и позволить тебе сбежать.

— И куда мне идти? В любом случае, если ты не заметил, я тебе верю. Взгляни на себя. Ты — не террорист.

Он оглянулся на нее.

— Что так изменило твое мнение?

— Если бы ты был террористом, — продолжила она, — ты бы попытался пристрелить меня из моего же пистолета, как только я сыграла свою роль. Нет, ты всего лишь какой-то тупица, который оказался не в том месте и не в то время. Так что, *пожалуйста*, сними эти чертовы наручники.

Гидеон хмыкнул. Конечно, он хотел ей доверять.

— Мне понадобится кусок жесткой проволоки и нож.

Из кармана брюк девушка достала маленький ножик и тонкое кольцо от брелока, которое она быстро выпрямила. Затем, используя проволоку в качестве шпильки и кончик перочинного ножа в качестве отмычки, он вскрыл простой замок за тридцать секунд.

— Ты врал мне. Ты мог открыть их в любой момент.

— Сначала я должен был понять, что тебе можно верить.

Он осмотрелся и поднял две пустые банки из-под пива — без сомнения их оставил здесь кто-то из охотников — и засунул их в карманы. Банки оказались бы весьма полезны, когда — и если бы — они нашли воду.

— Осталось еще что-нибудь ценное в этих седельных сумках? — спросил он.

— А что?

— Потому что я не понесу их.

Она порылась в сумках, достала зажигалку, пару шоколадок и рассортировала их по карманам. Затем они вышли из шахты и зашагали на юг, насколько это возможно придерживаясь лесистых ущелий и долин, расходясь достаточно далеко, но держа друг друга в поле зрения. Они искали воду, но так и не нашли никаких ее признаков. Стоял июнь, летних дождей еще не было: самое суровое время в Нью-Мексико.

В конечном итоге сухие речные русла объединились в глубоком овраге с высокими

гранитными стенами. Когда они спустились вниз, Гидеон услышал звук приближающегося вертолета. Через несколько мгновений быстроходный «Черный Ястреб» пролетел менее чем в двухстах футах над ними: двери его были открыты, с обеих сторон были установлены пушки M143. Он быстро пронесся и исчез за стенами оврага.

— Господи, ты видел эти пушки? — сказала Алида. — Ты думаешь, они нас убьют?

— Они уже пробовали.

В полдень они, наконец, нашли воду: небольшую лужу на дне сухого ручья. Изнуренные беглецы бросились вниз и стали с жадностью пить грязную воду. Затем они расположились в тени навеса. Утолив жажду, они ощутили сильный голод.

Через несколько минут Гидеон заставил себя двигаться и доел остатки питательного батончика.

— Как насчет шоколадок?

Она вытащила два батончика «Сникерс», которые от жары сильно растеклись, и передала один ему. Он сорвал обертку с одного конца и выдавил ее в рот, как зубную пасту из тюбика, проглатывая как можно быстрее.

— Еще есть? — спросил он, хотя его рот все еще был наполовину полон.

— Нет, это все.

Ее лицо было испачкано шоколадом и грязью.

— Ты выглядишь как двухлетняя девчонка на утро после Хэллоуина.

— Да неужели! А ты выглядишь, как мой сопливый брат.

Они наполнили водой пустые банки из-под пива и продолжили свой путь, выйдя к дальнему концу оврага и поднявшись по его склону.

В самый разгар дня число полетов вертолетов увеличилось, к тому же иногда над ними проносились небольшие легкомоторные самолеты. Гидеон не сомневался, что их преследователи используют инфракрасный и доплеровский радар, но сильный дневной зной и плотные кроны деревьев помогли им оставаться в безопасности. К вечеру они приблизились к южной оконечности Медвежьей головы — местности, которая была знакома Гидеону.

На закате они, наконец, достигли конца гор. Они поднялись на вершину последнего хребта, по-пластунски подобралась к его краю, и сверху — под прикрытием молодой дубовой поросли — принялись наблюдать за раскинувшимся внизу городком Лос-Аламос — домом Дж. Роберта Оппенгеймера, Манхэттенского проекта и атомной бомбы.

Несмотря на свое замечательное прошлое — в свое время само его существование было совершенно секретным — Лос-Аламос выглядел как любой другой правительственный городок: уродливый и безликий, с заведениями фаст-фуда, с панельными жилыми комплексами и невзрачными офисными зданиями. Особенным его делали местные красоты: город и лаборатории располагались на рассредоточенных изолированных плато, расходящихся веером от гор Хемес. Это был один из самых высоких городов в Соединенных Штатах, и располагался он на высоте более семи тысяч футов. Первоначально такое положение было выбрано ввиду недоступности и удаленности: с одной стороны он был окружен огромными скалами высотой в несколько тысяч футов, а с другой отрезан высокими горами. Гидеон так же смог рассмотреть за городом огромную трещину в рельефе, известную как каньон Уайт-Рок, внизу которого ревела незримая Рио-Гранде, прокладывая себе дорогу через ряд порогов и водопадов.

К югу от города Гидеон увидел основные высокотехнологичные зоны — тщательно

огороженные участки, которые были усеяны россыпью огромных складских зданий. От одного взгляда на это место его охватила дрожь. Неужели это была самая лучшая идея? Но Гидеон не видел другого выхода. Кто-то подставил его. И он должен был выяснить, кто. Гидеон повернулся на бок и долго пил из грязной банки воду, затем передал ее Алиде.

— Как я и надеялся, поиски по воздуху в основном охватывают северную область.

— И что теперь? Сломаем забор?

Он покачал головой.

— Это не обычный забор. Он оснащен инфракрасными датчиками, датчиками движения, давления и цепью аварийной сигнализации — и по всей его протяженности установлены скрытые камеры. Даже если бы мы через него прошли, есть и другие невидимые кольца безопасности, о которых я ничего не знаю.

— Мило. Итак, значит, нам надо просто найти какую-нибудь дыру. Идем искать?

— Там нет никаких дыр. В Техзонах организован самый высокий уровень безопасности.

— Кажется, тебе не повезло, *Усама*.

— Нам и не нужно скрываться от служб безопасности. Мы войдем через основной вход.

— Да, правильно, так и сделаем. С твоим-то именем в верхней части списка самых разыскиваемых лиц ФБР — лучший план!

Он улыбнулся.

— Я не думаю, что я там есть. По крайней мере, *пока*. У них есть все основания хранить мои поиски в секрете. Они думают, что я примкнул к террористической группировке — к чему тогда им всем сообщать, что меня опознали, и что я все еще на свободе?

Алида нахмурилась.

— Я все еще думаю, что это безумно рискованно.

— Есть только один способ это проверить.

И Гидеон поднялся на ноги.

В лифте не было кнопок с номерами этажей, лишь отверстие для ключа и вооруженный морской пехотинец, который должен был управлять им. Дарт вошел в лифт. Военный, несмотря на то, что хорошо знал командира, все же проверил его удостоверение — он знал, что Дарт устроит ему разнос, если он пренебрежет этой своей обязанностью — и лишь после этого вставил ключ в отверстие и повернул один раз.

Казалось, лифт опускался целую вечность. Но это дало Майрону Дарту несколько минут на то, чтобы собраться с мыслями и подвести итоги. День-Икс приближался, все районы Вашингтона пришлось эвакуировать и наводнить большим количеством войск. Каждый квадратный дюйм был обыскан — как вручную, так и собаками, и радиационными сканерами. Между тем, страна буквально затаила дыхание, мрачно ожидая, что Вашингтон вот-вот сравняют с землей.

Множество людей по всей стране опасались, что ответ из округа Колумбия — встречная атака — только разозлит террористов и заставит их выбрать еще одну цель. В результате этого другие крупные города США — от Лос-Анджелеса до Чикаго и Атланты — погрязли в панике. Жители бежали из этих городов, небоскребы пустели один за другим. В Чикаго начались массовые беспорядки, и большинство жителей покинули город, практически очистив районы Миллиниум-Парк и Сирс-Тауэр. В Нью-Йорке тоже царила полная неразбериха, целые кварталы выглядели покинутыми. Фондовый рынок практически обрушился, а Уолл-Стрит переместила большую часть своих торговых операций в Нью-Джерси. Множество известных американских достопримечательностей опустели вместе с прилегающими к ним зонами — от моста Голден-Гейт до Колокола Свободы. Даже в районе Западных Ворот Сент-Луиса началась паника. В целом это все походило на театр абсурда.

Вместе со спекуляцией и паникой нахлынули и неизбежные обвинения в нерасторопности расследования. На NEST обрушилась приливная волна критики, теорий заговора и публичной ярости. Их называли некомпетентными, неорганизованными, непрофессиональными и погрязшими в бумажках бюрократами. Большая часть критики — и Дарту приходилось это признавать — была заслуженной. Следствие начало жить своей жизнью, словно монстр Франкенштейна, превратилось в настоящий *lusus naturae*^[45] и вышло из-под контроля. Что ж, Дарт не был удивлен. *На самом деле, это было неизбежно.*

Морпех взглянул на него.

— Что вы сказали, сэр?

Дарт внезапно осознал, что пробормотал последнюю мысль вслух. Боже, как же он вымотался! Он покачал головой.

— Ничего.

Двери лифта открылись, и перед Дартом предстал коридор, отделанный синими и золотистыми красками. На настенных часах было одиннадцать часов вечера... впрочем, они находились глубоко под землей и в подобной обстановке время суток теряло всякий смысл. Как только Дарт вышел, перед ним возник эскорт из пары морских пехотинцев. Окружив начальника из NEST, они сопровождали его по коридору, после чего миновали комнату, полную людей, сидящих за плотной стеной мониторов. Все присутствующие одновременно говорили по своим гарнитурам, и голоса их сливались в единый неразборчивый гул. Затем

Дарт миновал следующую комнату, в которой стоял подиум с президентской печатью, телекамерами и голубым экраном. Далее шли конференц-залы, небольшой кафетерий и временные военные казармы. Наконец, они подошли к закрытой двери, рядом с которой был установлен стол. Человек, сидящий за ним, улыбнулся.

— Доктор Дарт? — спросил он.

Дарт кивнул.

— Проходите, пожалуйста. Он ожидает вас, — мужчина потянулся к ящику стола, нажал на скрытую кнопку, раздался гул, и дверь позади него открылась.

Дарт вошел внутрь. Президент Соединенных Штатов сидел за огромным, ничем не примечательным столом. На противоположных его концах стояла пара миниатюрных американских флагов. Между ними находился целый ряд телефонных аппаратов различных цветов, словно это были атрибуты детской игровой комнаты. На боковой стене располагалось около полудюжины мониторов, и на каждом из них шел свой сюжет. Аудио было выключено. Начальник штаба президента молча стоял в стороне, сложив руки перед собой. Дарт обменялся с ним кивками, не произнеся ни слова, и лишь затем обратил внимание на человека за столом.

Под знаменитой копной черных волос и густыми бровями глаза президента казались впалыми, под ними прослеживались четкие очертания темных кругов.

— Доктор Дарт, — поздоровался он.

— Добрый вечер, господин президент.

Президент указал рукой на пару диванов, стоящих перед его столом.

— Пожалуйста, присаживайтесь. Я хотел бы услышать ваш доклад.

Дверь в комнату тихо закрылась с другой стороны. Дарт сел и прочистил горло. Он не взял с собой ни папок с материалами дела, ни записей. Все, что необходимо, было у него в голове.

— У нас осталось всего три дня до предполагаемой атаки, — начал он. — Вашингтон, насколько это возможно, охраняется. Мы мобилизовали все доступные ресурсы, задействовали все агентства и весь возможный персонал. Армейские контрольно-пропускные пункты оборудованы на всех подступах к городу — и из него. Предписание хабеас корпус^[46], как вам известно, временно приостановлено, что позволяет нам взять под стражу любого человека по любой причине, кажущейся нам достаточно веской. В Потомаке, недалеко от Пентагона, был организован центр содержания и допроса задержанных лиц.

— А что насчет эвакуации гражданского населения? — спросил президент.

— Завершено. Те, кто не хотел покидать место жительства добровольно, были эвакуированы силой. Нам пришлось оставить открытыми региональные больницы из-за больных, которых по состоянию здоровья нельзя транспортировать. Но их немного.

— Каково состояние расследования?

Перед тем, как ответить, Дарт на мгновение замешкался. С расследованием дела обстояли непросто.

— Ничего заслуживающего внимания с момента последнего совещания не произошло. Очень незначительный прогресс достигнут в плане идентификации группировки и обнаружении места нахождения ядерного устройства. Но мы так и не смогли установить точную цель среди тех, что были обозначены.

— Что насчет потенциальной угрозы для других городов? Какие из них террористы могут выбрать в качестве своей новой цели?

— Опять же, у меня нет полезной информации о других целях, сэр.

Президент вскочил на ноги и принялся мерить шагами помещение.

— Ради всего святого, это неприемлемо! Что насчет этого террориста, который до сих пор на свободе? Кру?

— К несчастью, Кру продолжает скрываться от наших людей. Он сбежал со съемочной площадки в горы, и мои люди загнали его в ловушку в огромной пустынной местности, где он, по крайней мере, не может никому навредить — там нет сигнала сотовой сети, нет дорог и нет никакого способа связаться с внешним миром.

— Да, но он нам нужен! Он мог бы назвать имена... он мог бы назвать нам цели! Черт возьми, Дарт, ваши парни обязаны найти его!

— Мы бросили множество ресурсов на его поиски. Мы найдем его, господин президент.

Подтянутая фигура президента перемещалась из одного угла комнаты в другой. Иногда он резко взмахивал руками во время ходьбы.

— Расскажите мне непосредственно о самом устройстве. Что еще мы знаем?

— Рабочая группа продолжает спорить о том, как интерпретировать тип радиационного излучения, соотношение изотопов и продуктов распада, которые они обнаружили. Похоже, имеют место некоторые несоответствия.

— Объясните.

— У террористов был доступ к самому высокому уровню инженерных знаний — Кру и Чолкер были одними из самых знающих экспертов, работавших в Лос-Аламосе и занимавшихся моделированием ядерного оружия. Вопрос лишь в том, насколько они хороши по части *изготовления* предполагаемого оружия. Фактическая обработка деталей бомбы, сборка, электроника — это очень и очень сложная работа. Ни у Чолкера, ни у Кру не было соответствующего инженерного опыта. Некоторые из рабочей группы думают, что бомба, которую они могли изготовить, может быть такой большой, что ее можно перемещать только в машине или в фургоне.

— А вы? Что *вы* думаете?

— Лично я считаю, что их бомбу можно перенести в чемодане. Я исхожу из предположения, что у них были и другие инженеры помимо Чолкера и Кру.

Президент покачал головой.

— Что еще вы можете мне рассказать об этом?

— Видимо, с момента несчастного случая две части заряда были хорошо разделены и экранированы, так как мы нигде не можем обнаружить никаких следов излучения. Вашингтон — огромный город, занимающий большую площадь. Мы пытаемся искать иголку в стоге сена. Были задействованы лучшие активы из местных, государственных, федеральных и военных ресурсов, мы мобилизовали множество военных баз вблизи Вашингтона. Город буквально наводнен войсками, образовавшими целую сеть.

— Ясно, — пробормотал президент. Мгновение он хранил задумчивое молчание. — А что насчет идеи о том, что все ваши усилия могут заставить террористов направить оружие на менее очевидную цель? Вся страна погрязла в панике — и не без причины.

— Наши люди долго и активно обсуждали этот вопрос, — ответил Дарт. — Это правда, существует много других целей, которые могут оказаться привлекательными для террористов. Но дело в том, что все улики указывают на то, что террористы *привязаны* к Вашингтону. Наши эксперты по психологии джихада говорят, что символическая ценность атаки гораздо важнее числа погибших людей. А это означает, что целью все же выступит

американская столица. И я по-прежнему твердо убежден, что цель террористов — Вашингтон. Разумеется, это не значит, что мы бросим все силы на защиту только его — мы активировали ресурсы в каждом крупном американском городе. Но я полагаю, что будет *серьезной* ошибкой вывести дополнительные силы из Вашингтона, решив, что целью станет другой город.

Президент снова кивнул — на этот раз более медленно.

— Понятно. Так или иначе, я хочу, чтобы ваши люди составили фактический список знаковых целей в других городах и разработали план защиты каждой из них. Послушайте, американский народ уже составил для вас список целей, унеся от этих самых потенциальных целей ноги, так что приступайте к работе. Покажите им, что мы хотим защитить *всех*. Не только округ Колумбия.

— Да, мистер президент.

— Вы думаете, что с учетом всего произошедшего они изменят дату? — спросил президент.

— Все возможно. Тот факт, что мы выяснили дату, а террористы об этом не знают, играет нам на руку. Нам удалось утаить эту информацию от прессы и широкой общественности.

— Лучше, чтобы так и оставалось, — серьезно проговорил президент. — Итак, есть ли еще что-то, что к настоящему времени я должен знать?

— Не могу вообразить, что бы это могло быть, сэр, — Дарт взглянул на начальника штаба, который весь разговор оставался негласным и невозмутимым, находясь на заднем плане.

Президент остановился и устало взглянул на Дарта.

— Я хорошо знаю, что на вас и на ваше расследование обрушиваются тонны критики. Поверьте, меня она тоже доводит до иступления. Во многих отношениях это двойное массивное и громоздкое расследование. Но мы с вами оба знаем, что иначе и быть не могло. Так работает Вашингтон, и мы с вами не можем менять лошадей на переправе. Придется продолжать как есть. Поэтому, доктор Дарт, к следующему совещанию я хочу, чтобы вы и ваша команда схватила Гидеона Кру. Мне кажется, что этот человек является ключевой фигурой расследования.

— Да, господин президент.

Услышав это, президент одарил Дарта улыбкой — напряженной, измученной улыбкой, в которой не было ни следа тепла или юмора.

Пустошь закончилась, и начался Лос-Аламос, словно кто-то провел невидимую границу: деревья внезапно уступили место типичному пригородному району с фермерскими домами, почтовыми отделениями, игровыми площадками и бассейнами для детей, черными велосипедными дорожками, семейными автомобилями и мини-фургонами.

Из своего укрытия среди деревьев Гидеон рассматривал один особенный минивен — старый «Астро» 2000 года. Путь к нему пролегал через открытую темную лужайку. Хотя и было около одиннадцати часов вечера, свет в окнах не горел: похоже, никого из хозяев не было дома. Более того, когда он огляделся, то заметил, что почти все дома на улице были темными. Над ними в воздухе висело напряжение, и некий аромат заброшенности.

— Это действует мне на нервы, — сказала Алида.

— Здесь никого нет. Похоже, они все уехали.

Он смело прошел по газону, Алида следовала за ним шаг в шаг. Они обошли дом и прошли вдоль стены, после чего Гидеон повернулся к своей спутнице.

— Подожди здесь немного.

Никаких признаков сигнализации не было, поэтому работа заняла у него всего пару минут — учитывая многолетний опыт. Проскользнуть внутрь и убедиться, что дом пуст, так же не составило никакого труда. Найдя главную спальню, Гидеон переоделся в свежую рубашку, которая почти идеально подошла ему по размеру. В ванной он причесал волосы, схватил пару фруктов, немного содовой и вернулся туда, где ожидала его Алида.

— Надеюсь, ты не настолько нервничаешь, чтобы морить себя голодом, — сказал он, вручая ей яблоко и колу. Она жадно вгрызлась в яблоко.

Широко расправив плечи, Гидеон подошел к машине и легко открыл ее, тут же забравшись внутрь. В зажигании или на центральной консоли ключей не нашлось. Он выбрался и открыл капот.

— Что ты делаешь? — спросила Алида. Рот ее был набит спелым яблоком.

— Завожу его.

— Боже. Это еще одно из твоих маленьких «умений»?

Он закрыл капот, вернулся на водительское место и принялся разбирать рулевую колонку с помощью отвертки, которую нашел в бардачке. Через несколько минут все было готово, и, несколько раз возмущенно кашлянув, машина завелась.

— Это безумие! Нас тут же пристрелят, если мы попадем в поле зрения.

— Опустись на пол и прикройся вот этим одеялом.

Алида села на заднее сиденье и сползла вниз, скрывшись из виду. Без единого слова Гидеон съехал с подъездной дорожки и поехал по улице. Вскоре он оказался на Оппенгеймер-Драйв, идущей мимо церкви Троицы в сторону главной Технической зоны. Город опустел, но даже с учетом позднего вечера и ядерной угрозы, нависшей над страной, в Лос-Аламосе продолжалась работа. Когда они подъехали к воротам, Гидеон увидел блестящие натриевые огни, двух вооруженных охранников в шлемах, цементные барьеры и, как всегда дружелюбного, офицера службы безопасности на пропускном пункте на территорию.

Перед ними проходил проверку другой автомобиль, так что пришлось притормозить,

остановиться и подождать. Гидеон понадеялся, что охранник не станет слишком внимательно его досматривать — рубашка у него, конечно, была чистой, но вот штаны оставляли желать лучшего. Сердце Гидеона бешено колотилось в груди. Он сказал себе, что для того, чтобы ФБР обнародовало его имя, не было никаких оснований. И не было оснований на то, чтобы уведомлять о нем службу безопасности Лос-Аламоса, потому что, по их мнению, это должно было стать последним местом, куда Гидеон Кру решил бы отправиться. Поэтому, во время охоты на него, они, надо думать, постараются сохранить все в тайне.

Но, опять же, что если Алида была права? Что если они объявят на него АРВ^[47]? В таком случае, стоит ему добраться до ворот, как его тут же повяжут. Это было чистой воды безумие. У него была машина, поэтому он мог просто развернуться и убраться оттуда. Гидеон поневоле начал паниковать и уже переключил коробку передач на задний ход, готовясь нажать на педаль газа.

Но автомобиль впереди проехал через ворота.

Слишком поздно. Он снова переключил машину на первую передачу и подъехал, снял свое лос-аламосское удостоверение, висящее на шее, и протянул его охраннику. Тот лишь беззаботно кинул ему, определенно узнав ученого, взял удостоверение и отправился в свою кабину. Неужели парень понял, что машина не принадлежит визитеру?

И снова Гидеон переключился на задний ход, а нога зависла над педалью газа. За ним не было ни одной машины. Если он выжмет газ, то может вернуться назад на дорогу прежде, чем за ним организуют погоню. Затем он сможет бросить машину в индейских руинах Тсанкави и пересечь индейскую резервацию Сан-Ильдефонсо пешком.

Боже, как же долго! Он должен был бежать прямо сейчас, пока не зазвучал сигнал тревоги.

И тут вернулся охранник — улыбчивый, с удостоверением в руках.

— Спасибо, доктор Кру. Вот ваша карточка. Работаете допоздна, как я погляжу?

Гидеон одарил его ответной улыбкой.

— Вы же знаете, работа никогда не кончается.

— Что правда, то правда, — и он махнул ему в сторону ворот. Гидеон припарковался в задней части Технической Зоны 33, где он работал. Это было похожее на огромный склад, здание из сэндвич-панелей, покрытых белой штукатуркой. Внутри размещались офисы и лаборатории команды Управления ядерным арсеналом, здесь же находился вход в подземные испытательные камеры и небольшой прямолинейный ускоритель для проверки радиоактивной «начинки» бомб с истекшим сроком годности.

В темноте машины Гидеон осмотрел бутафорский пистолет. Это была копия старого револьвера двойного действия «Кольт» модели 1877 года — никелированная и полностью заряженная холостыми патронами. Холостые были в нем патроны или нет, Гидеон надеялся, что ему не придется его использовать. Он засунул оружие за пояс и прикрыл его сверху рубашкой.

— Итак, мы на месте.

Алида сбросила одеяло и поднялась.

— И это все? Больше никакой охраны?

— Есть и другие уровни безопасности, но на пути к офису охраны больше не будет.

Он посмотрел на свое отражение в зеркале — не очень чистое и небритое. В своем прошлом отделе он был известным чистюлей, но надеялся, что его нынешний потрепанный

внешний вид не привлечет внимания. Большинство физиков, должно быть, назвали бы его сейчас позорно неопрятным. Для них опрятность была символом чести.

Гидеон вышел из машины. Они с Алидой прошли по стоянке по направлению к главному входу в здание.

— А этот Билл Новак, о котором ты рассказывал мне, тот парень из службы информационной безопасности, он будет здесь? — спросил Алида. — Сейчас уже поздно...

— Возможно, нет. Но в отделе безопасности кто-то есть *всегда*. Сегодня, скорее всего, будет Уоррен Чу. По крайней мере, я на это надеюсь. С ним не должно возникнуть каких-то особых проблем.

Они вошли в здание. L-образный холл располагался в передней секции, лаборатории находились в его дальней части и на нижних уровнях. Гидеон медленно направился вперед, пытаясь контролировать дыхание и сохранять спокойствие. Он повернул за угол и остановился перед закрытой дверью, в которую без промедления постучал.

— Да? — послышался приглушенный голос. Дверь открылась. За ней стоял Чу — полноватый, гладко выбритый парень в очках и с небольшой улыбкой на лице. — О, привет, Гидеон. Где ты пропадал?

— В отпуске, — он обернулся. — Это Алида. Она новенькая. Я провожу для нее экскурсию.

Округлое лицо повернулось к Алиде, и улыбка стала шире.

— Добро пожаловать на Марс, землянин.

Гидеон посерьезнел.

— Я могу войти?

— Конечно. А что, есть проблема?

— Да. И большая.

Лицо Чу помрачнело, и Гидеон с Алидой переступили порог. Они оказались в крошечном офисе без окон. Чу подкатил единственный дополнительный стул, обратил внимание на грязные штаны Гидеона, но решил воздержаться от комментариев.

Алида села, Гидеон остался стоять. Он почувствовал запах кофе и пончиков из коробки «Криспи-Крим», тут же осознав, что просто умирает от голода.

— Ты не против? — он подошел к коробке и открыл ее.

— Угощайся.

Гидеон взял пончик с глазурью и чизкейк «Нью-Йорк». Он заметил взгляд Алиды и прихватил пару штук и для нее, тут же затолкав в рот весь пончик целиком.

— Итак... что случилось? — Чу выглядел раздраженным, заметив, как быстро исчезли четыре пончика. Гидеон с трудом сглотнул, стряхнув крошки с лица и с губ.

— Кажется, кто-то использовал мой компьютер, пока я был в отпуске. Его взломали. Я не знаю, как они обошли мой пароль, но кто-то определенно это сделал. Я хочу знать, кто это был.

Лицо Чу побледнело, и он понизил голос.

— Боже, Гидеон, ты ведь знаешь, что должен сообщить об этом официально, как полагается по всем правилам. Ты не можешь напрямую обратиться с подобным сюда, я ведь просто парень из техподдержки...

Гидеон тоже понизил голос почти до шепота.

— Уоррен, я пришел к тебе, потому что, кто бы это ни был, он, похоже, имел на тебя зуб.

— На *меня*?! — брови Чу в изумлении взлетели вверх.

— Да, на тебя. Слушай, я знаю, что это был не ты. Но кто бы это ни был, он поместил твоё фото на мой экран, направив меня по твоему следу. На этом фото ты показываешь мне средний палец. Мило, правда? И ещё там имеется небольшая милая подпись: «*Уоррен Чу посылает тебя на хер*».

— Ты серьёзно? Боже, я просто не могу в это поверить! Зачем бы мне это делать? Кто бы это ни был, я убью его, клянусь! — Чу повернулся к монитору. — Когда это случилось?

Гидеон прикинул временной промежуток. Его, должно быть, подставили в промежутке времени между авиакатастрофой и попыткой его ареста.

— Где-то между... эм... четырьмя днями назад и вчерашним ранним утром.

— Вау, — выдохнул Уоррен, глядя на свой экран. — Твоя учетная запись заблокирована. А мне ничего об этом не сообщили!

— Потому что тебя подозревают.

Чу был готов рвать на себе волосы.

— Я не могу в это поверить! Ну кому это понадобилось?

— Есть способ войти в мою учетную запись и посмотреть? Может, мы, таким образом, сможем выяснить, кто это сделал, прежде чем это все всплывет и служба безопасности обрушится на тебя, как тонна кирпичей?

— Да, черт возьми. У меня есть разрешение на это. Если, конечно, они его ещё не отозвали.

Гидеон оживился, сердце его забилось чаще.

— Ты, правда, можешь?

— Конечно, — пальцы Чу проворно застучали по клавишам. — Каким образом им удалось хакнуть твой пароль?

— Я надеялся, *ты* мне это расскажешь.

— Ты его где-то записываешь?

— Никогда!

— Когда-нибудь входил в систему в присутствии кого-то?

— Нет.

— Тогда это должен был быть человек с высоким уровнем допуска.

Гидеон пристально наблюдал за тем, как на экране все быстрее и быстрее начинает прокручиваться серия цифр. Чу являл собой картину всепоглощающего возмущения.

— Ещё немного, ещё чуть-чуть... вот! Я взломал твою учетку!

Последняя триумфальная пробежка пальцев по клавиатуре — и Гидеон уставился на экран. Показалась его домашняя страница входа в систему. И где же тут письма «воспевающие джихад?»

— Давай проверим мою почту? — предложил он.

Чу снова начал печатать, и вскоре появилась защищенная страница почты Гидеона. Чу вынужден был снова взламывать заблокированный аккаунт. Гидеон взглянул на массу электронных писем и подумал: «Интересно, есть ли тут что-то от Чолкера?»

О чем и не преминул спросить у Чу.

— Рид Чолкер? — Чу выглядел озадаченным, но набрал запрос в поиске. Появился список писем, датированных гораздо раньше исчезновения Чолкера. Гидеон был удивлен количеством сообщений. Он не припоминал, чтобы когда-либо переписывался с Чолкером.

— Похоже, вы, ребята, много общались, — заметил Чу. — Как это поможет нам найти

хакера?

— Эти письма были добавлены сюда специально, — сказал Гидеон, — тем самым хакером.

— Да? — Чу заметно засомневался. — Тогда это неплохая работа.

— Я никогда не писал Чолкеру. Ну... или писал, но всего пару раз... не больше, — Гидеон, минуя Чу, потянулся к клавиатуре, выделил письмо годовой давности, подписанное словом «отпуск» и нажал ввод.

«Салам, Рид.

Отвечая на твой вопрос: помнишь, я говорил тебе о мире, разделенном на Дар-аль-Ислам и Дар-аль-Харб— Дом Ислама и Дом Войны. Компромисса не существует, и нельзя остановиться на середине пути. Сейчас ты, Рид, вошел в Дом Ислама. Дальше начинается настоящая битва — вместе с домом Войны, которую ты оставишь после себя».

Гидеон недоверчиво уставился на письмо. Он никогда этого не писал. Это не просто выставляло его заговорщиком и партнером Чолкера — это делало его кем-то вроде вербовщика. Он быстро открыл следующее письмо.

«Мой друг Рид, Салам.

Джихад — это не просто внутренняя борьба, это и внешняя борьба. Для нас, верных мусульман, борьба не закончится, пока весь мир не станет Дар-аль-Ислам».

Он начал просматривать и другие письма. Это было очень сложное и очень тонко сработанное мошенничество. Неудивительно, что Фордис в это все поверил. Гидеон заметил недавнее письмо и открыл его.

«Время пришло. Не сомневайся. Если кто-то получает послание Ислама и отвергает его, эти люди после смерти обрекают себя на вечные муки. Любой, кто действительно уверует в это послание, пусть знает: их прошлые грехи будут прощены, и они обретут вечность на Небесах. Если у тебя есть вера, действуй ради нее. Не беспокойся о том, что кто-то тебя осудит. На карту поставлена твоя вечность».

Оно продолжалось в том же духе, убеждая Чокера обратиться. Не только стать мусульманином, но и обрести извращенное восприятие веры. Гидеон читал письмо с нарастающим возмущением. Его не только подставили, но сделали это самым изощренным способом. И самое важное, *это сделал кто-то из своих...*

Уоррен Чу с нарастающим ужасом и недоверием смотрел на письма с посланиями для Чолкера. Они *не могли быть* интегрированы в почту кем-то другим. Как же иначе? Никто, кроме шефа службы безопасности не мог этого сделать.

Он медленно перевел взгляд на Гидеона, уставившись на него так, словно видит впервые. Он невольно подумал: «Никогда не знаешь, что у человека внутри». Чу даже и не догадывался!

— Не могу поверить, что ты это написал, — прорычал он, обуреваемый эмоциями.

— Черт побери, Уоррен, я этого не делал! — решительно заявил он. — Кто-то подбросил эти письма в мой ящик!

Чу был ошеломлен его отпором. И снова он задумался о том, как такое могло произойти. То, что кто-то подставил Гидеона, подбросив эти письма в его ящик, казалось крайне маловероятным. Не только это, но и то, что парня так внезапно взломали и заблокировали. Все это дурно пахло.

Он прочистил горло, постаравшись говорить непредвзято.

— Ладно. Хорошо. Позволь мне некоторое время с этим поработать. Посмотрим, смогу ли я выяснить, кто это сделал и как.

— Ты настоящий друг, Уоррен, — Гидеон отправил в рот остатки чизкейка.

Удар по клавишам. Затем:

— Гидеон, ты не возражаешь, если я попрошу тебя не стоять над душой? Я не могу работать, когда кто-то пялится на монитор через мое плечо.

— Конечно. Извини.

Гидеон отступил в другой угол кабинета, и Чу с раздражением заметил, что он взял себе еще один пончик. Этот парень вел себя так, словно не ел несколько дней.

Чу открыл еще одно письмо, затем другое. То, что он там увидел, было просто ужасно. Защищенная сеть работала как среда виртуальной ЭВМ Type-II: возможно ли, что кто-то использовал виртуальный монитор ЭВМ, чтобы получить корневой или расширить гостевой ограниченный доступ, а затем использовать кейлоггер и каким-то образом миновать функцию безопасного входа? Теоретически это было возможно, но такая операция потребовала бы большего числа навыков, чем те, которыми обладал сам Чу.

Чем больше он думал о надежности структуры виртуальных ЭВМ, выделенных адресных пространствах и абстракции виртуальной памяти, тем невероятнее выглядел весь этот компрометирующий взлом. И он ведь всегда считал Гидеона немного... замкнутым, даже себе на уме. Но это ведь означало, что, если эти письма не были ему подброшены, то Гидеон был террористом, предателем своей страны, потенциальным массовым убийцей... Чу, шокированный этой мыслью, почувствовал, как у него от страха сводит живот.

Что же, ради всего святого, ему со всем этим делать?

Внезапно он понял, что женщина, которая пришла с Гидеоном — новая сотрудница — подошла к нему сзади. Он подскочил, когда она положила руку ему на плечо и сжала — достаточно сильно, чтобы привлечь его внимание. Он поднял взгляд и осмотрелся. Гидеон стоял у двери, осматривая коридор и вращая головой из стороны в сторону — он явно держал ухо востро. Теперь Чу заметил, что за ремнем у Гидеона проступают очертания револьвера.

Женщина наклонилась к нему и прошептала:

— Если у вас тут есть сигнализация, активируйте ее. Сейчас же.

— Что? — Чу не совсем понял.

— Гидеон заодно с ними. С террористами.

Чу сглотнул. Вот и подтверждение.

— Просто сделайте это, но держитесь спокойно.

Ощущение нереальности происходящего, которое ранее окутало Чу, сейчас еще больше усилилось. Сердце его сжалось в груди, и он почувствовал, как на лице выступает пот. Сначала Чолкер, теперь Гидеон. Невероятно. Но ведь были эти электронные письма, которые говорили сами за себя.

Осторожно, будто бы небрежно, он нашарил под столом кнопку и нажал ее. Он никогда раньше этого не делал и не знал, что произойдет дальше.

Пространство прорезал низкий гул сирены. В коридоре начали мигать красные огни.

— Какого черта? — Гидеон отпрянул от двери.

— Прости, приятель, — сказала Алида, повернувшись к Гидеону и скрестив руки на груди. — Ты попался.

Гидеон уставился на нее с недоверием. Наверняка он что-то не расслышал или не так понял.

— Алида, что ты сделала?

Она подобралась и прищурилась.

— Я просто ждала возможности. Я же говорила, что не могу дождаться момента, чтобы сдать тебя, помнишь?

Гидеон был слишком потрясен, чтобы испытывать злость.

— Ты почти заставил меня поверить тебе, — сказала она. — Но когда я увидела эти письма...

— *Их кто-то туда подбросил!*

— Ага. И все эти агенты ФБР, все эти вертолеты, люди, которые в тебя стреляли — я так понимаю, это тоже ошибка? Приходится слишком многое принимать на веру, Гидеон, а я не настолько наивна.

Гидеон услышал шаги в коридоре. Он быстро достал револьвер и единожды выстрелил в воздух. Затем он схватил Чу за руку, завел ее ему за спину и приставил пистолет к его голове.

— На выход! — крикнул он. — В коридор!

С вскриком ужаса Чу подчинился.

— Этот пистолет — бутафория! — воскликнула Алида, последовав за ними.

— Поверь мне, он настоящий, — возразил Гидеон. — Не заставляй меня убивать его.

Гидеон подтолкнул Чу вперед, к выходу. Контрольно-пропускной пункт с высоким уровнем допуска во внутренние лаборатории находился чуть дальше по коридору. Они свернули за угол и подошли к КПП с двумя металлодетекторами и несколькими охранниками — некоторые из них уже успели достать оружие.

— Он покойник, если попытаетесь остановить меня! — крикнул Гидеон, толкая Чу через металлоискатель, который тут же пронзительно завизжал.

— Это сценический пистолет, идиоты! — воскликнула Алида.

— Хотите, чтобы я доказал, что он настоящий? Если последуете за мной, я выстрелю! — он продолжил толкать Чу по коридору, направляясь к аварийной лестнице. Плечом он захлопнул дверь и потащил своего заложника вниз. Единственным человеком, кто решился последовать за ним, была Алида.

— Сука! — огрызнулся Гидеон, когда Алида бросилась ему на спину, пытаясь выхватить пистолет. Он оттолкнул ее прочь, но она повторила попытку, ударив его и снова попытавшись вырвать пистолет из руки.

— Прекратите! — взмолился Чу.

Гидеон развернулся, проталкивая Чу через двери у подножия лестницы, ведущие в комнату управления ускорителем частиц. Внутри находилось два оператора, стоящих в большом полукруге мониторов. Они с потрясением смотрели на вновь прибывших.

— На пол! Все! — Гидеон выстрелил в потолок.

Операторы рухнули на пол. «Забавно», — мрачно подумал Гидеон, — «что создатели самого опасного в мире оружия ведут себя, как перепуганные кролики».

Секунду спустя полдюжины офицеров охраны ворвались внутрь с оружием наизготовку.

Они не были сотрудниками комплекса Лос-Аламоса — на них была форма NEST.

— Брось пистолет! — закричал один и нацелил на Кру свое оружие.

Гидеон выставил Чу перед собой вместо щита и прижал револьвер к его виску. Чу издал сдавленный вскрик.

— У него бутафорский револьвер, черт возьми! — закричала Алида.

Главный офицер безопасности повернулся, нацелив пистолет на Алиду.

— Ты! — скомандовал он. — На пол! Живо!

— Я? Что за...

Кивком головы офицер подал сигнал двум другим, и они скрутили ее и прижали к полу, начав грубый обыск.

— Сукин сын! — закричала она, извиваясь на полу.

— Тихо! — один из мужчин ударил ее по лицу.

Гидеон не мог в это поверить. Они действительно думали, что она тоже террористка.

Командир NEST направил пистолет на Гидеона.

— Брось оружие и освободи заложника, или мы откроем огонь.

Гидеон понял, что они не шутили. Им было не важно: выживет Чу или нет — если потребуется, они сами застрелят заложника, чтобы убить «террориста».

— Хорошо, — согласился он.

Все было кончено. Он опустил пистолет, отбросил его и тот приземлился на пол. Чу выпрямился и поспешил уйти из зоны обстрела за линию охранников. Гидеон же медленно поднял руки.

Двое охранников рывком подняли Алиду на ноги, они закончили ее обыскивать. Из ее носа текла кровь, пачкая белую рубашку.

— В наручники ее, — распорядился командир NEST. — А ты, Кру, лицом на землю Медленно.

— Ублюдки! — закричала Алида, попытавшись нанести удар одному из своих обидчиков. Второй ударил ее в живот, выбив воздух из легких и заставив согнуться.

— Оставьте ее в покое, она не имеет к этому никакого отношения! — воскликнул Гидеон.

— На пол! — повторил человек из NEST, угрожающе направив на него пистолет.

Гидеон начал опускаться на колени. И именно тогда он увидел, что у него появился шанс. Опускаясь, для поддержки он схватился за консоль управления акселератором, небрежно положив руку на маленький выключатель, прикрытый красной крышкой — это был тумблер аварийного отключения питания. Он поставил одно колено на пол, затем и другое, в то время как рукой незаметно снял крышку с аварийного выключателя, крепко ухватив его.

— Поторапливайся! Вниз! Лечь на пол! *Лечь!* — офицер NEST кричал с явным нетерпением, подергивая своим пистолетом .45 калибра.

Гидеон замер, а затем тихо проговорил:

— Если я нажму этот выключатель, мы все умрем.

Опустилась внезапная тишина. Гидеон повернулся к операторам.

— Подтвердите им, что это так.

Один из операторов взглянул на него и увидел, что пальцы Кру ухватили тумблер. Оператор побледнел.

— О, Боже, — выдохнул он. — Это аварийное отключение питания. Мы работаем на

полной мощности. Если он потянет его... Боже, не делайте этого!

Никто не шевелился.

«Спасибо, друг мой», — подумал Гидеон. Вслух он сказал лишь:

— Расскажите им, что произойдет, если я это сделаю.

— Он отключит питание магнитного пучка. Пучок разрушится, и всех нас разорвет на куски.

— Вы слышали его, — спокойно сказал Гидеон. — Стреляйте в меня, я упаду и дерну выключатель.

Сотрудники NEST выглядели парализованными. Шесть пистолетов по-прежнему были нацелены в грудь Гидеона, но никто не смел пошевелиться.

— Мне терять нечего, — сказал Гидеон, угрожающе понизив голос, — *совершенно нечего*. Я считаю до трех. Раз...

Главный офицер взглянул налево, затем направо. Лицо его обливалось *потом* — похоже, он был уверен, что Гидеон выполнит угрозу.

— Два... черт побери, я смертельно серьезен!

Командир бросил пистолет, и остальные тут же последовали его примеру.

— Правильное решение. Теперь освободите ее.

Они отпустили Алиду, она упала на колени, затем снова поднялась, тяжело дыша и отирая кровь из-под разбитого носа.

— Для протокола, — сказал Гидеон, — мы оба невиновны. Это вынужденные меры. И я *знаю*, кто во всем виноват. Так что, простите, господа, но мне придется оставить вас. Алида? Хочешь ты того или нет, тебе лучше держаться рядом со мной. Пожалуйста, собери оружие с пола и принеси его мне.

Она долго отчаянно колебалась. Их глаза встретились. Гидеон видел, как внутри нее борются сомнения, страх и гнев.

— Алида, — снова позвал он, — я не знаю, как еще мне убедить тебя в своей честности, кроме как обратиться к твоей интуиции. Пожалуйста, поверь мне.

Через мгновение Алида собрала пистолеты с пола и принесла их Гидеону. Он извлек все обоймы, положил их в карман и бросил пустые пистолеты на пол. Свой — бутафорский — он заложил за пояс. Все это время он неотрывно держал одну руку на тумблере. Наконец, с заряженным боевым пистолетом в руке, он отпустил выключатель и, обойдя мужчин, подошел к двери в коридор, запер ее и повернул затвор.

Как раз вовремя, потому что снаружи послышался топот шагов.

Секунду спустя он услышал, что охранники столпились у двери и начали предпринимать попытки пробиться внутрь. Послышался еще один сигнал тревоги — на этот раз громче.

— Все на пол, кроме тебя, — Гидеон указал пистолетом на перепуганного оператора.

Мужчина поднял руки.

— Пожалуйста... я сделаю все, что вы хотите.

— Знаю, что сделаешь. Открой дверь в туннель ускорителя.

Вынужденный повиноваться, мужчина поспешил в дальнюю часть комнаты. Используя магнитный ключ, он разблокировал небольшую дверь в задней стене и открыл ее. Оттуда показалось слабое зеленое свечение. За дверью простирался пещерообразный, похожий на трубу туннель, который изгибался, и, казалось, уходил в никуда. Справа находился узкий мостик. Слева размещалось сложное цилиндрическое устройство, уходящее

в бесконечность и покрытое проводами и трубками, подобно ступени какой-то чудовищной ракеты. От него исходил низкий жужжащий звук. Это был небольшой прямолинейный ускоритель примерно две тысячи футов длиной, но Гидеон знал, что туннель ускорителя примыкает к сети гораздо более старых туннелей, относящихся еще к Манхэттенскому проекту. Он понятия не имел, куда вели эти туннели — возможно, они были заблокированы и опломбированы.

И все же это был их единственный шанс.

Гидеон жестом пригласил Алиду пройти через дверь. Затем он забрал у оператора магнитный ключ, после забрал такой же у второго и последовал за Алидой в туннель. Дверь за ними захлопнулась и заблокировалась.

Гидеон повернулся к Алиде.

— Мне нужно знать: ты со мной или нет? Потому что если ты не на все сто процентов уверена в моей невиновности, дальше ты не пойдешь. Я не могу допустить в этом деле еще одного поцелуя Иуды.

Молчание было прервано яростными попытками открыть дверь, криками и звуками третьего сигнала тревоги.

Она посмотрела на него.

— Мой ответ: пора рвать когти.

Они бежали по металлическому мостику, располагавшемуся параллельно прямолинейному ускорителю частиц.

— Ты знаешь, куда мы идем? — спросила Алида, стараясь поспевать за своим спутником. Топот ее ног звучал прямо позади него.

— Просто следуй за мной.

Неожиданно в туннеле раздались громкие крики. «Черт», — подумал Гидеон. Он надеялся, что охране потребуется больше времени, чтобы преодолеть двери.

— Остановитесь или мы будем стрелять! — донесся до них крик.

Беглецы даже не сбавили темп. Рядом с ними, наращивая энергию, пульсировал ускоритель, и, не дай Бог, хотя бы одна пуля пробьет трубу...

— Они блефуют, — сказал Гидеон, — они не будут стрелять.

Пуля рикошетом отлетела от потолка над их головами, а за ней последовали и другие.

— Конечно, они *не будут* стрелять, — пригибаясь, буркнула Алида, продолжая бежать.

Гидеон слышал позади себя топот ног преследователей. Еще одна пуля попала в стену, окатив их осколками.

Он остановился, развернулся и выстрелил в них холостым. Их преследователи попадали на пол.

Они пробежали еще двадцать ярдов, прежде чем Гидеон нашел то, что искал: стальную металлическую дверь, установленную в бетонной стене. Она был заперта старым латунным замком.

— Дерьмо! — пробормотала Алида.

Гидеон обернулся и снова выстрелил холостым, заставив охранников рухнуть на пол во второй раз. Затем он достал настоящий пистолет .45 калибра, прижал дуло к замку и выстрелил. Замок с грохотом отлетел. Гидеон всем своим весом обрушился на металлическую дверь. Она скрипнула, но не поддалась.

Алида скомандовала:

— На счет три!

Они врзались в дверь одновременно, заставив ее открыться с громким треском, именно в тот момент, когда раздалось еще несколько выстрелов. Беглецы буквально ввалились внутрь, захлопнули металлическую дверь за собой и внезапно оказались в крошечной темноте.

Алида щелкнула своей зажигалкой, тускло освещая пустой разветвляющийся туннель. Гидеон схватил ее за руку и наугад повернул в один из боковых рукавов, заставив ее бежать за собой. Зажигалка потухла во время бега.

Он услышал голоса, и новый скрежет ржавой стали — охрана открыла металлическую дверь.

Крепко сжимая руку Алиды, Гидеон бежал в крошечной темноте, не видя абсолютно ничего. Они, должно быть, преодолели несколько сотен ярдов, когда его ноги запутались в чем-то на полу, и он рухнул вниз, потянув Алиду за собой. Тяжело дыша, Гидеон так и остался лежать там, в темноте, спешно шаря вокруг, пока снова не нашел руку девушки. Позади себя он слышал эхо голосов преследователей, настигавших их по туннелю. Они были

уже близко. Неужели у них были фонари?

На его вопрос ответил мелькнувший желтый луч. К счастью, этот же луч, скользнув над их головами, на мгновение высветил еще одно ответвление туннеля, находящее в соседней стене недалеко от беглецов. Как только свет ушел в сторону, Гидеон поднял Алиду на ноги, и они нырнули в проем.

Алида на миг щелкнула зажигалкой. Ответвление оказалось небольшим, длиной около двадцати футов и оканчивалось тупиком, но в дальнем его конце вверх по каменной стене уходила старая ржавая лестница. Гидеон прошел до тупика, нащупал лестницу, и они начали подниматься. Возбужденные и агрессивные голоса, доносившиеся из-за их спин, становились все громче.

Беглецы взбирались в полной темноте. В нише, которая осталась под ними, Гидеон заметил небольшую вспышку, но они уже поднялись достаточно высоко, чтобы успеть скрыться. Они продолжили подниматься как можно тише, пока не достигли вершины лестницы. Еще один щелчок зажигалки Алиды осветил горизонтальный туннель, заполненный старым ржавым оборудованием, очевидно, оставшимся еще от оригинального Манхэттенского проекта.

Гидеон забрался в него и помог подняться Алиде, удивляясь, как много всякого здесь хлама еще сохранилось.

— Куда дальше? — прошептала Алида.

— Без понятия.

Гидеон направился по темному туннелю, двигаясь, как он надеялся, в восточном направлении, к каньону Уайт-Рок. В шахте позади них стали раздаваться звуки и голоса: кто-то из охранников поднимался по лестнице.

Он наткнулся на нечто, лежащее на земле.

— Дай мне зажигалку.

Девушка послушалась, и, когда вспыхнуло небольшой пламя, Гидеон увидел, что на полу туннеля были смонтированы рельсовые дорожки. На небольшом запасном пути стоял некий агрегат, напоминающий помповую тележку или ручную дрезину.

Рикошет выстрелов заставил беглецов рухнуть на землю. Лучи фонарей плясали по потолку и вокруг них.

— Забивайся в дрезину, — прошептал Гидеон. — Быстро!

Через секунду Алида уже была в тележке. Гидеон дал агрегату толчок, направил его на главный путь и, разогнав до максимально возможной скорости, сам в него запрыгнул. Ржавая и покрытая пылью ручная помпа с металлическим скрипом двигалась вверх и вниз, но — надо отдать ей должное — все еще пребывала в рабочем состоянии. Гидеон работал рычагом, поддерживая скорость, а тем временем мимо них просвистело еще несколько рикошетных выстрелов. Дрезина двигалась по металлическим рельсам, наращивая скорость. Тем временем путь начал идти под горку.

— Вот дерьмо! — воскликнула Алида.

Гидеон прекратил качать помпу, но это уже ничего не могло изменить. Помпа сама по себе работала все быстрее и быстрее, ее сдвоенные ручки самостоятельно взлетали вверх и вниз. Выстрелы и крики стали удаляться.

— Это действительно была плохая идея, — заметила Алида, присев и ухватившись за деревянные боковины дрезины. В полной темноте тележка по инерции продолжала нестись под гору, и только Бог знал, куда пролегал ее путь.

Ничего не видя, они продолжали стремительно лететь вперед. Затхлый пещерный воздух на такой скорости буквально сдувал Гидеона с его места. Охваченный ужасом, он пригнулся, нащупывая наилучшую опору, и подготовился к неизбежному падению.

— Тормоз! — закричала Алида. — Здесь же должен быть тормоз!

— Почему я не подумал об этом?

Он щелкнул зажигалкой, и, прежде чем она погасла, увидел старую железную педаль на боковой стенке тележки, расположенную между колесами. Со всей возможной силой он надавил на нее ногой. Раздался пронзительный визг, позади них забил фонтан искр, и их бросило вперед, в то время как тележка замедлилась, дико вибрируя и угрожая слететь с рельсов. Гидеон быстро успокоился и начал давить на тормоз более равномерно, медленно увеличивая давление. Тележка скрипела и стонала но вскоре, наконец, остановилась.

— Хорошая работа, Кейси Джонс^[48].

Осторожно, на негнущихся ногах Гидеон выбрался из дрезины и щелкнул зажигалкой. Туннель уходил вперед, и создавалось впечатление, будто он является частью окружности большого радиуса. Однако далеко впереди на рельсовом полотне лежала большая куча камней — очевидно, произошел обвал потолка. Из-за него туннель по всей ширине оказался заблокирован.

— Господи, — пробормотала Алида. — Ты остановил нас как раз вовремя.

Вдалеке Гидеон все еще мог разобрать искаженные, доносящиеся до них эхом голоса группы NEST. Они выиграла только несколько минут форы.

— Нам надо идти, — сказал он, беря ее за руку.

Он довел ее до кучи камней, и они принялись карабкаться по ней вверх. Каждые несколько секунд, чтобы сориентироваться, Гидеон щелкал зажигалкой. Он слышал звук приближающейся погони.

— Меня не нужно держать за руку, — сказала Алида, попытавшись освободиться от его хватки.

— Нет, *надо*.

Наконец они достигли вершины кучи и быстро спустились с другой ее стороны. Дальше они стали пробираться по туннелю так быстро, как только могли. Попутно им пришлось взбираться еще на два обрушения, пока, наконец, они не дошли до такого обвала, который полностью перекрывал туннель.

— Проклятье, — выругалась Алида, с отчаянием глядя на кучу камней. — Может, мы проходили мимо каких-нибудь боковых туннелей?

— Нет, — покачал головой Гидеон, неотрывно изучая каменную насыпь. Перед собой он держал зажженную зажигалку. Потолок выглядел рыхлым, но поблизости все же не было никакого иного прохода или пути. Это был тупик.

— Нам надо что-нибудь придумать. И быстро.

— Как я уже сказал, позади нас не было ни одного бокового туннеля. Но мы проходили мимо какого-то оборудования для взрывных работ.

— Нет. О-о-ой, *нет*.

— Оставайся здесь.

Гидеон отправился в обратный путь. Голоса погони становились все громче, и ему казалось, что в пыльном воздухе он уже видит слабые блики света. Преследователи настигали их слишком быстро.

Он добрался до оборудования: стопок бризантных матов, старых буров и проводов. В отдалении стояла куча деревянных ящиков, и с одного из них он сорвал гнилую крышку, под которой оказались капсульные детонаторы. Гидеон попытался поднять всю коробку, но от рывка она развалилась, и детонаторы рассыпались. Видимо, вся древесина сгнила.

В этот момент лучи фонарей пронизали поднятую пелену пыли.

— Эй, вы там! Оставайтесь на месте! — последовал крик, а затем выстрел.

Гидеон погасил зажигалку и опустился на корточки. Если пуля попадет в эти детонаторы...

Прогремел еще один выстрел, лучи фонарей тем временем продолжали перемещаться в попытках его найти. Преследователи были уже слишком близко, не было времени, чтобы заложить бомбу в завал. Выход был только один.

Пригнувшись, Гидеон отбежал в темный туннель на несколько сотен футов, затем развернулся и опустился на колени. Держа в одной руке настоящий боевой пистолет, другой рукой Гидеон щелкнул зажигалкой, дав себе достаточно освещения, чтобы прицелиться в кучу детонаторов. Внезапно темноту рядом с ним прорезало множество лучей фонарей.

— Вон он! — раздался голос.

Прозвучало несколько выстрелов, но в этот же момент Гидеон и сам спустил курок. Произошел сильный взрыв, затем до него дошла ударная волна, которая швырнула его на спину, выбив из легких весь воздух. Последовал жуткий грохот и вибрация, и тут обрушился потолок.

Гидеон потряс головой, чтобы прийти в себя, и с трудом поднялся на колени, тут же начав в крошечной темноте отползать назад — туда, откуда он пришел. Земля продолжала содрогаться от вторичных обрушений — камни и щебень все еще осыпались вокруг него. Наконец, ему удалось подняться на ноги и, воспользовавшись еще несколькими щелчками зажигалки вернуться туда, где его ожидала Алида. Она сидела покрытая пылью и буквально пылала от злости.

— Что, черт побери, ты еще натворил?

— Они подобрались слишком близко. Мне пришлось выстрелить в детонаторы и обрушить туннель.

— Господь всемогущий! А тот жуткий шум после? Это и был обвал?

— Да. Потолок рухнул, заблокировав туннель. Теперь мы в безопасности — по крайней мере, на некоторое время.

— В безопасности? Ты что, *свихнулся*? Мы же теперь в ловушке!

Они отправились к новому обвалу, ища боковые ответвления туннеля или шахты, которые они, возможно, пропустили, но так ничего и не нашли. Гидеон был измотан: у него в ушах стоял страшный звон, в голове стучало, а во рту было полно пыли. Они оба были покрыты грязью и с трудом дышали в удушающем спертom пыльном воздухе. Подойдя к обвалу, Гидеон осмотрел его с помощью пламени зажигалки. Это была непреодолимая огромная груда камней, заполнившая все пространство туннеля от стены до стены. Гидеон вгляделся в неровное отверстие в потолке, из которого и упали камни.

Он потушил зажигалку, и они снова оказались во тьме. С другой стороны обвала до него доносились приглушенные голоса.

— Что теперь? — спросила Алида.

Некоторое время они просто молчали. Наконец Гидеон снова щелкнул зажигалкой и принялся водить ею из стороны в сторону.

— Что ты делаешь?

— Ищу сквозняк. Ну, ты знаешь, как в романах.

Но огонь горел совершенно прямо. Пыльная пелена была такой плотной, что Гидеон вообще едва мог видеть. Он снова потушил зажигалку.

— Возможно, — сказал он, — это обрушение открыло какой-то лаз там, в потолке. Я собираюсь это проверить.

— Будь осторожен. Все может обрушиться в любой момент.

Гидеон стал взбираться на кучу камней. Каждый его шаг заставлял еще больше камней и щебня сползать вниз, в процессе его подъема несколько крупных глыб сорвались с потолка и с грохотом упали на кучу. Груда насыпи доходила до темной дыры в потолке. Гидеон вскарабкался на самый верх, с каждым шагом немного съезжая назад. Пыль душила его, небольшие осыпающиеся камни били его по голове и плечам — и вдруг, на самом верху, он ощутил свежий и чистый воздух. Он запрокинул голову и увидел звезду.

Беглецы выбрались в темноту ночи и, жадно дыша, развалились на дне оврага на клочке сладко-пахнущей травы, кашляя и отплевываясь. Маленький ручей сбегал по оврагу, и через минуту Гидеон поднялся на колени и подполз к ручью на четвереньках, где омыл лицо и

ополоснул рот. Алида сделала то же самое. Похоже, что они оказались ниже плато Лос-Аламоса, в одном из отрогов притоковых каньонов покрытых лесами и уходящих к Рио-Гранде. Гидеон откинулся на землю, тяжело дыша и глядя на звезды. Невероятно, что им удалось сбежать.

Почти сразу он услышал пульсирующий звук вертолетных лопастей.

«Черт!».

— Нам надо уходить, — сказал он.

Алида приподнялась на траве, ее грязные спутанные светлые волосы обрамляли лицо, а когда-то белая рубашка сейчас была цвета грязной мыши, с пятнами крови, припорошенными пылью.

— Просто дай мне еще минуту перевести дух, — взмолилась она.

Уоррен Чу сидел за своим столом, обильно потея и желая, чтобы все это быстрее закончилось. Агент ФБР метался по небольшому офису, как лев по клетке, изредка задавая вопросы, прежде чем снова ввергнуть помещение в затяжное, невыносимое молчание. Остальные федералы и агенты безопасности исчезли в туннелях. Сначала он слышал эхо выстрелов, затем звуки стали более приглушенными и отдаленными, прежде чем, в конечном счете, исчезнуть совсем. Но этот агент, который представился Фордисом, остался здесь. Чу поерзал, пытаясь отклеить свои вспотевшие ягодицы от кресла из кожзаменителя: материальное оснащение Лос-Аламоса с миллиардным доходом язык не поворачивался назвать приличным. Чу знал, что его поведение во время ситуации с заложниками не было героическим, и это усиливало его беспокойство. Он утешал себя только мыслью, что он все еще жив.

Фордис в очередной раз резко развернулся и сверкнул глазами.

— Значит, именно это сказал Кру? Дословно? Что кто-то взломал его компьютер, пока он был в отпуске?

— Я не помню его слова в точности. Но он несколько раз повторил, что кто-то подбросил ему письма.

Агент Фордис вновь измерил шагами помещение и развернулся.

— Значит, он *настаивал*, что эти электронные письма ему *подбросили*?

— Да.

Агент ФБР сбавил темп.

— Чисто теоретически... могло ли на самом деле такое произойти? Есть ли вероятность, что их действительно подбросили?

— Абсолютно никакой. Это физически изолированная сеть. Она не связана с внешним миром.

— Почему нет?

Вопрос ошеломил Чу.

— В нашей сети находится одна из наиболее конфиденциальных баз данных страны.

— Понимаю. Получается, что эти письма никак не могли быть подброшены кем-то *извне*.

— Правильно.

— А мог ли кто-нибудь подбросить их *изнутри*? Например, могли бы *вы* сделать это?

Последовала затяжная пауза.

— Ну, — нерешительно замялся Чу, — не стал бы утверждать, что это возможно.

Фордис остановился и пристально взглянул на него.

— Как именно это можно было бы сделать?

Чу пожал плечами.

— Я — один из администраторов службы безопасности. В такой засекреченной сети у кого-то всегда есть расширенный допуск. Чтобы следить за соблюдением правил, понимаете? Это подразумевает высокий уровень технических навыков, которые у меня есть. Но, конечно же, я этого не делал, — поспешно добавил он.

— Кто вообще мог это сделать? Теоретически, конечно.

— Я, два других сотрудника службы безопасности с таким же уровнем допуска, как у меня, и наш руководитель.

— Кто ваш руководитель?

— Билл Новак, — Чу сглотнул. — Но, послушайте, все четверо из нас прошли строгое тестирование: куча проверок службы безопасности. К тому же они за нами постоянно наблюдают. У службы безопасности есть доступ ко всей нашей личной жизни: нашим банковским счетам, путешествиям, поездкам, выпискам по кредитным картам, телефонным счетам и тому подобному. С практической точки зрения, у нас нет *личной* жизни. Поэтому вовлечение кого-то из нас в террористический заговор абсолютно невозможно.

— Понятно, — Фордис возобновил ходьбу. — Вы хорошо знали Кру?

— Довольно хорошо.

— Вас удивило случившееся с ним?

— Еще как. К тому же я знал и Чолкера, и я буквально был раздавлен новостью о том, что он сделал. Никогда бы не подумал. Хотя они оба были немного странными, если вы понимаете, что я имею в виду.

Фордис кивнул и повторил, как бы про себя:

— Никогда бы не подумал.

В коридоре послышался шум, затем дверь распахнулась, и вернулись несколько офицеров службы безопасности. Они с ног до головы были покрыты пылью, на их висках блестели бисеринки пота, к тому же они принесли с собой запах земли и плесени.

— Что случилось? — спросил Фордис.

— Они сбежали, сэр, — доложил тот, кого Чу посчитал лидером команды. — В районе каньонов, ведущих к реке.

— Я хочу, чтобы в тот район немедленно были отправлены вертолеты, — сказал Фордис. — Особенно те, у которых есть инфракрасные сканеры. Я хочу, чтобы прочесали берега реки, и чтобы команды прошлись по каждому из этих каньонов. И я сам лично сейчас же отправлюсь на воздушное патрулирование.

— Да сэр.

Фордис вернулся к Чу.

— Оставайтесь здесь. У меня к вам могут возникнуть еще вопросы.

И агент вышел.

Пока Гидеон и Алида с трудом прокладывали себе путь сквозь заросли низкого кустарника по узкому каньону, в небе над ними проносилось все больше вертолетов, и звук их винтов эхом разносился по всей местности. Они исследовали воздушное пространство, в чем им помогали небольшие дроны и, возможно, даже беспилотные самолеты. Лучи прожекторов пронзали пыльный воздух, и колонны света блуждали по стенам каньона, но, к счастью, в нем были густые заросли кустарников, а также множество нависающих скал и ниш, и каждый раз беглецам удавалось найти подходящее место, чтобы укрыться, когда очередной вертолет или беспилотник пролетал над их головами.

Они продвигались вперед очень медленно, им приходилось постоянно останавливаться и прижиматься к скалам каньона или прятаться под кустарником, когда мимо них проходили лучи прожекторов. Ночь стояла теплая. Несмотря на то, что время давно перевалило за полночь, камни все еще излучали накопленное за день под интенсивным солнцем тепло, однако температура воздуха при этом все же быстро понижалась. Гидеон знал, что когда все вокруг остынет, их присутствие станет более заметным для инфракрасных датчиков, которые преследователи не преминут использовать.

Тем не менее, они не оставляли попыток сбежать и медленно прокладывали себе путь к реке.

Внезапно один из вертолетов пролетел очень низко над их головами, его пропеллер яростно трепал листву низкого кустарника и поднимал плотные облака пыли. Когда беглецы вот-вот должны были попасть в поле видимости, Гидеон толкнул Алиду к стене каньона. Вспыхнувший ослепительный свет прошел мимо них, но затем его луч вильнул из стороны в сторону и вернулся обратно вместе с оглушительным вертолетным шумом.

Прожектор сфокусировался на беглецах.

— Вот дерьмо! — прошипел Гидеон.

Теперь не было никакого смысла прятаться. Гидеон потянул Алиду вперед, и они рванули по каньону, в то время как прожектор вертолета неотрывно следовал за ними. Они забрались на нагромождение камней и быстро сбежали вниз. Каньон был сухим, поэтому трудно было сказать, как далеко от него находится река.

Прибыло еще несколько вертолетов, каждый из них занял в небе свою позицию.

— *Оставайтесь на месте!* — раздался голос из громкоговорителя под аккомпанемент шума винтов. — *Руки вверх!*

Гидеон соскользнул по валуну и помог Алиде спуститься. Впереди каньон становился еще круче.

— *Стоять! Или мы откроем огонь!*

Гидеон узнал голос Фордуса. Он был полон ярости: для агента это дело уже стало личным.

Они добрались до края очередного уступа. На этот раз спуск высотой около десяти футов вел в грязный бассейн.

— *Последнее предупреждение!*

Они прыгнули в тот самый момент, когда начался обстрел. Смертоносные нити пуль прошли мимо, беглецы упали в мутную, грязную воду. Гидеон и Алида выбрались из

бассейна и, спотыкаясь, бросились в чащу тамарисков. Вокруг них пули яростно разрывали ветви и вгрызались в каменные скалы. Но прожекторы, видимо, временно потеряли беглецов, поэтому их лучи блуждали по рваным траекториям, пытаясь снова их отыскать.

Они добрались до последнего спуска. И тут прожекторы снова их обнаружили.

— Прыгай! — закричал Гидеон.

— Но я ни черта не вижу...

— Либо так, либо схлопочешь пулю! Прыгай!

Они прыгнули. Это было отвратительное, ужасающее погружение в черноту, а затем... они приземлились в ледяную воду. Гидеон почувствовал, как его подхватил бурный поток, стремительно и с грохотом увлекая их со спутницей вниз по течению. Они достигли порогов Рио-Гранде, бегущих по дну каньона Уайт-Рок.

— Алида! — закричал он, лихорадочно озираясь по сторонам. Ему показалось, что ее лицо белым пятном мелькнуло слева от него. — Алида! — он попытался нырнуть и подплыть к ней, но сильное течение тащило их обоих вниз по ревушим порогам, окатывая мощными речными волнами.

— Гидеон! — услышал он ее крик. Он протянул руку, сумел почувствовать рядом с собой ее тело и, в конце концов, схватил ее за руку. Они не могли сделать ничего, кроме как отдаться на волю течения. Вертолеты рассредоточились, прожекторы яростно исследовали своими лучами речную поверхность, но, похоже, они неправильно оценили обстановку, потому что сосредоточились на участке выше по течению. Здесь каньон был узким и глубоким, и воздушное пространство могло вместить ограниченное число вертолетов, так что теперь только три из них принимали участие в поисках.

Гидеон и Алида продолжали беспомощно барахтаться в темных водах, с ужасающей скоростью скользя вниз по течению, и беспомощно, из последних сил, цепляясь друг за друга. Гидеон едва мог удержать голову над бурлящей водой. Когда его глаза привыкли к темноте, он смог разглядеть то, что ожидало их дальше — ужасающий спуск, кипящий белой пеной. Их подбросило волной, после чего они рухнули вниз и почти потеряли друг друга в сильном течении. Гидеон вырвался на поверхность, жадно схватил ртом воздух и снова оказался захвачен мощным течением. Теперь они с Алидой полностью ушли под воду, ощущая себя словно листья, уносимые мощным порывом ветра. В какой-то момент Гидеон сильно ударился о подводный камень и выпустил руку Алиды.

Через несколько мгновений, кашляя и задыхаясь, ему удалось вырваться на поверхность. Он попытался позвать Алиду, но наглотался воды и снова закашлялся. Ему с трудом удавалось оставаться на поверхности и ориентироваться в потоке. Скорость движения незначительно замедлилась, но все еще оставалась ужасающе быстрой. Гидеону, наконец, удалось всплыть на поверхность и вдохнуть достаточно воздуха, чтобы восстановить дыхание.

— Алида!

Ответа не последовало. Он всматривался в темноту, но не видел ничего, кроме белизны речной пены и темных скал каньона. Сейчас три вертолета были выше по течению и довольно далеко от них, продолжая обследовать прожекторами участок реки, на котором беглецов уже давно не было. Но к их нынешнему местоположению приближались еще два, исследуя лучами бурлящую поверхность реки. Когда один из вертолетов приблизился к нему, Гидеон задержал дыхание и с открытыми глазами ушел под воду. Синеватое свечение прошло над ним. Он вынырнул, сделал еще один вдох и снова погрузился в поток,

поднявшись над поверхностью лишь тогда, когда луч второго прожектора удалился на достаточное расстояние.

— Алида!

И снова — никакого ответа. Теперь единственное, что он мог видеть и слышать — это бурная вода, грохот которой заглушал даже рев вертолетных пропеллеров. Гидеон понял, что это хуже — намного хуже — всего того, что им уже довелось пережить.

И, что самое страшное — нигде не было видно Алиды.

Стоун Фордис пристально вглядывался вниз через открытую дверь вертолета, манипулируя мощным лучом прожектора под названием «ночное солнце». Пока луч безрезультатно блуждал по бурлящей поверхности реки, он почему-то ощущал неожиданный катарсис — странную смесь облечения и печали. Казалось, не было не единого шанса, что человек мог пережить заплыв по этим ужасающим речным порогам. Все было кончено.

— Что находится за этими порогами? — спросил Фордис через гарнитуру у пилота.

— Очередные пороги.

— А затем?

— В конечном итоге река впадает в озеро Кочити, — ответил пилот.

— Значит, впереди целых пять миль сплошных речных порогов?

— Примерно так. Вниз по течению есть один по-настоящему жуткий участок.

— Тогда следуйте вниз по течению до озера Кочити, но медленно. *Очень* медленно.

Пилот направился вдоль реки, а Фордис продолжил обследовать поверхность воды с помощью прожектора. Вскоре они достигли того самого «жуткого участка» — узкого бутылочного горлышка зажатого между отвесными скалами каньона высотой с многоквартирный дом. Вода налетала на эти стены яростными всплесками, пенилась и шипела, создавая массивные водовороты. Затем река выравнивалась и текла между песчаными отмелями и склонами осыпей. Без плавающей контрольной точки было трудно судить о скорости течения. Фордис задался вопросом, всплывут ли тела беглецов, или утонут... или, возможно, они разобьются о подводные скалы и превратятся в груды переломанных костей?

— Какова температура воды? — спросил он у пилота.

— Секунду, я уточню, — отозвался он и спустя всего пару мгновений, ответил: — Примерно пятьдесят-пять градусов^[49].

«Это убьет их, даже если они преодолеют водные пороги», — подумал Фордис.

И все же он продолжал поиск — скорее всего, из профессиональной тщательности, не более того. Река, наконец, расширилась, и течение ее заметно замедлилось. Агент увидел небольшое скопление огней ниже по течению.

— Что это? — спросил он.

Пилот летел медленно, следуя изгибам реки.

— Город Кочити-Лейк.

Далее показалось и само озеро. Оно было длинным и узким, и очевидно, образовалось в результате постройки на реке плотины.

— Я не думаю, что нам есть, что здесь искать, — качнул головой Фордис. — Остальные могут продолжить поиск тел. Доставьте меня обратно в Лос-Аламос.

— Да, сэр.

Вертолет снова поднялся и тут же, набрав высоту, ускорился, направляясь на север. Фордис нутром чуял, что Гидеон и та женщина были мертвы. Никто бы не смог выжить на этих порогах. Он задавался вопросом, стоит ли вообще допрашивать Чу и других сотрудников службы безопасности. Идея о том, что кто-то намеренно подбросил те письма в ящик Кру, была смехотворной и почти невозможной. Это мог сделать только кто-то изнутри,

и при этом должен был быть задействован хотя бы один главный офицер службы внутренней безопасности... но с какой целью? Зачем вообще подставлять Гидеона?

И все же агент чувствовал странное беспокойство. Оставить кучу инкриминирующих писем в своем же собственном почтовом ящике было не самым разумным поступком для террориста. По своей сути это было *очень* глупо. А Кру был кем угодно, но только не глупцом.

Гидеон Кру ползком выбрался на песчаную отмель, дрожа от холода, пережитого страха, саднящих ушибов и боли после бешеной скачки по речным порогам и отчаянной борьбы с течением за возможность выбраться на берег.

Лихорадочно кашляя и стараясь отдышаться, он сел и обхватил руками колени, отчаянно пытаясь унять дрожь. Где-то посреди речных перекатов он потерял и свой бутафорский револьвер, и пистолет, отнятый у сотрудника NEST. Выше по течению он слышал слабый рев речных порогов. Он отметил их четкую границу в месте, где каньон расширялся. И как только ему удалось миновать это место живым?

Теперь Гидеон сидел на низкой песчаной отмели, изогнутой и протянувшейся на сотни ярдов вдоль внутреннего изгиба реки. Прямо перед ним бег воды был неспешным и спокойным, а свет луны медленно играл на ее поверхности.

Выше и ниже по течению он видел кружащиеся в небе вертолеты, безуспешно продолжавшие поиски беглецов в реке и на прилегающей к ней территории. Гидеон знал, что ему стоило как можно скорее уйти с открытой местности и спрятаться.

С большим трудом он сумел подняться на ноги. Где Алида? Выжила ли она? Пережитое ими злоключение было слишком ужасным — ничего подобного в его планы не входило. Он втянул в свои проблемы невинную женщину, как было и с Орхидеей в Нью-Йорке. И вот теперь по его вине Алида, возможно, была мертва.

— Алида! — в отчаянии закричал он.

Взгляд его беспомощно бродил по песку, освещенному лунным светом. И вдруг он увидел неподвижный темный контур тела, наполовину лежащего в воде. Одна его рука была неестественно изогнута над головой.

— О, нет! — воскликнул Гидеон и, спотыкаясь, побежал к нему. Но когда он приблизился, то понял, что померещившийся ему силуэт был лишь игрой тени на изогнутой коряге. Он опустился на колени, хватая ртом воздух и чувствуя невообразимое облегчение.

Ближайший вертолет продолжал поиски ниже по течению, но направлялся к нему, и Гидеон внезапно понял, что оставил на песке цепочку следов. С приглушенным ругательством он схватил ветку и вернулся по своим следам, попутно стирая их. Это придало ему сил и немного согрело. Яростно работая веткой, он добрался до чащи кедров и нырнул в нее, аккуратно в тот самый момент, когда вертолет пролетел над его головой с двигавшимся взад-вперед прожектором.

После того как воздушный патруль миновал этот участок реки и удалился, Гидеон еще некоторое время пролежал в своем укрытии, собираясь с мыслями. Он не мог покинуть это место, пока не найдет Алиду. Недалеко отсюда быстрое течение замедлялось, а ширина реки увеличивалась. Если бы Алида выжила, то именно там сумела бы выбраться на берег.

Еще один вертолет пролетел над его головой, всколыхнув заросли, в которых укрывался Гидеон, и беглец поспешил закрыть руками глаза от летящего в лицо песка.

Вскоре он снова выполз на открытую площадку и внимательно осмотрел всю видимую протяженность реки, но ничего примечательного так и не заметил. Другой берег представлял собой небольшой обрыв. Если Алида выбралась, то должна была быть на этой стороне реки. Гидеон стал пробираться сквозь густые заросли кустарника, пытаясь вести

себя как можно тише.

И вдруг он услышал позади себя треск, и чья-то тяжелая рука ухватила его за плечо. Вскрикнув, он резко обернулся.

— Тихо! — шикнула на него девушка.

— Алида! Боже, я думал, ты...

— Тсс! — она схватила его за руку и потянула глубже в заросли, когда к ним начал стремительно приближаться еще один вертолет. Они затаились и выждали, пока он удалится.

— Нам нужно убраться подальше от реки, — прошептала она, потянув его за собой и заставив подняться на ноги. Без объяснений девушка бросилась сквозь заросли в сторону пересохшего русла ручья. Гидеон был искренне удивлен тем, что Алида, похоже, пребывала в лучшем состоянии, чем он, ведь он едва успевал переводить дыхание, пока они огибали разбросанные валуны, которые по мере удаления от берега становились лишь массивнее.

— Туда, — сказала Алида, махнув рукой.

Гидеон посмотрел вверх. В тусклом лунном свете он разглядел зубчатые края старого базальтового потока, у его основания темнело отверстие пещеры.

Они изо всех сил рванули по склону. Алида тянула Гидеона за собой, видимо чувствуя, что он сильно измотан, и уже через несколько минут они оказались внутри. Выяснилось, что это была не полноценная пещера — скорее, неглубокий каменный грот, но он обеспечивал им укрытие сразу с нескольких сторон, и — что наиболее важно — сверху. И внутри был почти ровный пол из твердого песка.

Алида, расслабившись, вытянула ноги.

— Боже, как хорошо, — вздохнула она и замолчала, заговорив снова лишь через несколько минут. — Там было настоящее сумасшествие. Я видела ту корягу на берегу, и была готова поклясться, что это твой труп. И это... это испугало меня. По-настоящему.

Гидеон застонал.

— Я тоже ее видел, но подумал, что это ты.

Алида тихо рассмеялась, но быстро посерьезнела. В темноте она протянула руку, схватила его ладонь и немного сжала.

— Я хочу тебе кое-что сказать, Гидеон. Когда я увидела ту корягу, первое, что пришло мне в голову... это то, что я так и не успела тебе сказать. Так вот. *Я верю тебе*. Я знаю, что ты не террорист, и я хочу помочь тебе узнать, кто подставил тебя и почему.

Гидеон на миг потерял дар речи. Он попытался сказать что-то в ответ, но слова не шли к нему. После всего, что произошло, после того, как его подставили, как от него отвернулся его напарник, который потом стрелял в него и преследовал по горам, туннелям и реке, где Гидеон почти утонул, он ощутил удивительно сильную волну эмоций, услышав эти слова доверия.

— Что заставило тебя изменить мнение? — сумел выдавить он.

— Сейчас я знаю тебя, — качнула головой она. — Ты искренен. У тебя доброе сердце. Ты просто не можешь быть террористом.

Она снова сжала его руку, и он — измотанный постоянным недоверием и внутренним одиночеством — услышав слова сочувствия, понял, что что-то в нем надорвалось. Он вдруг начал задыхаться. Против воли, не в силах обуздать эмоции, Гидеон почувствовал, как его глаза наполняются слезами, и вот в следующую секунду они уже стекали по его щекам, а он всхлипывал и плакал, как ребенок.

Через некоторое время Гидеону удалось обуздать свои эмоции. Он вытер глаза влажным рукавом и поднял голову. Лицо его покраснелось от стыда.

— Ну-ну, это хорошо — мягко сказала Алида, — что мужчина способен плакать, — она улыбнулась ему в темноте, и это была нежная улыбка, лишенная всякой иронии.

— Как неловко... — пробормотал Гидеон. Он не мог вспомнить, когда плакал в последний раз. Он не пролил ни слезинки даже на смертном одре своей матери. Возможно, в последний раз он плакал в тот злополучный день в 1988 году на зеленой траве недалеко от станции Арлингтон-Холл, когда понял, что его отец погиб, получив пулю снайпера.

— Не знаю, что на меня нашло, — оправдывался Гидеон. Он чувствовал себя униженным, потому что сломался на глазах у Алиды. Именно *на ее глазах* — из всех возможных людей. Но в то же время часть его чувствовала облегчение. Казалось, она понимала его смущение и не давила на него. Долгое время они лежали бок о бок, молча.

Наконец, Гидеон приподнялся на локте.

— Я тут подумал. Когда мы с Фордисом прибыли в Нью-Мексико, то опросили всего трех человек. Мы, должно быть, попали прямо в цель, но даже не заметили этого. Один из опрошенных нами людей оказался настолько напуган нашими расспросами, что попытался убить нас. Сначала он повредил наш самолет, но, когда это не сработало, он решил подставить меня.

— Что это были за люди?

— Имам местной мечети, лидер одного культа по имени Уиллис Локхарт, и... конечно же, твой отец.

Алида фыркнула.

— Мой отец не террорист.

— Мне это тоже кажется маловероятным, но в данной ситуации я не могу никого исключить. Прости, — он помедлил. — Почему он называет тебя Чудо-Дочерью, кстати?

— Моя мать умерла, рожая меня. С тех пор мы с отцом были не разлей вода. И он всегда смотрел на меня, как на некое чудо, — она снова улыбнулась, пусть даже и неосознанно. — Так что лучше расскажи мне о тех двоих.

— Локхарт возглавляет культ Судного дня в местечке под названием ранчо Пайют-Крик в южных горах Хемес. У жены Чолкера был с ним роман, и она присоединилась к культу. Вполне возможно, что и сам Чолкер был каким-то образом в это вовлечен. Так этот Локхарт и его последователи с нетерпением ждут апокалипсиса, и при этом не чураются использовать современные технологии: у них там невероятно сложные коммуникации и вычислительные средства — все работает на солнечной энергии.

— И?

— Ну... возможно — только возможно, — что они там пытаются немного *ускорить* апокалипсис. Ну, знаешь, немного подтолкнуть его, взорвав бомбу, например.

— Они мусульмане?

— Точно нет. Но мне пришло в голову, что культ, возможно, планирует взорвать бомбу, но сделать это так, чтобы во всем обвинили мусульман. Отличный способ начать Третью Мировую Войну. Это стратегия Чарльза Мэнсона.

— Стратегия Мэнсона?

— Мэнсон и его последователи пытались развязать расовую войну, устроив массовую бойню и попытавшись выставить все так, будто это сделали черные радикалы.

Алида медленно кивнула.

Повисло долгое молчание прежде, чем Гидеон заговорил снова:

— Знаешь, чем больше я думаю, тем больше склоняюсь к тому, что за всем этим стоит Локхарт и его культ. Имам и прихожане его мечети кажутся порядочными, разумными людьми. А вот от Локхарта исходят очень... плохие флюиды.

— И... каков твой план?

— Я собираюсь остановить Локхарта, — Гидеон глубоко вздохнул. — Это означает, что нужно снова пересечь горы, чтобы добраться до ранчо. Можем двигаться вдоль реки, пока...

— У меня есть план получше, — перебила Алида.

Гидеон замолчал. Она подняла палец.

— Сначала мы снимем эту мокрую одежду, разожжем огонь и высушим ее. Потому что мне холодно, и становится все холоднее.

— Справедливо.

— Затем мы поспим.

— И снова — в точку.

— А еще нам нужна помощь. И я знаю только одного человека, кто ее нам окажет: мой отец.

— Ты забываешь, что он один из наших подозреваемых.

— Выбрось это из головы, Бога ради. Он может спрятать нас на своем ранчо за чертой города. Оно станет для нас опорной базой. Мы будем скрываться там, пока не выясним, кто и за что тебя подставил.

— А твой отец станет помогать подозреваемому в ядерном терроризме?

— Мой отец станет помогать *мне*. И, поверь мне, если я скажу ему, что ты невиновен, он мне поверит. А еще он хороший человек с обостренным чувством справедливости. Если он сочтет, что ты невиновен, то... то он перевернет небо и землю, чтобы только помочь тебе.

Гидеон слишком устал, чтобы продолжать этот спор. Он решил уступить.

Работая вместе, они разожгли небольшой костер в дальней части своего убежища, стараясь, чтобы дым не выдал их местоположение преследователям. Тонкая струйка дыма медленно протянулась к потолку и растеклась по крыше, выходя через узкую щель. Алида помогла пламени разгореться как следует, а затем собрала несколько веток, чтобы организовать сушилку для одежды.

Она протянула руку.

— Давай сюда свою рубашку и штаны.

Гидеон немного замялся, но затем неохотно разделся. Алида же сняла с себя рубашку, бюстгальтер, брюки и трусики, развесив все на сушилке. Гидеон даже не потрудился отвести от нее взгляд. На самом деле, он испытывал эстетическое наслаждение, наблюдая, как блики огня играют на ее коже, пока она двигалась. Ее длинные светлые волосы красиво разметались по голой спине и покачивались в такт движениям ее тела.

Она повернулась к нему, и он с явной неохотой отвел от нее взгляд.

— Не беспокойся об этом, — сказала она с усмешкой, — я не стесняюсь. На нашем ранчо я не раз бегала с мальчишками купаться голышом.

— Ясно, — он вернул взгляд, и краем глаза заметил, что она тоже смотрит на него оценивающе.

Она быстро поправила мокрую одежду, подбросила еще несколько веток в огонь и села.

— Расскажи мне все, — сказала она. — О себе, я имею в виду.

Медленно и сбивчиво Гидеон начал рассказывать. Обычно он никому не говорил ничего о своем прошлом. Но — была тому виной усталость или стресс... или просто присутствие рядом интересного и сочувствующего человека — он начал рассказывать ей о своей жизни. О том, как стал вором предметов искусства, как просто ему было совершать кражи в исторических сообществах и музеях, как он в большинстве случаев мог проделывать это безнаказанно, потому что чаще всего об ограблениях так и не становилось известно.

— Многие из подобных мест не заботятся о предметах искусства, — сказал он. — Они не выставляют их, хранят вдали от посторонних глаз. У них, конечно, есть списки имеющихся экспонатов, но зачастую они никогда не проводят по ним перекрестных проверок, поэтому могут пройти годы, прежде чем они обнаружат, что их ограбили. Если вообще обнаружат. Это идеальное преступление, если не замахиваться на слишком известные предметы искусства. Существуют тысячи мест, которые так и напрашиваются быть ограбленными.

Алида накрутила на палец прядь влажных волос.

— Ничего себе. И ты все еще этим занимаешься?

— Я завязал с этим несколько лет назад.

— Ты никогда не чувствовал вину?

Гидеон не мог изгнать из разума мысль, что разговаривает с обнаженной женщиной. Он старался смотреть на это отстраненно, как мужчины с картины «Le déjeuner sur l'herbe»^[50], которые, созерцая обнаженную женщину, держались совершенно непринужденно. Во всяком случае, одежда на сушилке уже совсем скоро должна была высохнуть...

— Иногда. Особенно однажды. Я был самонадеян и отправился на коктейльную вечеринку, которую историческое сообщество, ограбленное мной, организовало для сбора средств. Я подумал, это будет забавно. Мне встретился куратор, отвечавший за это мероприятие, и он был потрясен и расстроен. Он не только заметил, что небольшая акварель исчезла — оказывается, это был его любимый экспонат. Это все, о чем он мог говорить и думать, настолько тяжело он переживал эту потерю. Для него это действительно была личная утрата.

— И ты вернул картину назад?

— К тому моменту я ее уже продал. Но я серьезно задумался о том, чтобы украсть ее снова для него.

Алида рассмеялась.

— Ты ужасен! — она взяла его за руку и слегка погладила. — А как ты потерял кончик пальца?

— Это история, которую я никому не рассказываю.

— Ну же. Мне ты можешь рассказать.

— Нет. Правда. Эту тайну я унесу с собой в могилу.

Сказав это, Гидеон вдруг вспомнил, что могила для него может быть намного ближе, чем для большинства людей. Это был факт, о котором он вспоминал каждый день, почти каждый час, но сейчас мысль о нем — здесь, в этой пещере, рядом с обнаженной женщиной — буквально вышибла их него дух.

— Что с тобой? — Алида сразу же почувствовала в нем перемену.

Он уже знал, что расскажет ей, поэтому не колебался.

— Есть большая вероятность, что надолго я в этом мире не задержусь, — он попытался улыбнуться, но улыбка вышла вымученной и натянутой.

Девушка уставилась на него, нахмурившись.

— Что ты хочешь этим сказать?

— У меня, якобы, нашли что-то под названием артериовенозная мальформация Галена.

— Что?

Гидеон уставился в огонь.

— Это переплетение артерий и вен в мозге, большой узел кровеносных сосудов, в котором артерии соединяются непосредственно с венами, не проходя через сеть капилляров. В результате высокое артериальное давление расширяет вену Галена, раздувая ее, словно воздушный шар. В какой-то момент она взрывается — и человек умирает.

— Нет...

— Это врожденный дефект, но после двадцати лет он может начать расти.

— И что с этим можно сделать?

— Ничего. Лекарства нет. У этой болезни нет симптомов и нет лечения. И это убьет меня примерно через год. Плюс-минус. Я умру внезапно, без предупреждения. Бум — и sayonara^[51].

Он замолчал, продолжая смотреть на огонь.

— Это одна из твоих шуток, верно? Скажи, что шутишь.

Гидеон молчал.

— Боже мой! — прошептала Алида. — И действительно ничего нельзя сделать?

Через минуту Гидеон ответил.

— Дело в том, что об этом всем мне рассказал человек в Нью-Йорке. Тот, кто нанял меня на эту работу. Он... мастер манипуляции. Есть шанс, что он сфабриковал все это. Чтобы удостовериться в его словах, я сделал МРТ в Санта-Фе несколько дней назад, но, разумеется, возможности узнать результаты у меня не было.

— Значит, над твоей головой висит потенциальный смертный приговор?

— Примерно так.

— Как ужасно...

Вместо ответа Гидеон подбросил в огонь ветку.

— И ты все время держал это в себе и ни с кем не делился?

— Я рассказал об этом паре человек. Но не вдавался в подробности.

Она все еще держала его за руку.

— Не могу представить, каково это. Каково чувствовать, что твои дни сочтены? Притом, что остается надежда, что это всего лишь жестокая шутка. Боже, — она потянулась другой рукой и нежно погладила его по запястью, — как это ужасно, должно быть.

— Да, — он посмотрел на нее. — Но, знаешь, что? Конкретно в этот момент я чувствую себя довольно хорошо. На самом деле, даже лучше чем просто хорошо.

В ответ Алида посмотрела на него. Не говоря больше ни слова, она взяла его руку и положила ее на свою обнаженную грудь.

Он провел ею по коже девушки, чувствуя ее тепло, и то, как ее сосок под его пальцами напрягся. В свою очередь она коснулась его груди и слегка толкнув, заставила его опуститься на песок. Она встала на колени рядом с ним и начала ласкать его грудь, его

плоский живот. Затем Алида сместилась, оседлав его, и прильнула к нему всем телом, чтобы поцеловать. При этом ее грудь мягко касалась его груди. А затем она направила его, чтобы он вошел в нее, принявшись двигаться на нем — медленно и нежно, но с нарастающей страстью.

— Боже, — выдохнул он. — Что... мы творим?

— Оказалось, что у нас гораздо меньше времени, чем я рассчитывала, — хрипло ответила она.

Гидеон внезапно проснулся. Солнце ярко освещало грот. Алида исчезла, но его явно что-то разбудило.

И затем снаружи он услышал голоса.

Гидеон сел, мгновенно проснувшись. Он слышал бормотание мужского голоса и шорох шагов, направляющихся по каменистому склону к гроту. Неужели Алида предала его снова — после всего, через что им пришлось вместе пройти? Это было невозможно... или все же возможно? Быстро натянув штаны, он схватил тяжелую сухую палку, лежащую рядом с потухшим костром, и тихо поднялся, настороженный и готовый к бою.

Шорох шагов все приближался, и у входа в пещеру появился силуэт: фигура мужчины. В ярких лучах утреннего солнца Гидеон почти ничего не видел. Он приготовился ринуться вперед и нанести удар.

— Гидеон? — раздался голос мужчины — голос, который он сразу же узнал. — Успокойся, это всего лишь мы, Алида и Саймон Блейн.

— Гидеон? — это был уже голос Алиды. — Все нормально.

подавив панику, он опустил палку.

Блейн осторожно вошел.

— Я здесь, чтобы помочь, — заговорил писатель со своим ливерпульским акцентом. — С тобой все в порядке?

Алида вслед за отцом тоже вошла внутрь.

Гидеон отбросил палку и сел, откинувшись на стену пещеры.

— Который сейчас час?

— Около полудня.

— Как вы сюда попали? — спросил он.

За него ответила Алида.

— Я дошла до Кочити-Лейк и попросила какого-то парня, живущего в трейлере, воспользоваться его телефоном. И позвонила отцу.

Блейн стоял перед ним, улыбающийся и напоминающий лепреккона, его седая борода была аккуратно подстрижена, а его голубые глаза смотрели пронзительно и оценивающе. Писатель был одет в потертые джинсы, рабочую рубашку и нелепо выглядящий кожаный ковбойский жилет. Алида стояла рядом с ним.

Гидеон потер лицо ладонями. Он так долго спал, что было трудно собраться с мыслями. Яркие воспоминания прошлой ночи нахлынули на него.

— Папа нам поможет, — сказала девушка. — Как я и обещала.

— Помогу, — добавил Блейн. — Моя дочь говорит, что тебя подставили и что ты не террорист, а ее слова для меня более чем достаточно.

— Спасибо, — сказал Гидеон, чувствуя огромное облегчение. — Извините, я сорвал съемки вашего фильма.

— Все покроет страховка. Кроме того, нам все же удалось заснять несколько отличных кадров. Теперь, слушайте план. Мой «Джип» припаркован на грунтовой дороге примерно в четырех милях отсюда. Каньон и река кишат агентами ФБР, полицией, и Бог знает, кем еще. Но это пересеченная, обширная местность, и если мы будем придерживаться небольших

боковых каньонов, то сможем избежать нежелательных встреч. В основном власти сконцентрировались на берегу озера, ищут ваши тела.

Гидеон внимательно посмотрел на Блейна. На его лице было написано беспокойство и тревога.

— Я собираюсь отвезти вас обоих на ранчо. Там поблизости никого нет. Все в один голос твердят, что вы террорист, Гидеон. И еще они считают, что моя дочь с вами заодно. Повсюду царит безумная атмосфера ужаса и страха — вся страна охвачена этим, и я не уверен, что вы выживете, если вас схватят. Вы даже не представляете, какая там творится паника, *иррациональная* паника, и с каждой минутой она становится все безумнее. Поэтому нам нужно действовать быстро. Мы сами должны выяснить, кто подставил вас и почему. Это единственный способ спасти вас и мою дочь.

— Я почти уверен, что это все происки того культа с ранчо Пайют-Крик.

— Может быть. Алида сказала, что вы и меня подозреваете.

Блейн посмотрел на него с таким странным выражением, что Гидеон покраснел.

— Это маловероятно. Но кто-то, с кем мы с Фордисом говорили, настолько запаниковал, что попытался нас убить... и, в конце концов, подставил меня.

Блейн кивнул.

— Вам придется довериться мне. Так же как и мне придется довериться вам. Это имеет решающее значение для нас обоих.

Гидеон смотрел на мужчину и не знал, что на это сказать.

Блейн внезапно улыбнулся и положил руку ему на плечо.

— В глубине души вы настоящий скептик. Пусть так. Тогда позвольте моим поступкам говорить самим за себя. Сейчас нам пора идти.

Машина оказалась большим «Джипом Анлимитед», и беглецы затаились на его заднем сидении под одеялами. Всю дорогу до ранчо, пробираясь по предгорьям, Блейн придерживался отдаленных лесных троп и заброшенных грунтовых путей. Объездной маршрут занял несколько часов, и они добрались до ранчо только в середине дня. Блейн заехал в амбар, и Гидеон с Алидой смогли, наконец, вылезти из своего укрытия и покинуть автомобиль. Они стояли в полумраке, благоухающем сеном, и разговаривали.

— Мне нужно позвонить, — сказал Гидеон. — Я должен позвонить своим нанимателям.

— Нанимателям? — спросил Блейн.

Гидеон не ответил. Он молча вышел из амбара вслед за Блейном и его дочерью, после чего они миновали уединенную студию писателя и добрались до главного дома ранчо: простоватого двухэтажного здания, явно построенного в девятнадцатом веке, с просторным передним крыльцом и рядом мансардных окон.

Блейн указал Гидеону на стол в передней части дома, на котором было всего два предмета: телефон и фотография в рамке самого Блейна, подписанная «*С любовью, моей Чудо-Дочери*». Гидеон поднял трубку и набрал номер Эли Глинна, по которому ему было запрещено звонить, за исключением ряда чрезвычайных ситуаций.

Ответил Мануэль Гарза. Гидеон прочистил горло, пытаясь обрести голос.

— Это Кру. Мне нужно поговорить с Глинном.

— Этот номер предназначен только для чрезвычайных случаев.

Гидеон на пару мгновений потерял дар речи, и только после этого ему удалось заговорить довольно спокойным тоном:

— Вы хотите сказать, что сложившаяся ситуация не чрезвычайна?

— Вы влипли в неприятности по собственной глупости. Поэтому я не уверен, что данную ситуацию можно считать чрезвычайной.

На мгновение Гидеон снова замолчал.

— Просто дайте мне с ним переговорить, пожалуйста.

— Минуту.

Гидеон остался на линии. Прошла долгая минута, прежде чем Гарза вернулся.

— Сожалею. Я сообщил о вас мистеру Глинну, но он очень занят и не может ответить вам прямо сейчас.

Гидеон вздохнул.

— Вы на самом деле с ним поговорили?

— Да. И он выразился вполне конкретно. Сказал, что теперь вы сами по себе.

— Я сыт по горло этим дерьмом! Вы, парни, наняли меня на эту работу, а теперь заставляете меня разгребать все это в одиночку? Вы же знаете, черт побери, что я никакой не террорист!

— Он ничего не может сделать.

Гидеон услышал в голосе мужчины плохо скрытое удовлетворение.

— Передайте ему от меня вот что. С меня хватит. Я все бросаю и ухожу. И как только я выберусь из этого бардака, то отправлюсь искать его. Вы же видели, какой красивый шрам у него на щеке? Я собираюсь изобразить нечто подобное и на другой его щеке. И это только для начала. Передайте ему это.

— Я передам.

Гидеон повесил трубку. Черт побери, Гарза явно наслаждался всем этим.

— Что случилось?

Гидеон обнаружил, что Алида с беспокойством смотрит на него. Он сглотнул, пытаясь уклониться от ответа.

— Ничего особенного, — он повернулся к Блейну. — Если позволите, я хотел бы одолжить у вас «Джип». На ранчо Пайют-Крик есть парень, с которым мне нужно переговорить.

Блейн развел руками.

— Милости прошу. Только не позволяйте властям поймать вас. Может, я могу вам еще чем-нибудь помочь?

Гидеон помолчал.

— У вас есть оружие?

Широкая улыбка озарила лицо писателя.

— У меня довольно неплохая коллекция. Хотите взглянуть?

Солнце зашло, полумесяц погас, и вот-вот должна была наступить очень темная полночь. Управляя «Джипом» Блейна, Гидеон свернул с подъездной лесной дороги, ведущей к Пайют-Крик, в чащу дубов Гамбела. Слыша, как ветки царапают краску, Гидеон осторожно углублялся в заросли кустов до тех пор, пока автомобиль не стал невидим с дороги.

Ученый выбрался из машины. Он позаимствовал одежду Блейна — она оказалась ему велика и коротка, но в остальном была весьма практичной. К слову сказать, с целью маскировки он целиком оделся во все черное, и покрыл свое лицо темным гримом. В качестве оружия он выбрал револьвер «Кольт Питон» калибра .357 «Магнум» с четырехдюймовым стволом — по его мнению, этот пистолет смотрелся в его руке весьма устрашающе. Еще в кармане была припрятана старомодная бритва. Он не собирался никого убивать — по крайней мере, не планировал... но случиться могло все, что угодно.

Для начала ему надо было кое-что сделать. Из багажника «Джипа» он достал лопату и кирку, а затем выбрал мягкий суглинистый участок лесной почвы в качестве места, где будет удобно копать. Он рыхлил землю с помощью кирки, и потом лопатой отбрасывал рыхлую почву, оставляя края ямы четкими и ровными, словно срезанными лезвием. Грунт оказался мягким, и менее чем через час он закончил рыть мелкую могилу, объемный прямоугольник, длиной около семи футов, шириной в два фута и глубиной в три фута.

Он положил лопату обратно в багажник, ополоснул руки водой из фляги, затем взял с сиденья дубинку, несколько кабельных стяжек, еще пару вещей и распихал все это по карманам. Оставив могилу позади, он зашагал сквозь темный сосновый лес. Ранчо Пайют-Крик лежало на высоте около восьми тысяч футов и, несмотря на то, что стояло лето, ночью воздух оказался прохладным, местами даже холодным. Гидеон часто останавливался, чтобы прислушаться к звукам ночного леса: далекое тьяканье стаи койотов, низкое уханье большой рогатой совы.

Через полмили он подошел к проволочной ограде, окружавшей территорию ранчо. Сквозь деревья он видел желтое свечение окон. Остановившись у забора, он внимательно прислушался, но со стороны ранчо не доносилось ни звука. Все было так, как он и надеялся: очевидно, местные жители соблюдали сельский режим дня — ложились спать на закате и вставали до рассвета.

Тщательный осмотр показал, что забор не был оснащен ни сигнализацией, ни датчиками движения. Достав пару плоскогубцев, Гидеон начал перекусывать звенья проволоки, создавая большую дыру в виде лоскута, которую смог отдернуть, словно штору, и сделать проход. Он пролез в образовавшееся отверстие и в темноте стал осторожно пробираться к задней двери главного дома ранчо. Вокруг стояла тишина. В окнах первого этажа светилось несколько тусклых желтых огней. Из-за того, что все оборудование работало на солнечной энергии и батареях, нигде не было видно ни ярких прожекторов, ни освещения периметра.

Он был убежден, что где-то поблизости бродит ночной патруль: эти люди были параноиками и наверняка выставили охрану. С огромной осторожностью передвигаясь во мраке ночи, он добрался до здания и заглянул в окно. Там, в кресле-качалке, неподвижно сидел ковбой со стриженной квадратной бородой и читал книгу. Рядом с ним лежала

винтовка М16.

Гидеон знал, что Уиллис жил в комнатах на верхнем этаже. Конечно же, ведь они имели самое удобное расположение в доме. Одна комната была его кабинетом, и Гидеон вспомнил, что видел сквозь открытую дверь роскошную спальню с бархатными стенами, как в борделе, и кроватью с балдахином. Без сомнения, это была спальня Уиллиса.

Поэтому ему придется как-то отвлечь этого сидящего внизу парня.

Еще некоторое время Гидеон просто изучал этого мужчину. Тот не выглядел сонным, он не пил, и — что больше всего раздражало — он читал «Улисс» Джеймса Джойса. Этот человек не был типичным тупым ковбоем. Его внешний вид являлся всего лишь маскировкой. Парень явно умен и сообразителен, и его будет не так то легко обмануть.

Гидеон ожидал столкнуться с той или иной проблемой, и сейчас понял, что это она и есть. Во что бы то ни стало, он не должен допустить, чтобы мужчина поднял тревогу. Он не мог просто войти и оглушить его ударом по голове. Это спровоцировало бы слишком много шума и могло закончиться потасовкой или дракой. К тому же, у читающего «Улисса» была штурмовая винтовка. Несмотря на сложные обстоятельства, у Гидеона начал формироваться план. Задумка казалась весьма рискованной, но ему в голову не приходило ничего лучше.

Гидеон вытащил из кармана листок бумаги. Сделав глубокий вздох, он постучал в окно. Мужчина поднял глаза, увидел черное лицо Гидеона и, вскочив с кресла, схватил винтовку.

Гидеон тут же приложил палец к губам и жестом показал, чтобы мужчина вышел на улицу. Но вместо этого парень направился к лестнице. Гидеон снова постучал в окно, на этот раз громче, и покачал головой, снова поднес палец к губам. Затем он приложил к стеклу записку, которую написал заранее.

«НЕ БУДИ УИЛЛИСА!!

НАДО ПОГОВОРИТЬ

ЭТО ВАЖНО!»

Было видно, что мужчина колеблется. Сквозь грим он не мог опознать Гидеона, и полночный гость надеялся, что ковбой принял его за завсегдагую ранчо. Кто еще будет стучать в окно?

Гидеон снова начал жестикулировать, всеми возможными знаками и движениями, призывая ковбоя выйти на улицу.

Взвалив ружье на плечо, мужчина направился к двери.

Как только Гидеон отошел от дома к границе деревьев, из-за угла, осматриваясь, вышел мужчина. Гидеон включил фонарь, и парень направился к нему.

— Кто ты? — окликнул он издали гостя.

— Шшш, ты разбудишь Уиллиса, — вместо ответа прошептал Гидеон. — У нас большие проблемы. Произошло нечто важное — *действительно* важное.

Мужчина нахмурился.

— Ты о чем? — спросил он, не отпуская винтовку. — Кто ты и почему, черт возьми, раскрасил лицо?

Гидеон отступил на пару шагов, выключил фонарь, а затем быстро и тихо шмыгнул в сторону. Мужчина остановился у кромки деревьев.

— Лейн, это ты?

Ковбой продолжал осматриваться, направляя ружье на то место, где еще совсем недавно стоял Гидеон.

— Что тебе надо? Иди сюда.

Гидеон быстро подбежал и нанес резкий удар дубинкой по виску мужчины. Со стоном тот тяжело осел на землю. К счастью, винтовка не выстрелила.

Подхватив мужчину под руки, Гидеон оттащил его глубже в лес, где привязал своего пленника к дереву, завязал ему глаза и вставил ему в рот кляп, а затем — немного поколебавшись — для верности, ударил его еще раз.

Подняв винтовку, Гидеон вернулся к дому, зашел внутрь и осторожно поставил оружие рядом с диваном. Он быстро написал вторую записку, на случай, если кто-то придет, и оставил ее на кресле-качалке:

«СКОРО ВЕРНУСЬ
НЕ БУДИТЕ УИЛЛИСА!»

Конечно, надолго это никого не обманет, но, по крайней мере, выгадает ему некоторое время. Гидеона всегда удивляло, как большинство людей безропотно следуют так называемой реакции слепого подчинения, даже если указания выглядят нелогичными или глупыми. Для достижения того или иного желаемого эффекта он много раз полагался на эту реакцию.

Гидеон поднялся по лестнице. Теперь он столкнулся со второй проблемой: что делать, если в комнате Уиллиса будет та женщина? Маловероятно, что командир Уилл — как его тут иногда называли — до сих пор был не женат или не имел любовницы.

Гидеон тихонько прокрался по темному, пустому кабинету Уиллиса. Дверь в спальню была заперта. Гидеон встал на колени, достал свои инструменты и, с бесконечной осторожностью и мучительной медлительностью, открыл дверь.

Комната была погружена в ночной полумрак, и Гидеон смог рассмотреть — к своему огромному облегчению — что Уиллис спал один.

Взломщик бесшумно подошел к кровати, и тихо положил на ее край рулон скотча. Потом он склонился над Уиллисом, который спал на спине, а затем одним плавным движением крепко надавил коленом на его грудь, прижимая его к кровати, одновременно приставляя лезвие острой бритвы к шее мужчины.

— Если только дернешься или издашь хоть звук, я перережу тебе горло, — хрипло прошептал он ему на ухо.

Гидеон предварительно притупил лезвие, но Уиллис этого не знал. Как только бритва слегка впилась в его шею, борьба закончилась. Уиллис остался лежать неподвижно, а белки его глаз беспокойно сверкнули в темноте. Его глаза стали еще шире, когда он узнал Гидеона сквозь весь этот черный грим.

Все еще держа бритву у горла, Гидеон сказал:

— Открой рот. Шире.

Мужчина подчинился. Гидеон засунул в него дуло «Кольта Питона», и только после этого убрал лезвие.

— Сделаешь все, что я скажу. Понял? Моргни, если да.

Через секунду Уиллис моргнул.

— Вставай: медленно и спокойно. И не пытайся избавиться от ствола.

Гидеон отошел от Уиллиса, и тот встал, как и было сказано.

— Руки за спину.

Как только Уиллис выполнил и это требование, Гидеон связал его запястья кабельными стяжками. Он вынул ствол изо рта мужчины, взял рулон скотча и заклеил пленнику рот.

— Теперь мы с тобой немного прогуляемся. Я собираюсь держать ствол этого

пистолета прижатым к твоему затылку, и если что-нибудь выкинешь, то я сразу же спущу курок. Мы выйдем из этой двери, спустимся по лестнице и покинем ранчо. Повторяю: если кто-нибудь нас побеспокоит, я прострелю тебе голову. Поэтому это твоя проблема, чтобы нас никто не побеспокоил. Кивни, если ты согласен.

Последовал кивок.

— Здесь наверху кто-нибудь еще спит?

Кивок.

— Покажи где.

Со скованными руками Уиллис указал на соседнюю комнату, где Гидеон раньше видел женщину, которая возлежала на кровати.

— Хорошо. Если она проснется, ты умрешь. Теперь спускайся по лестнице и следуй к боковому выходу.

Уиллис вел себя совершенно послушно. Он в точности делал все, что было сказано. Через минуту они уже оказались под покровом темноты деревьев. Гидеон включил светодиодный фонарь, направил Уиллиса к отверстию в заборе и провел полмили по лесу до того места, где была вырыта могила.

Когда они туда добрались, и в свете лампы Уиллис разглядел могилу, он тут же пошатнулся от страха. Гидеону пришлось поддержать мужчину, после чего тот издал приглушенный стон сквозь ленту.

Гидеон потянулся и сорвал ее со рта мужчины. Уиллис ахнул и снова пошатнулся. Парня буквально трясло от испуга.

— Давай, ложись в могилу.

— Нет. О, Боже мой. Нет...

— Я сказал, *в могилу*.

— Почему? Зачем в могилу?

— Потому что я собираюсь убить тебя и похоронить. Располагайся.

Уиллис упал на колени, рыдая, слезы заструились по его лицу.

— Нет, пожалуйста. Не делайте этого. Не делайте этого, не надо, не...

Его голос сорвался. Он расклеивался буквально на глазах.

Гидеон толкнул его, и Уиллис упал, скатившись в яму, но тут же вскочил в ужасе. Прицелившись, Гидеон подошел к нему на шаг.

— Открой рот.

— Нет. Пожалуйста, *пожалуйста*, пожалуйста, пожалуйста, *нет, нет, нет...*

— Тогда я просто застрелю тебя и зарою тело.

— Но почему, *за что?* Я сделаю все, *все*, что угодно, просто скажите мне, что вы хотите!

Голос пленника растворился в захлебывающемся рыдании, его тело содрогалось от всхлипов, и у его промежности стало расплзаться темное пятно. В довершении ко всему его пару раз вырвало, из-за чего он задохнулся и подавился.

— Я сделаю все, что угодно... — удалось проскрипеть ему. Из рта его от рыданий свисали отвратительные ниточки слюны.

Время пришло.

— Расскажи мне о ядерной бомбе, — сказал Гидеон, после чего настала тишина, сопровождаемая непонимающим пустым взглядом.

— Ядерная бомба, — повторил Гидеон. — Расскажи, что ты собираешься делать с

ядерной бомбой. Бомбой, которую ты планируешь взорвать в округе Колумбия, в Вашингтоне, если говорить точнее. Расскажи мне о ней, и я отпущу тебя.

— Бомба? — Уиллис смотрел на Гидеона совершенно непонимающим взглядом. — Что за ядерная бомба?

— Не строй из себя идиота. Расскажи мне о ней, и будешь свободен. В противном случае... — и Гидеон указал пистолетом на могилу.

— Что? О чем вы говорите? Пожалуйста, *я не понимаю...* — широко раскрыв глаза, Уиллис уставился на пистолет, и его последующие мольбы превратились в бессвязный лепет.

Гидеон смотрел на мужчину, и на него снизошло ужасное осознание: этот человек ничего не знал. Он мог быть лидером культа, эгоцентричным и параноидальным дерьмом с раздутой манией величия, но он явно был невиновен в ядерном терроризме. Гидеон совершил ужасную ошибку.

— Прости, — Гидеон нагнулся, схватил Уиллиса и поднял его из ямы. — Прости. Боже мой, мне очень жаль.

Он разрезал стяжки и убрал пистолет.

— Иди.

Уиллис непонимающе смотрел на него, не в состоянии осознать сказанное.

— Ты меня слышал? Убирайся отсюда — ты свободен! *Иди!*

Тем не менее, мужчина так и не побежал. Он продолжал смотреть на Гидеона глупым, ошеломленным взглядом, явно парализованный страхом. Снедаемый отвращением к самому себе, Гидеон отвернулся, пересек кусты, сел в «Джип», завел его и тронулся. Машину занесло на грязи, но он резко крутанул руль, выровняв ее, и поддал газа. На данный момент его единственным желанием было убраться от этого места настолько быстро, насколько это возможно.

Когда Стоун Фордис вернулся в Лос-Аламос после инспекции поисковых бригад, прочесывавших озеро и берега реки, уже наступила полночь. И эта полночь ознаменовала начало следующего дня — последнего перед Днем-Икс.

Фордис смертельно устал, но мысль о грядущей ядерной атаке не позволила бы ему сейчас сомкнуть глаз. Когда он добрался до Технической зоны, оттуда его перенаправили в новый командный центр, который был развернут на заброшенном складе, расположенном за пределами периметра безопасности. Его поразило, что за время его отсутствия здесь так быстро все организовали.

Когда он продемонстрировал свой допуск у входа, охранник сказал:

— Стоун Фордис? Вас хочет видеть шеф. Пройдите в дальнюю часть центра.

— Шеф? Кто такой?

— Миллард. Этот парень недавно приехал.

«*Вас хочет видеть шеф*». Фордису это не понравилось.

Он оставил охранника позади, прошел мимо уймы дешевых столов, на каждом из которых стояло по компьютеру и телефону, и направился к кабинету, спешно возведенному у задней стены здания и занимавшему одну из нескольких зон склада с окном. Дверь была открыта, позволяя увидеть стоявшего за письменным столом невысокого худощавого мужчину в костюме, обращенного ко входу спиной и разговаривавшего по телефону.

Фордис вежливо постучал по открытой двери, сообщая о своем приходе. Все его профессиональные инстинкты говорили ему, что от этой встречи ничего хорошего ждать не следует.

Мужчина обернулся, поднял указательный палец вверх, жестом давая понять, чтобы посетитель подождал, и продолжил разговор. Фордис остался стоять. Он не знал Милларда, даже не слышал раньше имени этого человека, но в подобном расследовании это было не удивительно: сейчас любой и каждый стремился урвать свой кусок территории. К тому же кто-то должен был взять на себя ответственность на местном уровне — с многочисленными людьми, на которых было возложено командование, вся ситуация в целом становилась только более хаотичной, и невозможно было проследить четкого разграничения полномочий.

Ожидая, пока Миллард закончит разговор, Фордис рассматривал его. Мужчина оказался привлекательным белым англосаксом: высокие скулы, красивые зеленые глаза, возраст немного за пятьдесят, выдающаяся копна волос с седыми висками, атлетическое сложение и худоба. У него было спокойное лицо и мягкий вкрадчивый голос. Фордис надеялся, что это распространится и на его личность, хотя сильно в этом сомневался.

Миллард разговаривал по телефону еще несколько минут, затем, наконец, повесил трубку и улыбнулся Фордису.

— Чем я могу вам помочь?

— Агент Фордис. Мне сказали, что вы хотели меня видеть.

— О да. Я — Миллард. Пожалуйста, присаживайтесь.

Они пожали друг другу руки. Фордис сел на единственный находящийся в кабинете стул.

— Это уникальное расследование, — сказал Миллард, расположившись на своем месте, и его голос прозвучал приятно, даже мелодично. — Сейчас оно объединяет около двадцати двух правоохранительных и разведывательных агентств, в свою очередь связанных с множеством вспомогательных структурных подразделений и сторонних организаций. С каждым часом ситуация становится все более запутанной.

Фордис неуверенно кивнул.

— Я думаю, вы бы первым признали, что в направлении Нью-Мексико все сроки расследования пошли наперекосяк. Но теперь Зонненберга отправили обратно на восток, а меня сюда назначил Дарт, чтобы я взял под контроль все аспекты расследования. И навел порядок.

После этих слов последовала приятная улыбка.

В ответ Фордис тоже улыбнулся, ожидая продолжения.

Миллард подался вперед, сжав руки в замок.

— Я не буду ходить вокруг да около. Ваше участие в этом деле было не очень успешным. Вы не смогли распознать в своем бывшем партнере подозреваемого, пока вам не было на это указано, вы не смогли арестовать его на съемочной площадке, не смогли найти его в горах, не смогли его арестовать, когда он проник в Лос-Аламос, и затем позволили ему снова сбежать от вас по реке. Ваши люди не могут найти его мертвое тело, если он на самом деле утонул. Вы проработали в правоохранительных органах достаточно долго, чтобы знать, что это неприемлемый результат, особенно в деле, когда под угрозой находится целый город, вся страна в панике, у президента и конгресса истерика, плюс ко всему большая часть Вашингтона эвакуирована.

Он замолчал, сложив руки. Его голос оставался спокойным и приятным. Фордис ничего не ответил. Фактически говорить было нечего. Все сказанное было правдой.

— Я собираюсь убрать вас с поля и посадить в офис здесь же, где вашими новыми обязанностями будут R&A.

R&A. Разбор и анализ. Это был тот самый причудливый термин, который ФБР использовало для обозначения самой одиозной работы, которую чаще всего поручали новым агентам в качестве обряда посвящения. *Разбор и анализ.* Он вспомнил свои первые дни в Бюро: как он был одним из сотен агентов, сидевших в подвальном помещении без окон, заставленном множеством серых металлических шкафов с документами, которые надлежало прочитать, проанализировать и систематизировать. Такое расследование, как это, каждый день порождало буквально тонны бумаг — стенограммы прослушки, финансовые отчеты, бесконечные электронные письма, допросы и многое другое — все это нужно было изучить и обобщить в соответствии с имеющимися фактами, обнаруженными в массе бесполезной информации, подобно выщипыванию маковых семян из непропеченного пирога...

— Но прежде чем вы приступите к своим новым обязанностям, возьмите пару выходных, — сказал Миллард, тем самым нарушив цепь размышлений Фордиса. — Вы измождены. Честно говоря, вы выглядите, как будто побывали в аду.

Снова дружеская улыбка, и затем Миллард поднялся и протянул руку.

— Мы друг друга поняли?

Фордис кивнул и пожал протянутую руку.

— Спасибо, за выдержку, — сказал Миллард, дружески похлопав Фордиса по спине, когда тот выходил из офиса.

Фордис остановился у двери склада, жадно хватая ртом воздух и глядя в направлении

своей машины. Он чувствовал себя слабым и больным. Его карьера пошла под откос. Миллард был прав: он зря растратил массу времени. И снова агент почувствовал праведную злость на Гидеона.

Но наряду с гневом возникла странная тревога. Как и пару раз до этого. Вся эта история с Кру базировалась на двух аргументах.

Первым и самым главным было то, что Гидеон оставил на своем рабочем компьютере инкриминирующие его электронные письма. Чем больше Фордис наблюдал за Гидеоном в процессе расследования, тем больше он понимал, что парень умен, как черт. Но компьютер не являлся единственным доказательством его вины: в его кабинете также нашли Коран и молитвенный ковер вместе с несколькими видеозаписями радикальных исламских проповедников. Эти находки заронили в агента еще больше сомнений и заставили крепко призадуматься. Эти улики казались подброшенными наспех и притянутыми за уши. К слову сказать, в то же самое время ЦРУ не смогло проникнуть в личные компьютеры Гидеона, защищенные системой RSA-шифрования, несмотря на самые сложные алгоритмы взлома доступные разведке. Парень, который настолько осторожен и умен не оставил бы у себя джихадистские видеозаписи.

Вторым аргументом стало то, что Гидеон устроил аварию самолета, тем самым подвергнув риску и себя. Конечно, если бы он был последователем джихада, то стремился бы стать мучеником. Но он помнил Гидеона во время этого полета — парень действительно перепугался до чертиков.

В нерешительности агент не знал, что и думать. Если бы Гидеон действительно был замешан в заговоре, Фордис наверняка почувствовал бы это, почувствовал бы, что *что-то* не так. Но за все время подобного предчувствия у него ни разу так и не возникло. Парень вел себя вполне естественно на протяжении их совместной работы.

В конце концов, может быть, это не он — Фордис — облажался, а все остальные? Возможно, Гидеона *действительно* подставили?

Пробормотав проклятие, агент направился к своей машине. На то, чтобы разобраться, действительно ли Гидеон был виновен, у него в распоряжении имелся пистолет, значок и считанные часы.

Фордис сверился с GPS-навигатором, встроенным в его служебный автомобиль. Необходимый ему дом располагался в тупике, позади него виднелся сосновый лес и проглядывались горы. Было уже далеко за полночь, но свет в окнах все еще горел, а сквозь занавески пробивалось синее мерцание телевизора. Семья Новак все еще бодрствовала.

Очевидно, это был один из лучших участков пригородного квартала: крайний дом в тупиковом переулке, который отличался много большими размерами, чем соседние. Не говоря уже о «Мерседесе», стоящем на подъездной дорожке.

Агент подъехал, заблокировав своей машиной Мерседес, вышел и позвонил в дверь. Через мгновение женский голос поинтересовался, кто пришел.

— ФБР, — отозвался Фордис. Он достал свой значок и продемонстрировал его в узкое боковое окно.

Женщина немедленно открыла дверь, и уставилась на агента, затаив дыхание.

— Да? Что случилось? Все хорошо?

— Все в порядке, — успокоил ее Фордис, проходя в комнату. — Извините, что побеспокоил вас в столь поздний час.

Она была очень красивой женщиной с отличной кожей и прекрасным натренированным телом. Ее наряд — белые брюки и кашемировый свитер с жемчугом — подчеркивал ее тонкую талию и упругие бедра, хотя и казался весьма неуместным для полночного просмотра ТВ.

— Кто там? — донесся раздраженный голос из комнаты, которая, скорее всего, была гостиной.

— ФБР, — ответила женщина.

Телевизор сразу же смолк, и появился Билл Новак, начальник службы безопасности, в чьем ведомстве находился отдел Кру.

— Что-то случилось? — спросил он как ни в чем не бывало.

Чтобы разрядить обстановку, Фордис улыбнулся.

— Я как раз извинялся перед вашей женой за столько поздний визит. У меня есть несколько стандартных вопросов. Это не займет много времени.

— Нет проблем, — кивнул Новак. — Пожалуйста, проходите, присаживайтесь.

Они вошли в столовую, и Миссис Новак включила свет.

— Принести вам что-нибудь? Кофе? Чай?

— Нет, ничего, спасибо.

Как только они расположились за столом, Фордис огляделся. Комната, в которой они находились, была обставлена с хорошим вкусом. Даже, можно сказать, *дорого* и *с шиком*. Немного старинного серебра на обеденном столе, на стенах несколько картин, написанных маслом — несколько не подходящих на репродукции — персидские ковры ручной работы. Ничего кричащего, но все изысканно дорогое.

Фордис достал блокнот, пролистав несколько страниц.

— Моей жене обязательно присутствовать? — спросил Новак.

— О да, — отозвался Фордис. — Если вы не возражаете, конечно.

— Нисколько.

Создавалось впечатление, что супруги жаждут угодить и при этом стараются не нервничать. Может быть, им и не из-за чего было нервничать...

— Какова ваша годовая зарплата, доктор Новак? — спросил Фордис, поднимая глаза от своей записной книжки.

Повисла настороженная тишина.

— Вам действительно необходимо знать это для дела? — спросил начальник службы безопасности.

— Да, — ответил Фордис. — Но в вашем праве не отвечать на мои вопросы, вы не обязаны этого делать. Пожалуйста, не стесняйтесь: можете позвонить своему адвокату, если хотите получить юридическую консультацию или желаете, чтобы он — или она — присутствовали при нашем разговоре, — он улыбнулся. — Ответы на мои вопросы будут обязательными, только если для этого появится повод. Пока его нет, но вы можете... гм... оказать мне услугу.

После затяжной паузы Новак решился:

— Думаю, мы можем продолжить. Я зарабатываю сто десять тысяч долларов в год.

— Какой-нибудь другой источник доходов? Вложения? Наследство?

— Ничего существенного.

— Счета за границей?

— Нет.

Фордис взглянул на жену.

— А что насчет вас, миссис Новак?

— Я не работаю. У нас общие финансы.

Фордис сделал пометку.

— Начнем с дома. Когда вы его купили?

— Два года назад, — ответил Новак.

— Сколько он стоил, каков был первоначальный взнос, и на какую сумму вы оформили ипотеку?

Повисло очередное долгое молчание.

— Стоил он шестьсот двадцать пять тысяч, мы сразу же заплатили сто, а на оставшуюся сумму оформили ипотеку.

— Столько вы платите ежемесячно?

— Около трех с половиной тысяч долларов.

— Это примерно около сорока двух тысяч в год, — Фордис сделал еще одну запись.

— У вас есть дети?

— Нет.

— Теперь поговорим о машинах. Сколько их у вас?

— Две, — отозвался Новак.

— «Мерседес» и...?

— «Рендж Ровер».

— Их стоимость?

— «Мерседес» пятьдесят тысяч, «Рендж Ровер» около шестидесяти пяти.

— Вы брали их в кредит?

Долгое молчание.

— Нет.

Фордис продолжал.

— Когда вы купили дом, сколько вы потратили на новую обстановку и ремонт?

— Я не могу точно сказать, — замялся Новак.

— Например, эти ковры? Вы привезли их со своего предыдущего места жительства или купили?

Новак уставился на агента.

— К чему вы клоните?

Фордис одарил его теплой, дружелюбной улыбкой.

— Это не более чем обычные вопросы, доктор Новак. Именно так ФБР начинает практически любое интервью — с финансовых показателей. Вы были бы удивлены, как с помощью нескольких простых вопросов можно быстро вывести на чистую воду кого-то, кто живет не по средствам. В нашем деле, это первый тревожный звоночек.

Фордис впервые заметил у Новака явные признаки волнения и еще раз улыбнулся.

— Итак... что там с коврами?

— Мы купили их для нового дома, — сказал Новак.

— Сколько они стоили?

— Я не помню.

— А остальные вещи? Коллекция серебра? Широкоформатный телевизор?

— В основном купили в то же время, что и дом.

— Вы брали в кредит что-то из этих вещей?

— Нет.

Еще одна запись.

— Кажется, тогда у вас было много наличных денег. Вы получили наследство? Выиграли в лотерею или в азартные игры? Возможно, сделали удачные инвестиции? Или, может быть, вам помогли родственники?

— Ничего существенного.

Чтобы убедиться в своей правоте, Фордису надо было произвести точный расчет, но уже сейчас полученные числа выходили за пределы того, что семья Новак могла себе позволить и легко объяснить. Человек, зарабатывающий сотню тысяч в год, с трудом мог бы купить автомобили, которые появились у него в то же самое время, когда он произвел первоначальный взнос за дом и купил за наличные целую кучу вещей. Хотя еще был вариант, что деньги появились у него от продажи прошлой недвижимости.

— Ваш предыдущий дом — он находился где-то поблизости?

— В пригороде Уайт-Рок.

— За сколько вы его продали?

— Около трехсот.

— А какая его доля находилась в вашей собственности?

— Около половины, может, чуть больше.

Около половины. Вот и ответ на вопрос: у этой семьи налицо нелегальный доход.

Фордис выдал Новаку еще одну обнадеживающую улыбку и перевернул несколько страниц своей записной книжки.

— Теперь, поговорим о тех письмах, которые были найдены на компьютере Кру.

Новак явно расслабился, когда агент сменил тему разговора.

— А что с ними?

— Я знаю, что вы уже отвечали на вопросы о них.

— Я не против повторить. Всегда готов помочь следствию.

— Хорошо. Те письма могли намеренно поместить в ящик Гидеона Кру?

На мгновение вопрос повис в воздухе.

— Нет, — наконец, ответил Новак. — Наша система безопасности надежная и всеобъемлющая. Компьютер Кру являлся частью физически изолированной сети. У него нет контакта с внешним миром и даже нет подключения к Интернету. Так что внедрить в него какие-то данные абсолютно невозможно.

— Нет контакта с внешним миром. А что вы скажете о ком-то *внутри* сети? Скажем, о каком-нибудь сотруднике?

— Опять же, это невозможно. Мы работаем с материалами высокой степени секретности. Никто не имеет доступа к чужим файлам. Существуют слои и уровни безопасности, пароли, шифрование. Поверьте мне, нет ни единого способа, позволяющего подбросить эти электронные письма.

Фордис сделал очередную запись.

— И это то же самое, что вы рассказывали следователям?

— Дословно.

Фордис взглянул на мужчину.

— Но у вас же есть доступ, не так ли?

— Ну да. Как начальник службы безопасности, я имею доступ ко всем файлам. В конце концов, мы должны иметь возможность отслеживать все, что происходит внутри нашей сети — это стандартная рабочая процедура.

— Получается то, что вы только что мне сказали — это неправда. *Есть* способ, которым эти электронные письма могли быть подброшены. *Вы* могли бы это сделать.

Задавая этот вопрос, Фордис изменил тон своего голоса, сделав его низким и обвинительным, и подчеркнул слово «*вы*», открыто выказывая подозрительность.

Обстановка накалилась. Но Новак даже не моргнул и через мгновение ответил:

— Да, я мог бы подбросить их. Но я этого не делал. К чему мне это?

— Я задам вам еще несколько вопросов, если вы не возражаете, — Фордис опять использовал свой самый скептический тон голоса. — Вы только что признались, что сообщили мне и всем остальным следователям ложь, — он заглянул в свой блокнот. — Вы сказали, я цитирую: «*Нет ни единого способа, позволяющего подбросить эти электронные письма*». Это неправда.

Новак не отводил от агента взгляд.

— Послушайте, я ошибся. Я не брал в расчет себя, когда делал это утверждение, потому что знаю, что я этого не делал. Не пытайтесь меня запутать.

— Мог ли кто-нибудь еще из вашего отдела подбросить эти письма?

Новак снова поколебался.

— Подобное могли сделать всего трое сотрудников службы безопасности, но им бы пришлось действовать с кем-то в паре, потому что ни у кого из них нет самого высокого уровня допуска.

— Кто-то из вашего руководства мог это сделать?

— Да, есть несколько человек, у кого имеется подобный допуск, но им всем пришлось бы пройти через меня. По крайней мере, таков порядок. Хотя есть несколько уровней безопасности, которых даже я не знаю. Начальство могло оставить для себя лазейку. Но мне про это ничего не известно.

Фордис немного расстроился. На самом деле, до сих пор Новак не сказал ничего

инкриминирующего, и ни в чем особо не прокололся. Его ошибка не была чем-то необычным — агент видел, как невинные люди ошибались гораздо сильнее, не справившись с давлением допросов.

Но дом, машины, ковры...

— Могу я спросить вас, агент Фордис, что заставляет вас думать, что эти письма были подброшены?

Фордис решил немного сменить тему разговор. Он пристально посмотрел на него.

— Вы же знаете, доктора Кру. Вы бы назвали его глупым?

— Нет.

— Могли бы вы назвать умным поступком то, что он оставил в своем ящике инкриминирующие его письма? И даже не попытался стереть их?

Молчание. Затем Новак кашлянул, прочищая горло.

— Но он их *стер*.

Эти слова заставили Фордиса слегка стусеваться.

— Но вы их восстановили. Как?

— С помощью одной из наших многочисленных систем резервного копирования.

— Можно ли что-нибудь окончательно стереть с одного из ваших компьютеров?

— Нет.

— Все это знают?

Очередное колебание.

— Я думаю, большинство.

— Итак, мы вернулись к моему первоначальному вопросу. Был ли доктор Гидеон Кру глупым человеком?

Теперь он увидел, что фасад невозмутимости и уверенности Новака дал трещину. Наконец-то агенту удалось разозлить мужчину.

— Послушайте, я нахожу, что весь ваш допрос довольно оскорбителен. Все эти вопросы о моих личных финансах, эти намеки на подброшенные электронные письма, этот поздний неожиданный ночной визит. Я хочу помочь расследованию, но не желаю сидеть здесь и чувствовать себя жертвой.

Фордис, с его богатым опытом допроса подозреваемых, почувствовал, что дошел до конца интервью, и никакой полезной информации больше уже не получит. Не имело смысла и дальше провоцировать Новака. Агент закрыл блокнот и встал, снова вернувшись к своему дружескому, располагающему тону.

— К счастью, я закончил. Благодарю, что уделили мне свое время. Это было обычным делом, не нужно беспокоиться.

— А меня это беспокоит, — сказал Новак. — Я не думаю, что подобное допустимо, и собираюсь подать жалобу.

— Естественно, вы можете это сделать.

Пока Фордис шел к своей машине, он надеялся, что Новак не будет на него жаловаться или, по крайней мере, подождет несколько дней. Жалоба будет сейчас весьма некстати, она может сковать ему руки. А ведь он был наполовину уверен, что Новак каким-то образом замешан во всей этой истории. Разумеется, это не оправдывало Кру, да и Новак не выглядел как террорист.

И все же вопрос касательно того, действительно ли Гидеона подставили, оставался открытым.

Гидеон съехал с грунтовой дороги в десяти милях от ранчо Пайют-Крик. Ему необходимо было взять себя в руки и привести мысли в порядок. Он чувствовал себя ужасно из-за того, что только что сделал с Уиллисом. Он напугал этого человека, угрожал ему, унизил его. Этот парень, конечно, был далек от того, чтобы называться праведником, но при этом он был невиновен и такого отношения явно не заслужил. Касательно его невинности сомнений никаких не осталось. Возможно, это сделал кто-то другой, состоящий в этом культе? За спиной Уиллиса? Но... нет, маловероятно, что подобное можно было провернуть в обход лидера.

Похоже, Гидеон совершил чудовищную ошибку.

Кроме того, на часах уже был час ночи. Пошли последние сутки, предшествующие Дню-Икс. *Сутки*. И у него не было никаких мыслей по поводу того, кто за всем этим стоит. Проклятье, даже когда он прибыл в Санта-Фе восемь дней тому назад, соображений по этому делу у него было куда больше.

Он с силой сжал руль, понимая, что соображает хуже, чем когда-либо. Он должен был взять себя в руки и как следует все обдумать. Он припарковался, выключил двигатель, распахнул дверь и вышел из машины. Ночь стояла прохладная, дул легкий ветерок, колыхавший ветви сосен, а на небе мерцали звезды. Гидеон попытался нормализовать дыхание и успокоиться, став вышагивать из стороны в сторону.

Итак, ранчо Пайют-Крик не имело никакого отношения к террористическому заговору. Сейчас это было для него очевидно. Видимо, далее стоило обратить внимание на Джозефа Карини и на мечеть Аль-Дахаб. Вот, что за люди теперь должны были стать его основными подозреваемыми. Он уже слишком много выяснил, чтобы сомневаться. Очевидный ответ — самый простой ответ — зачастую и есть самый верный. Это один из фундаментальных принципов науки и уголовного расследования.

Но *настолько ли* все очевидно? Почему мусульмане устроили дело так, чтобы выставить Гидеона своим соратником-мусульманином, ведь такой шаг мог только увеличить шансы на то, что и они станут подозреваемыми? В конце концов, следствие и так уже тонной кирпичей обрушилось на них. Сотни следователей изучили каждый уголок их мечети, перевернули всю документацию и все персональные данные, допросили каждого прихожанина, раскопали все возможные секреты. Гидеон и Фордис были всего лишь двумя следователями из сотен других. И им при этом не удалось выяснить ничего необычного — по крайней мере, на первый взгляд. Так или иначе, кто бы ни пытался подставить Гидеона, он пошел на огромный риск, проникнув в высоко секретную компьютерную систему. Этот человек был уверен, что Гидеон выяснил что-то настолько инкриминирующее, настолько опасное, что возникла необходимость применить к нему чрезвычайные меры...

Внезапно он замер. Подставить *его*. Обстоятельство, на которое он раньше совсем не обратил внимание, внезапно стало для него настоящим озарением. Все эти провокационные действия были направлены против Гидеона Кру и больше никого. В конце концов, никто не попытался подставить за компанию с ним и Фордиса, хотя, де-факто, он выяснил не меньше опасных подробностей!

После крушения самолета, когда установили факт саботажа, Гидеон был уверен, что тот,

кто это делал, пытался убить их обоих, чтобы остановить их линию расследования. Но ведь основной вопрос заключался в том, *кого* хотели остановить! Судя по последующим событиям, остановить хотели именно Гидеона.

Что он такого сделал? С кем он разговаривал в отсутствие Фордуса?

Ответ пришел сразу же, стоило только задать вопрос.

Он уставился в темное небо, глядя на жесткие и бескомпромиссные точки звездного света. Возможно ли это? Это казалось совершенно невероятным. Но ведь он получил неопровержимые доказательства, что это не Уиллис, и нутром чуял, что дело не в мусульманах. Когда Гидеон повернулся и направился обратно к «Джипу», он не мог не вспомнить известное высказывание Шерлока Холмса: *«Когда ты исключаешь невозможное, то, что осталось, насколько бы невероятным оно ни казалось, и есть правда».*

Сидя в своем кабинете в командном центре на Двенадцатой улице, Дарт медленно вернул телефонную трубку на базу. Он посмотрел в крошечное окно, и оттуда на него глянул черный прямоугольник ночи. Затем он снова поднял трубку и набрал номер. Его руки слегка подрагивали от сочетания усталости и ярости. Было четыре часа ночи, но время больше не имело значения.

После первого же гудка трубку сняли.

— Специальный агент Миллард.

— Миллард? Это Дарт.

— Доктор Дарт? — голос Милларда стал заметно более напряженным.

— В каком статусе сейчас охота на Кру?

— Что ж, сэр, сейчас мы бросили на нее весь доступный персонал, и наши люди все еще прочесывают район, но мы все больше убеждаемся, что он и его сообщница утонули в...

Дарт почувствовал, как ярость сметает его контроль.

— Конечно, вы уверены, что он утонул. Естественно. Именно так *он и хочет*, чтобы вы думали. Мало того, что вы его не поймали, так к тому же вы позволили ему устроить целое представление внутри охраняемого периметра Лос-Аламоса, сбежать по туннелю и снова беспрепятственно скрыться!

— Сэр, дело обстояло не совсем так. К тому же в тот момент я не...

— Знаете, что я могу сравнить с вашей некомпетентностью, Миллард? Ситуацию, когда подозреваемый спокойно заходит в полицейский участок, запасается там оружием, шлет на хрен шефа полиции и спокойно выходит наружу!

На другом конце провода наступило молчание. Дарт понял, что потерял над собой контроль и сорвался, но ему было все равно.

В последовавшей тишине Майлз Каннингем — личный помощник Дарта — вошел в кабинет, поставил на стол чашку с горячим черным кофе и быстро ретировался. Дарт приказал ему прекратить постоянно советовать ему отдохнуть, а вместо этого попросил каждый час приносить ему новую чашку кофе.

Несмотря на обжигающую температуру напитка, Дарт сделал большой глоток и прочистил горло.

— Поймите, агент Миллард, — продолжил он, — я не возлагаю на вас всю ответственность за случившееся. Вы только начали входить в курс дела, а ваша команда в Нью-Мексико — и вовсе едва начала с этим работать. Но я возлагаю на вас ответственность за все, что произойдет с этого момента и впредь.

— Да, сэр.

— День-Икс уже завтра. Каждый час, каждая минута, пока террорист Гидеон Кру находится на свободе, несет для нас огромную опасность. Я очень сомневаюсь, что он утонул в Рио-Гранде. Он все еще где-то там, в горах. И я хочу, чтобы вы обыскали их. Каждый камень.

— Поиски все еще ведутся, сэр, и наши люди стараются, как могут. Но зона поиска охватывает более десяти тысяч квадратных миль дикой местности, и она чрезвычайно сложна для обыска.

— Гидеон Кру — один. Без еды. Без воды. У вас же сотни вооруженных мужчин и высокотехнологичное оборудование стоимостью в сотни миллионов долларов. Меня не интересуют ваши оправдания, меня интересуют результаты.

— Да, сэр. Мы сделаем все возможное и невозможное. В дополнение к поисковым группам с собаками мы развернули широкий арсенал средств дистанционного зондирования и мониторинга. Вертолеты, оснащенные наилучшим программным обеспечением по распознаванию лиц, и инфракрасными датчиками непрерывно курсируют вдоль зоны поиска. Дроны «Хищник» с новейшими радарами из синтетической апертуры также патрулируют зону. Но, на свой страх и риск, я вынужден предположить, что раз мы все еще ничего не нашли, вариант, что Гидеон Кру и женщина утонули в реке, становится все более вероятным.

— Вы нашли тела, агент Миллард?

— Нет, сэр.

— Пока вы этого не сделаете, я и слова не хочу слышать о том, что они утонули.

— Вас понял, сэр.

Дарт снова сделал глоток кофе.

— Есть еще одна проблема, о которой я хочу поговорить. Агент Фордис. Этот человек продемонстрировал некомпетентность, неспособность следовать установленным порядкам, а также — склонность действовать необдуманно, на свой страх и риск. Мое внимание привлек тот факт, что он самостоятельно допросил одного из руководителей службы безопасности Лос-Аламоса, без каких-либо указаний сверху и без присутствия обязательного в таких случаях напарника. К тому же он даже не предоставил рапорт по этому интервью. Вы понимаете, что это значит?

— Думаю, да, сэр.

— Это значит, что, что бы он ни выяснил, его показания окажутся бесполезными в суде и потерянными для нашего расследования. Если Новак каким-то образом был замешан в этом деле, это полностью подрывает наши шансы привлечь его к уголовной ответственности.

— Я уже отстранил Фордиса от активной полевой службы и направил его на работу с документами.

— Нет, я хочу, чтобы его *полностью* освободили от служебных обязанностей и отстранили от этого расследования. Для меня совершенно ясно, что этот человек себе на уме и действует не совсем в интересах следствия.

— Да, сэр.

— Я хочу, чтобы вы провернули это настолько тихо, чтобы служба внутреннего контроля ФБР не поднялась на уши. У нас и так достаточно конфликтов внутри ФБР. Будет лучше, если мы отправим его на заслуженный оплачиваемый отдых. Назовите это отпуском, но не указывайте дату возвращения.

— Хорошо, сэр.

— Найдите Кру. И женщину. И, Бога ради, приведите их ко мне живыми.

Дарт повесил трубку, сделал еще один глоток кофе и вновь посмотрел в темное окно.

Гидеон вернулся на ранчо примерно в два часа ночи, с трудом проехав на «Джипе» по труднопроходимым лесным дорогам. Алида еще не спала — она лежала на большом диване перед камином в отделанной деревом гостиной, ее светлые волосы красиво разметались по коже.

Когда он вошел, она резко вскочила, подбежала к нему и обняла.

— Я так беспокоилась! Боже... ты выглядишь... подавленным.

Гидеон и чувствовал себя подавленным.

Она повела его к дивану.

— Налить тебе выпить?

Он кивнул.

Она нежно поцеловала его, затем направилась к бару и начала смешивать мартини. С дивана он видел, как она достала большой шейкер, налила в него вермут и немного джина, затем добавила совочек льда и энергично встряхнула смесь. Гидеон судорожно пытался понять, как ему теперь справиться со всем этим. Она ведь казалась такой счастливой... такой красивой... она практически светила!

— Ты нашел Уиллиса? — спросила она, выжимая в коктейль лимон. — Ты с ним поговорил?

— Он... его не было, — солгал Гидеон, чувствуя себя просто ужасно. Ему еще предстояло действовать в паре с Алидой. А это значило, что ему придется манипулировать, притворяться, *лгать*... Вспышки воспоминаний об их волшебной ночи в пещере лишь усугубляли сложившуюся ситуацию.

— Ты все еще думаешь, что это Уиллис?

Гидеон кивнул.

— Скажи, а где сейчас твой отец?

— Он вернулся в наш дом в Санта-Фе. Ему завтра нужно рано вставать, у него самолет, — она принесла мартини, и Гидеон, благодарно кивнув, принял коктейль из ее рук. Она приготовила его идеально — так, как ему нравилось. Гидеон сделал глоток и с наслаждением ощутил, как напиток обжигает горло.

Алида опустилась рядом с ним и положила голову ему на плечо.

— Я так рада, что ты вернулся. Знаешь, Гидеон, я много думала. Думала *о нас*.

Он сделал еще один глоток.

— Твой отец собирается в путешествие? Куда?

— В Мэриленд, насколько я знаю, — ее губы коснулись его шеи, и она пробормотала, — не могу устоять, когда ты рядом. Та ночь в пещере — она не выходит у меня из головы. Возможно, сейчас не лучшее время для подобных разговоров, но, как я уже говорила, я много думала...

— Точно, — резко прервал ее Гидеон, вновь делая жадный глоток напитка. — А что он будет делать в Мэриленде?

— Исследования проводить, наверное. Для своего следующего романа, — и это была очередная головоломка. — Ты в порядке?

— Да. Да, я в порядке. Просто устал. А еще я все еще весь перемазан углем, — он

небрежно обвел рукой свое черное от грима лицо.

— А мне нравится. Сексуально.

— Ты знаешь, о чем будет его роман?

— Мне кажется, это как-то связано с вирусами.

— А твой отец когда-нибудь учился писательскому мастерству? Или, может, сам учил будущих писателей...

— Конечно. Ему это очень нравится. Слушай, а мы можем сейчас поговорить о чем-нибудь другом?

Гидеон сглотнул.

— Через минуту. В Санта-Круз есть один курс семинаров. Он называется «Напиши Свою Жизнь».

— Мой отец преподает там каждый год. Он обожает Санта-Круз.

Гидеону пришлось скрыть выражение своего лица большим глотком напитка. Он уже ощущал, как алкоголь начинает чуть затуманивать его разум.

— Значит, он любит преподавать? — спросил Гидеон.

— Да, любит. После его разочарования по поводу Нобелевской премии, я думаю, он находит в этом утешение.

— Ты уже упоминала про Нобелевскую премию и раньше. А что именно произошло?

Алида тоже сделала глоток напитка.

— Он несколько раз попадал в short-лист, но так и не получил премию. А затем через слухи и сплетни узнал, что ему *никогда* не собирались вручать премию. Видишь ли, его политические взгляды являлись для них неприемлемыми.

— Политические? В смысле?

— Он был британским гражданином. В молодости он работал в МИ-6, это британская разведка. Типа ЦРУ.

— Я знаю, что это такое, — Гидеон был шокирован. — Но я понятия не имел...

— Он никогда об этом не говорил — даже со мной. Во всяком случае, что касается Нобелевской премии, я просто слышала об этом. Люди, знаешь ли, поговаривают о разном. По той же причине, например, Нобелевский комитет отказал Грэму Грину — он работал в британской разведке. Этим проклятым шведам просто не нравится сама идея о том, что писатель когда-либо был вовлечен в шпионаж и контрразведку. Джон ле Карре тоже никогда не получит премию! — она фыркнула.

— Твой отец сильно расстроился?

— Он этого никогда не признавал, но я знала, что сильно. Я имею в виду... он ведь только отдавал своей стране патриотический долг! Это же несправедливо, — ее голос слегка зазвенел от обиды. — Посмотри на всех этих великих писателей, которых обошли стороной! Джеймс Джойс, Владимир Набоков, Эвелин Во, Филипп Рот. У этого списка нет конца. А кому они присуждают премию? Таким писателям, как Дарио Фо и Эйвинд Джонсон! — она откинулась на спинку дивана.

Гидеон оказался настолько поражен ее страстной речью, что на время забыл, каким виноватым его заставил чувствовать себя весь этот акт любопытства.

— А разве ты... не беспокоишься о том, что твой отец сегодня едет в Мэриленд? Я имею в виду, это же совсем близко от Вашингтона...

— Он не собирается приближаться к зоне эвакуации. Так или иначе, мне уже надоело говорить о моем отце. Я хочу поговорить с тобой *о нас*. Пожалуйста.

Она схватила его за плечо и всмотрелась в его лицо. Ее темные глаза блестели. От слез? Да. От слез *любви*. И Гидеон не смог перебороть сильный отклик своего собственного сердца.

— Я просто... — начал он, но запнулся. — Я просто беспокоюсь о твоём отце, учитывая всю эту террористическую ситуацию. Мне хотелось бы знать, куда именно в Мэриленде он собирается поехать.

Она нетерпеливо взглянула на него.

— Я не помню. Какая-то армейская база. Форт-Детрик, кажется. Почему это так важно?

Гидеон знал, что Форт-Детрик находится всего в паре шагов от Вашингтона. Планировал ли Саймон Блейн мобилизовать своих людей для окончательного удара? Почему армейская база? Это совершенно точно не было совпадением, что Блейн направлялся на армейскую базу на востоке менее чем за тридцать часов до Дня-Икс. У себя в голове Гидеон судорожно просчитывал возможные варианты.

— Должно быть, твой отец знает многих людей из разведки.

— Знает. Когда он работал в МИ-6, кажется, одной из его задач было выступать в качестве связующего звена с ЦРУ. Во всяком случае, однажды я видела посылку, которую они направили ему. На ней стоял гриф «СЕКРЕТНО». То был единственный раз, когда он оставил свой сейф открытым.

— И он улетает завтра утром?

Она накрыла его руку своей, ее нетерпение снова вспыхнуло.

— Точнее, *сегодня* утром, учитывая, что уже два часа ночи. Гидеон, откуда такой интерес к моему отцу? Я хочу поговорить о нас, о наших отношениях, о нашем будущем. Я знаю, что это внезапно, я знаю, что парни не любят подобных разговоров, но, черт возьми, я просто вижу, что ты чувствуешь то же самое, что и я! И кому, как не тебе понимать, что у нас может быть *не так уж много времени*...

— Прости, я вовсе не собирался избегать этого разговора, — он попытался скрыть свой безудержный интерес за слегка укоризненным тоном. — Просто я думал, твой отец собирается помогать нам. А он убегает.

— Он помог нам! И он не убегает. Слушай, мы здесь в безопасности. Мы можем использовать это место в качестве укрытия, пока будем выяснять, кто подставил тебя. Все, что нам нужно сделать, это отследить этого человека, Уиллиса. Похоже, что именно он и его сумасшедший культ стоят за всем этим. Его поймают, охота закончится, и наши с тобой добрые имена будут очищены.

Гидеон кивнул, снова почувствовав себя прескверно.

— Да. Я уверен, все именно так и будет.

Одним глотком он допил свой напиток.

Алида откинулась назад.

— Гидеон, ты готов поговорить? Или ты просто пытаешься отсрочить этот разговор с помощью вопросов о моем отце? Я не хочу навязываться тебе...

Он смущенно кивнул, попытавшись улыбнуться. Ему срочно требовалась еще одна порция алкоголя.

— Что ты! Давай поговорим...

— Мне неловко поднимать этот болезненный предмет разговора, но... ты ведь понимаешь, о чем я. Я говорю то, что думаю, такая уж я уродилась. Надеюсь, ты это уже понял.

— Да... — прохрипел он.

Она приблизилась.

— Я знаю, что твой диагноз может подтвердиться. И это пугает меня. Но я готова принять это. Вот, о чем я думала, вот, о чем хотела тебе рассказать. Я никогда прежде... не чувствовала к мужчине... ничего подобного.

Гидеон едва ли мог взглянуть на нее.

Девушка взяла его за руки.

— Жизнь коротка. Но даже если все правда, и у тебя есть всего год, давай сделаем этот год счастливым. Вместе. Ты и я. Ты хочешь этого? За этот год мы будем любить друг друга так, как люди не любят и за всю жизнь.

Фордис следовал за Миллардом через целое море столов и ширм, которые образовывали новый центр управления. Величественный рассвет уже осветил небо, но на переоборудованном складе воздух все еще был затхлым и спертым, и в нем не ощущалось ни следа утренней свежести.

«Миллард — прирожденный сотрудник крупной компании», — размышлял Фордис, — «всегда любезен, никогда не использует сарказм, тон его голоса всегда мягкий, и все же под этой личиной скрывается настоящий мудака». Какое там слово для этого используют немцы? «*Schadenfreude*», что в дословном переводе значит «злорадство». Миллард, следуя канонам этого слова, получает искреннее удовольствие от несчастий других. Воистину, это слово прекрасно его иллюстрирует! В момент, когда он позвонил с просьбой о встрече, Фордис уже догадался, о чем пойдет речь.

— Как вы себя чувствуете, агент Фордис? — спросил Миллард елейным голосом, пронизанным ложным сочувствием.

— Очень хорошо, сэр, — отозвался Фордис.

Миллард покачал головой.

— Ох, не знаю. Как по мне, вы выглядите уставшим. Очень уставшим, если быть честным, — он прищурился, рассматривая Фордиса, словно тот был экспонатом в витрине музея. — Итак, вот, о чем я хотел с вами поговорить. Вы работаете *на износ*.

— Не согласен с вами, сэр. Я действительно чувствую себя прекрасно.

Миллард снова покачал головой.

— Нет, нет, вы выглядите изнуренным. Я ценю ваш командный дух, но просто не могу позволить вам и дальше работать в таком режиме, — он замолчал и замер, словно приготовившись спустить курок. — Вам нужно взять отпуск.

— Вы уже сказали мне взять несколько выходных дней.

— Я говорю не о такой... как бы это сказать... *короткой* передышке. Я хочу, чтобы вы провели вне работы более длительное время, агент Фордис.

Вот он и услышать все, что ожидал.

— Больше времени вне работы? Зачем?

— Чтобы подзарядить свои батарейки. Восстановить надлежащее состояние.

— О каком долгом периоде мы говорим, уточните, пожалуйста.

Миллард пожал плечами.

— Пока трудно сказать.

Бессрочный отпуск. Вот, как это называется. Фордис понял, что этот отпуск начнется сразу же, как только он выйдет за дверь. Поэтому если он собирался что-нибудь предпринять, ему нужно было сделать это прямо сейчас. В их распоряжении остался всего *один день*.

— Новак нечист на руку, — обронил он.

Это заявление оказалось настолько неожиданным, что Миллард мгновенно замер.

— Новак?

— Новак. Глава службы безопасности технической зоны 33. Он нечист на руку. Возьмите его под стражу, допросите... сделайте все, что потребуется.

Последовало долгое молчание.

— Может, вы потрудитесь объяснить?

— Образ жизни Новака совершенно не соответствует его официальному достатку. Роскошные автомобили, большой дом, персидские ковры — и это при зарплате всего в сто десять тысяч в год. Его жена не работает, семейного состояния у него нет.

Миллард прищурился, глядя на собеседника.

— И почему вы считаете, что это важно?

— Потому что существует всего один человек, который был способен подбросить те электронные письма в почтовый ящик Кру, и это Новак.

— Откуда вы все это знаете?

Фордис глубоко вздохнул. Ему придется это сказать.

— Я опрашивал его.

Миллард слегка прищурился, не отводя взгляд.

— Мне это известно.

— Откуда?

— Новак подал жалобу. Вы заявили к нему домой после полуночи даже не получив официального разрешения. Не следовали протоколам допроса. Чего вы ожидали?

— У меня не было выбора. Вы же знаете, что у нас почти не осталось времени. Дело в том, что этот парень лгал следователям. Он сказал, что электронные письма невозможно подбросить. Но он забыл упомянуть, что он единственный, кто может это сделать.

Миллард одарил его долгим и испытующим взглядом. Губы его сжались в тонкую линию.

— Хотите сказать, что Новак подставил Кру? Ради денег?

— Я говорю лишь, что этот парень нечист на руку. Арестуйте его сейчас, допросите убудка...

Губы Милларда побелели, став почти незаметными. Казалось, кожа на его лице натянулась так, что могла вот-вот лопнуть.

— Вы переходите все границы, агент. Ваше поведение неприемлемо, а эти ваши требования недопустимы, если не сказать возмутительны.

Фордис больше не мог этого терпеть.

— Недопустимы? Миллард, День-Икс уже *завтра*. Завтра! И вы хотите, чтобы я...

У главного входа раздался шум. Кричал мужчина, и его истерический голос эхом разносился по складскому пространству, поднимаясь волной над хором голосов сотрудников, звучащих вокруг. Похоже, парня только что привезли, и в его возмущениях Фордис расслышал обвинения в адрес жестокой полиции и выкрики о правительственных заговорах. Очевидно, тяжелый случай.

А затем Фордис услышал в этом бессвязном потоке брани выкрикнутое имя Гидеона.

— Какого черта? — Миллард снова посмотрел на агента, и на этот раз его взгляд был преисполнен строгости. — Никуда не уходите. Я скоро к вам вернусь.

Фордис последовал за Миллардом к входной двери, где мужчина поливал проклятьями группу агентов. Он был потрясен, узнав в этом человеке Уиллиса Локхарта, лидера культа. Кажется, его не привезли силой — он пришел сам. Но с ним произошли некоторые изменения: он выглядел диким, лицо было осунувшимся и изможденным, а на губах блестела слюна, как у бешеного пса. Из возмущенных яростных восклицаний Фордис уловил, что Гидеон Кру явился к парню на ранчо накануне вечером, похитил Уиллиса под прицелом

пистолета, привел его к вырытой в лесу могиле, жестоко его избил, подверг пыткам, угрожал убить и постоянно требовал ответов на вопросы о ядерном оружии и терроризме... и Бог знает, о чем еще.

Итак, стало быть, Гидеон еще жив.

Уиллис кричал, что все это было спланировано, и являлось некой постановкой, заговором спецслужб, но затем его разглагольствования снова приобрели совершенно бессвязный характер.

В этот момент Фордис окончательно убедился: Гидеон Кру был невиновен. Другого объяснения тому, что он поехал на это ранчо, просто не было. Его подставили. Письма ему подбросили. Так же стало ясно, что Новак был замешан в этом террористическом заговоре. Хотя Фордис уже и без того был почти полностью в этом уверен, теперь у него и вовсе не возникало ни единого сомнения в истинности своего заключения.

— Эй! Эй, ты!

Крик Локхарта прервал его размышления. Фордис поднял взгляд и столкнулся с лидером культа, который осуждающе указывал на него пальцем.

— Это он! Вот он! Это он — тот самый парень, который объявился на моем ранчо на прошлой неделе! На пару с тем, вторым, они начали драку, устроили нам погром, ранили моих людей! Ты сукин сын!

Фордис взглянул налево, затем направо. Все смотрели на него, не отрываясь, включая Милларда.

— Фордис, — обратился Миллард странным тоном, — это *еще один* из тех, кого вы опрашивали?

— Опрашивал?! — воскликнул Локхарт. — Вы хотите сказать, на кого он *напал*! Он бросился на полдюжины моих людей с цепной пилой! Он маньяк! Арестуйте его! Или вы все участвуете в этом заговоре?

Фордис посмотрел сначала на Милларда, затем на входную дверь.

— Этот человек безумен, — сказал он спокойным голосом. — Вы только взгляните на него.

Он заметил, как на большинстве лиц проступило заметное облегчение, потому что люди понимали, насколько безумен звучат эти обвинения. Все, кроме Милларда.

Внезапно Локхарт бросился на Фордису, и начался настоящий хаос, когда дюжина агентов кинулась ему наперерез, чтобы обезвредить.

— Пустите меня! — орал Уиллис, протягивая руки к Фордису, но хватая только воздух. — Он дьявол! Он и тот парень Гидеон Кру! — он мощно развернул предплечье, ударив одного агента и задев другого. В результате этого возникла потасовка, толкотня, сопровождаемая криками и воплями. Фордису удалось уклониться, миновать толпу и выскользнуть за дверь. Он бросился бежать к своей машине, сел в нее, завел двигатель и рванул с места.

Как только рассвело, Гидеон с трудом поднялся с кожаного дивана. Он чувствовал себя разбитым, и у него зверски болела голова. Пока он спешно одевался, Алида, лежащая обнаженной перед камином на коврике из медвежьей шкуры, даже не проснулась. Ее светлые волосы разметались и пребывали в диком беспорядке, а ее гладкая кожа буквально сияла на грубом темном ковре. За окнами гостиной черные тучи закрыли половину неба, и сырой ветер гнул сосны. Зарождалась буря.

В его голове всплыли смутные воспоминания о прошлой ночи: слишком много выпивки, еще больше потрясающего секса, и только Бог знает, какие неразумные слова были сказаны и какие опрометчивые обещания были даны. Гидеон чувствовал себя гадко. Что он натворил? Он, должно быть, сошел с ума, раз позволил себе поддаться эмоциям. Ведь в то же самое время, что он был с Алидой, он подозревал ее отца в терроризме и строил планы о том, как остановить и обезвредить его... сама ситуация была чудовищной.

Что ему делать дальше? Должен ли он посветить Алиду в свой секрет? Нет, это не сработает — она никогда не поверит, что ее отец, Саймон Блейн, автор бестселлеров, бывший разведчик, был лидером или, по крайней мере, участником ядерного террористического заговора. Да и кто поверит? Гидеону остается и дальше ей врать, из-за чего разоблачать заговор ему придется в одиночку. Сейчас его план заключался в том, чтобы отправиться в Мэриленд, найти Блейна и остановить его. Основная загвоздка заключалась в том, что он не мог полететь на самолете и не мог воспользоваться ни одним видом транспорта, который бы требовал предъявления удостоверения личности. Единственным способом, которым он мог вернуться на восточное побережье — это ехать на «Джипе» Алиды.

Все происходящее было сплошным абсурдом. С какой стати такому человеку, как Блейн, участвовать в террористическом заговоре? Но он участвовал, и сейчас Гидеон был в этом уверен. Другого объяснения всему произошедшему просто не было.

Погрязнув в тяжелых размышлениях, Гидеон чувствовал, как внутри него закипает ненависть к самому себе. Но какой у него был выбор? На кону было нечто большее, чем очистка его собственного имени: на карту были поставлены бесчисленные жизни. Никто не поверит ему, он значился в розыске, и поэтому Гидеон был вынужден действовать в одиночку. Пути назад у него не было.

Когда он надел рубашку, его взгляд снова скользнул по изгибам тела Алиды, ее лицу, ее светлым локонам... Неужели он действительно в нее влюбился?

Похоже, что так.

Достаточно. *Хватит*. Но как только он попытался отвести от нее глаза, она проснулась. И сразу же поморщилась.

— Ой, — простонала она. — Похмелье.

Он попытался изобразить на лице ухмылку.

— Да. У меня тоже.

Она села.

— Ты выглядишь так, будто побывал в аду. Надеюсь, я тебя не сломала, — игриво улыbnулась девушка.

Стремясь спрятать свое лицо, он наклонился, чтобы завязать шнурки на ботинках.

— И куда же ты так спешишь с утра пораньше?

Он заставил себя встретиться с ней взглядом.

— Ранчо Пайют-Крик. Я собираюсь встретиться с Уиллисом.

— Понятно. Это он, я всегда это знала. Позволь мне пойти с тобой.

— Нет, нет. Там может быть опасно. И твое присутствие может помешать мне, вытянуть из него правду.

Она колебалась.

— Я понимаю. Но я волнуюсь. Будь осторожен.

Гидеон попытался изобразить на своем лице подобие нормальности.

— Мне придется взять «Джип».

— Нет проблем, бери. Просто придержишься проселочных дорог.

Он кивнул.

Алида встала, и, прежде чем он успел сбежать, она обняла его, поцеловала и приникла к нему обнаженным телом. Последовал долгий, затяжной поцелуй, и тепло ее тела проникло сквозь его одежду. Гидеон поддался ему и немного расслабился. Наконец, девушка отступила.

— Это на удачу, — улыбнулась она.

Гидеон смог лишь кивнуть в ответ. Она подошла к ящику, достала ключи и бросила их ему; он ловко поймал их налету.

— Хм, просто на всякий случай, вдруг бензин закончится — у тебя есть деньги?

— Конечно, — она подняла с пола брюки, порылась в карманах и достала кошелек.

— Сколько?

— Дай сколько сможешь.

Она вытащила пачку двадцаток, и, не считая, с сияющей улыбкой отдала их ему. Он попытался сделать шаг, но почувствовал, будто прирос к месту. Гидеон не мог так поступить — только не с ней. И все же он собирался это сделать: угнать ее машину, взять ее деньги, соврать ей и отправиться за ее отцом. Но, черт возьми, какой у него был выбор? Его положение требовало радикальных мер. Если он останется здесь, с Алидой, погибнет огромное количество людей, и он все равно может оказаться в тюрьме. Если он уйдет...

— Возможно, я нескоро вернусь, — сказал он ей. — Мне надо еще кое-что сделать. Не жди меня сегодня вечером.

Она посмотрела на него с беспокойством.

— Хорошо. Но держись подальше от людей — всех до единого. Мой отец упомянул о блокпостах на всех главных дорогах. У них приказ проверять всех на въезде и на выезде с гор Лос-Аламос и Санта-Фе. Они ищут тебя.

— Постараюсь.

Гидеон положил деньги в карман, уклонился от еще одного поцелуя и почти побежал к «Джипу». Он запрыгнул в салон, запустил двигатель и резко рванул с места, оставив позади себя облако пыли. Он попытался не оглядываться назад, но не мог ничего с собой поделаться. В зеркале заднего вида он увидел, что она стоит в дверном проеме — все еще обнаженная: одна нога слегка отведена, светлые волосы каскадом рассыпались по плечам — и машет ему вслед.

«Черт, черт, черт возьми!»

После поворота на ранчо он несколько раз с силой ударил по рулевому колесу, пытаюсь

выпустить гнев. На скорости вписавшись в поворот, он подъехал к окруженной деревьями писательской студии Блейна, которая находилась вне поля зрения главного дома. Повинуясь импульсу, он подъехал к ней и вышел. Используя монтировку, найденную в багажнике «Джипа», Гидеон разбил окно, забрался внутрь домика, забрал ноутбук Блейна, бросил его и зарядное устройство на заднее видение машины, и только затем продолжил путь.

Первой остановкой Гидеона стал магазин бытовой техники «Гудвин Индастрис» на Керриллос-Роуд. Он припарковал дорогой «Джип» последней модели подальше от входа и прошел через «Уолгринс», где купил одноразовый сотовый телефон, прежде чем отправиться в магазин распродаж. Направившись к стойкам, он поспешно выбрал несколько спортивных курток, рубашек, брюк, костюмов и несколько пар обуви подходящего размера. Он также захватил несколько солнцезащитных очков, парик, дешевую бижутерию и большой чемодан.

Заплатив за все наличными Алиды, он проехал квартал до магазина театральных принадлежностей и купил спиртовую камедь, герметик, грим для лица, карандаши и мелки, гелевые вставки, восковой нос и шрам, лысину, несколько шиньонов, кружевную бороду, накладной живот и несколько накладок за щеки. Гидеон понятия не имел, как он намерен все это использовать или даже что именно из этого ему может понадобиться, поэтому он купил все.

Вернувшись в «Джип», он отправился дальше по Керриллос-Роуд, двигаясь на юг к окраине города, где нашел мотель, в который можно было заселиться анонимно и который производил впечатление, что обслуживает всех без разбора. Быстро и кое-как нанеся грим, он превратился в обычного сутенера, образ которого хорошо сочетался с его машиной — черным «Джипом Анлимитед». Клерк даже не поднял глаз, когда Гидеон оплатил наличными номер на несколько часов, заявив, что потерял свое удостоверение. Расщедрившись, он дал парню еще двадцатку на чай, пообещав ему приход «классной девчонки» — которая, конечно же, никогда здесь не появится.

Погрузив все предметы театрального инвентаря в чемодан вместе с ноутбуком Блейна, он зашел в свой снятый номер. Не теряя времени, он выложил одежду на кровати и начал прикладывать ее и сопоставлять с различными элементами маскировки. Это был процесс, который он проделывал раньше много раз.

Во времена, когда Гидеон промышлял воровским ремеслом, он обычно обчищал небольшие частные музеи и исторические общества в дневное время, когда они были доступны посетителям, но почти пусты. После первых нескольких краж он стал использовать маскировку и с годами становился в этом все лучше и лучше. Сама по себе хорошая маскировка была чем-то большим, чем простым внешним видом, речь шла о том, чтобы целиком и полностью стать новым персонажем: ходить, говорить, даже думать по-другому. Это была самая чистая, изощренная форма вхождения в роль.

Создавать новую личность всегда было нелегко. Она должна была быть тонкой, правдоподобной, а не поверхностной, и еще с несколькими яркими чертами, которые смог бы запомнить обычный человек и которые стали бы ключом, вводящим в заблуждение следователей. Абсолютно незапоминающийся персонаж был бы пустой тратой времени, но, с другой стороны, становиться слишком эксцентричным, было бы чересчур рискованно. Процесс требовал времени, внимания и воображения.

Просмотрев всю одежду, Гидеон сначала выбрал одну рубашку, но почти сразу же поменял ее на другую, быстро сопоставив ее с несколькими брюками и туфлями. В его сознании начал складываться персонаж — сорокалетний мужчина в плохой физической

форме, недавно разведенный. Его дети выросли и разъехались, с работы его уволили, поэтому в этой поездке через всю страну он решил вновь найти себя. «Голубые шоссе Америки»^[52] — это своего рода Одиссея. Он был писателем — нет, Гидеон решил сделать его *начинающим* писателем. Он будет делать заметки о своем путешествии и будет готов поделиться своими наблюдениями об Америке с каждым встречным. В первый же день путешествия у него украли кошелек — теперь у него не было даже удостоверения — но это круто, своего рода свобода, бодрящее освобождение от рабских уз общества.

Теперь, как только он это все придумал, то быстро подобрал составляющие образа: туфли, черные джинсы, оксфордская полосатая рубашка «L.L. Bean», спортивная куртка «Bill Blass», лысина с довольно длинной челкой, лицо со слегка бестолковым взглядом, выдающим пьющего человека, очки «Рэй-Бан», шляпа Пендлтон «Инди» с широкими полями. Небольшой, но запоминающийся ромбовидный шрам на правой щеке и округлый живот завершили картину.

Проходить через знакомый процесс создания новой личности и подходящей к ней маскировки было приятно. И, по крайней мере, на некоторое время, он смог забыть об Алиде.

Теперь, завершив приготовления, он обратил внимание на компьютер и включил его. Как он и ожидал, ноутбук был защищен, и несколько слабых попыток угадать пароль не увенчались успехом. Даже если Гидеон взломает его, то, несомненно, там окажутся и другие уровни безопасности. На этом компьютере мог находиться план Блейна, но с таким же успехом он мог быть и на Луне, если Гидеон не сможет пробиться сквозь этот пароль.

Сейчас на это не было времени.

Он сунул ноутбук в чемодан вместе с другими вещами, вышел из комнаты мотеля, бросил все на заднее сидение «Джипа» и уехал. У транспортного средства был GPS-навигатор, и когда он ввел в него адрес Форта-Детрик, штат Мэриленд, тот сообщил ему, что расстояние до пункта назначения составляет тысяча восемьсот семьдесят семь миль, и путь займет тридцать часов. Двигаясь с превышением скорости пять миль в час, останавливаясь только на дозаправку, он может уменьшить время до двадцати пяти или двадцати шести часов. Он не посмеет ехать быстрее — без водительских прав он не мог рисковать, быть остановленным за превышение скорости.

Гидеон взглянул на часы. Было десять часов утра. Блейн сказал, что у него ранний вылет: его самолет уже был в воздухе. Гидеон проверил сайт авиакомпаний и не нашел прямых рейсов до округа Колумбия этим утром — писателю пришлось бы сделать пересадку, и к тому же потерять два часа из-за смены часовых поясов, Блейн не доберется до Форт-Детрика раньше этого вечера. Событие почти наверняка случится завтра, в День-Икс — печально известную дату, отмеченную в календаре в квартире Чолкера.

Гидеон будет на месте уже завтра к полудню. Хватит ли ему времени, чтобы обнаружить Блейна и противостоять ему? Об этом можно было только догадываться. Конечно, вполне было возможно, что Блейн вообще не собирался ехать в Форт-Детрик. Это могла быть уловка; вместо этого мужчина мог отправиться прямо в Вашингтон. Но Гидеон разберется с этой проблемой, когда достигнет восточного побережья.

Он понятия не имел, что будет делать, когда доберется туда. На самом деле, у него не было даже наметок плана, не говоря уже о стратегии или способе нападения. «Но, по крайней мере», — размышлял он, когда заводил двигатель, — «у меня двадцать шесть часов, чтобы что-нибудь придумать».

Стоуну Фордису пришлось сбросить скорость, двигаясь по отвратительной грунтовой дороге, ведущей к ранчо Блейна. Его одолевали сомнения и опасения. При любых других обстоятельствах он легко отмахнулся бы от них, но сейчас обстоятельства были из ряда вон выходящими. Скорее всего, Вашингтон находился в одном дне от взрыва ядерной бомбы. Но на данный момент следствие по этому делу было введено в заблуждение и шло по ложному следу. Миллард и Дарт ошибались: почти наверняка можно было утверждать, что Гидеона кто-то подставил. А именно какой-то сотрудник Лос-Аламоса. И этот сотрудник — вероятнее всего, Новак — каким-то образом был вовлечен в террористический заговор. Это был однозначный вывод, который агент мог сделать на основании имеющихся улик.

На самом деле, у него был один особый факт, говорящий в пользу этой теории: якобы виновный Гидеон даже не попытался залечь на дно — нет, он все еще был где-то поблизости и пытался доказать свою невиновность, ища настоящих преступников. Вот почему он отправился в Лос-Аламос, несмотря на огромный риск для себя. А затем он нанес визит Локхарту, снова сильно рискуя. Гидеон был умным лисом, и таким же хитрым, но даже он не пошел бы на подобные крайние меры, если бы не был действительно невиновен. Каким-то образом Гидеон сумел убедить Алиду Блейн, что он не террорист — только так можно было объяснить ее соучастие, и нежелание выйти на связь с властями.

Так где же Гидеон? За такой короткий промежуток времени он не успел бы добраться через горы из Лос-Аламоса до ранчо Пайют-Крик. У него не было лошади. Поэтому он должно быть, воспользовался автомобилем.

Но чьим?

Как только Фордис задал этот вопрос, то сразу понял, что знает ответ. Гидеону и Алиде помогли. К кому же они могли обратиться? Это было настолько очевидно, что агент не мог поверить, что никто не додумался до этого раньше. Им помог отец Алиды — писатель Саймон Блейн.

После этого для Фордиса стало парой пустяков выяснить, что у Блейна имелось ранчо в горах Хемес. И как только агенту стало об этом известно, он понял, что, в конце концов, до этого додумается и Миллард. Расследование все так же могло идти в неправильном направлении, но Миллард не был глуп. Кто-то в какой-то момент, наверняка догадается обыскать ранчо Блейна.

Он просто надеялся, что этого еще не произошло.

Когда он добрался до владений писателя, то отметил, что обстановка там вполне спокойная. Издали было видно, что здание ранчо располагалось на большом центральном участке, через который пробегал бурлящий ручей и часть которого была покрыта лесом, скрывающим остальные хозяйственные постройки, амбары и загоны.

Агент съехал с дороги далеко от ранчо, захватил свой жетон и вышел из машины. Поблизости не наблюдалось никаких транспортных средств и никаких признаков жизни. Он укрылся среди деревьев и стал тихонько подбираться к главному дому, останавливаясь каждые несколько минут, чтобы прислушаться. Ничего.

Затем, когда он был на расстоянии примерно в сотню ярдов до цели, он услышал скрип двери, и на улицу вышла Алида Блейн. Она решительно зашагала через двор, ее длинные

светлые волосы развевались позади нее.

Фордис вышел на солнечный свет, демонстрируя пистолет и значок.

— Мисс Блейн? Федеральный агент. Не двигайтесь.

Увидев его, она тут же побежала, направившись прямо к густому лесу, начинающемуся у дальнего конца лужайки.

— Стойте! — закричал он. — ФБР!

Девушка побежала быстрее. Фордис рванул за ней на максимальной скорости, на которую только был способен. Он был хорошим бегуном и находился в отличной форме, но девушка как будто летела над землей. Он понял, что, если она доберется до тех деревьев, то, зная местность, запросто сможет скрыться.

— Стойте!

Он удвоил скорость и побежал, как сумасшедший, начиная сокращать разделяющее их расстояние. Беглянка и агент углубились в заросли деревьев. Фордис все еще никак не мог настичь девушку, но несколько сотен ярдов спустя он приблизился к ней настолько, что смог сбить ее с ног.

Они тяжело рухнули на подстилку из сосновых иголок, но Алида перекатилась и стала сражаться, как горный лев, крича и брыкаясь, и ему потребовались все его умения — и несколько бойцовских приемов из средней школы — чтобы укротить и обездвигить ее.

— Господи, вы что, *с ума сошли*? — закричал он. — Вам чертовски повезло, что я в вас не стрелял!

— У тебя на это кишка тонка! — в ответ выплюнула она. Лицо девушки покраснелось и пылало яростью, в то время как она все еще пыталась бороться.

— Можете сейчас просто успокоиться и выслушать меня? — он почувствовал, как по его лицу заструилась кровь в том месте, где она ударила его рукой по щеке. Боже, она как дикая кошка. — Послушайте, я знаю, что Гидеона подставили.

Она перестала бороться и взглянула на него.

— Да, это правда. Я целиком и полностью в этом уверен.

— Бред сивой кобылы! Ты пытался его арестовать, — но в тоне ее голоса просквозила неуверенность.

— Бред или правда, но у меня есть пистолет, направленный на вас, так что хотите вы того или нет, но вы меня выслушаете. Понятно?

Она успокоилась.

— Ну, наконец-то.

И Фордис кратко объяснил ей ход своих рассуждений. Но при этом он не упомянул имя Новака и не стал вдаваться в подробности — последнее, что ему было нужно, это оказаться фрилансером на стороне Гидеона. Или Алиды.

— Теперь вы мне верите? — спросил он. — Я знаю, что вы оба невиновны. Но никто меня не слушает, расследование идет по неправильному пути, и нам с вами придется самим во всем разбираться.

— Дайте мне встать, — сказала она, полностью овладев собой. — Я не могу думать, когда вы вот так на мне лежите.

Агент осторожно отпустил ее, и девушка поднялась, стряхивая с себя сосновые иголки и пыль.

— Пойдемте в дом, — сказала она.

— Гидеон внутри?

— Нет, его нет на ранчо.

Фордис вслед за ней вошел в дом и оказался в большой просторной гостиной с висящими на стенах коврами работы племени навахо, медвежьей шкурой на полу и черепом лося над полкой большого камина, сложенного из дикого камня.

— Хотите чего-нибудь? — спросила она. — Кофе?

— Кофе. И пластырь.

— Сейчас принесу.

Кофе оказался очень вкусным. Агент осторожно наблюдал за Алидой, пока она искала пластыри. Девушка оказалась настоящей чертовой бестией. И — как и Гидеон — достойным соперником.

— Чего вы хотите? — спросила она, бросая ему коробку с пластырями.

— Мне нужно найти Гидеона. Мы получили это задание с ним на двоих, и я намерен завершить его с ним вместе, как и полагается напарникам.

Она задумалась над его словами, но только на мгновение.

— Справедливо. Я в деле.

— Нет, вы *не* в деле. Вы понятия не имеете, насколько это опасно. Мы профессионалы, а вы нет. Вы станете помехой и подвергнете серьезной опасности нас обоих — не говоря уже о себе.

Повисло долгое молчание.

— Согласна, — наконец сказала она. — В ваших словах есть доля истины — и немалая. В любом случае, вы и Гидеон можете использовать ранчо в качестве базы.

— Не вариант. На это ранчо рано или поздно нагрянут агенты с обыском — не сегодня, может быть, но скоро. Это только вопрос времени. Вам нужно убраться отсюда. А мне — найти Гидеона. И как можно скорее.

Снова повисла тишина. Девушка размышляла над сказанным, и он был уверен, что она примет его доводы.

Наконец она кивнула.

— Согласна. Гидеон взял «Джип» и поехал на ранчо Пайют-Крик, чтобы встретиться с Уиллисом. Потому что, черт возьми, он и его извращенный культ стоят за всем этим.

Фордису удалось скрыть свое удивление. Гидеон *уже* встречался с Уиллисом — накануне.

— Он отправился в Пайют-Крик... *этим* утром?

— Да. Уехал на рассвете.

Гидеон ей солгал. Какого черта он творит? Но Фордис быстро догадался, что, видимо, парень напал на чей-то след, и у него была причина не делиться с Алидой информацией.

— Хорошо, — сказал он. — Дайте мне номер и описание авто, и я его найду.

Она продиктовала ему данные, он записал их и поднялся.

— Мисс Блейн? Могу я дать вам совет?

— Конечно.

— Вам нужно исчезнуть отсюда. И чем быстрее, тем лучше. Потому что, как я уже сказал, скорее раньше, чем позже, власти нагрянут на это ранчо с обыском — и с учетом важности этого расследования, вы, возможно, не переживете этого. Понимаете? Пока мы не узнаем, кто действительно стоит за всем этим, ваша жизнь будет в опасности.

Она кивнула.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо за сотрудничество. Мне пора.

Гидеон добрался до городка Тукумкари, и заехал в «Стаки» на дозаправку. Было около часа пополудни, и пока все шло хорошо. Он ощущал некоторую легкость. Ему удалось совершить чистый побег, и он ехал на машине, о которой не знали правоохранительные органы. Впереди его ожидало еще примерно двадцать три часа езды. Денег Алиды может оказаться недостаточно, чтобы добраться до пункта назначения, но если ему придется ограбить пару кассовых аппаратов, то он это сделает, когда придет время.

Заправившись, он вошел в «Стаки», полностью перевоплотившись в мистера Чувствительного-и-Обидчивого-Разведенного-Мужчину-Средних-Лет-Совершающего-Поездку-для-Самопознания, и запасся вяленой говядиной, «Читос», «Твинки», шоколадками, колой и коробкой энергетиков. Гидеон увидел пластиковый больничный писсуар и — после секундного колебания — добавил его в свою корзину. Это сэкономит ему немного времени в пути. Он выложил все на кассу, расплатился и вернулся в свою машину с увесистой сумкой. Он сел в машину и собрался завести двигатель, когда почувствовал что-то холодное у своего затылка.

— Не рыпайся, — раздался низкий, хриплый голос.

Гидеон застыл. Он взглянул на бардачок, где был спрятан «Питон».

— Я уже забрал твоё оружие, — сообщил гость.

И тут Гидеон узнал голос Фордиса. Невероятно. Как это случилось? Это была катастрофа — полная катастрофа.

— Слушай меня, Гидеон. Я знаю, что ты невиновен. Я знаю, что тебя подставили. И я также знаю, что начальник службы безопасности, Новак, в этом замешан.

Гидеон не был уверен, что правильно все расслышал. Он боролся с сомнениями. Неужели это был какой-то гамбит? Что задумал Фордис?

— Расследование окончательно сбилось с пути. Ты мне нужен. Нам надо действовать сообща, как и раньше, и завершить это задание. Гидеон, ты хитрый сукин сын, и я никак не могу решиться довериться тебе окончательно перед тем, как отпустить. Но я клянусь Богом, что мы единственные, кто может помешать взорваться этой ядерной бомбе.

Все происходящее становилось все более убедительным.

— Как ты меня нашел? — спросил он.

— Я запустил стандартную процедуру «Установление местонахождения» «Джипа» по его номеру, получил сообщение, что ты направляешься на восток по шоссе I40, гнал, как сумасшедший, и нашел тебя здесь.

Повисла пауза.

— Послушай, я знаю, что у тебя все это не укладывается в голове. Как и всех остальных, меня ввели в заблуждение. Я думал, ты действительно виновен. Но теперь я осознал свою ошибку. Я не знаю, куда ты направляешься, или по чьему следу ты идешь, но я, черт возьми, знаю, что тебе понадобится помощь.

Гидеон взглянул на агента в зеркало заднего вида.

— Как ты узнал номер машины?

— Я сделал предположение: учитывая время, что вы с Алидой Блейн находитесь в бегах, ты мог воспользоваться одним из автомобилей, принадлежащих ее семье.

Гидеон ничего не сказал. Получается, что автомобиль *не был* так уж неизвестен правоохранительным органам, как он думал.

— Вот твой «Питон», — Фордис протянул пистолет, и Гидеон отметил, что он все еще заряжен, — в знак моих добрых намерений.

Гидеон снова посмотрел в зеркало заднего вида, взглянул в глаза Фордиса и прочел в них искренность. Мужчина говорил правду.

— Поехали. Время работает против нас, — Гидеон завел «Джип».

— Подожди. Мы можем взять мою служебную машину. У меня есть сирена и мигалки.

— Ты ушел в самоволку от основного расследования?

— Меня отправили в отпуск.

— Тогда этот автомобиль более безопасен. В первую очередь они будут искать *тебя*.

Фордис помолчал.

— В этом есть смысл.

Гидеон вырулил от «Стаки», направляясь обратно к шоссе.

— Пока мы едем, — сказал он, — я расскажу тебе, что узнал. А ты расскажешь мне, что узнал ты. К тому же у меня сзади есть ноутбук, который еще предстоит взломать. Ты когда-то говорил, что работал в отделе дешифровки ФБР. Как думаешь, сможешь справиться?

— Могу попробовать.

Гидеон установил круиз-контроль на семьдесят девять. И как только машина выехала на шоссе, он начал рассказывать Фордису свою историю.

Миновав Техасский Выступ, они остановились недалеко от границы с Оклахомой, чтобы Фордис смог купить адаптер для подзарядки ноутбука, подходящий к разъему прикуривателя. За время долгого путешествия по Техасу Гидеон рассказал агенту, как он обнаружил, что Блейн стоит за всем этим террористическим заговором. Фордис, в свою очередь, поведал напарнику, как он понял, что Гидеона подставили, и что в это был вовлечен начальник службы безопасности Новак.

— Чего я *не знаю*, — сказал Фордис, — так это, был ли Новак частью этого заговора с самого начала, или ему лишь заплатили за то, чтобы он подкинул в твой электронный ящик эти джихадистские письма.

— Из твоего описания его дома следует, что у него больше денег, чем он официально зарабатывает, — ответил Гидеон. — Готов спорить, что он задействован в этой игре с самого начала, — он помолчал пару секунд, размышляя. — Неудивительно, что Блейн был готов помочь мне, беглецу. Скорее всего, он не слишком обрадовался, что Алида оказалась в этом замешана, но, должно быть, подумал, что если я останусь на свободе, то смогу отвлечь на себя внимание властей, — он снова замолчал. — Кого я действительно не могу понять, так это самого Блейна. Почему, черт возьми, именно *он* — из всех возможных людей — решил нанести ядерный удар по Вашингтону? Я действительно не вижу причины. Он же патриот, бывший разведчик...

— Ты удивишься тому, насколько сильно могут измениться люди. И что может их мотивировать.

— Алида сказала, что Блейну отказали в Нобелевской премии из-за его прошлого. Возможно, это и озлобило его.

— Может быть. И, возможно, мы найдем ответ на этом ноутбуке, — Фордис подключил компьютер к разъему и нажал «POWER».

Гидеон, сидя на месте водителя, повернулся, когда на экране стали появляться сообщения о запуске. Затем появилось окно входа в систему.

— Как я и сказал, защищено паролем, — пробормотал Гидеон.

— О, да, кто бы сомневался, — хмыкнул Фордис.

— Ты можешь его взломать?

— Это еще предстоит выяснить. Посмотри на экран заставки. Тут у нас вариант запуска NewBSD UNIX. Странный выбор для романиста.

— Не забывай, что он бывший агент МИ-6. Кто, черт возьми, знает, какое ПО они там используют!

— И то правда. Но я сомневаюсь, что это рабочий компьютер Блейна, — он указал на экран ноутбука. — Посмотри на номер версии: NewBSD 2.1.1. Этой операционной системе лет шесть, не меньше.

— Это плохо?

— Это может быть хорошо — не такая уж и сильная система безопасности. А других компьютеров в его кабинете ты не видел?

— Я там, знаешь ли, не прогуливался. Просто схватил первое, что увидел.

Фордис понимающе кивнул. Затем он вытащил свой «БлэкБерри» из кармана и

пробежался по кнопкам.

— Кому ты звонишь? — спросил Гидеон.

— Запрашиваю доступ к главному компьютеру отдела криптологии ФБР. Мне понадобится несколько хитрых уловок, чтобы решить эту задачу.

Гидеон молчал, пока Фордис печатал какую-то сложную серию команд. Затем с выдохом удовлетворения агент воткнул флешку в USB-порт «БлэкБерри».

— С этой штукой я смогу подключиться к дюжине операционных систем, — сказал он, постукая по флешке. — Слава Богу, у этого ноутбука есть USB.

— И что дальше? — поинтересовался Гидеон.

— Я собираюсь запустить атаку по словарю и подобрать логин и пароль Блейна.

— Ясно.

— Если комбинация не слишком длинная и запутанная, возможно, мы прорвемся.

Гидеон бегло взглянул на напарника.

— Блейн не болван.

— Знаю. Но это не значит, что он сильно подкован технически, — Фордис воткнул флешку в один из портов ноутбука и перезагрузил его. — Эта малышка может подбирать до двухсот пятидесяти тысяч комбинаций в секунду. Давай посмотрим, насколько Саймон Блейн параноик.

В течение следующих полутора часов Гидеон ехал на «Джипе» все время прямо, никуда не сворачивая и удерживая скорость около семидесяти девяти миль в час. Он проехал Элксити, затем Клинтон и Уэзерфорд. Солнце клонилось к закату, и на небе над прерией постепенно начинали загораться звезды. Когда они были на подъезде к Оклахома-Сити, прогресса все еще не наблюдалось, и внутри Гидеона начало нарастать беспокойство. Фордис тоже терял терпение, всматриваясь в экран и бормоча что-то себе под нос. Наконец, выругавшись, он выдернул флешку из порта ноутбука и перезагрузил его.

— Ладно, — прорычал он, — одно очко в пользу Блейна.

— То есть, мы облажались? — спросил Гидеон.

— Пока нет, — когда ноутбук перезагрузился, и появилось окно входа в систему, Фордис быстро пробежался по клавишам:

```
LOGIN: root
```

```
PASSWORD: ****
```

На экране молниеносно пронесся целый вихрь текста.

— Бинго! — воскликнул Фордис.

Гидеон изумленно взглянул на него.

— Ты зашел в его учетную запись?

— Нет.

— Тогда к чему столько радости?

— Я вошел в учетную запись системы. Просто ввел «root» в качестве логина, и то же самое вместо пароля, и — *voilà!* — я — суперпользователь. Ты удивишься, как много людей даже не знают о том, что так можно сделать, или слишком ленивы для того, чтобы поменять настройки системы по умолчанию на этих старых системах UNIX.

— А ты можешь отсюда докопаться до файлов его учетной записи?

Фордис покачал головой.

— Не могу. Но, возможно, мне это и не нужно.

— Почему, черт возьми?

— Потому что как суперпользователь я могу получить доступ к системным файлам паролей UNIX, — он снова подключил флешку, набрал длинную серию команд, а затем откинулся на сидение, просяв и указывая на экран. — Смотри.

Гидеон присмотрелся.

```
BlaineS:Heqw3EZU5k4Nd:413:adgfirkg
```

```
m~/home/subdir/BlaineS:/bin/bash
```

— Вот имя пользователя и пароль. Последний раз использовался DES^[53].

— Стандарт шифрования данных? Я думал, его невозможно взломать.

Улыбка Фордиса заставила Гидеона нахмуриться.

— Ах, да. Дай, догадаюсь. Правительство подстраховалось и спрятало в стандарте шифрования для себя «черный ход».

— Ты не слышал этого от меня, — строго ответил агент.

Примерно десять минут Гидеон ехал молча, пока Фордис печатал, иногда отрываясь от клавиатуры, чтобы посмотреть на экран, и время от времени бормоча себе что-то под нос. Наконец, с тихим проклятьем, он ударил кулаком по сидению.

— Безуспешно? — спросил Гидеон.

Фордис покачал головой.

— Я не могу взломать алгоритм DES. Блейн намного умнее, чем я думал. Он — или кто-то другой — использовал особый вариант DES. Я тут тотально застрял. Не могу придумать ничего подходящего.

Салон «Джипа» погрузился в тишину.

— Мы не можем просто сдать, — буркнул Гидеон.

— Есть идеи?

— Мы можем попытаться *угадать* его пароль.

Фордис закатил глаза.

— Моя программа подбора паролей перебрала более миллиарда комбинаций на двенадцати языках, включая слова, сочетания слов, имена и географические названия, не говоря уже о множестве наиболее часто используемых паролей. И ты хочешь сказать, что после всего этого *мы* сможем *угадать* пароль, с которой не справилась лучшая программа взлома? — он покачал головой.

— Как минимум, мы знаем, о чем думать *не надо*. Твоя программа — это просто программа. Мы же знаем о Саймоне Блейне намного больше. Послушай, это того стоит. У нас уже есть имя его учетной записи, верно? — Гидеон продолжал размышлять вслух. — Возможно, он использовал имя одного из персонажей своих книг. Возьми свой «БлэкБерри», найди его сайт и просмотрю имена всех его персонажей, какие найдешь.

Фордис одобрительно хмыкнул и приступил к работе. Через несколько минут он составил список примерно из дюжины имен.

— Дирксон Аугер, — произнес он, глядя на первое имя в списке. — Блейну реально хорошо платят за то, чтобы он придумывал подобные имена?

— Попробуй.

Фордис переключил внимание на ноутбук.

— Сначала попробую «Дирксон».

Ошибка.

— Аугер, — качнул головой он.

Ошибка.

— Попробуй набрать их вместе, — предложил Гидеон.

Ошибка.

— Попробуй в другом порядке или напиши их наоборот.

Ошибка.

— Сукин сын, — прорычал Фордис.

— Попробуй то же самое с остальными именами.

Когда Гидеон проехал еще пятнадцать миль, Фордис всплеснул руками.

— Это безнадежно, — выдохнул он. — Я попробовал их все. Если б даже паролем служило одно из этих имен, то будь у Блейна хоть капля здравого смысла, он бы все равно добавил какие-нибудь дополнительные знаки или поменял бы буквы на цифры или что-то еще в этом роде. Вариантов слишком много.

— В чем особенность паролей? — начал размышлять Гидеон спустя примерно пару минут. — Если ты не пользуешься «менеджером паролей», то должен *помнить* комбинацию, которую составил.

— И?

— И, может быть, это не персонаж книги. Может, это имя реального человека. Он бы точно его не забыл. И самым очевидным человеком будет Алида.

— Очевидным, говоришь. По мне, так *слишком* очевидным, — Фордис напечатал имя, и затем попробовал несколько его вариантов. — Не-а.

— Ну, хорошо, сделай то, что ты сам предложил минуту назад. Поменяй некоторые буквы на цифры или символы.

— Я поменяю «l» на цифру «1», — Фордис попытался ввести новый пароль. — Все равно нет.

— Попробуй что-нибудь еще. Поменяй «i» на знак доллара, например.

Очередная попытка.

— Снова прокол, — пробубнил Фордис.

Гидеон облизал губы.

— Я помню, как читал, что часто пароли состоят из двух частей: корня и придатка. Так ведь? Поэтому добавь что-нибудь в конце.

— Например?

— Я не знаю. Может, икс-игрек-зет? Или 00?

И снова стук клавиш.

— Мы зря тратим время, — нахмурился Фордис.

— погоди, я кое-что придумал. У Блейна есть прозвище, которым он называет Алиду. *Чудо-Дочь*. Иногда он сокращает ее до «ЭмДи». Попробуй эти две буквы после ее имени.

Фордис попробовал.

— Не подходит. Ни спереди, ни сзади, ни даже в середине.

Гидеон вздохнул. Возможно, Фордис был прав.

— Просто продолжай перебирать варианты, — он сосредоточился на дороге, пока Фордис сидел рядом с ним и тихонько набирал текст на клавиатуре, пробуя один вариант за другим. Внезапно агент ФБР издал громкий вопль восторга. Гидеон взглянул на ноутбук и

увидел на его экране что-то новенькое.

— У тебя получилось?

— Да, черт возьми!

— И какой пароль?

— A1\$daMdee. Чересчур сентиментально, не находишь? — Фордис принялся просматривать файлы компьютера, в то время как на горизонте появились очертания Оклахома-Сити.

Через двенадцать часов они уже пересекали Теннесси. Фордис ссутулился на пассажирском сидении, зарывшись в ноутбук по самые уши. Он корпел над ним в течение двенадцати часов, и просмотрел тысячи файлов, в которых не нашлось ничего полезного. В компьютере обнаружили лишь наброски книг, бесчисленные редакции различных глав, описания персонажей, сценарии фильмов и прочие заметки. Этот ноутбук был полностью посвящен писательскому делу и ничему больше.

Гидеон бросил на напарника очередной взгляд.

— Ну что? Нашел что-нибудь? — спросил он примерно в тридцатый раз. Фордис покачал головой.

— Ничего интересного. Никакой переписки с Чолкером, Новаком или кем бы то ни было еще из Лос-Аламоса.

Фордис был уверен, что в кабинете Блейна, скорее всего, был еще один компьютер, на котором содержались нужные файлы, и который Гидеон просто не заметил. Однако говорить об этом агент не собирался.

В качестве фона Гидеон слушал NPR^[54], на котором, как обычно, извергалась смесь новостей и предположений о надвигающейся ядерной атаке на Вашингтон. Следствию удалось сохранить в секрете, что предполагаемый День-Икс наступит уже сегодня, однако массовые передвижения войск, эвакуация Вашингтона и приготовления в других крупных городах по всей стране привлекли к себе пристальное внимание средств массовой информации. Страна пребывала в состоянии интенсивно возрастающего беспокойства. Люди нутром чуяли, что что-то назревает.

Тревога и возмущение правили эфирными волнами. Целая вереница самопровозглашенных экспертов, аналитиков, политиков и прочих демагогов предлагала вниманию слушателей свои противоречивые взгляды на ситуацию. Один за другим они проклинали на чем свет стоит застопорившееся расследование и предлагали собственные идеи выхода из кризиса. И у каждого из них была своя теория.

Террористы отказались от своего плана.

Террористы нацелились теперь на другой крупный американский город.

Террористы залегли на дно и теперь выжидают.

Террористы погибли от радиационного отравления.

Во всем виноваты либералы.

Во всем виноваты консерваторы.

Террористы были коммунистами...

... правыми...

... левыми...

... фундаменталистами...

... анархистами...

... банкирами...

Это безумие все продолжалось и продолжалось. Фордис не мог не слушать весь этот бред, невольно проникаясь к нему каким-то извращенным любопытством. В какой-то момент он хотел попросить Гидеона выключить радио, но почему-то передумал.

Агент взглянул на простирающуюся перед ними дорогу. Они приближались к пригороду Ноксвилла. Он снова потянулся и уставился в экран ноутбука. Невероятно, сколько файлов может насоздавать писатель! Он просмотрел уже три четверти, но так и не нашел ничего полезного. Оставался лишь один выход — смотреть дальше.

Когда он открыл следующий файл — нечто под названием «ОПЕРАЦИЯ «ТРУП» — т вздрогнул от внезапных воплей сирены и яркого света проблесковых маячков в зеркале заднего вида. Фордис взглянул на спидометр и понял, что они все еще идут со скоростью семьдесят девять миль в час в зоне, где разрешено шестьдесят.

— Боже, — буркнул он.

— А у меня нет водительских прав, — простонал Гидеон. — Мне конец.

Фордис отложил компьютер. Полицейский вновь взвизгнул сиреной. Гидеон включил аварийный сигнал, замедлил ход, съехал на обочину и остановился.

— Разыграй представление, — скомандовал Фордис. Его разум судорожно сгенерировал нужный сценарий. — Скажи ему, что твой кошелек украли и что тебя зовут Саймон Блейн.

Коп вышел из машины, подтянув штаны. Это был типичный патрульный — большой, с квадратной бритой головой и с плотно прилегающими к ней ушами, глазами, скрытыми за зеркальными очками, и тонкими губами, кривившимися в хмурой гримасе. Он подошел и постучал в окно. Гидеон опустил его.

Коп наклонился.

— Ваши документы, пожалуйста.

— Здравствуйте, офицер, — вежливо поздоровался Гидеон. Он потянулся к бардачку и порылся, вытащив регистрацию, после чего передал ее полицейскому. — Мой бумажник украли, когда я останавливался отдохнуть в Арканзасе. Как только вернусь в Нью-Мексико, то сразу же займусь восстановлением прав.

Ничто не нарушало тишину, пока офицер изучал документы.

— Вы Саймон Блейн?

— Да, сэр.

Фордис понадеялся, что этот парень не окажется фанатом писателя.

— То есть, водительских прав у вас нет?

— У меня *есть* права, офицер, но их *украли*, — ему нужно было быстро придумать, что делать дальше. И он вдруг заговорил доверительным тоном. — Мой папа был патрульным, как вы. Его застрелили, когда он был на дежурстве...

— Пожалуйста, выйдите из машины, сэр, — бесстрастно скомандовал коп.

Гидеон подался в сторону, собираясь подчиниться, и начал возиться с дверной ручкой, в то же время, продолжая говорить.

— Обычное дорожное патрулирование, два парня, которые, оказалось, только что ограбили банк... — он все еще никак не мог открыть дверь, — да чертова ручка!

— Выйдите. Сейчас же, — мужчина положил руку на рукоять своего пистолета в качестве меры предосторожности.

Тут Фордис понял, что ситуация вышла из-под контроля. Он достал свой значок и потянулся через Гидеона, показывая его копу.

— Офицер? — обратился он. — Специальный агент Фордис, ФБР.

Полицейский взял жетон и изучил его сквозь свои зеркальные солнечные очки. Он вернул его Фордису, демонстрируя всем своим видом, что совершенно не впечатлен. Затем он снова посмотрел на Гидеона.

— Я попросил вас выйти из машины.

Фордиса захлестнула волна раздражения. Он открыл дверь со своей стороны и вышел.

— Вы, оставайтесь в машине, сэр, — скомандовал патрульный.

— Прошу прощения, — резко сказал Фордис. Он обошел автомобиль и подошел к патрульному, взглянув на вышитые инициалы на груди одного. — Офицер МакКи, не так ли? Как я уже сказал, я специальный агент ФБР из полевого офиса Вашингтона, — он не протянул ему руку для рукопожатия. — Мой напарник — технический консультант ФБР. Мы путешествуем под прикрытием. Мы оба прикреплены к NEST для расследования дела связанного с террористической атакой. Я назвал вам свое имя и показал свой номер значка, можете проверить его подлинность. Но, сожалею, никакого удостоверения от этого джентльмена вы не увидите, и вам придется с этим смириться. Вы меня поняли?

Агент замолчал, но МакКи ничего не ответил.

— Я спросил, вы меня поняли, офицер МакКи?

Полицейский даже не шевельнулся.

— Я проверю подлинность вашего значка, спасибо. Могу я снова получить его для идентификации, сэр?

Это было неприемлемо. Последнее, чего хотел бы Фордис, это чтобы Миллард узнал, что он проехал уже две трети страны на «Джипе» Саймона Блейна. Но... если этому человеку необходимо идентифицировать значок, стало быть, он не запомнил его имя. Фордис сделал к патрульному еще один шаг и понизил голос.

— Хватит этой ерунды. Нам необходимо добраться до Вашингтона, и мы *очень* спешим. Вот, почему мы превышаем скорость. Поскольку мы путешествуем под прикрытием, то мы не можем повесить на машину мигалку и ехать в компании военного эскорта. Позвоните в ФБР, проверьте мой значок. Пожалуйста, это ваше право. Можете это сделать. Но если вы не слышали новости, то у нас тут кризис, вообще-то, и мы с моим консультантом не имеем права тратить время на все эти формальности, — он замолчал, пытаясь понять по невыразительному лицу патрульного, проняла ли его эта история или нет. Патрульный, похоже, сохранил бесстрастность. Крепкий орешек. Что ж, да будет так. Фордис поднял голос до крика.

— А от себя, *офицер*, я могу добавить, что если ваша деятельность раскроет наши личности, вы окажетесь на дне гребанной Марианской Впадины. У нас миссия критической важности, а вы *уже* потратили слишком много нашего времени.

И вот тут то Фордис, наконец, заметил, что этот непробиваемый кирпич вспыхнул от гнева и страха.

— Я просто выполняю свою работу, сэр, вам нет необходимости говорить со мной подобным тоном.

Фордис резко отстранился, выдохнул, положил руку на плечо мужчины и сказал:

— Я знаю. Простите. Поймите, сейчас сложилась крайне напряженная обстановка, и работать в ней — то еще удовольствие. Мне жаль, что я говорил с вами резко, офицер. Представьте, какое напряжение мы испытываем, и постарайтесь нас понять. А теперь нам нужно двигаться дальше. В любом случае, пробеите мой значок, но, пожалуйста, не задерживайте нас больше.

Патрульный выпрямился.

— Да, сэр. Я понимаю. Думаю, мы здесь закончили. Я сообщу номер вашей машины дальше по дороге — пусть остальные тоже знают, что вас не следует тормозить. Так как вы

выполняете правительственное задание, можете двигаться без ограничения скорости, по крайней мере, до границы штата.

Фордис сжал его плечо.

— Мы благодарны вам за это, офицер. Очень, — он скользнул на пассажирское сидение, и Гидеон резко тронулся с места.

Через минуту Фордис заговорил:

— Отец-патрульный, которого застрелили на дежурстве. Это полная лажа! К счастью, я был рядом и сумел вытащить нас из этого дерьма.

— У тебя был значок, у меня — нет, — буркнул Гидеон. Но затем все же неохотно добавил, — ты отлично справился. Правда.

— Да, черт возьми. И это существенно облегчит нам дальнейший путь. Итак, мы в семи часах от Вашингтона и до сих пор понятия не имеем, в чем замешан Блейн. Этот ноутбук чист, как первый снег.

— Там *должно быть* хоть что-то. Нельзя планировать такой крупномасштабный заговор и нигде его не законспектировать.

— А что, если мы ошибаемся? Что, если он невиновен, несмотря ни на что?

Гидеон молчал. Но затем покачал головой.

— По личным причинам часть меня очень хочет, чтобы так оно и было. Но он точно стоит за этим. Должен стоять. Иначе ничто из происходящего не имеет смысла.

Фордис устало и неохотно вернулся к «ОПЕРАЦИИ «ТРУП». Он знал, что обнаружит там то же самое, что и во множестве других бесполезных файлах: работу плодовитого и талантливого писателя.

«ОПЕРАЦИЯ «ТРУП» оказалась десятистраничным наброском романа, который Блейн по-видимому, так и не написал. По крайней мере, под таким названием. Фордис потер глаза и начал просматривать файл, и вдруг замер. Уставившись не верящим взглядом в экран, он почувствовал, как его сердце рухнуло куда-то вниз, на уровень пяток. Он моргнул — раз, два, три... затем вернулся к началу файла и прочел его снова, на этот раз медленно.

Когда он добрался до конца, то поднял глаза на Гидеона.

— Боже, — произнес он тихо, — ты ни за что не поверишь, что я нашел.

Гидеон старался сфокусироваться на дороге, пока Фордис рассказывал ему о своей находке.

— Здесь набросок книги. Всего десять страниц. Она называется «ОПЕРАЦИЯ «ТРУП».

Гидеон чуть ослабил давление на педаль газа, замедлившись до восьмидесяти миль в час, чтобы иметь возможность уделить рассказу Фордиса больше внимание.

— Набросок книги?

— Да. Сюжет для триллера.

— О ядерных террористах?

— Нет. Об оспе.

— Оспе? Какое отношение это имеет к...

— Просто послушай, — Фордис замолчал, собираясь с мыслями. — Сначала нужно узнать некоторые предпосылки. В предисловии рассказывается, что болезнь была полностью уничтожена в дикой природе в 1977 году. Все оставшиеся вирусные образцы, содержащиеся в лабораториях, также были уничтожены... кроме двух. Один из них в настоящее время находится в Государственном Исследовательском Центре Вирусологии и Биотехнологии в Кольцово, в России. А второй — в USAMRIID, Медицинском Исследовательском Институте Инфекционных Заболеваний Армии США, — Фордис прервал свой рассказ, сверяясь с файлом, — это в *Форт-Детрике, Мэриленд*.

Гидеон почувствовал, как по его телу пробежал холодок.

— Быть не может!

— Заметки рассказывают историю о банде, которая планирует украсть образец оспы из Форт-Детрика. Они хотят заполучить образец и собираются угрожать выпустить его, тем самым шантажируя весь мир. В их планах потребовать сто миллиардов долларов и собственный остров в Тихом Океане. Они планируют оставить оспу у себя в качестве гарантии, хранить ее на своем острове и наслаждаться жизнью среди роскоши и комфорта.

— Пока не вижу связи.

— А вся соль в том, *как* они собираются заполучить этот образец: инсценировать поддельный исламский террористический заговор с предполагаемым взрывом бомбы в Вашингтоне.

Гидеон взглянул на агента.

— Ущипни меня...

— И вот еще: они организуют свой поддельный заговор с помощью облученного трупа, брошенного в квартире Нью-Йорка. Все будет выглядеть так, будто он погиб в результате радиационной аварии, работая с ядром ядерной бомбы. При обыске окажется, что вся квартира наполнена фальшивыми доказательствами, связывающими этого человека с радикальным исламистским движением и террористической ячейкой джихадистов.

— Чолкер, — выдохнул Гидеон.

— В точку. Не говоря уже о календаре с помеченной датой и обгоревшей карте Вашингтона с потенциальными целями.

В голове Гидеона судорожно стали крутиться шестеренки размышлений.

— Форт-Детрик находится всего в сорока милях от Вашингтона.

Фордис кивнул.

— Верно.

— Таким образом, угроза Вашингтону приведет к тому, что большинства солдат в Форт-Детрике не будет.

— Именно! — воскликнул Фордис. — Мало того, что под угрозой ядерной атаки эвакуируют большую часть населения Вашингтона и большую часть солдат Форт-Детрика — они уберут и большинство сотрудников службы безопасности Института Инфекционных Заболеваний, оставив оспу в уязвимом положении.

— Невероятно, — пробормотал Гидеон.

— Внутри у них есть свой человек, который даст им коды, чтобы попасть в хранилище, где содержится вирус. Они войдут, введут нужный код, откроют биосейф, заберут замороженную культуру вируса и уйдут. Образцы оспы хранятся в криогенных герметичных ампулах, которые настолько малы, что их можно спрятать в кармане, — Фордис постучал по ноутбуку. — Это все здесь, в книге Блейна, которую он написал... шесть лет назад. И послушай вот, что: здесь говорится, что книга была основана на реальной тайной операции, которую провернули англичане во время Второй Мировой Войны. Она называлась «Операция «Фарш». Британская разведка устроила все так, что к берегам Испании прибил труп. Предположительно, это было тело британского высокопоставленного офицера, погибшего в авиакатастрофе. В карманах трупа были найдены секретные документы, свидетельствующие о том, что союзники собираются вторгнуться в Италию через Грецию и Сардинию. Но все это было лишь схемой дезинформации немцев, дымовой завесой, маскирующей истинные планы англичан. И этот обман сработал — немцы были введены в заблуждение, и даже сам Гитлер на это повелся.

Пока Гидеон переваривал информацию, в машине повисло короткое молчание.

— Британская разведка, — пробормотал он. — МИ-6. Там и работал Блейн.

— Единственное различие, — продолжал Фордис, — это то, что Чолкер не был трупом.

— Живым он оказался не менее эффективен, — качнул головой Гидеон. — Даже огромной дозе радиации требуется время на то, чтобы убить человека. Должно быть, его похитили и держали взаперти, и одному Богу известно, как сильно ему там промыли мозги.

— Та собачья клетка, которую мы нашли в лаборатории, — нахмурился Фордис, — похоже, там держали не собаку...

— Значит, все эти безумные рассказы Чолкера о том, что его похитили и ставили на нем эксперименты, в конце концов, не были такими уж безумными... — Гидеон запнулся. — Они подставили его, сделали его джихадистом в глазах всех людей — точно так же, как они подставили и меня.

Фордис постучал по клавиатуре.

— Позволь я тебе кое-что прочитаю. Здесь говорится, что, поскольку прошло сорок лет с тех пор, как оспа последний раз была замечена в дикой природе, большинство людей, живущих сегодня, не имеют к ней никакого иммунитета. Это же тотально заденет все человечество. Вот, послушай: «*Variola major*» или «оспа» классифицируется многими эпидемиологами как самая страшная болезнь, когда-либо поражавшая человечество. В зависимости от штамма, смертность может достигать ста процентов. *Variola* заразна, как простуда, и распространяется, как лесной пожар. Даже те, кто выживает, получают физические увечья на всю жизнь и часто слепнут. Оспа вызывает одну из самых страшных и ужасных смертей. Болезнь начинается с высокой температуры, мышечных болей и рвоты.

Появляется сыпь, покрывающая тело твердыми растянутыми пустулами, часто образующимися на языке и нёбе. В своей самой прогрессирующей форме пустулы сливаются, образуя единую пустулу, покрывающую все тело жертвы. Кровь вытекает из разорвавшихся сосудов и заполняет мышцы и внутренние органы, глаза наливаются кровью и становятся ярко-красными. Симптомы болезни часто сопровождаются острым психическим расстройством, при котором неврологические изменения заставляют жертву страдать от неконтролируемого ужаса, страха перед надвигающейся гибелью. Слишком часто этот страх становится реальностью. Всемирная Организация Здравоохранения заявила, что единичный случай оспы, вспыхнувший в любой точке мира, станет «глобальной медицинской катастрофой высшего порядка» и потребует «полного карантина зараженного региона в сочетании с аварийным кольцом вакцинации в качестве меры сдерживания». Представляется вероятным, что для эффективного карантина зараженных районов потребуется значительная военная мощь.

Когда Фордис закончил читать, в машине стало так тихо, что слышалось лишь жужжание шин по асфальту.

— Итак, у Блейна была идея романа, — наконец сказал Гидеон. — Он проработал все детали и записал это как набросок книги. Он собирался создать потрясающий триллер. И тут он понял, что идея слишком хороша, чтобы просто потратить ее на книгу. Поэтому, он решил перенести свою идею в реальность.

Фордис кивнул.

— Держу пари, он пошел на это, когда встретил Чолкера и понял, какая прекрасная возможность только что буквально упала ему в руки. Я имею в виду, какой козел отпущения подошел бы для такого дела лучше, чем ученый-ядерщик из Лос-Аламоса, который обратился в ислам?

— Да, — кивнул Фордис. — И еще, я бы сказал, что мы имеем дело с большой группировкой, а не только с Блейном. Новак замешан, это ясно. И, возможно, другие люди. Подобная операция — не то дело, которое проворачивают в одиночку.

— Ты прав. Готов поспорить, что один из его поделщиков повредил наш самолет.

— Но вот, чего я не понимаю: как они облучили Чолкера без реального ядерного оружия?

Гидеон задумался над этим.

— Есть и другие способы. Наиболее очевидным кажется применение радиоактивных изотопов, используемых в медицинской диагностике.

— Разве эти материал легкодоступны?

— Нет. Но они доступны тем, у кого есть нужный уровень допуска. Дело в том, что медицинские изотопы, как правило, являются продуктами распада урана или плутония, результатом реакции контролируемой критичности. Конечно, заговорщики должны были рассчитать соотношение радиоактивных изотопов, основываясь на доступной медицинской радиоактивности, и осуществить расщепление, приведшее к требуемым изотопным соотношениям.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Я хочу лишь сказать, что с практической точки зрения это *возможно* устроить. Можно правдоподобно инсценировать несчастный случай при сборке ядра бомбы, оставив следы медицинский радиоизотопов — только при условии, что они будут в правильном соотношении. Это не единственный способ, но медицинские радиоизотопы вполне могли

быть использованы, для облучения Чолкера.

— А как насчет урана-235, который был найден на его руках? — спросил Фордис.

— Если у них был свой человек в Лос-Аламосе, как, например, Новак, то устроить это было бы несложно. Все, что нужно, это несколько нанограмм. Кто-то мог получить это количество, просто проведя кончиком пальца, одетого в перчатку, по образцу урана-235. Перчатка собрала бы достаточно нанограмм материала, который затем бы перенесли на руки Чолкера простым рукопожатием.

— Так почему же никто не догадался, что это все подделка?

— Просто... это слишком невероятно, — ответил Гидеон. — Так... *outré*^[55]. Вот ты бы догадался?

Фордис на мгновение задумался.

— Никогда.

— Блейн, должно быть, арендовал эту квартиру в Куинсе для Чолкера. Неудивительно, что Чолкер сказал, что это не его квартира — скорее всего, он никогда не бывал там раньше. Вероятно, его держали в той подвальной клетке, пока он полностью не потерял связь с реальностью. Затем его облучили, вложили ему в руку пистолет и отправили в Саннисайд к невинной семье. Все ради денег и шантажа...

— Если учесть, что речь идет о натуральной оспе, то — без сомнения — это все ради *чертовой уймы* денег.

Гидеон покачал головой.

— Боже, это жутко.

Они проехали мимо знака, объявлявшего, что они въезжают в Вирджинию. Гидеон поехал дальше чуть медленнее.

— Итак, День-Икс настал, — констатировал Фордис и взглянул на часы. — И у нас в распоряжении порядка пяти часов на то, чтобы придумать, как остановить Блейна.

Они молча проехали предгорья Аппалачи в юго-западной Вирджинии. В то время как дороги, ведущие на запад, все еще кишели мчащимися автомобилями, полосы, идущие на восток, по которым они ехали, были практически пустыми. Гидеон смотрел строго вперед, держась обеими руками за руль, ум его продолжал напряженно работать. Должен ли он позвонить Глинну? У того наверняка есть необходимые связи. Но парень быстро отбросил эту идею: Гарза совершенно четко дал понять, что Гидеон теперь сам по себе.

— Итак, мы знаем их план, — заговорил Фордис. — Так что нам нужно связаться с NEST, сказать им обезопасить USAMRIID, и на этом наша миссия будет завершена.

Гидеон продолжал ехать вперед, размышляя над этим вариантом.

— Это даже не обсуждается, — продолжал Фордис. — Мы же не сможем справиться со всем этим в одиночку.

Однако Гидеон не отвечал.

— Надеюсь, ты с этим согласен. Я звоню Дарту, — Фордис достал свой мобильный телефон.

— погоди минутку, — попросил Гидеон. — Почему ты думаешь, что Дарт нам поверит?

— У нас есть компьютер. У нас есть файл. Если это не сможет послужить доказательством, то я не знаю, что сможет, — Фордис начал быстро набирать номер.

— Я так не думаю, — медленно проговорил Гидеон.

Фордис прекратил набор номера.

— Ты так не думаешь, — повторил он.

— Дарт нам не поверит. Он думает, что я — террорист, а ты — облажавшийся болван, которого он отстранил от работы и который сейчас ушел в самоволку.

— Доказательства на компьютере.

— Имеешь в виду файл Microsoft Word, который с легкостью можно создать и изменить? Мы могли бы сделать его сами.

— ... но шифрование DES!

— В данном случае не играет роли. Зашифрован был компьютер, а не сам файл. Стоун, просто подумай: это расследование целиком и полностью нацелилось на проработку теории заговора террористов джихада. Они просто не станут размениваться на мелкие версии.

— Им это и не нужно. Все, что должен сделать Дарт, это передислоцировать дюжину вооруженных солдат, чтобы охранять это хранилище оспы. Так поступил бы любой разумный следователь.

Гидеон покачал головой.

— Хотя Дарт и неглупый человек, он узник собственного консерватизма. Он — не тот, кто станет мыслить нестандартно. Стоит тебе позвонить Дарту, и нас арестуют, как только мы заявимся с этим компьютером. Для начала, они захотят проанализировать компьютер, убедиться, что это не липа. Потом они подробно нас допросят, а к тому времени оспа уже будет украдена. Они поверят нам, но будет уже слишком поздно.

— Да, но я знаю ФБР, и я говорю тебе, что они тут же решат прикрыть свою задницу и мгновенно перебросят в USAMRIID хотя бы несколько солдат.

— Дело не в ФБР и даже не в NEST. Это расследование стало чудовищем с множеством

голов, как у гидры, и оно уже толком никем не контролируется и никому не подчиняется. Власти утонули в ошибочных выводах, ложных следах и теориях заговора. И тут мы — заявимся в самый последний момент, как гром среди ясного неба, неся чушь о какой-то левой угрозе заражения оспой. Подумай об этом, Стоун. Дарт не среагирует вовремя, и плохие парни получают вирус. Стоит тебе позвонить Дарту, можешь считать, что они победили. Игра будет проиграна.

Фордис ударил кулаком по приборной панели.

— Черт бы тебя подрал! Так что же ты тогда предлагаешь?

— Все просто. Мы отправимся в Форт-Детрик. Я уверен, мы сможем проникнуть внутри — особенно, с твоим жетоном — и поймать ублюдков, когда они выйдут с оспой. Мы возьмем их с поличным. Затем заберем у них оспу под дулом пистолета, задержим их и вызовем кавалерию.

— Почему бы не остановить их прежде, чем они заполучат оспу?

— Потому что их необходимо *поймать* на чем-то. Если мы просто остановим их у двери, может произойти драка, и нас арестуют, а они — спокойно пройдут внутрь, чтобы привести свой план в исполнение. Нам нужны доказательства, что преступление *было* совершено.

Фордис невесело рассмеялся.

— Итак, выходит, что нам придется стоять из себя героев? А что если они появятся с десятью парнями, вооруженными до зубов?

— Они не станут этого делать. Подумай об этом. Их план заключается в том, чтобы пройти *тихо*. Миновать защиту, спокойно войти и выйти.

— Я все еще хочу позвонить Дарту.

Гидеон ощутил всплеск злости.

— Я знаю Дарта! Он был директором лаборатории в первый год моей работы в Лос-Аламосе. Конечно, он умный человек, но он также упрямый, властный и жесткий. Он не поверит нам, и уж точно не пошлет бойцов охранять USAMRIID. Дарт просто арестует нас и будет держать, пока не станет слишком поздно. Как только Блейн и его люди уедут с оспой, все будет кончено. Потому что все, что им нужно сделать, это выбросить одну из чашек Петри в окно — и по США можно читать заупокойную. Мы все испугались угрозы ядерной атаки. Что ж, вот тебе новость: оспа — *во много крат хуже* ядерной атаки. Гораздо, гораздо хуже!

Повисло долгое молчание. Гидеон отвел взгляд от агента ФБР. Лицо Фордиса покраснелось от гнева, но он ничего не говорил. Казалось, слова Гидеона проняли его.

— Мы не станем звонить Дарту, — продолжал убеждать его Гидеон. — Мы сделаем все сами. В противном случае... я вне игры.

— Ладно, будь по-твоему, — сквозь зубы процедил Фордис.

Снова повисло молчание.

— Ты хочешь услышать мой план?

Фордис неохотно кивнул.

— Мы воспользуемся навыками социальной инженерии^[56] и пробьем себе путь внутрь. Ты останешься в фойе. А я отправлюсь в лабораторию четвертого уровня, где хранят оспу, и надену защитный костюм, чтобы меня не узнали. Когда Блейн придет, ты мне позвонишь. В лаборатории, после того, как он вскроет биосейф, я нападу на него из засады, и буду держать под прицелом, пока ты не вызовешь кавалерию. Все это произойдет на четвертом уровне,

поэтому даже если оспа вырвется, она окажется изолирована.

— А что если они будут вооружены?

— Я сомневаюсь в этом. Это было бы рискованно. Как я уже сказал, весь их план построен на хитрости, и его явно рассчитывают повернуть тихо, а не с применением силы. Но если они будут вооружены, то мне придется вступить в перестрелку. И, поверь, я буду стрелять на поражение, если понадобится.

Как только Гидеон озвучил это, он задумался о том, каково будет убить отца Алиды. Однако он тут же выбросил эту тревожную мысль из головы.

— Это может сработать, — медленно произнес Фордис через мгновение. — Да. Я думаю, это сработает наверняка.

Попасть в Форт-Детрик стало парой пустяков: Гидеон притворился шофером Фордиса, а Фордис делал свое обычное дело: размахивал жетоном ФБР и объяснял, что они находятся на обычном задании и просто проверяют один из многих, несомненно, ложных следов, связанных с ядерной тревогой. Он старался ничего не говорить об оспе. Единственный мужчина, несший вахту на посту охраны, услужливо направил их к главному комплексу USAMRIID, нарисовав для них маршрут на ксерокопированной карте базы, которую Гидеон быстро изучил и убрал в карман. Мужчина пропустил их без лишних вопросов. Единственная главная дорога базы огибала поле для гольфа и постепенно уходила к основной части комплекса.

В полчетвертого в будний день Форт-Детрик выглядел до жути покинутым. Его обширные зеленые территории, насчитывающие более тысячи акров, производили почти постапокалиптическое впечатление: автостоянки, как и здания, пустовали. Единственными звуками были щебет и пение птиц, прячущихся в кронах дубов.

Напарники медленно ехали по зеленой базе, которая выглядела удивительно привлекательно. Помимо поля для гольфа на ней имелись ромбовидные площадки для игры в бейсбол, несколько жилых кварталов, состоящих из аккуратных домиков и трейлеров, небольшой аэродром с ангарами и самолетами, пожарная станция и центр отдыха. Сам Институт располагался в дальнем конце базы рядом с большим автопарком, оцетинившимся военными транспортными средствами, Автопарк опустил, как и остальная территория — на посту остался единственный механик.

Само здание Института было вытянутым стильным строением, рожденным в 1970-х, с приветственным щитом, установленным на ведущей к нему дороге: «Медицинский Исследовательский Институт Инфекционных Заболеваний Армии США». Большая прилегающая к нему парковка, как и остальные, оказалась почти пустой. Везде ощущался дух постапокалиптической заброшенности.

— Блейн правильно рассчитал, — заметил Фордис, озираясь. — Все военные отправились в округ Колумбия. Будем надеяться, что здесь мы его опередим.

— Будет плохо, если Блейн увидит свой собственный «Джип» припаркованный здесь, — сказал Гидеон. Он проехал мимо здания к парковке отдаленного комплекса и остановил «Джип» за фургоном. Гидеон подправил свою маскировку, и они зашагали по газону, направившись ко входу.

Когда они обсуждали этот план, Фордис использовал широкоформатный экран ноутбука, чтобы войти на веб-сайт Института. Там они много узнали об объекте: то, что его название произносилось, как «Ты Сэм Рид»^[57]; что когда-то он был центром государственной программы биологической войны; что в настоящее время он является главным центром страны в области биооборонных исследований, и то, что его основная миссия это защита Соединенных Штатов от потенциальных биоугроз.

Также он был одним из двух хранилищ во всем мире, где осталась оспа. Вирус, который упоминался на сайте, размещался в хранилище высокой степени защиты на четвертом уровне лабораторного комплекса Института, расположенного в подвальных этажах здания.

Они вошли в вестибюль. У запертой двери в дальнюю часть здания находился пост

охраны, где за маленьким окошком, которое, на первый взгляд, казалось пуленепробиваемым, сидел мужчина. Фордис приехал в Форт-Детрик, не скрывая своей внешности, Гидеон же, напротив, перебрал весь свой арсенал одежды, шиньонов и аксессуаров, чтобы создать новую личность. У него не нашлось лабораторного халата, но он и так счел его излишним. Вместо этого он придумал образ немного неопрятного рассеянного профессора, любящего носить твид.

— Клише, конечно, — сказал он Фордису, — но клише часто работают, когда дело касается маскировки. Людям нравится, когда их ожидания оправдываются.

Фордис подошел к охраннику с удостоверением личности в одной руке и жетоном в другой.

— Стоун Фордис, Федеральное Бюро Расследований, — представился он, и его агрессивный тон как будто говорил, что даже охранник был подозреваемым. — А это доктор Джон Мартино из Центра по контролю заболеваний. В данный момент у него нет удостоверения, но я могу за него поручиться.

Это его заявление повисло в воздухе. Фордис не стал объяснять, почему у Гидеона не было при себе удостоверения личности, и после небольшого замешательства охранник, похоже, передумал об этом спрашивать.

— У вас назначена встреча? — спросил парень.

— Нет, — ответил Фордис еще до того, как служащий закончил задавать вопрос.

— Гм, цель вашего визита?

— Стандартная правоохранительная проверка, — ответил Фордис, и теперь в тоне его голоса просквозило нетерпение.

Мужчина кивнул, вытащил планшет и просунул его через специальный разъем в стекле.

— Заполните это, пожалуйста. Вы оба. И подпишите.

Фордис заполнил строку и передал планшет Гидеону, который использовал весьма неразборчивый подчерк. Они вернули планшет обратно.

— Встаньте перед камерой, — сказал охранник.

Они исполнили команду по очереди. Через минуту в разъем проскользнули только что напечатанные пропускные карточки. Секунду спустя стальная входная дверь издала гул, и их впустили в святая святых Института.

Фордис жестом подозвал охранника и заговорил с прежней подозрительностью.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Слушаю сэр? — ответил запуганный охранник, весь обратившись во внимание.

— Приходил ли сюда мистер Саймон Блейн?

Охранник заколебался, но, видимо, решил плыть по течению, и проверил свой планшет.

— Нет, сэр.

— А что насчет мистера Новака?

— Нет.

— У кого-нибудь из них сегодня назначена встреча в этом здании?

Охранник еще раз проверил.

— В моем списке их нет, сэр.

— Отлично. Доктору Мартино необходимо получить доступ в лабораторию четвертого уровня. Как он может это сделать?

— Это юрисдикция службы безопасности, вам придется получить у них разрешение и сопровождение.

— Кто тут сейчас главный?

Молчание.

— Ему придется связаться с доктором Гликом, директором.

— И где же он?

— Третий этаж, офис триста сорок шесть. Позвонить ему?

— *Ни в коем случае*, — решительно заявил Фордис. Он взглянул на бейдж мужчины. —

Мистер Бридж, вот как мы поступим. Мне понадобится ваша помощь, поэтому, пожалуйста, внимательно меня выслушайте.

На пару мгновений он замолчал.

— Я собираюсь отправиться в комнату ожидания, чтобы не маячить перед глазами, и подожду там прибытия мистера Блейна. Вы не выдадите ему моего присутствия и никак не покажете, что в помещении находится агент ФБР.

На этих словах охранник сглотнул, и, казалось, еще больше разволновался.

— Что-то случилось? Я имею в виду, может быть, мне следует позвонить моему начальнику, главе службы безопасности...

Фордис прервал его.

— Никому не звоните. Если вас действительно беспокоит моя просьба, и вы чувствуете, что вам нужно проверить мои полномочия, то вы можете связаться с моим начальником, старшим специальным агентом Майком Бокком, руководителем полевого отделения ФБР округа Колумбия.

Агент достал свой мобильный телефон и, выглядя при этом уверенно, стал набирать номер, в то время как выражение его лица выдавало сильное раздражение.

— Нет, нет, — запротестовал охранник, — это не обязательно.

— Как скажете. Пожалуйста, продолжайте работать, как будто не происходит ничего необычного.

— Да, сэр.

— Спасибо, — сказал Фордис, тон его голоса внезапно стал доброжелательным, и он протянул мужчине руку для рукопожатия. — Вы хороший человек.

Охранник вернулся на свой пост. Гидеон наблюдал за тем, как Фордис пересекал вестибюль и располагался в небольшой зоне ожидания, в углу, где он мог видеть всех, но его самого не так-то легко было заметить.

«А он быстро учится», — подумал Гидеон, после чего направился вглубь здания, следуя полезным указателям, направляющим его к лаборатории четвертого уровня.

Как только Гидеон скрылся из вида, Стоун Фордис достал свой сотовый телефон и набрал номер Майрона Дарта. Фордису пришлось пробиться через нескольких служащих, прежде чем к телефону подошел сам Дарт.

Голос мужчины звучал напряжено.

— Фордис? Что, черт возьми, вы творите? Я думал, что вы в отпуске.

Фордис глубоко вздохнул. Он уже некоторое время размышлял над этим разговором, думая о том, как лучше к нему подойти.

— Я в Мэриленде... — он сделал еще один глубокий вздох. — С Гидеоном Кру.

Это заявление было встречено внезапным молчанием.

— В Мэриленде? С Кру? — повисла гнетущая тишина. — Вам лучше все это объяснить агент.

— Мы идем по следу бомбы. И я имею в виду ту самую *бомбу*. Доктор Дарт, вы должны выслушать, что я вам скажу.

И снова — повисло долгое молчание, после чего агент услышал тихий, приглушенный разговор. Фордис предположил, что Дарт начал триангуляцию сигнала его сотового. Он сам поступил бы именно так, если бы находился на месте Дарта.

Когда Дарт, наконец, снова заговорил, его голос был холоднее льда.

— Я хочу точно знать, где вы и что вы делаете.

Фордис чуть наклонился вперед.

— У меня при себе ноутбук, принадлежащий некоему человеку, и на этом ноутбуке имеется документ, датированный шестью годами ранее, который излагает террористический план, весь — от начала до конца. Он объясняет абсолютно *все*.

Его слова были встречены очередным долгим молчанием.

— Имя этого человека?

— Я дойду до этого чуть позже.

— Нет, вы скажете мне прямо сейчас.

Фордис еще немного склонился над ноутбуком.

— Компьютер у меня с собой, и, если вы дадите мне адрес своей электронной почты, я пришлю вам документ.

— Вы действуете не по уставу, Фордис. Я хочу, чтобы вы взяли Кру под стражу и явились сюда прямо сейчас, с Кру в наручниках и ножных кандалах, или я арестую вас как его сообщника.

— Дайте мне адрес своей электронной почты, и я пришлю вам этот документ.

Фордис сохранял свой голос ровным и нейтральным. Начало получилось не очень хорошим. Боже, он надеялся, что Гидеон не был прав в отношении Дарта. Он должен был заставить своего начальника *увидеть* документ.

После долгого многозначительного молчания Дарт, наконец, продиктовал ему адрес. Фордис набрал его в строке адресата и отправил документ.

Он продолжал оставаться на линии. Должно быть, к этому времени они уже определили его местонахождение. Это был шанс, которым он должен был воспользоваться независимо от того, что думал Гидеон — это дело было слишком большим для них двоих. Либо Дарт

поверит ему, либо все пропало...

Прошла минута. Затем вторая.

— Вы прочли? — спросил он.

— Подождите, — ответил Дарт и его голос показался агенту хриплым и отвлеченным.

Прошла еще минута. Фордис слышал дыхание Дарта. Когда начальник снова заговорил, его голос изменился. Он стал более ровным и спокойным. — Где вы это взяли?

— С компьютера, принадлежащего романисту Саймону Блейну.

— Но... в каком контексте?

— Это набросок триллера.

— Кто еще об этом знает?

— Только Гидеон.

— Какого черта вы творите на пару с Кру?

— Он это и обнаружил.

— Очевидно, что это подделка! — внезапно взорвался Дарт. — Кру все это сфабриковал, а вы попались на крючок, поверили ему, втянулись и завязли в этом!

— Нет, нет, нет. Невозможно. Этот файл был на зашифрованном компьютере. Это я взломал шифрование.

— Как, черт возьми, он получил этот компьютер?

— Это длинная история. Самое главное, что сегодня День-Икс. Это означает, что сегодня тот самый день, когда они собираются украсть оспу.

Дарт колебался.

— Вы действительно этому *верите*?

— Да. Верю. И ни на секунду в этом не сомневаюсь.

— Вы сейчас в Форт-Детрике?

— Вы же знаете, что да.

— Господи.

Еще одна гнетущая пауза.

— Вам нужно прислать сюда отряд, сэр. Прямо сейчас.

— Почему я должен вам верить?

— К сожалению, вы никак не сможете в этом убедиться. Но дюжина солдат вполне смогла бы обеспечить безопасность объекта. Даже если это окажется мистификацией, вы же можете направить сюда людей в качестве страховки.

— Да... да. Я понимаю вашу логику. Но... Все наши военные активы были вывезены из Форт-Детрика. На базе никого не осталось, только персонал низкого уровня допуска, гражданские охранники и несколько ученых, — небольшая пауза. — Оставайтесь на связи.

Фордис так и сделал. Через несколько минут Дарт вернулся.

— У нас здесь на крыше есть команда быстрого реагирования NEST. Они уже находятся в режиме боевой готовности, экипированы и готовы действовать. На вертолете они будут у вас через десять минут. Где именно вы находитесь?

— В вестибюле здания USAMRIID.

— И Кру?

— Он спустился в лабораторию четвертого уровня, чтобы устроить засаду Блейну.. — Фордис поколебался. — Послушайте, он не знает, что я вам позвонил. Он хотел проверить это все один. Я не стал с ним спорить.

— Господи. Отлично. Слушайте меня внимательно. Я хочу, чтобы вы вышли из здания и

встретили команду, когда та прибудет на вертолете. Мои люди приземлятся на стоянке перед входом. Не говорите Кру — оставьте его в покое. Я ему не доверяю, он может выкинуть что-то непредсказуемое. Парни, которых я к вам отправляю — опытные профессионалы. Они наверняка разберутся, как справиться с этой ситуацией.

— Я не уверен, что оставить Гидеона в неведении — хорошая идея.

— Вы сами позвонили мне за его спиной. Вы знаете, что этот парень непредсказуем и неуправляем. Команда, которую я отправляю, получит четкие указания защитить его.

— Да сэр.

— Надеюсь, ради вашего же блага, черт возьми, что это достоверные данные.

— Не сомневайтесь.

— Ваша задача — встретить команду и назвать себя. После этого вы свободны. Они возьмут под охрану здание и хранилище четвертого уровня, а так же найдут Кру и выведут его. Когда прибудет Блейн, его возьмут под стражу, и все это закончится. Опять же *если* эти данные достоверны.

— Вы не можете проигнорировать эту версию, какой бы нереальной она ни казалась.

— Да. Не могу.

Фордиса вдохновило облегчение, которое он услышал в голосе Дарта.

— Мы намерены обезопасить оспу тихо и профессионально, — продолжал Дарт. — Вот и все: никакой стрельбы, и никаких драм. Если у нас получится сделать это тихо, то мы сможем схватить Блейна и его людей прежде, чем они поймут, что происходит. С самого начала я против подхода «стрелять без разбора». Вы понимаете? Никакой стрельбы.

— Да, сэр, я с вами согласен.

Дарт, несмотря на все его взрывы гнева, в конце концов, все понял. Прогнозы Гидеона касательно этого человека не оправдались.

Но тут Фордис увидел, что в вестибюль вошли два человека. Одного из них он сразу узнал по фотографиям, которые видел на обложках книг.

— Вот, дерьмо, — тихо буркнул он в трубку. — Только что прибыл Блейн. Вместе с неизвестным военным офицером, — агент тут же отступил в тень, но успел заметить блеск двух соединенных полосок на погонах мужчины и особую застежку спереди его камуфляжной формы. — Капитаном армии.

— Господи, если уж это не доказательство... Держитесь вне их поля зрения. Не останавливайте их, не делайте *ничего*, чтобы спугнуть их. Просто выйдите из здания, когда все будет чисто, и подождите возле стоянки, оставайтесь вне пределов их видимости. Они вооружены?

— У капитана при себе пистолет. Про Блейна ничего не могу сказать.

— Господи, — пробормотал Дарт.

— А как быть с Гидеоном? Я же должен позвонить ему и сообщить, что прибыл Блейн...

— Нет, нет, ни в коем случае. Давайте придерживаться плана. Команда собирается взлететь с минуты на минуту. Сейчас я поднимусь к ним и введу их в курс дела. Ради Бога, пусть они сами с этим разберутся. Мы не можем рисковать оспой. Любая импульсивная выходка Кру может стать катастрофой.

И связь внезапно оборвалась.

Гидеон испытывал одновременно восхищение и тревогу оттого, насколько впечатляющим должен оказаться план Блейна, позволяющий обойти систему безопасности лаборатории, где хранилась оспа. Глядя на временный пропуск, висящий на видном месте, Гидеона не остановил ни один из немногих техников и ученых, бродящих по зданию. Единственными видимыми признаками системы безопасности были вездесущие камеры, которые смотрели на него из каждого угла и которые, без сомнения, снимали каждое его движение. Ему стало интересно, сидели ли перед экранами люди. Наблюдают ли за ним? При нынешних обстоятельствах Гидеон сомневался в этом. Стратегия Блейна оказалась поистине блестяще эффективной.

После нескольких ошибочных поворотов он, наконец, нашел путь ко входу в хранилище четвертого уровня биозащиты. Здесь на двери из нержавеющей стали был изображен драматичный разноцветный символ биологической опасности, а также зловещие предупреждения на десятках языков.

Он заглянул в крошечное стеклянное окно, встроенное в дверь, и увидел, что она вела не в само хранилище, а в своего рода комнату подготовки. В дальнем конце Гидеон смог рассмотреть шлюзовую камеру и душ для обеззараживания, который непосредственно и вел в хранилище. Светло-голубые костюмы биобезопасности висели на стойках и были отсортированы по размеру. У одной стены комнаты находилась небольшая вспомогательная зона с оборудованием, оставленными биореактивами, стопками чашек Петри, питательными средами и другими принадлежностями и материалами, по-видимому, оставленными по пути в лабораторию или из нее.

Он повернул ручку двери, обнаружил, что она не заперта и вошел в комнату подготовки. Дальняя дверь, ведущая к шлюзовой камере и душе, носила свой собственный символ биологической опасности, и именно там обнаружили дополнительные уровни безопасности: не только кодовый замок, но и устройство для считывания допуска и сканер сетчатки глаза. Гидеон отметил, что и здесь потолок был украшен камерами. Это хорошо — значит, все будет записано. Ему это понадобится, когда придет время, и следователи начнут разбирательства.

Он пересек комнату и осмотрел сканер. На поверку он являл собой серьезную проблему. Социальная инженерия могла помочь ему миновать кодовый замок и считыватель допуска, но не сканер сетчатки.

Гидеон навскидку оценил свои возможности. Видимо, у него не получится застать врасплох Блейна внутри самой лаборатории четвертого уровня. Это была явная неудача, и она значительно повышала риск. Получается, что он должен будет взять Блейна с поличным, когда тот будет выходить из лаборатории с оспой.

Несколько минут он просто стоял в помещении для подготовки, размышляя. Если подумать, то, в некотором роде, это создавало даже лучшие условия для организации засады. Блейн зайдет, достанет оспу, и Гидеон удивит писателя, как только тот выйдет из обеззараживающего душа. Именно там Блейн окажется наиболее уязвим, не ожидая нападения. И к тому же, если Гидеон наденет голубой костюм биозащиты, тот послужит ему отличной маскировкой.

Он еще раз осмотрел комнату подготовки и увидел несколько раздевалок — идеальное место для того, чтобы затаиться в засаде.

Гидеон покопался в защитных костюмах, выбрал один своего размера и отнес его в раздевалку, оставив дверь приоткрытой, чтобы можно было следить за тем, кто приходит и уходит из хранилища. Он проверил свой одноразовый сотовый телефон: все еще одно деление. Это было единственное, о чем он реально беспокоился — что здесь не будет сигнала сотовой связи, и что Фордис не сможет до него дозвониться.

Как только Гидеон начал надевать костюм, он услышал, как дверь комнаты подготовки открылась, и увидел, как вошли два человека: Блейн и офицер в камуфляже. Он быстро повернулся к ним спиной, удивленный и расстроенный, что Фордис ему не позвонил. Слава богу, что они не зашли несколько минут назад.

Он стал наблюдать за этими двумя краем глаза. Военный, судя по полоскам на его знаках отличия, являлся капитаном и к тому же был вооружен девятимиллиметровым пистолетом. Внешне он оказался молодым и красивым латиноамериканцем среднего роста, с прямыми черными волосами и четко очерченными скулами.

Гидеон быстро натянул капюшон костюма, чтобы скрыть лицо. Вновь прибывшие небрежно взглянули на него через приоткрытую дверь раздевалки, приняли к сведению его присутствие, но он их явно ничем не заинтересовал. Далее они начали одеваться, работая молча, быстро и не теряя времени даром. Через минуту капитан вставил карточку в детектор дальней двери, ввел код и на мгновение замер, чтобы его смог прочитать сканер сетчатки. Свет детектора сменился на зеленый. Капитан надел капюшон, и через секунду они с Блейном уже вошли в воздушный шлюз и направились к душе. Позади них с негромким шипением воздуха герметично закрылась дверь.

Гидеон извлек свой «Кольт Питон», убедился, что обойма полна, и приготовился.

Саймон Блейн вошел в хранилище четвертого уровня вслед за капитаном Гурулом. Писатель ощущал странное спокойствие, почти безмятежность. Ранее его буквально охватывал чистейший восторг оттого, как красиво все сработало, как правильно фигуры встали на свои места и как в этой драме все персонажи в совершенстве сыграли возложенные на них роли — политики, пресса и даже обычная публика. Это только на первый взгляд казалось, что все получилось само собой. На самом же деле, нынешнее положение было результатом многолетнего тщательного планирования, поиска нужных людей, осторожной вербовки, проработки сценария за сценарием, разработки резервных планов и вторичных резервных планов и просчета всех возможных вариантов, ведущих к конечной цели. В конце концов, был сделан выбор наилучшего направления для атаки. И теперь вся эта тяжелая работа, все это затраченное время и деньги окупались.

Единственной темной лошадкой оказался этот парень, Гидеон — черт его побери! — который не только глубоко шокировал Блейна, когда начал задавать вопросы в самом начале расследования, но вдобавок ко всему еще и соблазнил его впечатлительную дочь, втянув ее в дело самым неудачным образом. Тем не менее, Алида, как и сам Блейн, оказалась весьма находчивой и сумела выбраться. Как только он наложит руки на оспу и осуществит свой план, она все поймет. Она, конечно же, примет его взгляды — по-другому и быть не может. Не отдавая себе в этом отчета, она уже это сделала. Блейн не сомневался, что Алида непременно встанет на его сторону, как она всегда делала это и раньше. *Всегда*. У них была нерушимая связь дочери с отцом — нечто настолько редкое в этом мире.

— Сэр? — позвал его капитан и протянул Блейну воздушный шланг, свисающий с потолка, чтобы тот мог прикрепить его к костюму. — Он фиксируется поворотом по часовой стрелке.

Иллюстрируя свои слова, он проделал необходимые манипуляции на своем собственном костюме.

— Спасибо, капитан.

Как только шланг защелкнулся, Блейн услышал слабое шипение воздуха, который принес с собой запах свежести, смешанный с запахом пластика и латекса.

— Кто был тот человек у входа? — спросил он капитана, его голос прозвучал глухо из-за пластикового капюшона.

— Я не очень хорошо его рассмотрел. Не волнуйтесь, он не из ученых, у которых есть допуск к этому хранилищу.

Блейн кивнул. Он оказывал капитану огромное доверие, и на то имелись веские причины: капитан Гурул был самым выдающимся молодым микробиологом, вакцинологом и биоразработчиком USAMRIID, одним из немногих людей, получивших разрешение на доступ к вирусу оспы. Помимо того, что этот ослепительно красивый мужчина являлся доктором медицины и имел степень доктора наук Пенсильванского университета, он к обладал бескомпромиссными политическими взглядами, был весьма компетентен и высокоэффективен — идеальный союзник. Его вербовка была очень медленным и кропотливым процессом, но для плана его участие имело первостепенное значение.

Лаборатория оказалась абсолютно пустой — впрочем, они знали, что так и будет.

Следует признать, что каждый их шаг записывался на видео, но к тому времени, когда кто-нибудь обратит внимание на эти записи, весь мир уже будет знать, что они сделали. Террористическая ядерная угроза прекрасно выполнила свою работу.

Через несколько минут они достигли удаленной части помещения, где в виде криогенной суспензии хранилась оспа, запертая внутри биобезопасного камерного холодильника-хранилища. Дверь хранилища была сделана из нержавеющей стали и напоминала сейф банка, который USAMRIID модифицировал для консервации биообъектов в режиме глубокой заморозки. Капитан Гурул объяснил, что данное хранилище используется для самых опасных, экзотичных, секретных и генетически модифицированных микроорганизмов.

На дверях хранилища капитан Гурул еще один раз ввел свой код, вставил карточку в сканер и повернул тумблер. Дверь плавно распахнулась на петлях, управляемых электроприводом, и они вошли. Внезапный порыв конденсата из хранилища с температурой ниже сорока градусов покрыл инеем их маски. Блейн начал чувствовать, как холод окутывает его. У двери на стойке висели теплые пальто, но капитан жестом дал понять, что можно пройти мимо них.

— Мы здесь надолго не задержимся, — пояснил он.

Дверь закрывалась за ними автоматически с глухим ударом и щелчком замков. Блейн остановился, ожидая, пока его маска очистится. Затем он огляделся.

Хранилище оказалось удивительно просторным помещением, с большой центральной зоной, заставленной столами из нержавеющей стали. Они прошли мимо нескольких биосейфов и шкафов, и затем, миновав еще одну дверь, вошли во внутреннюю клетку хранилища. У дальней ее стены, запертый в железный каркас, находился небольшой биосейф, стоящий отдельно от остальных и окрашенный в ярко-желтый цвет, с нанесенными на него символами биологической опасности.

— Пожалуйста, оставайтесь там, где стоите, сэр, — сказал капитан.

Блейн застыл на месте, ожидая дальнейших указаний.

Капитан подошел к биосейфу, снова ввел код, а затем вставил специальный ключ в слот у двери. Когда он повернул его, на потолке хранилища начал мерцать желтый свет, и зазвучал тихий сигнал — негромкий, но настойчивый.

— Что это? — с тревогой спросил Блейн.

— Все нормально, — отозвался капитан. — Он будет звучать до тех пор, пока биосейф не закроется. По другую сторону камер никто не проверяет.

Внутри сейфа, на стойках, Блейн увидел отблеск так называемых криоампул — белых, запечатанных криогенных цилиндров, содержащих глубокозамороженную кристаллизованную оспу. Он вздрогнул, подумав о смертельном коктейле, скрытом в каждой ампуле: колоссальное количество боли, страданий и смерти запечатано внутри этих маленьких цилиндров.

Капитан осторожно взял со стойки одну из ампул и присмотрелся к номеру, выгравированному на ее боку. Кивнув про себя, он достал из кармана своего биокостюма другую, идентичную ей ампулу и поместил ее в пустой слот стойки.

Одна криоампула — это все, что им было нужно. Она была разработана так, чтобы сохранять вирус в глубокой заморозке в течение, как минимум, семидесяти двух часов — этого времени было более чем достаточно для достижения их целей.

Капитан закрыл сейф, запер его, и звуковой сигнал прекратился. Он положил

криоампулу на один из столов из нержавеющей стали. Блейн знал, что ученому предстоит сделать дальше, поэтому затаил дыхание в ожидании. Это была деликатная процедура.

Поместив ампулу на подставку стереоскопического микроскопа, капитан осматривал ее поверхность не менее пары минут, прежде чем сделать на ней небольшую отметку. Затем из кармана своего биокостюма он достал скальпель и с хирургической осторожностью срезал с ампулы небольшой кусочек белого пластика. Блейн знал, что в этот крошечный кусочек пластика вмонтирован микрочип для отслеживания.

Капитан бросил отрезанный чип на пол и краем своего ботинка затолкал его под желтый биосейф.

Блейн снова вздрогнул, но на этот раз от холода. Его пальцы уже онемели и перестали что-либо чувствовать. Капитан выглядел невосприимчивым к подобной температуре.

— Я возьму это, если вы не против, — сказал Блейн, указывая на ампулу.

Капитан вручил ее ему.

— Будьте очень, *очень* осторожны, сэр. Если вы уроните ее, миру — таким, как мы его знаем — придет конец.

Через пару мгновений они покинули хранилище и были вынуждены снова остановиться, чтобы их маски очистились от инея. На этот раз потребовалось больше времени. Тем не менее, пока все шло, как по маслу.

Они прошли через лабораторию, быстро достигнув обеззараживающего душа и воздушного шлюза. Душ вмещал только одного человека за раз, и капитан вошел первым. Автоматическая дверь захлопнулась, Блейн услышал шипящий звук дезодорирующих распылителей химикатов, обрабатывающих капитана. Звуки прекратились, и наружная дверь отворилась со свистом воздушного шлюза, выпуская капитана. Через мгновение дверь перед писателем открылась, запуская его в душ. Он вошел внутрь, и его мгновенно поглотили потоки химикатов, а металлический голос приказал ему поднять руки и развернуться. Затем дверь открылась, и он вышел в комнату подготовки, где обнаружил, что к его защитной маске прижалось дуло пистолета.

— Отдайте мне оспу, — произнес голос, который Блейн опознал, как голос Гидеона Кру.

Стоун Фордис услышал вертолет раньше, чем тот попал в его поле зрения: УН-60 «Черный Ястреб» держался низко над землей и быстро приближался с востока. Агент отбежал в дальний конец автостоянки, остановился рядом с воротами в автопарк и укрылся за «Хамви», стоящим на блоках. «Черный Ястреб» завис и развернулся, в конце концов, спустившись и коснувшись асфальта почти пустой парковки. Фордис ждал, пока вертолет окончательно сядет. Пока ротор все еще вращался, дверь кабины открылась, и шестеро спецназовцев выскочили из нее, одетые в бронежилеты и с винтовками М4 наперевес. Через мгновение из салона появилось гражданское лицо, и Фордис был поражен, узнав в нем Дарта собственной персоной. Вот и еще одно доказательство, что тот звонок был правильным решением.

Он наблюдал, как группа пробежала по парковке и заняла позиции возле входа в здание. Фордис выпрямился во весь рост и вышел из своего укрытия. Дарт увидел его и, подзывая, махнул рукой.

Агент приблизился к группе спецназовцев, которые расположились полукругом, когда он подошел — среди них был лейтенант, прапорщик и четверо солдат.

— Они все еще внутри? — спросил Дарт, выходя вперед.

Фордис кивнул.

— А Кру? Где он?

— Все еще внизу, на четвертом уровне, насколько мне известно. Как вы и просили, я не устанавливал с ним контакт.

— Заметили какие-нибудь признаки активности? Противостояния?

— Нет?

— Кто-то еще из службы безопасности вмешивался? Звучал сигнал тревоги или оповещения?

— Пока ничего, насколько я могу судить. Здесь было тихо, как в могиле.

— Хорошо, — Дарт сверился со своими часами. — По моим расчетам они находятся внутри примерно четырнадцать минут, — он нахмурился. — Послушайте, агент Фордис, вы проделали прекрасную работу. Но теперь ваша миссия закончена, и я не хочу, чтобы что-то — *хоть что-то* — пошло не так. Начиная с этой самой минуты, мы позволим профессионалам заняться этой ситуацией, — он протянул руку. — Ваше оружие, пожалуйста.

Фордис вынул пистолет из кобуры и протянул его Дарту. Но, несмотря на то, что он подчинился, его удивил этот приказ.

— Но зачем он вам... — начал он.

Дарт взял оружие, осмотрел его, снял с предохранителя и поднял, направив его в грудь Фордиса.

Раздался звук — шокирующе громкий, все вокруг озарила белая вспышка, и Фордиса отбросило назад. Пуля ударила его прямо в кость грудины и опрокинула на асфальт. Никогда в жизни Стоун Фордис еще не испытывал такого удивления, и, широко раскрыв глаза и уставившись в невероятно синее летнее небо, он так и не сумел до конца понять, что с ним только что случилось. Он не осознал этого, даже тогда, когда из него ушли остатки жизни, а

небесная синева обратилась в непроглядную черноту.

Блейн застыл под прицелом «Кольта». Воспользовавшись его замешательством, Гидеон быстро скользнул в карман его костюма и нашарил в нем холодную неподвижную криоампулу. Он достал ее и осторожно положил в свой карман. Все еще держа Блейна под прицелом, он поднял капюшон своего защитного костюма и снял его, что позволило ему лучше видеть и дышать.

— Гидеон, — дрожащим шепотом произнес Блейн.

— Ложитесь лицом вниз на пол рядом с капитаном, вытяните руки над головой, — скомандовал Гидеон чуть громче, чем предполагал.

— Гидеон, выслушай меня... — начал Блейн, его голос из-за капюшона защитного костюма звучал глухо.

Гидеон махнул дулом пистолета, продолжая держать врага под прицелом.

— Делайте, как я говорю.

Он попытался взять себя в руки и унять бьющую тело дрожь. Мысль о том, чтобы убить отца Алиды, ужасала его, но он знал, что ситуация складывается критическая, и он не имел права показывать свою слабость.

Он наблюдал за тем, как пожилой человек ложится на пол и вытягивает руки над головой. Оба его пленника все еще были облачены в защитные костюмы, и их оружие было скрыто под ними. Обезоруживать их было бы крайне неудобно, к тому же капитан явно был опасным противником. Целясь в него из револьвера, Гидеон взял сотовый второй рукой и набрал Фордиса.

После нескольких гудков его переключили на голосовую почту.

Гидеон убрал телефон. Фордис, похоже, находился где-то вне пределов досягаемости — это объясняло и то, что сам Гидеон не получил от агента никаких сигналов. Что ж, видимо теперь ему придется справляться самому.

— Капитан, — обратился он, — снимите свой капюшон одной рукой, держа вторую над головой так, чтобы я все время ее видел. Если что-то из ваших действий насторожит меня, я буду стрелять на поражение.

Капитан подчинился.

— Теперь вы, Блейн.

Как только Блейн снял капюшон, он снова заговорил.

— Гидеон, прошу, я хочу, чтобы ты меня выслушал...

— Замолчите! — он чувствовал себя смертельно уставшим, безуспешно пытаясь совладать с дрожью в руках. Собрав волю в кулак, он снова обратился к капитану. — Я хочу, чтобы вы медленно встали. Затем левой рукой снимите защитный костюм. Правую руку держите вытянутой так, чтобы я все время видел вашу ладонь. Если вы только дернетесь — хоть кто-то из вас — я буду стрелять и убью обоих.

Капитан подчинился. Похоже, он и не пытался ничего предпринять. Гидеон был совершенно серьезен в своем намерении в случае чего убить их обоих, и они, должно быть, почувствовали это. Когда защитный костюм был снят, Гидеон приказал капитану снова лечь на пол, затем обыскал его и нашел девятимиллиметровый пистолет и нож. Другого оружия у капитана при себе не оказалось. Гидеон связал его руки за спиной резиновым медицинским

жгутом, лежащим на соседнем лабораторном столе, затем повернулся к Блейну.

— Теперь ваша очередь. Снимите свой костюм так же, как капитан.

— Ради Алиды, послушай...

— Еще одно слово, и я вас убью, — Гидеон почувствовал, как его лицо начинает пылать. Все это время он старался выбросить из головы все неприятные мысли касательно Алиды, которые так навязчиво лезли к нему. И вот ее отец решил сыграть на этой его слабости. *Чертов ублюдок.*

Блейн замолчал.

Когда костюм был снят, Гидеон обыскал Блейна, найдя у него пистолет — старинный «Кольт» модели «Миротворец» .45 калибра. Он его забрал и засунул за пояс.

— Ложитесь обратно.

Блейн подчинился. Гидеон связал его руки резиновым медицинским жгутом так же, как и капитану.

И что делать дальше? Ему нужен Фордис. Видя, как Блейн и капитан вошли в здание, агент, разумеется, должен был отправиться вслед за ними, сюда, вниз в качестве подкрепления, разве нет? Почему он все еще не появился? Неужели они с ним уже столкнулись по пути сюда? Невозможно. Они ведь зашли сюда тихо и спокойно, ничего не подозревая. И все же — могли ли кто-то задержать Фордиса?

Ломать над этим голову было некогда. Ему была нужна помощь прямо сейчас. Пришла пора позвонить Глинну.

Он достал сотовый. В этот момент в коридоре послышался шум — то была тяжелая поступь чьих-то сапог. Гидеон отступил на шаг, когда двери распахнулись, и в комнату вбежали солдаты в форме спецназа с оружием наизготовку.

— Никому не двигаться! — прокричал один из них. — Бросить оружие!

Внезапно Гидеон оказался в абсолютном меньшинстве — на него было направлено шесть стволов. «Господи, неужели именно из-за них Фордис не смог сюда добраться?» — подумал он. — «Охранники, должно быть, увидели нас на мониторах и отправили на перехват отряд».

Гидеон застыл, не двигаясь, и медленно поднял руки, все еще держа «Кольт» и девятимиллиметровый пистолет капитана.

Через пару секунд появился Дарт. Он вошел в комнату и огляделся. Гидеон уставился на него, не веря своим глазам.

— Дарт? Вы? Что за...

— Все в порядке, — спокойно ответил Дарт Гидеону. — С этого момента мы обо всем позаботимся.

— Где Фордис?

— Ожидает у вертолета. Он позвонил мне, ничего вам не сказав. Все объяснил. Сказал что вы хотели сами со всем разобраться. И я вижу, что вы справились просто отлично. Но теперь здесь мы, и ситуация под контролем.

Гидеон уставился на него.

— Не беспокойтесь, я знаю все. О Блейне, о его «книге», о плане с оспой. Теперь все кончено. Ваше доброе имя очищено.

Итак, Фордис все-таки позвонил. И Дарт прислушался к нему — даже явился сюда сам, собственной персоной. Удивительно. Гидеон почувствовал, как его тело медленно расслабилось. Этот затянувшийся кошмар наконец-то закончился.

Дарт снова осмотрелся.

— У кого оспа? — спросил он.

— Она у меня, — отозвался Гидеон.

— Могу я просить вас отдать мне образец?

Гидеон колебался. По непонятной причине его терзали сомнения.

Дарт протянул руку.

— Передайте мне образец, пожалуйста.

— Я сделаю это, только когда вы обезвредите этих двоих и уберете их отсюда, — сказал

Гидеон. — К тому же я думаю, что образец следует вернуть в хранилище, где ему самое место.

Повисло долгое напряженное молчание. Но тут Дарт улыбнулся.

— Поверьте мне, образец отправится туда, где ему самое место.

И все же Гидеон колебался.

— Я сам его верну.

Дружелюбия на лице Дарта поубавилось.

— В чем сложность, Гидеон?

Он не мог найти ответа. Было во всем этом что-то не совсем правильное... внутри ворочалось какое-то смутное предчувствие. Слишком уж дружелюбным был Дарт, слишком уж легко он поверил, слишком просто перешел на сторону Гидеона.

— Ни в чем, — ответил он. — Просто мне было бы спокойнее, если б я увидел, как образец вернется на место.

— Я думаю, мы сможем это устроить. Но если мы пойдем в хранилище, вам придется разоружиться. Ну, вы ведь понимаете... металлодетектор и все такое...

Гидеон сделал шаг назад.

— Капитан вошел туда со своим пистолетом безо всяких проблем с металлодетектером, — он почувствовал, как его сердце сильнее застучало в груди. Неужели он снова вляпался?

Они лгут ему?

Дарт повернулся к своим солдатам.

— Разоружите этого человека.

Стволы винтовок снова поднялись. Не двигаясь, Гидеон изумленно уставился на них.

Лейтенант шагнул вперед, вытащил свой пистолет и направил его на Гидеона. — Вы слышали приказ. Считаю до пяти. Раз. Два. Три...

Гидеон передал ему свой «Кольт», девятимиллиметровый пистолет капитана и «Миротворец» Блейна.

— Теперь — оспу.

Гидеон перевел взгляд с Дарта на его солдат. Выражения на их лицах были более чем недружелюбными. Они смотрели на него, как на врага. Неужели они все еще считают, что он террорист? Быть этого не может.

И, тем не менее, похоже, так оно и было.

— Позвоните директору USAMRIID, — качнул головой Гидеон. — Он должен прийти сюда. Я отдам образец ему.

— Ты отдашь его *мне*, — возразил Дарт.

Гидеон снова перевел взгляд с него на солдат. Он был безоружен, и другого выбора у него явно не было.

— Хорошо. Скажите лейтенанту отступить. Я не сделаю этого, пока на меня смотрит

дуло пистолета.

Дарт махнул рукой, и лейтенант отступил, опуская оружие. Гидеон опустил руку в карман, пальцы сомкнулись на криоампуле. Он осторожно вытащил вирус.

— Теперь спокойно, — сказал Дарт.

Гидеон протянул ему оспу. Директор NEST шагнул вперед, и его пальцы ухватили ампулу.

— *Убейте его*, — скомандовал Дарт.

Но Дарт заговорил слишком рано. Гидеон крепко сжал пальцы на криоампуле и резко развернулся, толкнув Дарта плечом, тут же подняв образец вируса над головой.

— Не стрелять! — воскликнул с пола Блейн. — Подождите!

Гидеон уставился на Блейна. На помещение обрушилась внезапная тишина. Лейтенант не выстрелил. Никто не выстрелил. Дарт казался парализованным.

— Бросьте оружие, — скомандовал Гидеон. Он взмахнул рукой, словно намереваясь бросить ампулу. Дарт подскочил на месте. Солдаты, повторив его движения, явно занервничали.

— Не бросай ее, ради Бога! — взмолился Блейн, все еще лежа на полу. Он с трудом поднялся на ноги. — Дарт, ты сильно облажался, — сказал он сердито. — Таким способом ты с ситуацией не справишься.

Директор NEST сильно вспотел, его лицо побледнело.

— Что ты делаешь?

— Подчищаю за тобой беспорядок. Разрежь это, — Блейн повернулся, показав свои связанные запястья. Дарт повиновался и использовал скальпель, который быстро справился с медицинским жгутом.

Блейн размял затекшие руки, зафиксировав взгляд своих голубых глаз на Гидеоне, однако заговорил он с капитаном.

— Гурул, можешь встать. Нам больше нет смысла поддерживать этот фарс.

На Гидеона снизошло полное понимание происходящего, когда капитан поднялся на ноги и его темные глаза вспыхнули триумфом. Он был поражен осознанием того факта, что Дарт и Блейн состояли в сговоре!

Блейн повернулся к солдатам.

— Лейтенант, прикажите вашим людям опустить оружие, черт побери.

Ничего не происходило примерно секунду, затем Дарт вздохнул и сказал:

— Выполняйте.

Лейтенант повиновался. Его люди последовали его примеру.

— Верни мне мое оружие, — прорычал Блейн, протянув руку директору.

Дарт передал ему «Миротворца». Блейн взял его, открыл барабан, повернул его, чтобы убедиться, что тот все еще заряжен, и убрал его за пояс. Капитану тоже вернули пистолет.

Пока все это продолжалось, Гидеон оставался на месте, угрожающе держа образец оспы над головой. Рука его напряглась. Он спокойно заговорил.

— Я сейчас разобью ее, если вы не сложите свое оружие. На землю. Быстро.

— Гидеон, Гидеон, — начал Блейн, качая головой. — Может, теперь ты все же меня выслушаешь?

Гидеон ждал. Его сердце бешено колотилось в груди. «Если он снова заговорит об Алиде...»

— Ты знаешь, зачем мы это делаем?

— Шантаж, — ответил Гидеон. — Я читал ваш набросок книги. Вы делаете это ради чертовых денег.

— Ах, вот оно, значит, как, — хохотнул Блейн. — Ты понятия не имеешь, как сильно

ошибаешься. Это была всего лишь ничего не значащая чепуха, сюжетная линия для книги. Никого из нас не интересуют деньги. Они нам безразличны. Для оспы у нас припасена куда более важная роль. Нечто, что принесет пользу нашей стране. Хочешь послушать?

Гидеон оставался напряженным, как тетива, по его телу струился пот, а рука подрагивала. Но что-то извращенное внутри него все же желало выслушать, что хотел сказать ему Блейн.

Писатель указал на Дарта.

— Видишь ли, Майрон время от времени просматривал мои книжные наброски. И именно он сказал, что идея «Операции «Труп» была слишком хороша, чтобы остаться только книгой. Это было нечто, что мы действительно могли притворить в жизнь.

Гидеон молчал.

— Я говорю тебе это, потому что уверен — ты захочешь к нам присоединиться. В конце концов, ты — один из самых умных людей, которых я когда-либо встречал. Разумеется, ты все поймешь. И... — он прервался, — кажется, ты действительно любишь мою дочь.

Гидеон снова вспыхнул.

— Не впутывайте ее в это!

— Ох... но я все же сделаю это. Мне придется.

— Блейн, ты просто впустую тратишь время! — взревел Дарт.

— Времени у нас предостаточно, — спокойно отозвался Блейн, с улыбкой снова обращаясь к Гидеону. — На что у нас действительно нет времени, так это на несчастные случаи. Честно говоря, Гидеон, я не думаю, что такой человек, как ты, действительно смог бы разбить эту ампулу. И убить миллионы людей, — он вопросительно приподнял бровь.

— Я сделаю это, если только так можно не дать образцу попасть в ваши руки.

— Но ведь ты еще даже не услышал, что мы планируем с ним сделать! — это было сказано протестующе-доброжелательным тоном.

Гидеон ничего не ответил. Блейн хотел сказать свое слово — да будет так.

— Я служил в британской разведке, известной как МИ-6. Капитан Гурул — в ЦРУ. Дарт не просто работает в NEST, он раньше работал в черной агентуре военной разведки. Из-за нашего общего опыта в разведке мы знаем то, чего ты не знаешь и близко: Америка ведет тайную войну. С врагом, на фоне которого старые Советы — капля в море.

Гидеон ждал продолжения.

— Само выживание нашей страны под вопросом, — Блейн сделал паузу, глубоко вздохнул и снова заговорил. — Позволь мне рассказать тебе об этом враге. Они невероятно целеустремленные. К тому же они очень упорные, чрезвычайно трудолюбивые и очень умные. У них вторая по производительности экономика в мире, и она растет по отношению к нашей на пятьсот процентов. У врага большое и мощное вооружение, у них появилось космическое оружие, и у них самый мощный ядерный арсенал в мире. Этот враг экономит сорок процентов того, что они зарабатывают. У них больше выпускников университетов, чем в Америке — количества граждан. В стране врага больше англоговорящих людей, чем во всем мире. Они знают о нас все, а мы о них практически ничего. Этот враг безжалостен. Они управляют последней имперской колониальной державой на земле, которая оккупирует и жестоко третирует многие из ранее независимых стран, граничащих с ней. Этот враг нагло и открыто крадет триллионы долларов нашей интеллектуальной собственности. В свою очередь, они посылают нам отравленную пищу и недоброкачественные лекарства. Они не играют по правилам международного права. Они погрязли в коррупции. Они угнетают

свободу слова и вероисповедания, а также почти ежедневно убивают и заключают в тюрьмы журналистов и диссидентов. Они открыто монополизировали рынок сырья, необходимого для всего электронного мира. Этот враг — раньше бывший беззащитным — теперь доминирует над мировыми технологиями, он захватил рынок электронной и энергетической промышленности. То есть, они собираются стать новой Саудовской Аравией. Этот противник накопил почти два триллиона наших долларов за счет недобросовестной валютной и торговой практики. Если выбросить эти деньги на мировой рынок, этой суммы будет достаточно, чтобы уничтожить нашу валюту и разрушить всю нашу экономику в течение одного дня. По сути, они просто взяли нас за яйца. А хуже всего то, что этот враг презирает нас. Они видят, как мы ведем дела в Вашингтоне, и они пришли к выводу, что наша модель демократии является провальной. Они считают, что мы — американцы — слабые, ленивые, ноющие, эгоцентричные люди с завышенной самооценкой. И в этом они, вероятно, правы...

Пафосная речь Блейна прервалась, он тяжело дышал, лицо его блестело от пота. Гидеон ощутил боль в животе, как будто слова писателя физически нанесли ему удар. И все же он продолжал держать оспу.

— У них есть население, деньги, мозги, воля и смелость, чтобы уничтожить нас. И у них на это вполне конкретные планы. Они уже *делают* это. Пока Америка просиживает штаны, ничем не отвечая этому врагу. Это односторонняя война: они сражаются — мы сдаемся.

Писатель наклонился вперед.

— Ну же, Гидеон, не каждый американец готов сдаваться. Те, что собрались в этой комнате, включая еще небольшую группу единомышленников, не собираются этого допустить. Мы хотим спасти нашу страну.

Гидеон отчаянно пытался привести мысли в порядок. Блейн оказался харизматичным оратором.

— А оспа? Каким образом она входит в план?

— Думаю, ты уже вполне можешь догадаться об этом. Мы собираемся выпустить ее в пяти городах врага. Основная уязвимость противника — их плотность населения и зависимость от торговли. Поскольку вирус распространяется по человеческой популяции, как лесной пожар, мир наложит карантин на зараженную страну — у него не будет иного выбора. Мы знаем, что на самом деле, реакция на случай распространения оспы уже подробно прописана в секретных планах НАТО.

Он торжествующе улыбнулся, как будто операция его мечты уже состоялась.

— С началом карантина границы этой страны будут запечатаны. Все будет прервано и заблокировано: воздушное и железнодорожное сообщение, шоссе, порты и даже пешие маршруты. Страна останется в карантине, пока болезнь не будет побеждена. Наш эпидемиолог говорит, что до того момента, как минует кризис, может пройти несколько лет. К моменту, когда болезнь будет остановлена, экономика этой страны низвергнется к своей изначальной ступени, к пятидесятым годам. К 1850-м.

— Они нанесут ядерный удар...— сказал Гидеон.

— Возможно. Но сейчас у них не так уж и много подобного оружия и оно не такого уж высокого качества. Мы сможем снять большую часть их ракет непосредственно в полете. Некоторые наши города, конечно, могут пострадать, но мы сможем принять ответные меры. В конце концов, это война. И она, как известно, не обходится без жертв, — он пожал плечами.

Гидеон уставился на него.

— Вы с ума сошли! Они нам не враги. Весь этот план — одно сплошное безумие.

— Ну же, Гидеон, ты ведь умнее, — Блейн протянул руку в умоляющем жесте. —

Гидеон, прошу, присоединяйся к нам. Отдай мне оспу.

Гидеон отступил к двери.

— Я не буду в этом участвовать. Я... не могу.

— Не разочаровывай меня, сынок. Ты один из немногих людей с мозгами, которые способны узреть в моих словах истину. Я даю тебе шанс поразмыслить об этом. И я верю, что ты действительно *постараешься понять* то, что я сказал. Это страна, которая всего поколение назад убила тридцать миллионов своих же людей. Они не ценят человеческую жизнь так, как мы. Они сделали бы с нами то же самое, если б могли.

— Это чудовищно! Вы говорите об убийстве миллионов людей! Хватит. Я слышал достаточно.

— Подумай об Алиде.

— *Не смей говорить об Алиде, чертов псих!* — Гидеон содрогнулся всем телом, голос его тоже дрогнул. Солдаты в страхе отступили, когда он качнул рукой, в которой находилась ампула с оспой.

— Нет! — взмолился Блейн. — Подожди!

— Прикажи солдатам сложить оружие! Теперь моя очередь считать до пяти. Раз...

— Ради Бога, нет! — воскликнул Блейн. — Только не рядом с Вашингтоном! Если ты выпустишь оспу здесь, ты сделаешь с Америкой то, что мы собираемся сделать с...

— Посмотри мне в глаза, если не веришь. Прикажи солдатам опустить оружие. Два!

— Боже мой! — руки Блейна затряслись. — Гидеон, прошу тебя, не делай этого.

— Три!

— Ты этого не сделаешь. Ты не сможешь.

— Я сказал, посмотри мне в глаза, Блейн. Четыре, — он поднял руку, преисполненный решимости действительно это сделать. И тут Блейн увидел это.

— Опустить оружие! — закричал писатель. — Сейчас же!

— Пять! — отчаянно закричал Гидеон.

— Опускайте! Опускайте!

Оружие с грохотом попадало на пол. Солдаты явно были перепуганы. Даже Дарт и лейтенант бросили оружие.

— Руки вверх! — потребовал Гидеон.

Все подняли руки.

— Сукин ты сын, не смей этого делать! — крикнул Дарт.

Гидеон обошел стол кругом. Одна рука все еще была поднята, а вторую он держал за спиной. У него было очень мало времени. Он подошел к двери и толкнул ее коленом. Затем он развернулся, перехватил криоампулу и изо всех сил бросил ее на пол, одновременно скользнув за дверь и припустившись бежать по коридору.

В тот же момент, он услышал, как ампула разбилась, и ее осколки разлетелись по запертой комнате, которая тут же погрузилась в хаос из криков, стонов, топота и плача. Над всем этим, словно рев раненого льва, взвился отчаянный и полный страдания крик Блейна, проникший Гидеону в самое сердце.

Саймон Блейн бросился назад с криком, когда криоампула ударилась об пол и разбилась, извергнув свое содержимое облаком пудры. Кусочки пластика и стекла, отскочив от дверной рамы, запрыгали по полу. Он видел, словно в замедленной съемке, как порошок вируса оседает на пол.

С ясностью молнии его разум предвидел будущее: блокада Вашингтона и его пригородов, неумолимое распространение болезни, безумная и бесполезная вакцинация, пандемия, мобилизация Национальной Гвардии, беспорядки, закрытие портов, комендантский час, чрезвычайное положение, бомбардировки, война на границах с Канадой и Мексикой... и, конечно же, полный крах экономики США. Он видел это все с ясностью, порожденной его знаниями. Это были не домыслы, это был именно тот сценарий, по которому все будет протекать, потому что он уже видел на компьютерной модели, как это должно было происходить с противником — снова и снова.

Все это промелькнуло в его мозгу в течение нескольких секунд. Он знал, что все присутствующие здесь, скорее всего, инфицированы. Болезнь передавалась легко, как простуда, а количество вируса в ампуле было ошеломляющим — его было достаточно, чтобы заразить почти сто миллионов человек. Как только ампула разбилась, вирус оказался в воздухе. И они все его вдохнули — все до единого. Все они теперь были мертвецами.

Он видел это с ошеломляющей ясностью. А затем он услышал крики. Крики солдат Дарта.

— Не двигайтесь! — прокричал Блейн командным тоном. — Не всколыхните воздух. Хватит кричать. Заткнитесь.

Они повиновались ему. Все моментально замолчали.

— Нам нужно, чтобы это здание было опечатано, — произнес он со странным внезапным спокойствием, которое удивило даже его самого. — Немедленно. Если мы сможем сдержать вирус внутри, то сможем не допустить пандемии.

— Но что насчет нас? — спросил Дарт с побелевшим от ужаса лицом.

— С нами покончено, — сказал Блейн. — Теперь нам нужно спасти нашу страну.

Долгое молчание. Один из солдат внезапно закричал, сорвался с места, выбежал за дверь и понесся по коридору. Без колебаний Блейн вытащил пистолет, прицелился и нажал на курок. Старый «Миротворец» выстрелил с ревом, и попытавшийся сбежать солдат, захлебнувшись собственной кровью, рухнул на пол.

— К черту! Я надеваю костюм! — сказал Дарт срывающимся, хриплым голосом. И он стал лихорадочно натягивать защитный костюм. — Мы будем в безопасности в лаборатории!

Солдаты сорвались с места и понеслись к стойке с костюмами, по пути толкая друг друга. Исчезло всякое подобие дисциплины.

«Только представь себе такую панику, помноженную на миллионы», — подумал Блейн. Вот, с чем предстояло столкнуться стране.

Его взгляд упал на небольшие влажные пятна на полу и стене, куда приземлился кристаллизованный вирус и субстрат. Это было невообразимо. Он не мог поверить, что Гидеон действительно это сделал. Блейн знал, что он вполне готов отдать свою жизнь за страну — на самом деле, он собирался это сделать, но явно не так. Не так.

И тут писатель кое-что заметил.

Он наклонился. Посмотрел ближе. Положил руки на колени. А затем он распрявился, держа в руке разбитую криоампулу. На боковой ее стороне был нанесен небольшой серийный номер с идентификационной меткой: «ГРИПП А/Н9N2 ЛИКВИДИРОВАН».

— О, Боже! — закричал он. — Это не оспа! Нас обманули! Рассредоточиться! Обыскать здание! Найти его! Это другая ампула. *Он подменил их!* Оспа все еще у него, слышите? *Оспа все еще у него!*

Гидеон рванул по коридору. Мчась без оглядки, он принял решение отправиться в дальнюю часть здания: в вестибюле его могло ждать еще больше солдат. Кроме того, тыл здания дал бы ему дополнительное преимущество — он приблизил бы его к задней парковке, где был припаркован «Джип».

Если, конечно, предположить, что он сможет найти задний выход.

Гидеон поднялся по лестнице на первый этаж и направился к задней части здания, переставляя ноги так быстро, как только мог, по-прежнему оберегая криоампулу. Это был огромный, практически безлюдный комплекс, и Гидеон обнаружил, что тратит время на неправильные повороты, тупики и запертые двери, которые заставляли его снова и снова делать лишний крюк. А часики тикали.

Он понятия не имел, насколько продуктивной окажется его уловка и насколько она сможет отсрочить ответные действия врагов. Но Гидеону подвернулась возможность, и он воспользовался ею. Ему весьма пригодились его старые навыки фокусника, когда он схватил случайную ампулу с лабораторного стола и заменил ею ампулу, содержащую оспу. Это было относительно легко, учитывая, что при выполнении магических трюков он работал со многими предметами такого размера, а иногда и такой формы. К тому же, он понятия не имел, что эта другая ампула содержала, но это, наверняка, не было настолько опасным, иначе она бы так просто не лежала на столе, где ее мог взять каждый. Может быть, содержимое вызовет у всех них острую крапивницу.

После еще нескольких неверных поворотов он, наконец, добрался до длинного коридора, который оканчивался застекленной приемной с большой вывеской и дверью аварийного выхода в дальнем ее конце — с полосатой бело-красной надписью «Сработает сигнализация». Он рванул к двери только для того, чтобы увидеть, как с другого входа в вестибюль внезапно вошел человек. Это был капитан Гурул.

Они меня уже нашли. Дерьмо.

Капитан обернулся, увидел Гидеона, и занес руку, намереваясь достать свое оружие.

Гидеон рванул вперед и всем своим телом обрушился на капитана, сбив его с ног и опрокинув его спиной на дверь, которая тут же открылась. Секундное затишье разорвал сигнал сработавшей тревоги, в то время как пистолет капитана отлетел в сторону. Гидеон вскарабкался на офицера, остро ощущая присутствие ампулы с оспой в своем кармане и покровительственно прикрывая ее своим телом. Капитан, растянувшийся на пороге, быстро пришел в себя, вскочил на ноги и прыгнул на Гидеона, пытаясь взять его шею в захват. При этом он оставил свою голову без защиты, и Гидеон изо всех сил нанес резкий удар основанием ладони снизу вверх, почувствовав, как нос капитана хрустнул. Хватка Гурула ослабла настолько, что Гидеон смог от нее освободиться, несмотря на то, что капитан нанес ответный удар ему в бок.

Они на пару мгновений остановились: капитан тряс головой, пытаясь прийти в себя и остановить кровотечение из носа, Гидеон же чувствовал, что оспа как будто прожигает дыру в его кармане. Что бы ни случилось, он не мог допустить, чтобы эта криоампула разбилась.

Гурул внезапно развернулся и нанес мощный удар в пах Гидеона, но тот успел увернуться, защищая оспу, и удар пришелся в его бедро, миновав ампулу, и отбросив его

назад к стене. Гидеон принял защитную стойку, все так же защищая вирус, и капитан не преминул воспользоваться защитной нерешительностью противника, чтобы атаковать его, нанеся боковой удар прямо в его челюсть, который выбил Гидеону пару зубов и опрокинул его на пол.

— Оспа! — Гидеон захлебнулся кровью, заполнившей рот. — Не...

Но капитан был слишком взбешен, чтобы слушать. Он снова ударил Гидеона в живот, а затем пнул его в бок, почти развернув его на спину. Резкое движение выбило из кармана ампулу, которая, описав дугу в воздухе, отлетела в угол. На короткое страшное мгновение оба противника замерли, наблюдая, как она отскочила от стены, а затем откатилась на несколько футов — целая и невредимая.

Капитан тут же кинулся за ней, а Гидеон — теперь ничем не сдерживаемый — нанес яростный удар наотмашь по почкам мужчины, поставив того на колени и дополнив свою атаку еще одним ударом в челюсть. Но капитан мгновенно поднялся, сделав ногами «вертушку» почти как брейкдансер, и сбил Гидеона с ног, когда тот ошеломлено замер. С невнятными гневными ругательствами Гурул рухнул на своего противника, впившись зубами в его ухо до хруста хряща. Вскрикнув от боли, Гидеон ударил его кулаком в шею, заставив отпустить ухо. Когда тот повернулся, нанеся слепой удар, пролетевший мимо, Гидеон обеими руками схватил офицера за скальп и дернул его голову из стороны в сторону, как собака, встряхивающая крысу, одновременно нанеся настолько сильный удар коленом в лицо мужчины, что он отбросил его назад. Гурул упал на спину, и Гидеон навалился на него, схватил за уши и, сжав их, как ручки, дважды ударил голову капитана о цементный пол.

Гидеон скатился с бездыханного противника. Их борьба приблизила их к валяющемуся пистолету Гурула, и Гидеон схватил его в тот момент, когда боковая дверь в вестибюль распахнулась, и двое солдат ворвались внутрь. Гидеон мгновенно выстрелил в одного, отбросив его к стене. Второй, охваченный паникой, для прикрытия стал беспорядочно отстреливаться, и его пули прошили стеклянную стену позади Гидеона, разнеся ее на осколки.

Гидеон выскочил на улицу через разбитое стекло на пошатывающихся ногах. Пули свистели рядом с ним и рикошетили от асфальта задней автостоянки. Он добежал до ближайшей припаркованной машины и упал за нее, и тут целый залп выстрелов прошел ее металлический корпус. Открыв ответный огонь, он увидел через открытую дверь входа белую ампулу с оспой, лежащую у стены. И прямо под его взглядом к ней подбежал Блейн, схватил ее и снова скрылся в задней части коридора, призывая своих людей следовать за ним.

— Нет! — крикнул Гидеон.

Он снова стал стрелять, но было уже слишком поздно — оставшиеся солдаты исчезли в здании, выпустив в его сторону финальные залпы беспорядочной стрельбы.

Они заполучили оспу.

На мгновение Гидеон просто прислонился к машине, охваченный сильным головокружением. Его сильно избили, у него все болело, кровь вытекала из его разбитой губы — но всплеск адреналина от драки, перестрелки и потери оспы придал ему сил.

Оттолкнувшись от машины и обогнув угол здания, он побежал вдоль пустой, без окон, боковой стены здания, которая длилась, казалось, бесконечно. Наконец он достиг ее конца и обогнул следующий угол. В его поле зрения появилась передняя парковка, и стоящий на асфальте посреди нее вертолет Дарта, УН-60 «Черный ястреб» с вращающимися лопастями.

Через открытую дверь кабины он увидел, что Блейн и Дарт уже заняли места, и последний из солдат только что забрался внутрь. Рядом с вертолетом в луже крови лежал труп.

Фордис.

Гидеон почувствовал внезапную тошноту и удушающую ярость, которая перехватила ему горло. Теперь все стало ясно.

Он вытащил свой пистолет и побежал по траве к вертолету. Когда тот начал взлетать, из двери кабины началась стрельба. Гидеон бросился к ближайшему припаркованному автомобилю и присел на корточки рядом с ним. В тот момент несколько пуль застряло в корпусе автомобиля.

Наполовину обезумев от гнева и горя, Гидеон снова поднялся и, прижавшись к капоту, игнорируя пули, свистевшие мимо его головы, поднял девятимиллиметровый пистолет капитана и сделал два тщательно выверенных выстрела, целясь в турбовальные двигатели. Одна пуля с громким звуком почти попала в цель, выбив куски краски, затем спустя мгновение снова начался обстрел. На автомобиль обрушилось еще несколько пуль, но Гидеон остался на месте, выстрелив третий раз. Теперь из двигателей повалил черный дым, наполовину заслонивший вращающийся винт. Вертолет, казалось, вздрогнул, когда рубящий типичный звук превратился в пронзительный скрежет. Затем его фюзеляж вильнул и наклонился: «птичка» медленно возвращалась на Землю, хвостовой ротор соприкоснулся с землей и разбился, его куски разлетелись с пугающим свистящим звуком.

Трое солдат выпрыгнули из горящего вертолета и направились к Гидеону, стреляя из автоматов М4 в полуавтоматическом режиме, а затем вслед за ними вывалились Дарт и Блейн. Пули прошивали машину, которая служила Гидеону единственным прикрытием, осыпая его осколками стекла и металла, то время как он скорчился за ней — только тяжелый блок двигателя, останавливал высокоскоростные пули.

И тут стрельба резко оборвалась. Гидеон глубоко вдохнул, поднялся, чтобы открыть ответный огонь, но понял, что это пустая трата боеприпасов — они отступили и теперь оказались вне пределов досягаемости для пистолета. К тому же он их больше не интересовал. Дарт, Блейн и солдаты садились в «Хамви» — видимо, на этом автомобиле писатель и прибыл. Двери захлопнулись, и машина, взвизгнув покрывками и справившись с заносом, вырулила на длинную служебную дорогу, ведущую с базы. Тем временем вертолет неуверенно накренился, издав ужасный рубящий звук. Его винты хлопали, а в небо поднимались огромные клубы дыма. Мгновение спустя он оказался целиком охвачен пламенем и с хлопком, который заставил все пространство воздух вокруг него содрогнуться, взорвался в шар огня.

Гидеон, выругавшись, постарался защитить от жара свое лицо.

Они уходили — уходили с оспой.

Он вскочил и рванул за ними, пробегая мимо горящего вертолета и направляясь к дальнему концу автостоянки, в бессильной ярости снова и снова нажимая на курок, пока обойма не опустела.

Затем он остановился и огляделся, тяжело дыша. «Джип» Блейна был припаркован на задней парковке, но если бы он побежал назад, чтобы забрать его, игра, несомненно, была бы проиграна: Дарт и Блейн настолько бы вырвались вперед, что к тому времени он бы их не смог догнать.

Главный автопарк базы размещался на противоположной стороне дороги, ворота его были закрыты. Он перебежал через улицу, бросился на забор, перемахнул через него и

приземлился с другой стороны. Рядом с ним стоял ряд «Хамвеев» и еще один ряд «Джипов». Кру подбежал к первому «Хамви» и заглянул внутрь.

Ключей не было.

Не оказалось их и во втором, и третьем «Хамви». Далее он стал исступленно метаться между «Джипами». Ни у одного из них тоже не было ключей в зажигании.

В отчаянии он стал озираться по сторонам. На другом краю автопарка стояли более крупные военные машины: пара танков М1, бронетранспортеры MRAP и несколько бронированных боевых машин «Страйкер», похожих на огромные, оцетинившиеся башенные танки, установленные на восемь массивных колес. Один из «Страйкеров» стоял на открытой площадке и, по-видимому, его только что вымыли из шланга. Гидеон смутно вспомнил, что видел механика, ремонтировавшего автомобиль, когда они с Фордисом только прибыли сюда. И как только эта мысль пришла ему в голову, появился механик с гаечным ключом в руке и болтающейся кожаной кобурой, бегущий от дальнего гаража и ошеломленно глядящий на горящий вертолет.

— Что, черт возьми, происходит? — крикнул он Гидеону.

Гидеон выбил из его руки гаечный ключ, схватил его за воротник, ткнул пустым девятимиллиметровым пистолетом ему в лицо и толкнул его к ближайшему «Страйкеру».

— Что происходит? — повторил Гидеон. — А то, что мы собираемся забраться в эту машину, и ты ее поведешь.

Солдат открыл дверь. Они забрались в пещерообразный салон: сначала механик, а следом за ним Гидеон — с поднятым пистолетом. С механиком, рухнувшим на штурманское сиденье, Гидеон скользнул на сиденье водителя.

— Отдайте мне свое оружие, — потребовал Гидеон.

Механик отстегнул кобуру, извлекая свой пистолет.

— Теперь дайте мне ключ.

Механик беспрекословно выполнил приказ. Гидеон вставил его в зажигание и повернул. «Страйкер» тут же ожил громким дизельным мурлыканьем. Продолжая направлять оружие на механика, Гидеон быстро взглянул на панель управления. Она выглядела достаточно просто. Перед ним были рулевое колесо, педали переключения передач, газа и тормоза, ничем не отличающиеся от грузовика. Но эти элементы управления были окружены электроникой и многочисленными плоскими экранами, выполняющими неизвестные ему функции.

— Ты умеешь управлять этим? — спросил Гидеон.

— Пошел ты, — бросил солдат. Очевидно, он пришел в себя, и Гидеон прочел в выражении его лица комбинацию страха, гнева и растущего неповиновения. Он был молодым, худым, с резкими чертами лица и на вид ему нельзя было дать больше двадцати. Его звали Джекман, и он носил знаки отличия младшего сержанта. Но на его лице была написана весьма важная информация: это был солдат, который не собирался прогибаться под дулом пистолета, если оно было обращено против его страны.

С усилием Гидеон заставил себя замедлить темп, глубоко вздохнуть и отодвинуть в сторону тот факт, что с каждой проходящей минутой Блейн и оспа становятся от него все дальше. Он нуждался в помощи этого человека, и у него был только один шанс заполучить ее.

— Сержант Джекман, мне жаль, что пришлось наставить на вас пистолет, — сказал он. — Но мы находимся в чрезвычайной ситуации. Те люди, которые пытались взлететь на вертолете, украли из Института смертельный вирус. Они террористы. И они собираются его выпустить.

— Они солдаты, — вызывающе бросил Джекман.

— *Одеты* как солдаты.

— Это ты так говоришь.

— Послушай, — сказал Гидеон, — я из NEST, — он потянулся за своим старым удостоверением личности, но понял, что потерял его, обронив в какой-то момент отчаянной погони. Боже, ему нужно действовать быстро. — Ты видел это тело на асфальте?

Джекман кивнул.

— Это мой напарник. Специальный агент Стоун Фордис. Ублюдки убили его. Они украли ампулу оспы и собираются распространить ее, чтобы начать войну.

— Я не куплюсь на подобную чушь, — сказал сержант.

— Ты должен мне поверить.

— Ни за что. Валяй, стреляй. Покажи, на что ты способен. Я все равно не буду тебе помогать.

Гидеон чувствовал, что находится на грани отчаяния. Он попытался взять себя в руки. Он сказал себе, что это стандартная ситуация подвластная социальной инженерии, ничем не отличающаяся от других, с которыми он сталкивался ранее. Просто на этот раз риски были бесконечно велики. Речь шла о том, чтобы найти способ, узнать, как достучаться до этого парня. И сделать это надо за несколько секунд. Он посмотрел на испуганное, но абсолютно решительное лицо.

— Нет, это ты покажи, на что ты способен, — он вручил Джекману свой девятимиллиметровый пистолет рукояткой вперед. — Если ты думаешь, что я один из хороших парней, помоги мне. Если ты уверен, что я один из плохих парней, пристрели меня. Сейчас это *твое* решение, а не мое.

Джекман схватил протянутое ему оружие. Его взгляд стал каким-то неопределенным: внутри него явно шла борьба сомнений с сильным чувством долга. Он быстро осмотрел оружие, достав магазин.

— Хорошая попытка, но здесь нет патронов.

Он бросил оружие на пол.

«Сукин сын!»

Повисла неожиданная тишина. Гидеон начал потеть. Затем, почти импульсивным движением, он вернул солдату отнятый ранее его собственный пистолет.

— Направь мне его в голову, — сказал он.

Джекман сделал резкий выпад, схватил Гидеона мертвой хваткой и прижал пистолет к его виску.

— Давай же. Пристрели меня. Потому что вот что я тебе скажу: если они уйдут, я не хочу жить, чтобы увидеть результат случившегося.

Палец Джекмана заметно надавил на курок. Повисла долгая мертвая тишина.

— Ты меня слышал? Они уходят. Ты должен решить — ты или со мной, или против меня.

— Я... я...

В растерянности Джекман колебался.

— Посмотри на меня, подумай о моих словах, и, черт возьми, прими решение.

Они смотрели друг другу в глаза. Еще одно колебание — и вдруг лицо солдата просветлело, решение было принято. Он убрал пистолет, вернув его в кобуру.

— Отлично. Проклятье. Я с тобой.

Гидеон посмотрел в перископ водителя. Затем он перевел рычаг переключения передач «Страйкера» вперед и отпустил сцепление. Машина рванула назад и врезалась в «Хамви», отбросив тяжелый автомобиль на несколько ярдов.

— Нет, нет, здесь коробка работает иначе! — крикнул Джекман.

Гидеон вернул рычаг назад, снова отпустил сцепление, и машина качнулась вперед. Он вдавил педаль акселератора в пол, но «Страйкер» все так же медленно двигался вперед, неспешно набирая скорость из-за своего большого веса.

— Неужели эта чертова штука не может ехать быстрее? — простонал он.

— Мы их никогда не поймает, — сказал Джекман. — Мы не разгонимся на ней больше шестидесяти. «Хамви» же может идти восемьдесят, а то и девяносто.

На мгновение Гидеон снял ногу с акселератора, почти застыв от отчаяния. У врага было слишком большое преимущество — все было бесполезно. Потом он что-то вспомнил.

Вытащив карту базы из своего кармана — ту самую, которую он получил у передних

ворот — он бросил ее Джекману.

— Посмотри на это. Главная дорога проходит через всю территорию базы. Мы все еще можем перехватить их, если рванем прямо к передним воротам.

— Но здесь нет дороги, ведущей к ним, — сказал Джекман.

— С этой штукой, кому, черт возьми, нужна дорога? Просто направляй меня к воротам. Мы опередим их по пересеченной местности. И когда мы доберемся туда, будь готов использовать оружие.

Гидеон прогнал «Страйкер» через длинную автостоянку мимо горящего вертолета и рванул по тротуару, выжимая пятьдесят миль в час, восемь колес автомобиля громко гудели по асфальтовой дороге.

Джекман изучал помятую карту.

— Здесь поверни на сто девяносто градусов. Вот, используй это, — солдат указал на электронный компас на приборной панели.

Гидеон повернул, как было сказано, устремившись на юг. «Страйкер» съехал с тротуара и рванул напрямик через широкое пространство газона, держа курс к линии деревьев.

— Что у нас есть из оружия? — крикнул Гидеон.

— Автоматический гранатомет МК-9, дымовые гранаты.

— «Страйкер» сможет прорваться сквозь эти деревья?

— Сейчас и узнаем, — отозвался Джекман. — Перейди на восьмиколесный привод. Там есть рычаг.

Гидеон потянул за указанную рукоять, нацелившись на деревья, и прибавил газ, из-за чего дизель взревел еще яростнее. Боже, здесь стоял очень мощный двигатель!

Деревья хоть и росли далеко друг от друга, но все же недостаточно далеко. Гидеон взял чуть в сторону, заметив более молодые и тонкие деревья.

— Держись! — крикнул он.

С громким треском автомобиль снес одно дерево, затем другое — каждое из них ломалось у основания, не в силах устоять против мощи военной техники. Машина прорывалась вперед, раскачиваясь и подпрыгивая. Двигатель «Страйкера» натужно ревел, щепки и ветки уничтоженных деревьев отлетали от его корпуса во все стороны, а листья каруселью кружились вокруг. Через минуту они выехали на травянистую просеку. На соседней панели загорелся красный свет и раздался безликий электронный голос:

— *Предупреждение: текущая скорость не подходит для данных условий местности. Для корректировки произведите регулировку давления в шинах.*

Гидеон посмотрел в перископ водителя.

— Дерьмо. Прямо по курсу несколько очень больших дубов.

— Притормози, я попытаюсь расчистить путь гранатометом, — Джекман щелкнул серией переключателей, и экран системы вооружений ожил. Он взглянул в перископ стрелка. — Вижу их.

Последовала серия залпов, и спустя мгновение прозвучали взрывы. Дубы исчезли в стене пламени, грязи, листьев и щепок. Еще до того, как путь был полностью расчищен, Гидеон снова нажал акселератор, колеса увеличили ход, и «Страйкер» рванул вперед, перемалывая в труху сломанные стволы и дальше вгрызаясь в лес, попутно пригибая невысокую поросль деревьев.

Наконец, с оглушительным ревом они вырвались из леса. Прямо по курсу — поперек дороги — раскинулся проволочный забор, окружавший жилой район: аккуратные ряды домиков, подъездных дорожек, автомобилей, почтовых ящиков и других атрибутов пригородной жизни.

— Вот, дерьмо! — пробормотал Гидеон. По крайней мере, поблизости никого не было,

большинство жителей эвакуировались. Он вырулил «Страйкер» на путь наименьшего сопротивления и врезался в проволочный забор, растянув его, как ленту, прежде чем разорвать. Затем машина преодолела задний двор, снесла детскую площадку и протаранила наземный бассейн, чем вызвала во дворе целое цунами.

— Господи! — воскликнул Джекман.

Гидеон держал педаль акселератора прижатой к полу, массивный автомобиль медленно ускорялся. Впереди него улица сворачивала направо под прямым углом.

— Я не успею вписаться в поворот, — крикнул Гидеон. — Держись!

Прямо по курсу перед ним лежал одноэтажный дом: клетчатые шторы, висящие в панорамном окне гостиной, желтые цветы на красивом ухоженном газоне. Гидеон понял, что ему не удастся полностью избежать столкновения с домом, поэтому он нацелился на гараж. Их сотряс сильнейший удар, рев двигателя «Страйкера» усилился, когда они смяли пикап, а затем протаранили заднюю стенку гаража, сопровождаемые фонтаном деревянных щепок, обломков стеновых панелей и облаком пыли.

— *Предупреждение*, — раздался электронный голос, — *текущая скорость не подходит для данных условий местности*.

Взглянув в перископ, Гидеон увидел, что из соседних домов высыпали жители, возмущенно крича и размахивая руками, и побежали к развалинам, которые он оставил позади себя.

— Уверен, что не хочешь вернуться? — спросил Джекман сквозь стиснутые зубы. — Мне кажется, ты кое-что не заметил.

Продолжая гнать автомобиль вперед, Гидеон протаранил забор и с противоположной стороны квартала. За пустой парковочной площадкой прямо перед ними находилось скопление куонсетских ангаров^[58] с узкими проходами между ними. Гидеон направился к самому, на его взгляд, широкому проходу, но все же и тот оказался недостаточно широк для их габаритов. «Страйкер» проложил себе дорогу сам, смяв стены с обеих сторон, как многослойную фольгу, и стащив с фундаментов обшарпанные ангара.

Вырвавшись на открытую местность, они пересекли ряд бейсбольных площадок, прорвались через хлипкие деревянные трибуны, протаранили кирпичную стену и совершенно неожиданно выехали к базе поля для гольфа. Пока Гидеон пытался справиться с управлением, он смутно припомнил, что поле для гольфа было первым, что он увидел, когда въехал на базу: они были почти у входа.

Гидеон пересек площадку для первого удара и рванул вперед, немногие оставшиеся гольфисты бросали свои клюшки и разбежались, как куропатки. Он переехал вброд узкое водное препятствие, смял грязь на противоположной стороне и выехал на вторую зеленую площадку, попутно вырывая огромные куски дерна и торфа, а затем, когда они достигли подъема, смог рассмотреть в четверти мили впереди кластер зданий и забор, которые обозначали парадный въезд.

... И там, на служебной дороге, идущей параллельно полю для гольфа, которое они пересекали наперерез, ехал «Хамви» с Блейном и Дартом.

— Вон они! — воскликнул Гидеон. — Отрежь им путь! Но, ради Бога, не попади в них, иначе ты выпустишь вирус!

Джекман лихорадочно бросился к пульту системы вооружений.

— Останови машину, чтобы я мог прицелиться!

Гидеон резко затормозил, прорыв в земле две глубокие траншеи. Джекман посмотрел в

главный перископ, откалибровал несколько датчиков, снова посмотрел. «Страйкер» слегка качнуло в тот момент, когда были выпущены гранаты, затем ударные вспышки обогнали «Хамви», и дорога перед заговорщиками разлетелась вдребезги, куски асфальта фонтаном взлетели ввысь. «Хамви» затормозил, остановился, повернул и начал объезжать воронки по траве.

— Еще раз! — воскликнул Гидеон.

Еще одна сотрясающая серия взрывов. Но все это было бесполезно — поле для гольфа было слишком широким, у «Хамви» были почти безграничные пути к парадному выезду.

Гидеон снова погнал машину вперед, продолжая ехать по зеленому газону. «Хамви» все еще сильно опережал «Страйкер», находясь в шаге от того, чтобы окончательно оторваться.

Впереди Гидеон видел несколько паникующих солдат, суесящихся около ворот и бесцельно мечущихся из стороны в сторону.

— Ты можешь связаться с въездом? — Гидеон перекричал рев двигателя.

— Нет связи.

И тут Гидеона озарило.

— Дымовые гранаты! Накрой их дымом!

«Страйкер» протаранил песчаную ловушку поля для гольфа, достиг следующего подъема, и тут Джекман выстрелил. Снаряды взлетели в небо, приземлились перед «Хамви» и выпустили огромные белоснежные облака. Ветер оказался на их стороне, окутав автомобиль заговорщиков дымом. Он сразу же исчез из виду. Гидеон держал курс прямо к этому импровизированному туманному Альбиону.

— В этой малышке есть инфракрасный сканер?

— Просто включи монитор, — крикнул Джекман с сиденья наводчика.

Гидеон растерянно уставился на панель управления. Джекман перегнулся, щелкнул парой тумблеров, и один из бесчисленных экранов засветился.

— Это видеоустройство с режимом термоскана, — пояснил солдат.

— Отлично, — отозвался Гидеон, углубляясь в шлейф дыма. — А вот и они!

«Хамви» все еще не вернулся на дорогу, но зато стал гораздо ближе к ним, двигаясь слепо, потеряв правильный курс и направляясь к полосе деревьев. Гидеон посмотрел на размытое изображение на видеоэкране.

— Дерьмо. Они разобьются.

— Дай я посмотрю, что с этим можно сделать.

Джекман бросился обратно на место наводчика. Спустя мгновение затрещал пулемет пятидесятого калибра, производя удаленный обстрел и вырывая клоки дерна позади «Хамви».

— Осторожно, ради бога!

Гидеон увидел, как Джекман прошел пулями кузов «Хамви», разрывая шины. Машину бросило вбок, и она остановилась. Продолжая наблюдение, Гидеон заметил, что его двери открылись. Из него выскочили трое пошатывающихся солдат, которые стали слепо стрелять по дымовой завесе. Затем появились еще две фигуры — Блейн и Дарт — и оба побежали к воротам с максимально возможной скоростью.

— Я пойду за ними, — сказал Гидеон. — Дай мне свое оружие.

Гидеон откинул люк «Страйкера» и выпрыгнул. В ту же секунду дым окутал все вокруг. Гидеон слышал, как солдаты продолжали слепо стрелять во все стороны, но о возможности словить шальную пулю ему было некогда думать. Он рванул в направлении звуков, когда

вдруг увидел Блейна, быстро покидавшего облако дыма. Солдаты тоже нашли выход и последовали за писателем, продолжая отстреливаться. Гидеон распластался по земле в тот же момент, когда из дыма позади него прозвучали выстрелы пулемета пятидесятого калибра. Трех солдат перед ним буквально разорвало пополам.

Он снова вскочил и продолжил бежать. Блейн опережал его ярдов на сто, приближаясь к воротам, но возраст брал свое и он быстро терял скорость. Дарт — благодаря молодости и хорошей физической подготовке — вырвался вперед, оставив Блейна далеко позади.

Когда Гидеон почти настиг писателя, Блейн обернулся, тяжело дыша, вытащил свой «Кольт Миротворец» и выстрелил. Пуля выбила кусок дерна перед ногами Гидеона, но он продолжил бежать, не думая о собственной сохранности. Блейн выстрелил второй раз — так же мимо — и тогда Гидеону удалось, наконец, нагнать его и повалить, придавив всем весом своего тела. Они тяжело упали, и Гидеон вырвал у врага револьвер, отбросив его в сторону, ни на секунду не отпуская Блейна. Он вытащил оружие Джекмана.

— Ты чертов придурок! — закричал Блейн, брызгая слюной и задыхаясь.

Не говоря ни слова, держа оружие у шеи Блейна, Гидеон принялся обыскивать пиджак мужчины и быстро нащупал криоампулу с оспой. Он извлек ее, положил в свой карман и встал.

— Ты, чертов *гребанный*, придурок! — вновь крикнул Блейн. Понимая безвыходность своего положения, он постепенно переставал бороться.

Внезапный обстрел заставил Гидеона упасть на землю: в него стрелял Дарт, замерший примерно в пятидесяти метрах вдали.

Укрыться было негде. Уповаая лишь на удачу, Гидеон слегка приподнялся и тщательно прицелился, открыв ответный огонь. Его второй выстрел сбил Дарта с ног.

И тут он услышал вертолеты. Отследив направление, с которого приходил звук, он через миг разглядел пару «Черных ястребов», быстро приближавшихся с востока. Они замедлились, затем развернулись, переходя в режим боевой посадки.

Очередная поддержка Блейна и Дарта.

— Брось оружие и отдай мне оспу! — раздался голос.

Гидеон повернулся и увидел Блейна, который стоял, пошатываясь и сжимая «Миротворец» в руке. Гидеону стало плохо. Он же был близко — так близко! Его разум работал с сумасшедшей скоростью, пытаясь найти способ скрыться, чтобы защитить оспу. Сможет ли он спрятать ее, зарыть, сбежать с ней? Где же «Страйкер»? Он отчаянно осмотрелся, но машина все еще была окутана плотными облаками дыма.

— Я сказал, отдай мне оспу. И брось оружие.

Рука Блейна дрожала.

Гидеон почувствовал, что его как будто парализовало, и он оказался неспособен действовать. Пока они стояли друг напротив друга, вертолеты приземлились, их двери распахнулись, и из них с оружием наготове повыпрыгивали солдаты, окружая противников по классической схеме и приближаясь к ним. Гидеон посмотрел на вновь прибывших солдат, а затем вернулся к Блейну. Странно, по лицу старика потекли слезы.

— Я никогда не отдам вам оспу, — сказал Гидеон, поднимая свое оружие и наводя его на Блейна. Они так и стояли там, с оружием, нацеленным друг на друга, в то время как солдаты сжимали вокруг них кольцо. Гидеон понял, что Блейн не выстрелит в него — любой выстрел мог выпустить оспу. Это означало, что все, что он должен был сделать, это выстрелить в Блейна.

И все же — даже когда Гидеон крепче сжал оружие, он понял, что не может этого сделать. Независимо от того, какие ставки были на кону, даже ценой собственной жизни, он не мог заставить себя убить отца Алиды. Тем более что теперь это было совершенно ни к чему.

— Бросить оружие! — послышался крик со стороны группы солдат. — Бросить! Немедленно! Лечь на землю!

Гидеон сжался. Все было кончено.

Последовал короткий выстрел. Гидеон вздрогнул, ожидая ощутить удар пули, но его так и не последовало. Совершенно неожиданно Блейн рухнул лицом на траву, где застыл неподвижно, все еще сжимая «Миротворец».

— Брось оружие! — снова раздалась громкая команда.

Гидеон поднял руки, позволяя пистолету выпасть, когда солдаты осторожно приблизились к нему, все еще держа его под прицелом. Один из них начал обыскивать его, нашел криоампулу и осторожно вынул ее.

К ученому подошел лейтенант из вертолетной команды.

— Гидеон Кру?

Тот кивнул. Офицер повернулся к солдатам.

— Он свой. Это напарник Фордиса.

Лейтенант повернулся к Гидеону.

— Где агент Фордис? В «Страйкере»?

— Они убили его, — ошеломленно пробормотал Гидеон. Он начал понимать, что, помимо уведомления Дарта, Фордис — из-за своего крайне настороженного и чопорного менталитета, всегда строго следующий всем инструкциям ФБР — должен был уведомить и остальные подразделения. Это было не подкрепление заговорщиков — это была правоохранительная кавалерия, пришедшая на помощь с небольшим опозданием.

К своему большому потрясению, Гидеон услышал кашель Блейна, а затем увидел, что старик поднялся на четвереньки. Хрипя и задыхаясь, он начал ползти к ним.

—... оспа... — выдохнул он. Кровь внезапно с силой хлынула изо рта писателя, прервав его речь, но он все равно продолжал ползти. Один из солдат поднял свою винтовку.

— Нет! — крикнул Гидеон. — Ради всего святого, не надо!

Блейну удалось чуть приподняться и немного приподнять «Миротворец», в то время как они с отвращением продолжали на него смотреть.

— Дураки, — прохрипел он, после чего рухнул лицом вниз и замер.

Борясь с дурнотой, Гидеон отвернулся.

Чистая и аккуратная комната ожидания невролога была обшита панелями из выбеленной древесины и укомплектована удобными кожаными диванами и стульями, составляющими с друг другом четко выверенную композицию. Ряд окон с полупрозрачными занавесками обеспечивал приятное рассеянное естественное освещение. Большой персидский ковер, покрывающий пол, завершал картину успешной и прибыльной практики.

Чтобы посетитель мог скоротать время, здесь находилась целая стопка свежих газет, коробка с деревянными игрушками, номера «Хайлайтс» и «Архитектурного дайджеста».

Несмотря на сверхактивный кондиционер, Гидеон чувствовал, что его ладони взмокли, когда он нервно сжал и разжал кулаки. Он подошел к стойке администратора и сообщил свое имя.

— Вам назначено? — спросил секретарь.

— Нет, — ответил Гидеон.

Женщина проверила электронные записи и сказала:

— Извините, но доктор Меткалф сегодня не сможет вас принять.

Гидеон остался стоять.

— Но мне нужно его увидеть. Пожалуйста.

Женщина повернулась и впервые внимательно посмотрела на него.

— Цель вашего визита?

— Я хочу получить результаты... МРТ, которую я сделал на днях. Я хотел позвонить, но вы же не сообщили бы мне их по телефону.

— Верно, — хмыкнула она. — Мы не сообщаем результаты обследований по телефону — и не имеет значения, какие они положительные или отрицательные. И это совсем не означает, что есть чего опасаться, — она взглянула на экран компьютера. — Вижу, вы пропустили встречу... Мы могли бы записать вас на завтрашнее утро, вас устроит?

— Пожалуйста, мне *очень* нужно увидеть доктора прямо сейчас.

Она бросила на него сочувствующий взгляд.

— Позвольте, я посмотрю, вдруг он сможет вас принять, — женщина встала и скрылась во внутренних офисах. Через минуту она вернулась. — Пройдите в эту дверь, сначала направо, затем налево. Второй приемный кабинет.

Гидеон последовал инструкциям и вошел в комнату. Появилась медсестра с планшетом и пожеланием доброго утра, усадила его на смотровой стол и проверила его давление и пульс. Через несколько минут в дверях появилась внушительная фигура мужчины в белом халате. Гидеон вскочил со своего места. Медсестра засуетилась, передала доктору планшет и исчезла.

Врач подошел к пациенту. На его любезном лице маячила сдержанная улыбка, а ореол его кудрявых волос подсвечивался сзади ярким утренним солнцем, лучи которого струились во окно — при таком освещении он удивительно походил на большого веселого ангела.

— Доброе утро, Гидеон, — обратился он, и они обменялись коротким рукопожатием. — Присаживайтесь.

Гидеон послушно сел. Доктор остался стоять.

— У меня есть результаты МРТ головного мозга, которую мы сделали семь дней назад.

По тону голоса невролога Гидеон сразу понял, что этот мужчина собирается сказать. Он почувствовал, как им овладевает инстинкт «бей или беги»: его сердце ускорило темп, кровь закипела, по мышцам начали пробегать спазмы. Он изо всех сил пытался успокоить свое тело и разум.

Доктор Меткалф замолчал и присел на угол стола.

— Результаты обследования показывают увеличение кровеносных сосудов головного мозга, которое мы называем АВМ, или артериовенозной мальформацией...

Гидеон резко вскочил.

— Понятно. Это все, что мне нужно было знать. Спасибо.

Он направился к двери, но врач ухватил его за руку и остановил.

— Я так понимаю, что я для вас послужил взглядом со стороны, и вы уже знали об этом диагнозе?

— Да, — подтвердил Гидеон. Его самым большим желанием было убраться отсюда.

— Понятно. Однако я считаю, что вы все же могли бы выслушать мое мнение.

Гидеон остался стоять. Усилием воли он обуздал свой импульс к бегству.

— Просто скажите все как есть. Не приукрашивайте. И избавьте меня от выражения сочувствия.

— Договорились. Ваша АВМ затронула большую церебральную вену Галена, и к тому же она одновременно является врожденной и неоперабельной. С возрастом этот тип мальформации имеет тенденцию к разрастанию, и у вас *уже* есть признаки того, что она растет. Эта аномальная — прямая связь между артерией высокого давления и веной низкого давления — вызывает постоянное расширение вены и увеличение АВМ в целом. Кроме того часть АВМ спровоцировала деформацию отточной вены, что, в свою очередь, вызывает ухудшение кровотока и приводит к еще большему расширению вены.

Доктор замолчал.

— Мое описание слишком сложно из-за технических терминов?

— Нет, — прохрипел Гидеон.

В некотором смысле, техническая терминология помогла справиться с овладевшим им ужасом. Тем не менее, сам факт, что все это происходит в его мозгу, заставлял все его нутро сжиматься.

— Прогноз не очень хороший. Я бы сказал, что у вас есть от полугода до двух лет жизни. Причем, наиболее вероятно, что смерть наступит примерно через год или даже чуть раньше. С другой стороны, анналы истории медицины окроплены чудесами. Никто не может точно сказать, что принесет нам будущее.

— Но есть ли шанс прожить, скажем, пять лет?

— Весьма призрачный. Но не совсем невероятный, — доктор замешкался. — У нас есть способ узнать больше.

— Я не уверен, что хочу знать больше.

— Вас можно понять. Но есть процедура, известная как церебральная ангиография, которая расскажет нам гораздо больше о вашей ситуации. Мы введем гибкий катетер в бедренную артерию в области паха или вставим его в сонную артерию в шее. Там мы выпустим краситель или контрастный агент. По мере его распространения по мозгу мы сделаем серию рентгенограмм. Это позволит нам получить подробное изображение АВМ. К тому же это более точно скажет нам, сколько времени у вас осталось... и, возможно, подскажет нам, как мы сможем повлиять на ее состояние.

— Повлиять на нее? В смысле?

— Через операцию. Мы не сможем удалить саму АВМ, но есть и другие хирургические варианты воздействия. Если так можно выразиться, мы «подкорректируем» ее края.

— Что это даст?

— Возможность продлить жизнь.

— Насколько?

— Это зависит от того, как быстро вена будет расти. Несколько месяцев, возможно, год.

Эти слова врача привели к долгому молчанию.

— Эти процедуры, — наконец заговорил Гидеон. — Насколько они опасны?

— К сожалению, в значительной мере. Особенно неврологические. Подобные операции имеют смертность от десяти до пятнадцати процентов и дополнительный сорокапроцентный риск повреждения мозга.

Гидеон посмотрел доктору в глаза.

— Пошли бы вы на подобные риски в моем положении?

— Нет, — без колебаний ответил доктор. — Я бы не хотел жить, если бы мой мозг был поврежден. Я не игрок, и шанс пятьдесят на пятьдесят меня не привлекает.

Невролог встретился взглядом с Гидеоном, его большие карие глаза выражали сострадание. Гидеон понял, что рядом с ним находился мудрец — один из немногих, которых он встретил за свою короткую и относительно несчастную жизнь.

— Я не думаю, что есть необходимость в ангиографии, — сказал Гидеон.

— Понимаю.

— Должен ли я что-то делать? Как-то... менять свою жизнь... в связи с этим?

— Ничего. Вы можете жить нормальной, полноценной жизнью. Конец — когда он придет — вероятно, наступит внезапно, — доктор замолчал. — Это не совсем медицинский совет. Но если бы я был вами, я бы делал то, что действительно важно для меня. Если это связано с оказанием помощи другим, тем лучше.

— Спасибо.

Доктор сжал его плечо и тихо произнес:

— Единственное различие между вами и остальными людьми состоит в том, что — хотя жизнь коротка для всех — для вас она намного короче.

Гидеон свернул с улицы Северной Гваделупы, проехав пригородную дорогу, ведущую через Древние Испанские ворота, и выехал к ухоженной белой гравийной подъездной дорожке национального кладбища Санта-Фе. Около десятка автомобилей были припаркованы перед административным зданием, и он свернул к ним, после чего вышел из машины и огляделся. Стояло теплое летнее утро, горы Сангре-де-Кристо темнели на фоне фарфорового неба. Ровные ряды небольших светлых надгробных плит выстроились перед ним, выбегая из тени к яркому свету.

Он шел на восток, гравий хрустел под его ботинками. Это была старая часть кладбища, изначально отведенная для солдат Союза, погибших при Глориетта-Пасс. Вскоре сквозь сосны и кедры он увидел в отдалении более новую секцию кладбища, занимавшую низкие склоны соседнего холма, где пустыня недавно была покрыта дерном и превращена в зеленую лужайку. Пройдя по склону, он заметил небольшую группу людей, собиравшихся вокруг открытой могилы.

Гидеон смотрел на ровно уложенные полотна с белыми крестами и звездами Давида. «Не за горами то время, когда и я окажусь в таком месте, и люди соберутся уже вокруг моей могилы». Эта неожиданная и неприятная мысль повлекла за собой и другую — более пугающую: «А найдутся ли те, кто придет оплакать меня?»

Он постарался отвлечься от этих размышлений и направился вверх по холму, к группе скорбящих.

Детали участия Саймона Блейна в террористическом заговоре сохранили от газетчиков в тайне. И все равно Гидеон ожидал увидеть на его похоронах гораздо более плотную толпу — так или иначе, Блейн ведь был довольно известным писателем-романистом. Но когда Гидеон пробрался сквозь молчаливые ряды могильных плит, он осознал, что вокруг открытой могилы собралось всего около двух десятков человек. Приблизившись, он расслышал голос священника, читавшего более устаревший епископский вариант заупокойной:

*«Даруй покой, о, Христос, рабу Твоему со Святыми Твоими
Где нет более печали и боли,
Нет ничего, кроме жизни вечной».*

Гидеон двинулся вперед, выйдя из тени деревьев на яркий солнечный свет. Он обыскал взглядом толпу и нашел Алиду. Она была одета в простое черное платье, шляпку с черной вуалью и длинные перчатки до локтя. Гидеон занял самое незаметное место в задней части толпы и незаметно изучил Алиду. Вуаль была приколот к ее шляпке и мешала как следует рассмотреть выражение ее лица. Тем не менее, Гидеон смог отметить, что, несмотря на то, что, когда она смотрела на гроб, ее глаза были сухими, в целом ее лицо выглядело опустошенным и излучало скорбь. Он не мог перестать смотреть на нее. Внезапно она подняла глаза и встретилась с ним взглядом, заострив на нем внимание всего на одну страшную секунду. Затем она снова опустила взгляд на могилу.

Что это был за взгляд? Он попытался проанализировать его. Было ли в нем чувство?

Нет, все произошло слишком быстро, и теперь она решительно отказывалась снова поднять голову.

«В руки твои, милосердный Спаситель, мы предаем раба Твоего Саймона...»

На следующей неделе после происшествия в Форт-Детрике Гидеон неоднократно пытался связаться с Алидой. Он хотел — ему было жизненно необходимо — объяснить ей все, рассказать, как он отчаянно сожалеет, сказать, как ужасно себя чувствует из-за обмана, выразить свои соболезнования в связи с тем, что произошло с ее отцом. Он должен был заставить ее понять, что у него просто не было выбора. То, что ее отец сделал это с собой — это то, что она, в конце концов, должна была осознать и принять.

Но каждый раз, когда он пытался дозвониться до нее, она бросала трубку. Во время последней попытки позвонить он понял, что она занесла его номер в черный список.

Затем он попытался подкараулить ее у ворот дома ее отца, надеясь, что, увидев его, она остановится и даст ему достаточно времени, чтобы он смог объясниться...

...Но она проехала мимо. Дважды. Ни разу не оглянувшись. Поэтому он решил пойти на похороны, приготовившись стерпеть любое унижение, чтобы только увидеть ее, поговорить и объясниться. Разумеется, он не питал призрачных надежд на то, что их отношения продолжатся, но он, по крайней мере, хотел поговорить с ней в последний раз. Потому что одна мысль о том, чтобы оставить все, как есть — саднящей и незаживающей душевной раной, преисполненной горечи и ненависти — уничтожала его, и он не мог этого вынести. А ведь у него было так мало времени — теперь он знал это наверняка.

Снова и снова он проигрывал в голове то время, что они провели вместе: их побег на лошади, первоначальная ярость Алиды, направленная на него, медленное превращение ее чувств во что-то другое, кульминация и любовь — это была его первая настоящая любовь, возвращенная на невероятной щедрости ее сердца и духа.

«В разгар жизни мы умираем.

От кого можем мы снискать помощи,

Как не от Тебя, Господи,

Который справедливо воздаст нам за наши грехи?»

Гидеон начал ощущать себя вором-взломщиком, ворвавшимся в очень личное и приватное таинство. Он отвернулся и зашагал обратно по склону холма, минуя могилу за могилой, пока не достиг старой части кладбища. Там, в прохладной тени кипарисового дерева, он остался ждать на белой гравийной дорожке, по которой Алиде предстояло пройти к своей машине.

«Жизнь коротка. Но даже если все правда, и у тебя есть всего год, давай сделаем этот год счастливым. Вместе. Ты и я. Ты хочешь этого? За этот год мы будем любить друг друга так, как люди не любят и за всю жизнь».

Это были ее слова. Он понял, что образ Алиды — обнаженной, застывшей в дверях своего дома на ранчо, прекрасной, как девы Боттичелли — в тот день, когда он оставил ее, чтобы разрушить жизнь ее отца, преследовал его.

...Почему ему так важно поговорить с ней? Неужели потому, что он все еще надеялся на то, на что надеяться не имел никакого права? Неужели рассчитывал, что она при ее сердечности и великодушии сумеет простить его? Или же часть его все же догадывалась, что это невозможно? Быть может, ему просто необходимо объясниться с нею ради своего

душевного спокойствия, потому что, пусть он уже и не мог надеяться на любовь Алиды, но он, по крайней мере, мог надеяться на ее понимание.

Он наблюдал за церемонией издали. Легкий ветерок время от времени доносил до него голос священника. Гроб опустили. И все закончилось. Плотная сбитая группа, собравшаяся вокруг могилы, поредела и начала быстро рассеиваться.

Он ждал в тени, наблюдая за тем, как люди цепочкой медленно спускаются по склону. Гидеон пристально глядел на Алиду, стоявшую в одиночестве. Затем те, кто остался, стали приносить ей свои соболезнования. Одна из женщин обняла ее и взяла за руку. Все это длилось очень долго. Сначала от могилы отошли работники кладбища. За ними потянулась группа немолодых женщин, оживленно, но тихо что-то обсуждавших между собой. Далее шли несколько молодых людей и семейных пар, следом шествовал священник и несколько его помощников. Он одарил Гидеона выработанной годами улыбкой, когда проходил мимо.

Алида шла последней. Гидеон предполагал, что ее будут сопровождать, но она предпочла отделиться ото всех и брела в одиночестве. Девушка приблизилась к нему, ее плечи были опущены под грузом утраты, однако она все еще выглядела гордо — ее лицо, скрытое вуалью, было устремлено вдаль, пока она медленно прокладывала себе путь среди могил. Казалось, она не видела его. Когда она подошла ближе, Гидеон ощутил странную пустоту внутри. Теперь она была почти совсем рядом с ним. Он не был уверен в том, что следует сделать — заговорить, просто шагнуть к ней или протянуть руку. И, когда она приблизилась, он уже раскрыл рот, чтобы заговорить, но из горла не вырвалось ни звука. Он смотрел — безмолвный — как она шла мимо, двигаясь все так же медленно, ее глаза неизменно смотрели прямо перед собой, почти не мигая. Она ничем не выдала, что вообще заметила его присутствие здесь.

Гидеон провожал Алиду глазами, пока она продолжала идти по гравийной дорожке. Теперь она была обращена к нему спиной, даже не думая оборачиваться. От нее веяло ледяным холодом. Гидеон продолжил наблюдать за ее уменьшавшейся темной фигурой еще несколько минут, пока девушка не превратилась в точку. Он ждал, пока она не уедет, затем, пока не уедут все машины, и даже после этого он еще долго стоял, не сходя с места. Наконец, глубоко и прерывисто вздохнув, Гидеон зашагал по узкой дорожке мимо могильных плит в сторону своей машины.

Гидеон попросил таксиста высадить его в парке Вашингтон-Сквер. Ему захотелось пройти последнюю милю до офиса ЭИР по 12-й улице Литтл-Уэст пешком, чтобы успеть немного насладиться летним днем.

С тех мрачных событий миновало три недели. Сразу после похорон Саймона Блейна Гидеон укрылся в своей хижине в горах Хемес, отключил сотовый, стационарный телефон и все компьютеры, а после провел три недели, занимаясь исключительно рыбалкой. На пятый день он, наконец, поймал ту коварную старую рыжую форель, намереваясь ее отпустить. О, что это была за великолепная рыба! Толстая, блестящая, с глубокой оранжево-красной окраской под жабрами. Без сомнения, это была настолько благородная рыба, что она явно заслуживала освобождения. Но, как ни странно, он этого не сделал. Вместо этого он отнес ее в хижину, очистил ее и устроил себе изысканный ужин с *truite amandine*^[59] и бутылкой «Пулиньи Монраше». Он совершенно не чувствовал себя виноватым. И пока он наслаждался этой изысканной едой, случилось нечто странное — он почувствовал себя *счастливым*. Не просто счастливым, но и обретшим покой. Он пребывал в мире с самим собой. Гидеон прислушался к своим чувствам и с удивлением и любопытством отметил, что чувствует уверенность в завтрашнем дне. Уверенность в своем состоянии здоровья и уверенность в том, что он больше никогда не увидит Алиду.

Как ни странно, эта уверенность, казалось, освободила его. Теперь он знал, с чем столкнулся, и знал, чего у него никогда не будет. Это дало ему свободу последовать совету доктора — сосредоточиться на том, чтобы делать то, что действительно имело для него значение. И помогать другим. Освобождение форели было бы хорошим жестом, но он вынужден был признать, что ужин, который она обеспечила ему, был не меньшим удовольствием. Съесть эту рыбу имело для него некое символическое значение.

В разгар жизни мы умираем...

Это была мудрая мысль — истинная и для форели, и для человека.

За эти три недели он сделал целый ряд других мелочей, которые также имели для него значение. Одна из них заключалась в том, чтобы устроить себе бессрочный отпуск по состоянию здоровья из Лос-Аламоса. И когда его маленькие рыбацкие каникулы закончились, и он снова включил телефоны, среди кучи сообщений он обнаружил одно от Эли Глинна. У него было еще одно задание, и если бы Гидеон решился взяться за него, то Глинн гарантировал ему, что оно будет иметь «большое значение». Гидеон уже собирался отказаться, но вдруг остановился. А почему нет? Он ведь был хорош в этом. Если он хотел помогать другим, возможно, это был его шанс.

Даже его злость на Глинна за то, что тот бросил его, в эту минуту уменьшилась. Гидеон начал понимать, в чем состоит метод работы Глинна — хотя это и было трудно принять в разгар сражения — оказался удивительно эффективен. В том случае он отказался помогать Гидеону, потому что понимал, что в одиночку Гидеон имеет более высокие шансы на успех.

И вот, он вернулся в Нью-Йорк, готовый начать новую главу своей короткой жизни. Он сделал глубокий вдох и огляделся вокруг. Стоял прекрасный выходной день, и парк был наполнен людьми. Он на миг замер, очарованный этой суетой — Доминиканские барабанщики, чьи ритмы наполняли воздух, группа неуклюжих детей в шлемах и

наколенниках, катавшихся на роликах, их матери, беспокойно окрикивающие их, пара мужчин в дорогих костюмах с сигарами, старый хиппи, играющий на гитаре и собирающий монеты, мим, подражающий прохожим, фокусник с картами, полицейские, полуспящие в патрульных машинах...

Парк содержал в себе целую вертикаль представителей человечества во всей ее сложности, многообразии и великолепии. Однако теперь здесь особенно выделялись богатство и радость. Нью-Йорк сильно изменился с тех пор, как Гидеон был здесь в последний раз, когда его такси увел пьяный бизнесмен.

Страх террористической атаки, до этого опустошивший город, теперь улетучился, и вернувшиеся люди, казалось, изменились. Они стали более терпимы, сдержаны... и более счастливы. По крайней мере, так казалось.

Город изменился. И он — тоже. «Нам всем нужно иногда напоминать, что по-настоящему важно в этой жизни», — подумал Гидеон. — «Этим людям напомнили. Как и мне».

Все было кончено, страна вернулась к своей прежней жизни. Его собственные проблемы были решены — видеозаписи из USAMRIID, ноутбук Блейна и Дарт, сознавший: во всем, лежа на своей больничной койке, помогли восстановить его доброе имя. Новака арестовали вместе с другими заговорщиками из Лос-Аламоса, а в рядах службы безопасности провели существенную чистку. Подстава была изобличена, Чолкера теперь воспринимали как невинную жертву заговора. Глинн вмешался и помог устроить все так, чтобы истинная драматическая роль Гидеона осталась в секрете, и для него это было критически важно. Если бы он прославился, это бы полностью разрушило его и без того короткую жизнь — слава героя была ему ни к чему, как и его портреты в каждой замшелой газетенке. Это был бы кошмар.

Что до Алиды... она была потеряна для него навсегда. Она забрала с собой часть его сердца, и Гидеон силился как можно меньше думать об этом. С этим все равно ничего нельзя было поделать.

Он прошелся вокруг фонтана и остановился перед Доминиканскими барабанщиками — на лицах их играли улыбки, глаза блестели. Их руки отбивали странные синкопические ритмы, создававшие совершенно неповторимый рисунок. Чем-то этот ритм напоминал сбивчивую работу человеческого сердца. Все люди хоть раз в жизни испытывали это чувство, когда сердце бьется не ритмично, а дико и бешено...

Слушая музыку, Гидеон чувствовал мир. Настоящий мир. Это было удивительное чувство, которого он, казалось, никогда не испытывал. Неужели большинство людей этого не ощущает? Он не знал этого, но чувствовал, что раньше ему этого не хватало. АВМ и хороший доктор преподнесли ему этот подарок — наконец-то, после стольких лет беспокойства, страха, тоски, печали и ненависти. Это была огромная, даже необъяснимая ирония. Его болезнь должна была убить его, но сначала она его освободила.

Гидеон взглянул на часы. Он опаздывал, но его это не волновало. Сейчас для него было важно послушать эту удивительную ударную партию. Он слушал ее почти час, а затем — с чувством покоя в сердце — направился вниз по Уэйверли-Плейс в сторону Гринвич-Авеню, к старому району Митпэкинг.

ЭИР, как всегда, казался пустым. Его пропустили внутрь без каких-либо вопросов. Никто не вышел к нему, чтобы встретить и сопроводить через запутанные лабораторные помещения до лифта. Он прошел этот путь сам. Лифт поднялся наверх, и его двери

открылись. Гидеон прошел по коридору в сторону конференц-зала. Дверь была закрыта, здесь стояла замогильная тишина. Он постучал и услышал короткий ответ Глинна:

— Входите.

Гидеон открыл дверь и попал в комнату, полную людей, которые внезапно разразились аплодисментами при виде него. Глинн находился в первом ряду. Он подался вперед, протянул свою иссохшую руку и поцеловал Гидеона в обе щеки, как принято в Европе. Гарза последовал за ним, одарив Гидеона крепким рукопожатием и громовым ударом по спине. За ним к Гидеону потянулись и остальные. Казалось, здесь было человек сто — молодые, старые, мужчины, женщины, представители всех возможных рас, в лабораторных халатах, национальных костюмах (даже в кимоно и сари), а также несколько сотрудников ЭИР. Со всех сторон он ловил обращенные в его адрес благодарные взгляды. Каждый из присутствующих стремился поздравить его и пожать ему руку. Все это действие создало подавляющий и непреодолимый поток энтузиазма и сердечности.

А затем наступила тишина. Гидеон понял, что от него ждали речи, но он стоял не в силах вымолвить ни слова, совершенно ошеломленный. С трудом прочистив горло, он сказал:

— Спасибо... Но... эм... кто вы все такие, ребята?

Его слова были встречены взрывом смеха.

— Гидеон, все это — люди ЭИР, которых ты никогда не встречал. Большинство из них работает за кулисами в наших небольших операциях. Ты можешь не знать их, но они — знают тебя. И все они захотели прийти сюда, чтобы сказать тебе спасибо.

За этим последовал новый взрыв аплодисментов.

— Мы не можем ничего сказать или сделать, как не можем и ничего тебе дать, чтобы это позволило выразить нашу благодарность за то, что ты сделал. Поэтому я решил даже не пытаться.

Гидеон был тронут. Они хотели бы услышать от него больше. Но что он мог сказать? Ему внезапно пришло в голову, что он всегда был так хорош во лжи, фальши и притворстве, что почти забыл, каково это быть искренним.

— Я просто рад, что сумел сделать что-то хорошее для этого безумного мира, — он снова прочистил горло. — Но я не смог бы сделать этого без моего партнера Стоуна Фордуса. Он погиб во время этой операции. Он герой, отдавший свою жизнь во имя спасения мира. А все, что отдал я — это всего лишь пара зубов.

Теперь прозвучали более сдержанные аплодисменты.

— Я тоже хочу поблагодарить всех вас. Я пока не знаю, что вы делаете или уже сделали, но мне приятно видеть ваши лица. Я так много раз чувствовал себя одиноким. Но, я так понимаю, скрытность — это часть вашей работы и вашей системы. Видя вас всех здесь, я, пожалуй, наконец, понимаю, что никогда не был одинок. Наверное, ЭИР — это мой дом. И даже моя семья.

Кивки, бормотание, слова одобрения...

Затем вновь настала тишина, которую нарушил Глинн:

— Как прошел отпуск?

— Я съел форель.

И снова — смех и аплодисменты. Гидеон успокоил всех, подняв руку.

— За последние несколько дней я кое-что понял. *Это* — и есть то, что я должен делать. Я хочу продолжать работать с вами, с ЭИР. Думаю, здесь я действительно смогу принести

людям нечто хорошее. Наконец-то... — он сделал паузу и огляделся. — К тому же, у меня в жизни больше ничего не осталось, черт возьми. Только вы. Знаю, это печально, но так уж есть.

Теперь аплодисментов не прозвучало, в комнате повисло молчание. Через мгновение на лице Глинна появилась слабая улыбка. Он оглядел комнату.

— Спасибо всем за ваше время, — сказал он.

После этого тактичного намека комната опустела. Глинн подождал, пока в ней останется только он сам, Гидеон и Гарза. Затем он жестом пригласил Гидеона за стол.

— Вы уверены в этом, Гидеон? — тихо спросил он. — В конце концов, вы пережили тяжелое испытание. Не только физическое, но и эмоциональное.

Гидеон уже давно перестал удивляться способности Глинна видеть его насквозь.

— Я ни в чем в своей жизни не был уверен больше, — ответил он.

Глинн на мгновение задержал на нем взгляд — долгий, испытующий взгляд. А затем кивнул.

— Отлично. Рад слышать, что вы остаетесь с нами. В Нью-Йорке нынче происходит много интересного. К слову сказать, на следующей неделе в Библиотеке Моргана пройдет специальная выставка — выставка Келлской Книги, которую любезно предоставляет нам ирландское правительство. Вы, конечно же, слышали о ней?

— Конечно.

— Значит, вы сходите со мной на эту выставку? — спросил Глинн. — Я, знаете ли, великий любитель священных рукописей. Каждый день они будут переворачивать страницу. Это очень захватывающе.

Гидеон замялся.

— Ну... священные манускрипты не входят в сферу моих интересов.

— О, ну я все равно надеюсь, что вы составите мне компанию на эту выставку, — упорствовал Глинн. — Вам понравится Келлская книга. Мало того, что она — самое большое национальное сокровище Ирландии, так она еще и лучшая священная рукопись. Такое случается лишь однажды. Эта выставка будет здесь всего неделю. Стыдно пропустить такое. Мы поедем туда в понедельник утром.

Гидеон засмеялся.

— Честно говоря, мне совершенно безразлична чертова Келлская книга.

— А зря.

Услышав интонацию Глинна, Гидеон посерьезнел.

— Почему?

— Потому что ваше следующее задание — украсть ее.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Об авторах.

Триллеры Дугласа Престона и Линкольна Чайлда «на голову выше произведений их соперников», пишет издательство Weekly. Соавторы знаменитой серии «Пендергаст» с их книгами «Реликт», «Реликварий» и «Кабинет Диковин» были выбраны читателями по результатам опроса Национального Общественного радио в качестве одних из 100 величайших триллеров, когда-либо написанных. Фильм «Реликт» также занял первое место в хит-параде фильмов. Авторы также выпустили из-под своего пера триллеры «Наваждение», «Холодная Месть» и «Меч Гидеона». Знаменитая книга Престона «Флорентийский Монстр» также готовится к экранизации с участием Джорджа Клуни. Интересы автора охватывают конный спорт, подводное плавание, катание на лыжах, альпинизм и изучение побережья штата Мэн на лодке. Линкольн Чайлд — бывший редактор, опубликовавший четыре сольных романа, в том числе и величайший бестселлер «Из Глубины». Он увлечен мотоциклами, спортивными автомобилями, экзотическими птицами и английской литературой XIX века. Авторы с теплотой относятся к тому, чтобы поклонники их творчества писали им на электронную почту. Вы также можете посетить их сайт www.prestonchild.com

---

notes

Саннисайд — от англ. «Sunmyside» — «Солнышко».

NEST (Nuclear Emergency Support Team) — служба, работающая на местах чрезвычайных радиологических аварий, ядерных террористических угроз и занимающаяся их ликвидацией.

Операция «Перекрестки» — вторая серия тестов атомной бомбы, проведенная США на атолле Бикини летом 1946 года. Операция следовала за Тринити и предшествовала операции Sandstone. Целью было испытать эффект атомного оружия на кораблях. Серия состояла из двух взрывов, каждый мощностью 23 килотонны.

Объект «Эйбл» был взорван на высоте 520 футов (158 м) 1 июля 1946 года.

The United States Army Intelligence and Security Command (INSCOM)— командование разведки и безопасности армии США. Подразделение прямой отчетности, занимающееся разведкой, безопасностью и сбором информации для командиров армии США и национальных лиц высокого ранга. Штаб-квартира INSCOM находится в Фор-Бельвуаре штат Вирджиния.

Джон Стюарт Карри (1897–1946) — художник, который жил в цирке. Он путешествовал вместе с цирком «Ринглинг Бразерз, Барнум и Бейли» с апреля по середину июня 1932 года и написал множество картин, изображающих цирковых животных, артистов и их семьи, среди которых были сестры Рейффенах, Крошки Рут, а также легендарный дрессировщик Клайд Битти.

Бубинга (Bubinga, Guibourtia) — дерево родом из экваториальной Африки, достигающее в высоту 50 метров и до 2-х метров в диаметре. Твердая и плотная древесина бубинга имеет ясно различимые годовичные кольца и обычно обладает красивой текстурой вследствие частой смены направления роста волокон и других девиаций роста.

Уран-235, историческое название **актиноуран** — радиоактивный нуклид химического элемента урана с атомным номером 92 и массовым числом 235. Изотопная распространенность урана-235 в природе составляет 0,7200(51)%. Является родоначальником радиоактивного семейства, называемого рядом актиния. Открыт в 1935 году Артуром Демпстером. Уран с высокой степенью обогащения применяется для создания ядерного оружия. В этом случае для высвобождения большого количества энергии (взрыва) используется неуправляемая цепная ядерная реакция. Для того чтобы создать урановую бомбу необходимо около 15-20 кг оружейного урана.

Грей (Гр) — единица измерения поглощенной дозы ионизирующего излучения в Международной системе единиц (СИ). Поглощенная доза равна одному грею, если вещество получило один джоуль поглощенной энергии ионизирующего излучения на один килограмм массы. **80 Гр** — летальная доза, смерть наступает через несколько часов или дней от повреждения центральной нервной системы и внутренних кровотечений.

Рад — устаревшая внесистемная единица измерения поглощенной дозы ионизирующего излучения, определяемая в единицах СГС как доза, соответствующая 100 эрг энергии, поглощаемой одним граммом вещества. Рад был заменен единицей «грей».

Администрации по национальной ядерной безопасности — полуавтономное подразделение Министерства энергетики США. Основная часть тестов и прочих технических мероприятий, связанных с радиацией, проводится в специальной лаборатории в Лос-Аламосе, на объекте «Y-12» в Теннесси и на полигоне в Неваде.

Томас де Торквемада (исп. Tomas de Torquemada, или **Торкемада**; 1420 — 16 сентября 1498) — духовник испанской королевы Изабеллы, первый великий инквизитор Испании. Отличался особой жестокостью. Был инициатором преследования мавров и евреев в Испании.

Калтех (Калифорнийский технологический институт) — частный исследовательский университет, расположенный в городе Пасадина в штате Калифорния, один из ведущих университетов в США, и один из двух самых важных, наряду с Массачусетским технологическим институтом, специализирующихся в точных науках и инженерии. Калтеху также принадлежит лаборатория реактивного движения, которая запускает большую часть автоматических космических аппаратов НАСА.

Программа управления ядерным арсеналом в США — программа проверки тактико-технических характеристик и надежности ядерных боевых частей ракет и их технического обслуживания. Ядерное оружие в США не производится с 1992 года, что значительно ускоряет устаревание ядерного арсенала. Это представляет определенную опасность, прежде всего в плане химической нестабильности материалов, используемых в зарядах. Кроме того, существует возможность выхода из строя электроники, неустойчивости плутониевого/уранового сердечника, а также изотопов дейтерия и трития (в термоядерных зарядах).

В химии, **нейтронно-активационный анализ (НАА)** — ядерный процесс, используемый для определения концентраций элементов в образце. НАА позволяет дискретным образом определять элементы, так как не учитывает химическую форму образца, и сосредотачивается исключительно на ядрах элементов.

Кластерфак (англ. Clusterfuck) — полный бардак.

88 сура Корана «Аль-Гашийа», Покрывающее. В переводе Эльмира Кулиева.

Лоренс Велк — американский музыкант, аккордеонист, бэнд-лидер, телеимпресарио, который с 1951 по 1982 годы вел собственное популярное телевизионное шоу «The Lawrence Welk Show».

Телониус Сфир Монк — джазовый пианист и композитор, наиболее известен как один из родоначальников бибоба. В своем творчестве придерживался оригинального стиля, был авангардистом и примитивистом.

Артур «Арт» Тэйтум — американский джазовый пианист, композитор. Владелец феноменальной техники, отличительной чертой его стиля «страйд» являлось частое использование гамм и арпеджио, охватывающих всю клавиатуру, а также изменение гармонии в известных стандартах. Принято считать, что его эксперименты предвосхитили гармонический язык исполнителей бибоба.

Джулиус Генри «Граучо» Маркс (1890 — 1977 (18901002)) — американский актер, комик, участник комик-труппы, известной как Братья Маркс.

Керамика Мимбрес — представляет собой чаши с изящными рисунками, имеющими своеобразный стиль, нередко украшенные геометрическими или фигурными рисунками животных, людей и культурных символов, нанесенных черной краской по светлой поверхности. На классической керамике может быть представлено несколько фигур животных, людей и т. д. в окружении геометрических рисунков. Встречаются изображения птиц, например, индеек, поедающих насекомых, или людей, ловящих птиц в саду. Область распространения культуры Мимбрес включала долину Мимбрес, верховья реки Хила и части верховий реки Сан-Франциско на юго-западе штата Нью-Мексико и юго-востоке Аризоны.

Игра слов. «**MD**» сокращенное от латинского «*Medicinæ Doctor*», что значит «Доктор медицины». «**Miracle Daughter**» в переводе с английского значит «Чудо-дочь».

«**Ветвь Давидова**» — религиозная тоталитарная деструктивная секта, возникшая в 1955 году после раскола, произошедшего внутри церкви Адвентистов седьмого дня. «Ветвь Давидова» стала широко известной после трагической осады ее ячейки на горе Кармел в г. Уэйко, штат Техас, США.

Осада в Уэйко (Осада «Маунт Кармел») — осада принадлежавшего членам религиозной секты «Ветвь Давидова» ранчо в 14 км от города Уэйко в Техасе силами Федерального бюро расследований и Национальной гвардии США, длившаяся с 28 февраля по 19 апреля 1993 года. Во время событий погибло 82 члена секты, в том числе более 20 детей, а также 4 агента Бюро АТФ.

Стимпанк или **паропанк** — направление научной фантастики, включающее технологию и декоративно-прикладное искусство, вдохновленное паровой энергией XIX века.

Чарльз Миллз Мэнсон — американский преступник, создатель и руководитель секты «Семья», члены которой, по его приказу, в 1969 году совершили ряд жестоких убийств, среди которых убийство жены кинорежиссера Романа Полански актрисы Шэрон Тейт, находившейся на девятом месяце беременности. Был осужден на девять пожизненных сроков.

Луддиты — участники стихийных протестов первой четверти XIX века против внедрения машин в ходе промышленной революции в Англии. С точки зрения луддитов, машины вытесняли из производства людей, что приводило к технологической безработице. Часто протест выражался в погромах и разрушении машин и оборудования.

Шахада (араб. букв. «свидетельство») — свидетельство о вере в Единого Бога (Аллаха) и посланническую миссию пророка Мухаммеда. Шахада может также означать мученическую смерть за веру, а также свидетельское показание, даваемое в удостоверение какого-либо факта. Шахада считается первым и важнейшим положением исламского символа веры. Она содержит два первых исламских догмата о Единственности Аллаха и пророчестве Мухаммеда. Шахада возникла как молитвенный и различительный возглас, которым первые мусульмане отличались от язычников-многобожников и других иноверцев. Во время битв шахада служила боевым кличем, что послужило появлению понятия шахид (мученик). Первоначально шахидами называли воинов, павших в войне против врагов ислама с шахадой на устах. Шахада произносится мусульманами во многих случаях жизни. Как составная часть она входит практически во все исламские молитвы.

Горацио Эджер-младший — американский писатель, поэт, журналист и священник, считающийся одним из самых плодовитых американских литераторов XIX века. Полное собрание его сочинений составляет порядка ста томов.

«Шарпер Имидж» — сеть магазинов, специализирующихся на торговле необычными, в том числе дорогими предметами серийного производства (персональные охлаждающие устройства, массажные кресла, аудио- и видеотехника, инструменты и т.п.), выпускаемых в том числе под собственной торговой маркой. Основана в 1977.

«Лишились веры лучшие из нас, у худших же прибавилось лишь силы...» — У. Б. Йейтс «Второе Пришествие», в переводе Г. Кружкова.

Эллипс (The Ellipse), официальное название — Южный президентский парк (Park South) — парк, расположенный к югу от ограды Белого дома. Своё неофициальное название парк получил из-за своей территории эллипсовидной формы, которая ограничена по контуру дорогой Эллипс-роуд. Общая площадь парка Эллипс составляет 52 акра (210 тысяч квадратных метров).

KIAS (англ. Knots Indicated Air Speed) — приборная воздушная скорость в узлах.

Rognons de veau — телячы почки (фр.)

Pan American World Airways или **Pan Am** — одна из крупнейших авиакомпаний в истории США. Была основана в 1927 году. Прекратила существование в декабре 1991 года.

Национальный совет по безопасности на транспорте (англ. National Transportation Safety Board, NTSB) является независимым американским агентством, расследующим происшествия на транспорте. NTSB расследует и документирует все аварии в гражданской авиации, определенные виды автомобильных аварий, аварии на морском, железнодорожном и трубопроводном транспорте. NTSB помогает расследовать происшествия военным и иностранным правительствам по их просьбе. NTSB также расследует происшествия связанные с выбросом опасных материалов, если они произошли в ходе транспортировки. Совет располагается в Вашингтоне, имеет девять региональных представительств и центр обучения в Эшберне.

Артериовенозная мальформация (АВМ) — патологическая связь между венами и артериями, обычно врожденная. Эта патология широко известна из-за ее возникновения в центральной нервной системе, но она может сформироваться в любом месте организма, например, между легочным стволом и аортой (открытый артериальный проток).

Desperado — отчаянный (исп).

Эллен Линди Уотсон — была среди основателей штата Вайоминг, в последствии стала известна как **Кейт Кеттл** и сомнительно объявлена вне закона за скотокрадство.

Игра слов. «Cattle» в переводе с английского значит «крупный рогатый скот».

Пиньон или **однохвойная сосна** — многолетнее растение, небольшое дерево семейства сосновых. Название происходит от древнегреческих слов «Μόνος» — «один» и «Φύλλον» — «листок», и указывает на особенность расположения игл на ветвях.

RSA (аббревиатура от фамилий Rivest, Shamir и Adleman) — криптографический алгоритм с открытым ключом, основывающийся на вычислительной сложности задачи факторизации больших целых чисел. Криптосистема RSA стала первой системой, пригодной и для шифрования, и для цифровой подписи. Алгоритм используется в большом числе криптографических приложений.

USGS (United States Geological Survey) — Геологическая служба США.

«**Lusus naturae**» — игра природы, уродство (лат).

Хабеас корпус (лат. *habeas corpus*, буквально «ты должен иметь тело», содержательно — «представь арестованного лично в суд») — это существовавшее издревле, по некоторым данным, еще до Великой хартии вольностей, понятие английского (а с XVII века — и американского) права, которым гарантировалась личная свобода. Любой задержанный человек (или другой человек от его имени) может подать прошение о выдаче постановления хабеас корпус, имеющего силу судебного предписания, которым повелевается доставить задержанного человека (букв. тело, *corpus*) в суд вместе с доказательствами законности задержания. Фактически, этим устанавливается презумпция незаконности задержания. В Великой хартии вольностей статья 39 специально оговаривала неприкосновенность личной свободы.

APB — аббревиатура от «all points bulletin». На полицейском жаргоне — сигнал всем постам о задержании преступника.

Джон Лютер Джонс по прозвищу **Кейси** — легендарный машинист и герой американского фольклора. В городке Воган несмотря на отчаянные попытки Кейси Джонса остановить состав, его паровоз врезался в стоящие на путях контейнеры и сошел с рельсов. Тем не менее, усилия машиниста, не покинувшего паровоз до самого конца, не были напрасными. Его экстренное торможение спасло жизни пассажиров. Единственным погибшим оказался сам Кейси Джонс.

55 градусов по Фаренгейту — примерно 12,7 градусов по шкале Цельсия.

«**Le déjeuner sur l'herbe**» — «Завтрак на траве», картина Эдуарда Мане, 1863г.

«Sayonara» — спокойной ночи (яп.).

«Голубые шоссе Америки» — сеть автомобильных дорог пересекающих США с востока на запад и обозначенная на картах голубым цветом.

DES (англ. **Data Encryption Standard**) — алгоритм для симметричного шифрования, разработанный фирмой IBM и утвержденный правительством США в 1977 году как официальный стандарт.

NPR (National Public Radio) — Национальное Общественное Радио — крупнейшая некоммерческая организация, которая собирает и затем распространяет новости с 797 радиостанций США.

Outré — экстравагантно, эксцентрично (фр.)

Социальная инженерия — метод управления действиями человека без использования технических средств.

Игра слов. Медицинский исследовательский институт инфекционных заболеваний армии США (англ. US Army Medical Research Institute of Infectious Diseases) имеет аббревиатуру «USAMRIID» — **«You-Sam-Rid»** в переводе с английского значит «Ты Сэм Рид».

Куонсетский ангар — сборный модуль из гофрированного железа, хозяйственная постройка.

Truite amandine — форель в миндале (фр.)